

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Е. Ю. Ендольцева

АРХИТЕКТУРНАЯ ПЛАСТИКА АБХАЗИИ

В ПЕРИОД АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА
(VIII—XI вв.)

МОСКВА
ИВ РАН
2020

ББК 85.103(5Абх)4
Е 62

Ответственный редактор
к.и.н. А. Ю. Скаков

Рецензенты
к.и.н. А. Ю. Виноградов,
д. искусств. М. А. Неглинская

Утверждено к печати
Редакционно-издательским советом
Института востоковедения РАН

Ендольцева Е. Ю.

Е 62 Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII—XI вв.) / Отв. ред. А. Ю. Скаков; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – 432 с.

ISBN 978-5-89282-978-6

Эта книга – плод более чем десятилетних исследований памятников средневековой пластики на территории Абхазии. За это время были обнаружены и атрибутированы некоторые новые рельефные изображения, пересмотрены датировки нескольких крупных лапидарных коллекций (рельефы из церкви св. Феодора на горе Анакопия и вокруг собора в селе Агу-Бедиа, из церкви в Мрамбе и др.). Определены и прослежены некоторые тенденции в развитии архитектурной пластики Абхазии периода Абхазского царства. Благодаря выявленным аналогиям абхазские средневековые рельефы с христианской тематикой поставлены в общекультурный контекст (Византийская империя, Закавказье, романское искусство Западной Европы).

Книга представляет интерес для специалистов и любителей средневековых христианских древностей на Кавказе.

ISBN 978-5-89282-978-6
ББК 85.103(5Абх)4

© Ендольцева Е. Ю., 2020
© ФГБУН ИВРАН, 2020

*Посвящается памяти нашего незабвенного друга
и коллеги, интеллектуала, знатока истории Абхазии,
коллекционера, археолога и художника А. С. Азумаа*

Предисловие

Эта книга подводит итог более чем десятилетним исследованиям архитектурной пластики и скульптуры средневековой Абхазии, начавшимся с изучения лапидарной коллекции из цитадели крепости на горе Анакопия. В монографии автор использовала свои статьи и другие тексты, опубликованные в годы счастливого в ее жизни периода, связанного с Абхазией.

Средневековая культура Абхазии, в том числе периода Абхазского царства, исследовалась достаточно интенсивно, особенно в первые два десятилетия XXI века. В настоящий момент ощущается необходимость обобщить весь накопленный по этой теме материал. Попытка решить задачу применительно к архитектуре была предпринята А. Ю. Виноградовым и Д. В. Белецким в их труде, посвященном церковной архитектуре Абхазии в эпоху Абхазского царства¹. Их работа во многом послужила отправной точкой для предлагаемого читателю исследования.

Достичь цели было бы невозможно без дружеского участия абхазских коллег, совместную работу с которыми я вспоминаю с признательностью и самыми добрыми чувствами. Выражаю горячую благодарность за совместный интеллектуальный труд, эмоциональную поддержку, мудрый совет, душевное тепло своей семье, друзьям и коллегам: К. К. Акентьеву, З. Акопян, Т. Г. Алания, А. К. Аликберову, Е. А. Армарчук, Д. В. Ахба, О. Х. Бгажбе,

¹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X вв. М., 2015.

В. В. Бжании (+), Д. В. Белецкому, О. А. Брилевой, А. Ю. Виноградову, Е. А. Виноградовой, Л. П. Головиной, о. Дорофею Дбару, А. И. Джоуа, И. А. Дружининой, Д. Д. Елшину, М. К. Инал-Ипа, И. Фан У, О. Е. Климову, Е. А. Кривец, П. А. Куценкову, Ю. В. Любимову, Л. Микаелян, М. А. Неглинской, В. А. Ньюшкову, Д. Ю. Озеркову, Е. А. Д. Озерковой, С. В. Прожогойной, И. Д. Саблину, С. М. Сакания, Г. А. Сангулия, Вл. В. Седову, А. Ю. Скакову, А. И. Струковой, Л. Г. Хрушковой, В. Н. Чхаидзе, Д. Н. Шило и Г. Д. Шило.

Глава 1

К истории вопроса

Исследования и труды археологов¹

При описании исследовательской литературы о памятниках средневекового искусства на территории Абхазского царства целесообразно руководствоваться принципом разделения на регионы согласно современной географии. Определенно можно выделить три отдельных пласта работ: те, что касаются древностей, расположенных на территории современной Абхазии; труды по археологии Сочинского района Краснодарского края и монографии по памятникам Тао, Кларджети и регионам современной Западной Грузии. Чтобы представить уровень изученности рассматриваемого вопроса, приведем краткие историографические очерки по каждому из этих регионов.

История изучения средневековых древностей Абхазии достаточно богата². Основы научного подхода к этому вопросу были заложены еще в первой половине XIX века учеными-путешественниками³. Ценны их труды тем, что в них качественно зафиксировано тогдашнее состояние впервые описанных памятников⁴. Эру археологического изучения не только

¹ См.: Ендольцева Е. Ю. К вопросу об изучении христианского искусства Абхазского царства // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН. М., 2013. С. 95–106.

² Благодарю за помощь в подготовке этой главы А. С. Агумаа.

³ Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002. С. 13–15.

⁴ Dubois de Monpéroux F. Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. P., 1839 ; Atlas.

Абхазии, но и Закавказья в целом открывают систематические экспедиции П. С. Уваровой, организованные при содействии Московского археологического общества⁵. Благодаря самоотверженному труду этой женщины в научный оборот были введены многие средневековые памятники не только архитектуры, но и каменной пластики Абхазии⁶. В этой работе участвовали также сухумский краевед В. И. Чернявский⁷, академик архитектор А. М. Павлинов⁸, археолог В. И. Сизов⁹, археолог и путешественник С. Саблин¹⁰. К фиксации и первичному анализу форм христианских храмов Абхазии приложил руку и знаменитый архимандрит Леонид (Кавелин)¹¹. Особенно интересно составленное им первое подробное описание древностей города-крепости Анакопии¹². Средневековая храмовая архитектура Абхазии привлекла внимание и Н. П. Кондакова¹³. Тогда же были написаны первые монографии по архитектурным памятникам¹⁴.

Археологическое исследование средневековых древностей Пицунды и Нового Афона было продолжено в первые после-

Neuchatel, 1843. Brosset M. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847–1848. Rapports 4–12. Spb. 1851.

⁵ Уварова П. С. Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшетия, Псховский участок): Путевые заметки. М., 1891.

⁶ Уварова П. С. Христианские памятники Кавказа. М., 1894.

⁷ Чернявский В. И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно // Протоколы Подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1879.

⁸ Павлинов А. М. Путевые заметки (экспедиция на Кавказе 1888) // МАК. 1893. Т. III.

⁹ Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря // МАК. 1889. Вып. 2.

¹⁰ Саблин С. Древний гегуэзский храм в укреплении Дранды // Кавказ, 8. (1846). С. 32.

¹¹ Леонид [Кавелин Л. А.]. Абхазия и ее христианские древности. М., 1887.

¹² Леонид [Кавелин Л. А.]. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1885.

¹³ Кондаков Н. П. Древняя архитектура Грузии. М., 1876 (Труды Московского археологического общества. VI). С. 6.

¹⁴ Ермолаева О. О Бедийском храме. Сухум, 1913.

революционные годы¹⁵. После окончания Великой Отечественной войны благодаря известному абхазскому археологу М. М. Трапшу началось активное изучение этого исторического периода. Именно он в полевой сезон 1957–1958 гг. возглавил работы по крепости Анакопия. Несмотря на то, что основным объектом исследования были оборонительные сооружения, ученый внес серьезный вклад в раскрытие тайн древней истории этого города-крепости, а также открыл и зафиксировал руины нижней церкви¹⁶.

Не менее важную роль в истории изучения средневекового искусства Абхазии сыграл выдающийся искусствовед и археолог Л. А. Шервашидзе. Он ввел в научный оборот отдельные церкви¹⁷, стал автором первого обобщающего труда по мону-

¹⁵ Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года // Труды Т. IV. Сухуми, 1926. С. 3–60.

¹⁶ Трапш М. М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Труды М. М. Трапша. Т. 4. Сухуми, 1975. С. 49–61.

¹⁷ Шервашидзе Л. А. Церковь в с. Акапа (Одиши) около Сухуми // Труды АБИЯЛИ. Сухуми, 1959. Т. XXX. С. 115–120; 7 л. табл.; Шервашидзе Л. А. Исследование средневекового храма Ауахуамаху в с. Октомбери Абхазской АССР // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 в СССР. (Тезисы докладов). Баку, 1965. С. 145–146; Шервашидзе Л. А. Мапаш Охуаме в с. Царче // Тезисы докладов на XVII научной сессии АБИЯЛИ. Сухуми, 1966. С. 11–12; Шервашидзе Л. А. Цкелари (Ацкар) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 39–64; Шервашидзе Л. А. Церковь св. Николая в с. Хуап Гудаутского р-на // Доклады на всесоюзной сессии археологов и этнографов. М., 1968. С. 23–24; Шервашидзе Л. А. Неизвестный храм на горе Амбара Гудаутского района около села Хуап // XVII научная сессия Абхазского института. Тезисы докладов. Сухуми, 1969. С. 19–20; Шервашидзе Л. А. Отапский храм // Тезисы докладов, посвященных итогам археологических исследований 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971. С. 219–220; Шервашидзе Л. А. Резные камни церкви на холме Арасарху близ Цебельды // Известия АБИЯЛИ. Тбилиси, 1975. Т. IV. С. 81–99; Шервашидзе Л. А. Археологические раскопки в крепости Абаанта // ПАИГ в 1976 г. Тбилиси, 1979. С. 43–45; Шервашидзе Л. А. Аилага-Абыху. Средневековый монастырский комплекс в с. Бамбора // IV международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983. С. 8.

ментальной живописи этого региона¹⁸ и предложил варианты атрибуции некоторых скульптурных фрагментов¹⁹.

Тогда же начинается археологическое изучение Моквского собора, продолжается процесс открытия и изучения новых памятников средневековой храмовой архитектуры²⁰, исследования памятников монументальной живописи²¹. Раскопки позднеантичных слоев комплекса Пицундского храма²² стимулировали изучение и его средневековой части²³. Процесс накопления материала по единичным памятникам²⁴ приводит к попыткам систематизации и анализа, которые случились десятилетие спустя. Так, Л. Д. Рчеулишвили публикует обобщающий труд, касающийся средневековых купольных церквей Абхазии²⁵, появляется исследование по скульптуре этого региона²⁶.

Процесс плодотворного изучения средневековых христианских древностей в Абхазии, достигший своего расцвета в 60-е – 80-е годы XX века, был прерван из-за военного грузино-абхазского конфликта (1992–1993 гг.). Он привел

¹⁸ Шервашидзе Л. А. Средневековая монументальная живопись в Абхазии. Тбилиси, 1980.

¹⁹ Шервашидзе Л. А. Столб из села Анухва // Труды Абгосмузея. Вып. IV. Сухуми, 1974. С. 176–185.

²⁰ Кацья А. К. Илори. Сухуми, 1963; Кацья А. К. Памятники архитектуры в долине Цкуара // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 65–90; Пачулия В. П., Кацья А. К. Моквский собор (968–1968). М., 1968.

²¹ Шмерлинг Р. О. К вопросу датировки росписи храма Бедия // САНГ. Т. XVIII, № 4. 1957. С. 503–511.

²² Агрба З. В., Лордкипанидзе Г. А. Раскопки на территории комплекса Пицундского храма // Археологические открытия 1980 года в Абхазии. Тбилиси, 1982. С. 26–31.

²³ Якобсон А. Л. О дате большого храма в Пицунде (Абхазия) // КСИА. 1972. Вып. 132: Археология Кавказа и Средней Азии. С. 38–45.

²⁴ Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Исследования средневековых памятников в Цебельде // АО в Абхазии, 1981–1982 гг. Тбилиси, 1985. С. 27–34.

²⁵ Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура VIII–X вв. в Абхазии. Тбилиси, 1988.

²⁶ Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии: V–X века. Тбилиси, 1980.

к трагическим последствиям: погибли ценнейшие архивные материалы и многие памятники. Работа возобновилась лишь после установления мира. Силами сотрудников АБИГИ и Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия изучаются и вводятся в научный оборот новые объекты²⁷.

Подробнейший анализ деятельности абхазских ученых и реализации совместных русско-абхазских исследовательских проектов за истекшие двадцать лет приводит А. Ю. Скаков в своей статье, посвященной археологии в Абхазии в начале XXI века²⁸. Я же сосредоточусь на тех проектах и исследованиях, которые имеют отношение к изучению христианской архитектуры и пластики Абхазии, особенно объектов,

²⁷ Агумаа А. С., Бжания В. В., Бжания Д. С., Хондзия З. Г., Сакания С. М., Кандаки Д. А. Остатки храма в селе Микельрипш // 50-я итоговая научная сессия (25–27 апреля). Тезисы докладов. Сухум, 2006. С. 23–24; Барцыц Р. М., Агумаа А. С., Археологические исследования в селе Лдзаа // АО 2007 года. М., 2010. С. 560; Барцыц Р. М. Охранные археологические исследования в с. Лдзаа Гагрского района // Вторая Абхазская международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М. М. Трапша. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы конференции. Сухум, 2011. С. 215–217; Бжания В. В., Агумаа А. С., Барцыц Р. М., Бжания Д. С., Бирюков Ю. Д., Кандаки Д. А., Сакания С. М., Хондзия З. Г. Исследования Управления охраны историко-культурного наследия // АО 2006 года. М., 2009. С. 716–721; Сакания С. М. Кячский храм // Тезисы докладов научной сессии АГМ. Сухум, 1988. С. 16–17; Сакания С. М. Храм в с. Пшоухва // 50-я итоговая научная сессия (25–27 апреля). Тезисы докладов. Сухум, 2006. С. 44–45; Сакания С. М. Притвор зальной церкви в с. Джал // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Магас. 26–30 апреля 2010 года. Тезисы докладов. Магас, 2010. С. 317–319.

²⁸ Скаков А. Ю. Археология в Абхазии в начале XXI века: сотрудничество российских и абхазских ученых // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Посвящается 70-летию В. Г. Ардзинбы. Материалы Международной научной конференции. Сухум, 14–17 мая 2015 г. АБИГИ–ИВ РАН, Сухум–Москва, 2016. С. 74–136.

соотносимых с периодом Абхазского царства. В последние два десятилетия абхазские ученые провели дополнительные исследования ряда ранее известных памятников и открыли некоторые новые. Из большого их количества упомянем лишь те, где выявлены образцы архитектурной или фресковой декорации. Среди них храмы в селах Арасадзых²⁹, Пшоухва³⁰, Джал³¹.

Возобновилось археологическое изучение Моквского собора³², собора в Лыхны³³, церкви Симона Кананита в Новом

²⁹ Бжания В. В., Агумаа А. С., Барцыц Р. М., Бжания Д. С., Бирюков Ю. Д., Канделаки Д. А., Сакания С. М., Хондзия З. Г. Исследования Управления охраны историко-культурного наследия // Археологические открытия 2006 года. М., 2009. С. 717–718; Бжания В. В., Сакания С. М., Бжания Д. С. Выявление археологических памятников в селе Арасадзых // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва. 21–25 апреля 2014 г. М., 2014. С. 126–127.

³⁰ Сакания С. М. Храм в с. Пшоухва // 50-я итоговая научная сессия Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии. Тезисы докладов. Сухум, 2006. С. 44–45; Бжания В. В., Гайдуков Н. Е., Сакания С. М. Храм в селе Пшоухва // АО 2007 года. М., 2010. С. 562–563.

³¹ Сакания С. М. Притвор зальной церкви в селе Джал // Проблемы хронологии и переодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Магас, 26–30 апреля 2010 года. Тезисы докладов. Магас, 2010. С. 317–319.

³² Бгажба О. Х., Сакания С. М. Результаты археологических раскопок в Моквском храме 2006 г. // Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 35–41; Бгажба О. Х., Бжания В. В., Джоупа А. И., Сакания А. М., Сакания С. М. Результаты раскопок внутри Моквского храма X века // АО 2006 года. М., 2009. С. 714–715.

³³ Агумаа А. С., Бгажба О. Х., Сангулия Г. А., Сакания С. М. Результаты охранных археологических исследований вокруг Лыхненского храма // III Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 27–29 мая 2013 г.). Краснодар, 2013. С. 4–5.

Афоне³⁴, соборного комплекса в Бедиа³⁵, двухапсидной церкви в Пицунде³⁶. Среди абхазских археологов чаще всего к проблемам средневековой христианской архитектуры обращается С. М. Сакания³⁷. Силами абхазских ученых и во время

³⁴ Агумаа А. С., Бгажба О. Х., Сангулия Г. А., Сакания С. М. Храм Симона Кананита в Новом Афоне: новые археологические данные по материалам экспедиции 2011–2012 гг. // II Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 30–31 мая 2012 г.). Краснодар, 2013. С. 10–14; Агумаа А. С., Бгажба О. Х., Сангулия Г. А., Сакания С. М. Охранные работы в Новом Афоне в 2011 г. // Археологические открытия 2010–2013 года. М., 2015. С. 809.

³⁵ Агумаа А. С., Бгажба О. Х., Сакания С. М. Раскопки в Бедийском храме в 2011 г. // Археологические открытия 2010–2013 года. М. 2015. С. 808–809; Агумаа А. С., Бгажба О. Х., Сакания С. М. Археологические раскопки в Бедийском храме в 2011 г. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2012. С. 268–270; Агумаа А. С., Бгажба О. Х., Сакания С. М. Охранные археологические раскопки в Бедийском храме в 2011 г. // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы Третьей Абхазской международной археологической конференции, посвященной памяти Г. К. Шамба (28 ноября – 1 декабря 2011 года, г. Сухум). Сухум, 2013. С. 336–339.

³⁶ Хрушкова Л. Г. Раскопки в Питиусе (совр. Пицунда): 2007–2009 // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2012. С. 394–397; Хрушкова Л. Г. Два памятника архитектуры в Питиусе (Пицунда) в Абхазии (по материалам раскопок 2007–2009 гг.) // Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы в период средневековья. Труды ГЭ. Т. LXXXVI. СПб, 2017. С. 255–243.

³⁷ Сакания С. М. Бзыбский храм и происхождение крестово-купольной формы // XLV итоговая научная сессия (24–26 апреля) Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии. Тезисы докладов. Сухум, 2001. С. 46–47; Сакания С. М. Политическая и культурная связь Абхазии с Византией, Русью и Аланией // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 250–252; Сакания С. М. Строительная керамика Абхазии в IV–IX вв. // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006. С. 171–172; Сакания С. М. Ранние зальные храмы Абхазии // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические

совместных русско-абхазских исследовательских экспедиций были проведены дополнительные исследования храма на горе Лашкендар³⁸, Киачского храма³⁹ и храма в Бедиа⁴⁰. В Пицунде в 2006–2009 гг. рядом с собором⁴¹ обнаружены остатки двор-

и этнографические исследования на Кавказе. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2007. С. 187–188; Сакания С. М. Христианские культовые сооружения в Анакопийской крепости // 4-я Абхазская Международная археологическая конференция. Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур. Тезисы докладов. Сухум, 2013. С. 76–79; Сакания С. М. Культовые сооружения Понтийского лимеса в Абхазии // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. VIII–IX. Сухум, 2013. С. 43–53; Сакания С. М. Типология апсид в раннесредневековых храмах Абхазии // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва. 21–25 апреля 2014 г. М., 2014. С. 274–275.

³⁸ Джопуа А. И., Скаков А. Ю., Федотова А. В. Разведки на горе Лашкендар // Археологические открытия 2006 года. Москва, 2009. С. 721–722; Джопуа А. И., Скаков А. Ю. К вопросу о датировке Лашкендарского храма и рельефа с барсами // Первые Международные Инал-Иповские чтения (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). Сухум, 2011. С. 362–363; Скаков А. Ю. Еще раз о датировке и некоторых особенностях храма на горе Лашкендар // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий. Материалы пятой Международной абхазской археологической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа М. М. Трапша (7–11 ноября 2017 г., г. Сухум). Сухум, 2018. – в печати; Ендольцева Е. Ю. Храм Лашкендар и абхазо-аланские культурные контакты: перспективы исследования // Обсерватория культуры. Т. 15. № 3. 2018. С. 298–309.

³⁹ При поддержке гранта РГНФ № 16–24–12551, руководитель с российской стороны – Е. Ю. Ендольцева, с абхазской – Г. А. Сангулия; Ендольцева Е. Ю. Храм Киач-Абааныха (Аныхабаа): материалы к изучению // *Seminarium Bulkinianum*. IV: к 80-летию со дня рождения В. А. Булкина. СПб., 2017. С. 45–49.

⁴⁰ Ендольцева Е. Ю., Сангулия Г. А. Каменная пластика собора в с. Агу-Бедия (Абхазия): проблемы датировки и типологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 4 (54), 2016. С. 139–157.

⁴¹ Бирюков Ю. Б. Кафедральный собор в Пицунде и его место в архитектуре Абхазского царства // Архитектурное наследство. Вып. 49. М., 2008. С. 25–47.

цового сооружения и некрополь⁴². В результате исследований последних лет введены в научный оборот некоторые новые фрагменты архитектурной резьбы, происходящие из церкви в Дранде⁴³ и из фондов Абхазского государственного музея⁴⁴, а также артефакты из числа случайных находок⁴⁵. Кроме того, была сделана попытка передатировать некоторые уже известные фрагменты архитектурной резьбы⁴⁶.

⁴² Бжания В. В., Агумаа А. С., Барцыц Р. М., Бжания Д. С., Бирюков Ю. Д., Канделаки Д. А., Сакания С. М., Хондзия З. Г. Исследования Управления охраны историко-культурного наследия // Археологические открытия 2006 года. М., 2009. С. 719–720; Хрушкова Л. Г., Бжания В. В., Барцыц Р. М., Агумаа А. С. Раскопки гражданского сооружения в городе Пицунда // Археологические открытия 2007 года. М., 2010. С. 567–568; Хрушкова Л. Г. Раскопки в Питиусе (совр. Пицунда): 2007–2009 // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2012. С. 394–397; Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. Калининград – Москва, 2018. С. 94–108.

⁴³ Ендольцева Е. Ю., архимандрит Дорофей Дбар. Архитектурная декорация и малые формы в церкви в Дранде: новые данные // Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 5. С. 196–209; Ендольцева Е. Ю., архимандрит Дорофей Дбар. Алтарная преграда из церкви в Дранде: новые данные // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и Средневековье. XXX Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018. Карачаевск, 2018. С. 45–49.

⁴⁴ Ендольцева Е. Ю., Виноградов А. Ю. Разные интерпретации одного сюжета в средневековом христианском изобразительном искусстве (дерганье за бороду) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 6. С. 90–97; Ендольцева Е. Ю. Об одном необычном изображении «Сна Иосифа» // Библейские и литургические темы и образы в искусстве Востока и Запада: диалог культур, традиция и современность. М., 2017. С. 176–181.

⁴⁵ Хрушкова Л. Г. Неопубликованные малоизвестные предметы Византийской эпохи из восточного Причерноморья // Искусство христианского мира. Вып. XIV. М., 2017. С. 68–85.

⁴⁶ Ендольцева Е. Ю. Группа рельефов из поселка Мрамба (Республика Абхазия): к уточнению датировки // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 6. С. 719–728; Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея (г. Сухум,

Разнообразные полевые исследования проводились и в крепости на горе Анакопия⁴⁷. В результате имела место несколько спорная «реставрация» восточной башни (донжона) цитадели⁴⁸. С 2014 по 2017 гг. проводилось археологическое исследование воротного узла второй линии обороны Анакопийской крепости⁴⁹, первые результаты которого опубликованы в 2015 г. в материалах Международной научной конференции⁵⁰.

Под эгидой Абхазского института гуманитарных исследований было подготовлено и переиздано научное наследие Ю. Н. Воронова («ещё в 1998 г. в Сухуме изданы его книги «Древняя Апсолия» и «Колхида на рубеже средневековья», в 2006, 2009, 2010 и 2014 гг. изданы первые пять томов семитомного издания его трудов, в России опубликована работа «Могила апсолов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах» (2003), переизданная с приложением монографического исследования коллектива авторов во главе с М. Казанским

РА) // Вестник православного Свято-Тихоновского государственного университета. V. 33. 2019. С. 9–31; Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб., 2011. С. 87–209.

⁴⁷ Бирюков Ю. Б. Исследование Анакопийской крепости в поселке Новый Афон Республики Абхазия // Археологические открытия 2004 года. М., 2005. С. 559–560; Аргун А. В. Первые работы по реставрации Анакопийской крепости // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Посвящена памяти Ю. Н. Воронова. Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Материалы конференции. Сухум, 2006. С. 385–387.

⁴⁸ Аргун А. В., Кварандзия В. Л. Вопросы реставрации донжона Анакопийской крепости // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2007. С. 209–211.

⁴⁹ Раскопки проводились под руководством О. Х. Бгажба, в исследованиях участвовали А. В. Аргун, Г. А. Сангулия, Ш. Кайтан, А. И. Джопуа, архитектор М. А. Быстрицкая.

⁵⁰ Аргун А. В. Архитектурный анализ воротного узла Анакопийской крепости (в свете новых данных) // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Посвящается 70-летию В. Г. Ардзинбы. Материалы Международной научной конференции. Сухум, 14–17 мая 2015 г. АБИГИ–ИВ РАН, Сухум–Москва, 2016. С. 235–258.

и А. Мостыковой на французском языке в 2007 г.; опубликованы материалы защиты Ю. Н. Вороновым диссертации на соискание степени доктора исторических наук в 1985 г.; увидел свет ряд других его работ»⁵¹.

Активно обсуждаются теоретические и концептуальные проблемы средневекового христианского искусства Абхазии⁵².

⁵¹ Скаков А. Ю. Археология в Абхазии в начале XXI века... С. 76. Материалы защиты Ю. Н. Вороновым диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Подготовлены к печати А. Ю. Скаковым и В. Н. Чхайдзе // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю. Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум, 2011. С. 202–298; Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. Москва – Магнитогорск, 2002. С. 334–362; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. К интерпретации христианских памятников Апсилии // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. IV. Сухум, 2007. С. 234–250; Воронов Ю. Н. Абхазская Атлантида. Сухум, 2010; Воронов Ю. Н. Лев Николаевич Соловьев (1894–1972). Сухум, 2013; Воронов Ю. Н. Материальная культура апсильской аристократии (восточное Причерноморье) IV–VI вв. // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. VIII–IX. Сухум, 2013. С. 302–314; Эрлих В. Р. К истории одной книги Ю. Н. Воронова // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю. Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум, 2011. С. 10–16; Бгажба О. Х., Ковалевская В. Б., Ксенофонтова И. В., Воронова С. В., Эрлих В. Р., Джопа А. И., Брилева О. А. Личный архив Ю. Н. Воронова как источник по истории и культуре Абхазии и сопредельных территорий // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю. Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум, 2011. С. 8–10.

⁵² Сакания С. М. Бзыбский храм и происхождение крестово-купольной формы // Тезисы докладов АБИГИ, Сухум, 2001. С. 46–47; Сакания С. М. Хронологические параллели Лыхненского и Зеленчукских храмов // XXIII Крупновские чтения. М., 2004. С. 177–178; Сакания С. М. Византийские традиции в церковной архитектуре Абхазии // 1-й Евразийский археологический конгресс (тезисы докладов), Турция. Измир, 2007. С. 170–172; Сакания С. М. Типология апсид в раннесредневековых храмах Абхазии // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М., 2014. С. 274–276; Сакания С. М., Сангулия Г. А. Раннеабхазский храм в селе

Л. Г. Хрушковой была сделана попытка обобщить накопленный материал⁵³, однако в ее монографии, опубликованной на французском языке, основной акцент сделан на позднеантичные памятники. Средневековая часть представлена, на мой взгляд, слишком обобщенно, единым блоком, без учета особенностей отдельных исторических периодов⁵⁴. К тому же предложенные варианты датировки некоторых объектов вызывают серьезные возражения⁵⁵. Прежде всего речь идет об идентификации и определении исторического контекста лапидарной коллекции, собранной в алтаре церкви св. Феодора в цитадели крепости Анакопия. В недавно опубликованном сборнике⁵⁶, посвященном Анакопийской крепости, изложены, в частности, результаты комплексного анализа ее архитектурной пластики. В основу этого исследования легли некоторые статьи прошлых лет⁵⁷.

Тамыш // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и в средневековье. XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. С. 369–372.

⁵³ Khroushkova L. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkahlzie IV–XIV siècles. Turnhout, 2006.

⁵⁴ Ibid. P. 89–157.

⁵⁵ Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии...; Ендольцева Е. Ю. Об изображениях пророчества Исая (11: 6–9). Рельеф из Абхазского государственного музея в г. Сухуме // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Магас. 26–30 апреля 2010 года. Тезисы докладов. Магас, 2010. С. 129–132.

⁵⁶ Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб, 2011.

⁵⁷ Ендольцева Е. Ю. Об одном мотиве украшения алтарных преград в западном Закавказье // Вторая Абхазская международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М. М. Трапша. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы конференции. Сухум, 2011. С. 127–130; Ендольцева Е. Ю. Изображение рыбы в фасадной пластике Абхазского царства: символика образа // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю. Н. Воронова). Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум, 2011. С. 170–178; Endoltseva E. Image of Afterlife

Сделанные выводы базируются в том числе и на результатах локальных полевых исследований, проводившихся на территории крепости⁵⁸. Весь собранный материал свидетельствует, что рельефы коллекции составляют однородную группу, которую можно датировать XI в. (за исключением двух надгробных плит, относящихся скорее к IX в.)⁵⁹.

Л. Г. Хрушкова⁶⁰ в своей недавней книге не опровергает правоту предложенных аргументов по передатировке Анакопийской лапидарной коллекции. Но оговаривается, что «упрощенный («сельский») стиль рельефов не дает повода для стилистического обоснования точных дат»⁶¹. Автор противоречит сама себе, поскольку в той же монографии пытается обосновать точную дату происхождения рельефа с изображением льва и быка у креста из коллекции Абхазского государственного музея⁶², который, как она считает⁶³, стилистически близок Анакопийским рельефам со зверями. Да и в целом эта работа вызывает серьезную критику⁶⁴. Сделал попытку по-новому взглянуть на возможную интерпретацию зооморфных изображений (рельеф с условным львом) из Анакопии⁶⁵ и Д. В. Шевченко.

in Medieval Plastic Art of Abkhazia // Iconography of death. IKON. Journal of iconographic studies/ ed. M. Vicolja – Matijašić. Vol. 4. Rijeka, 2011. P. 19–27.

⁵⁸ Агумаа А. С., Бгажба О. Х., Сакания С. М., Сангулия Г. А. Охранные работы в Новом Афоне в 2011 году // Содержание сборника «Археологические открытия 2010–2013 гг.». С. 809–810, <http://www.archaeolog.ru/media/ao/AO-2010–2013-soder.pdf>.

⁵⁹ Искусство Абхазского царства... С. 87–209.

⁶⁰ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху...

⁶¹ Там же. С. 63.

⁶² Там же. С. 325.

⁶³ Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии... С. 32.

⁶⁴ Виноградов А. Ю., Ендольцева Е. Ю., Белецкий Д. В. Рецензия на книгу: Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. Калининград – Москва: ИД «РОС-ДООАФК», 2018. 480 с. (Труды исторического факультета МГУ; 137. Серия II. Исторические исследования; 80) // Богословские труды. № 49. 2019. С. 359–370.

⁶⁵ Шевченко Д. В. Проблема идентификации зооморфного образа в рельефе церкви Святого Феодора Анакопийской крепости (Абхазия) //

Благодаря привлечению эпиграфических данных и дополнительному анализу конструктивных особенностей появилась возможность уточнить датировки некоторых памятников (к примеру, храма Айлага-Абыку в с. Бомбора)⁶⁶. Активное внедрение естественнонаучных методов делает реальной перспективу уточнить датировки и других средневековых объектов⁶⁷.

Начальный этап фиксации и открытия христианских средневековых памятников Сочинского района Краснодарского края хронологически совпадает с аналогичным этапом изучения древностей Абхазии. Более углубленное археологическое исследование объектов связывают с именем Ю. Н. Воронова⁶⁸. В последние годы внимание исследователей к изучению храмов этого района⁶⁹ усилилось. Делаются попытки сопоставления архитектурных форм храма в Лоо с абхазскими соборами того же времени⁷⁰. В связи с подготовкой к сочинской Олим-

Народы и религии Евразии. Этнология. Религиоведение. Археология. Вып. 3–4 (12–13). 2017. С. 42–51.

⁶⁶ Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Бомборский храм – «купольный зал» и царский заказ // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2012. С. 271–273.

⁶⁷ Требелева Г. В., Юрков Г. Ю., Цвинария И. И., Агумаа А. С., Кайтан Ш. Г. Средневековые памятники Абхазии: попытка применения естественнонаучных методов (химанализа) для решения проблемы датировки // Материалы III (XIX) Всероссийского археологического съезда 24–29 октября 2011. Т. 2. Великий Новгород – Старая Русса, 2011. С. 409–410; Сакания С. М., Требелева Г. В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Каталог. Т. 1. Западная Абхазия (Гагрский, Гудаутский, Сухумский районы). Магнитогорск, 2019.

⁶⁸ Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.

⁶⁹ Овчинникова Б. Б. Средневековый храм в поселке Лоо, город Сочи // Проблемы на прабългарската история и култура. 4–1. София, 2007. С. 471–476; Цокур И. В. О реставрации фундаментов христианских храмов у х. Ильич в Отрадненском районе // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 257–294.

⁷⁰ Бирюков Ю. Б. Кафедральный собор в Пицунде и его место в архитектуре Абхазского царства // Архитектурное наследство. Вып. 49. М., 2008. С. 25–47.

пиаде-2014 особенно активно велось полевое исследование церквей в окрестностях города⁷¹, опубликованы и некоторые новые данные о церквях Краснодарского края⁷².

⁷¹ Василенко Д. Э. Олимпиада 2014 г. и памятники археологии эпохи средневековья междуречья Псахо и Кудепсты (г. Сочи): исследование, консервация, реставрация с целью использования в культурном туризме // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 75–80; Василенко Д. Э., Хрушкова Л. Г. Новый памятник раннесредневековой архитектуры Кавказского Причерноморья: базилика близ Адлера // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 81–84; Армарчук Е. А. Раскопки христианского храма на г. Сахарная Головка под Адлером // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 11–12; Армарчук Е. А. Черепица из раскопок средневекового храма на г. Сахарная Головка в окрестностях Адлера // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 10. Армавир, 2010. С. 81–98; Василенко Д. Э. О времени возведения церкви у родника Крион Нерон (с. Лесное, Адлерский район г. Сочи) (к вопросу о генезисе храмов плана «*croix libre*» на Северном Кавказе) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Магас. 26–30 апреля 2010 года. Тезисы докладов. Магас, 2010. С. 76–78; Мимоход Р. А., Клещенко А. А., Армарчук Е. А., Скаков А. Ю. Работы Сочинской экспедиции ИА РАН в зоне строительства олимпийских объектов // Археологические открытия 2010–2013 годов. С. 397–399, URL: <http://www.archaeolog.ru/media/ao/AO-2010-2013-soder.pdf>; Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В. Раскопки христианского храма у с. Веселое под Адлером в 2010–2011 гг. // Археологические открытия 2010–2013 годов. С. 318–320, URL: <http://www.archaeolog.ru/media/ao/AO-2010-2013-soder.pdf>; Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов В. В. Христианский храм в с. Веселое под Сочи // Институт археологии. Новые экспедиционные проекты. М., 2015. С. 76–77; Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М., 2003. С. 209–212. Табл. 94.

⁷² Виноградов А. Ю., Казачков Ю. А., Каштанов Д. В. Крестово-купольный храм в Хосте – забытый памятник «абхазской школы» X века // Кавказ в системе

Что касается Западной Грузии, то, как и в предыдущем случае, начальный этап накопления знаний об ее средневековых христианских памятниках в целом совпадает с тем, что было сказано об Абхазии. Зачастую эти два региона рассматриваются в рамках одного и того же исследования. Одна из первых обобщающих работ на эту тему – труд Н. П. Северова⁷³, в котором приводятся точные сведения о каждом из памятников. Проработав продолжительное время профессором архитектуры в Тбилисской академии художеств (1922–1948 гг.), исследователь основал школу научного изучения памятников средневековой архитектуры Грузии. Его совместные труды с Г. Н. Чубинашвили, классиком грузинского искусствоведения, заложили основы типологического анализа памятников архитектуры этого региона⁷⁴. Примечательны также монографическое исследование Г. Н. Чубинашвили, касающееся храма в Чкондиди (Мартвили)⁷⁵, и его работа, посвященная чеканному искусству Грузии⁷⁶. В них исследователь устанавливает связь между чеканными узорами и архитектурным орнаментом.

Среди последователей и учеников Н. П. Северова – профессора Р. Меписашвили и В. Цинцадзе⁷⁷. Совместно они написали исследование о соборе в Кутаиси⁷⁸. В. Цинцадзе изучал также архитектурные особенности некоторых памятников Верхней

культурных связей Евразии в древности и в средневековье. XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. С. 415–418.

⁷³ Северов Н. П. Памятники грузинского зодчества. М., 1947.

⁷⁴ Северов Н. П., Чубинашвили Г. Н. Памятники грузинской архитектуры. Кумурдо и Никорцминда. М., 1947.

⁷⁵ Чубинашвили Г. Н. Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948.

⁷⁶ Чубинашвили Г. Н. Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства. Тбилиси, 1959.

⁷⁷ Цинцадзе В. Г. Краткий очерк по руководству работами консервации храма Баграта в Кутаиси и некоторые вопросы научного его исследования // *Ars Georgica*. Разыскания Института истории грузинского средневекового искусства. Т. 5. Тбилиси, 1959. С. 111–123.

⁷⁸ Меписашвили Р. С., Цинцадзе В. Г., Кутаиси. Гелати. Гегути, Тбилиси, 1977.

Рачи⁷⁹. Несколько примечательных статей, касающихся памятников X века в этом регионе, принадлежат перу Л. Рчеулишвили⁸⁰. Другой ученик Н. П. Северова – В. Беридзе опубликовал исследование о памятниках Тао-Кларджети, среди которых он упоминает и собор в Кумурдо⁸¹. Интересным опытом обобщения сведений по архитектурным особенностям памятников, в том числе и Западной Грузии, стал труд Д. М. Мшвениерадзе⁸². В списке исследований живописных ансамблей Западной Грузии следует упомянуть коллективную работу по живописи Сванетии⁸³ и альбом Т. С. Шевяковой⁸⁴.

Ш. Амиранашвили в своей «Истории грузинского искусства» рассматривает памятники как Грузии, так и Абхазии, считая последние «абхазской школой грузинской архитектуры»⁸⁵. Такого же взгляда придерживалась и Р. Шмерлинг при анализе памятников каменной пластики⁸⁶. Это мнение разделяет большая часть грузинских и европейских исследователей. Подтверждение тому – труды Н. Аладашвили, где подробно описывается

⁷⁹ Цинцадзе В. Г. Архитектурный памятник в селе Земо-Крихи // *Ars Georgica*. Разыскания Института истории грузинского средневекового искусства. Т. 6. Тбилиси, 1963. С. 102 (резюме на русском яз.)

⁸⁰ Рчеулишвили Л. Д. Один из памятников X в. в Триалетском эриставстве // *Ars Georgica*. Разыскания Института истории грузинского средневекового искусства. Т. 6. Тбилиси, 1963. С. 180. (резюме на русском яз.); Рчеулишвили Л. Д. Постройка эристава эриставов Рати в Триалетском Ахалкалаки // *Ars Georgica*. Разыскания Института истории грузинского средневекового искусства. Т. 7. Тбилиси, 1971. С. 127 (резюме на русском яз.).

⁸¹ Беридзе В. Место памятников Тао-Кларджети в истории грузинской архитектуры. Тбилиси, 1981.

⁸² Мшвениерадзе Д. М. Строительное искусство в древней Грузии. Тбилиси, 1959.

⁸³ Аладашвили Н. А., Алибегашвили Г. В., Вольская А. М. Живописная школа Сванетии. Тбилиси, 1983.

⁸⁴ Шевякова Т. С. Монументальная живопись раннего Средневековья Грузии. Альбом. Тбилиси, 1983.

⁸⁵ Амиранашвили Ш. История грузинского искусства. М., 1963.

⁸⁶ Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент. Тбилиси, 1954; Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962.

репертуар сюжетов, использовавшихся в фасадной пластике храмов⁸⁷, и обобщающее исследование А. Альпаго-Новелло⁸⁸.

К сожалению, в последние годы интересные исследования по этому региону публикуются в основном на грузинском языке, что затрудняет знакомство с ними⁸⁹. Счастливым исключением является недавно вышедший в свет труд французской исследовательницы грузинского происхождения Н. Яманидзе⁹⁰. Развивая идеи и методы, предложенные еще Р. Шмерлинг, автор, помимо прочего, реконструирует некоторые алтарные преграды грузинских средневековых храмов и предлагает версии их датировки.

Среди других обобщающих трудов, посвященных скульптуре средневековой Грузии (где упоминаются и абхазские памятники), нужно отметить новое исследование коллектива грузинских авторов, написанное на английском языке⁹¹. Интересен также новый каталог собрания Грузинского национального музея, где одна глава посвящена каменной и деревянной резьбе⁹². Книга написана на английском и грузинском языках.

Таким образом, благодаря всплеску археологической активности в последние годы на территории республики Абхазии и в Сочинском районе Краснодарского края было выявлено и введено в научный оборот некоторое количество новых церквей. Сведений накопилось столько, что назрела необходимость в написании обобщающего труда, в котором памятники рассматривались бы не в соответствии с современными политическими

⁸⁷ Аладашвили Н. Монументальная скульптура Грузии. Фигурные рельефы V–X веков. М., 1977.

⁸⁸ Alpago-Novello A. Art and Architecture in Medieval Georgia. Louvain la Neuve, 1980.

⁸⁹ Хоштария Д. Церкви и монастыри Кларджети. Тбилиси, 2005. (на груз. яз.); Khvistiashvili D. Materials for Christian archaeology of Georgia. Tbilisi, 2009.

⁹⁰ Iamanidzé N. Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VI–XIII siècles). Turnhout, 2010.

⁹¹ Dadiani T., Khundadze T., Kvachadze E. Medieval Georgian Sculpture. Tbilisi, 2017.

⁹² Medieval Georgian Ecclesiastical Art in the Georgian National Museum/ ed. by N. Burchuladze. Tbilisi, 2012. P. 17–51.

границами, а в границах того государства, которое существовало на территории трех вышеозначенных регионов с VIII по XI вв. Прежде всего нужно четко определить круг рассматриваемых памятников, характер культурных контактов внутри Абхазского царства, рассмотреть особенности его взаимодействия с ближайшими соседями и более отдаленными могущественными державами.

Отдельные попытки такого рода уже предпринимались⁹³. Прекрасный пример обобщения – новая книга А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, посвященная церковной архитектуре Абхазии в эпоху Абхазского царства⁹⁴. Она содержит ряд неоспоримых достоинств⁹⁵. К примеру, в ней детально описаны храмы Сочинского района Краснодарского края РФ (территория от современных Псоу до Лоо входила в состав Абхазского царства), обнаруженные в ходе археологических раскопок, проводившихся в рамках подготовки к Сочинской олимпиаде-2014. Те из них, что, по мнению авторов, могут быть отнесены к периоду Абхазского царства, проанализированы и систематизированы. Их описания снабжены подробной библиографией. Д. В. Белецким даже составлена карта сохранившихся до наших дней храмов Абхазского царства – она вынесена на форзац издания. Рассмотрение основных тенденций развития архитектуры в период существования Абхазского царства, активное привлечение данных эпиграфики, богатый опыт авторов в области

⁹³ Перфильева Л. А. К вопросу о генезисе купольных храмов западной Алании X века // Традиции и современность: актуальные проблемы изобразительного искусства и архитектуры. М., 1989. С. 3–16; Перфильева Л. А. К вопросу о византийском влиянии на культовую архитектуру северо-западного Кавказа X–XI век // Аланика и аланы. Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992. С. 180–201; Пищулина В. В. Христианское храмовое зодчество Северного Кавказа VI–XVI веков. Ростов-на-Дону, 2012.

⁹⁴ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М., 2015.

⁹⁵ Ендольцева Е. Ю. Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. – М., 2015. Рец. // Вестник РГНФ. № 3–4 (84–85). 2016. С. 262–265.

визуального анализа художественных форм зданий помогли уточнить некоторые сведения, касающиеся внешнего вида того или иного храма, даты его строительства (к примеру, храм в с. Бедиа⁹⁶, собор в Пицунде⁹⁷ и др.). В результате проделанной работы удалось впервые написать реальную историю архитектуры Абхазского царства с четко аргументированной классификацией храмов по их типологическим признакам, обоснованием понятия «Абхазская архитектурная школа», определением ее места и значения в развитии восточно-христианского зодчества.

Из недостатков книги можно назвать обилие упоминаемых источников, что несколько размывает версии передатировки храмов (см. подробнее главу «Церковь св. Феодора» в разделе о рельефах на горе Анакопия). Но это никак не умаляет достоинств этой замечательной работы и ее ценности для развития отечественного кавказоведения. Обобщен колоссальный материал, в результате чего архитектура Абхазского царства впервые показана как значительное художественное явление, имеющее свои истоки и продолжение. Убедительно продемонстрирован характер влияния на нее различных архитектурных школ. В книге коротко рассказано и об образцах архитектурной декорации различных храмов, однако очевидно, что эта тема требует отдельного обобщающего исследования. Подобная попытка как раз и предпринята в предлагаемой монографии, основанной во многом на опыте предыдущих исследований автора.

Раннехристианские или средневековые?

Исследования последних десяти лет дали возможность понять, каким образом развивалась архитектура Абхазского царства и что представляла собой ее пластика. Последнее стало возможным благодаря передатировке ряда памятников, вве-

⁹⁶ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 255–260.

⁹⁷ Там же. С. 234–255.

дению в научной оборот нескольких новых артефактов и их атрибуции, выявлению художественных и идейных истоков некоторых изображений, их классификации. Однако для того, чтобы анализировать столь сложное и многогранное явление, необходимо придерживаться четких методологических принципов. Их выбор невозможен без понимания тех сложностей и проблем, с которыми сталкивается исследователь при работе с рассматриваемым материалом. Основные – плохая сохранность памятников, их неясное и плохо документированное происхождение. Многие ключевые для этой темы артефакты ныне утеряны и доступны для изучения лишь по рисункам или фототипиям, сделанным зачастую более ста лет назад⁹⁸. Доступ к другим попросту невозможен⁹⁹ – исследователю приходится довольствоваться отрывочными сведениями, добытыми давным-давно при случайном осмотре памятника. Некоторые объекты можно изучить визуально, зато сведения об их происхождении и путях поступления в ту или иную коллекцию отсутствуют¹⁰⁰, что тоже усложняет задачу их правильной интерпретации и атрибуции.

Еще одна проблема, которая актуальна для обеих наиболее крупных лапидарных коллекций на территории Абхазии, – отсутствие точно установленной связи с археологическим контекстом, из которого происходит тот или иной артефакт. Так, рельефы с горы Анакопия были собраны монахами Ново-афонского монастыря, вероятно, по ее склонам без всякой фиксации их археологического контекста в конце XIX века. А рельефы из церкви в Мрамбе были собраны вокруг нее греками-переселенцами в 1920-х годах и частично переис-

⁹⁸ К примеру, рельеф с изображением быка и льва у креста и надписью (кат. Анак. № 1) или две плиты из алтарной преграды в Дранде (кат. Дранда № 1, 2) и другие.

⁹⁹ К примеру, рельеф с изображением «Сна Иосифа» из собрания Абхазского государственного музея (кат. муз. № 24).

¹⁰⁰ К примеру, рельеф с изображением быка и льва у креста (кат. Анак. № 3).

пользованы ими при восстановлении здания. В таких обстоятельствах необходимы исследовательское чутье, внимательное отношение к каждому артефакту, тонкое понимание стилевых и иконографических особенностей представленных на нем изображений. Так же как и скрупулезное изучение всех имеющихся сведений (в том числе косвенных), комплексный подход к изучению каждого объекта в зависимости от индивидуальных особенностей его исторической судьбы.

Как отличить рельефы раннехристианского периода от средневековых? Это важнейшая методологическая проблема при работе с абхазскими памятниками архитектурной пластики. Она, кстати, актуальна не только для Северного Причерноморья, но и для памятников, в особенности пластики, с бывшей территории всей Византийской империи и Западной Европы. Проблема эта была отчетливо сформулирована и подробно описана А. Грабаром¹⁰¹. Ее породила широко известная ориентация культуры Средневековья (в разные его периоды) на античные, в частности раннехристианские образцы. В архитектурной пластике или в изделиях из слоновой кости, например, встречаются случаи буквального копирования античных примеров¹⁰². В этой ситуации для верной атрибуции памятника недостаточно сделать только стилистический или иконографический анализ изображения. Обычно требуется комплексный подход, включающий в себя анализ декоративной системы фасадов (если речь идет об архитектурной пластике), характерной для той или иной эпохи, или представление о функции того или иного рельефа и его возможном месте в художественной композиции памятника и т. д. Во многом на этом основывается предлагаемая в данном исследовании передатировка нескольких значительных групп рельефов.

¹⁰¹ Grabar A. Les voies de la création en iconographie chrétienne : Antiquité et Moyen Age. Paris, 1979, 1994. P. 251–256.

¹⁰² Grabar A. Sculpture byzantines de Constantinople (IV–X siècles). Paris, 1963.

Так, вопреки мнению Л. Г. Хрушковой, оказалось, что зооморфные рельефы с горы Анакопия¹⁰³ (как и рельефы с изображениями крестов оттуда же) следует отнести к средневизантийскому, а не к раннехристианскому периоду¹⁰⁴. Ключевым памятником в атрибуции зооморфных изображений с горы Анакопия (а также стилистически и иконографически близких им групп образов) можно считать утерянный рельеф с изображением быка и льва у креста с надписью, в которой упоминается византийский император Константин IX Мономах. Иконографические, а в некоторых случаях и стилистические аналогии, а также анализ их положения в декоративной системе экстерьера храма позволяют утверждать, что рельеф с горы Анакопия может быть отнесен к средневизантийскому времени. Следовательно, он выполнен одновременно с надписью¹⁰⁵.

А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий¹⁰⁶ демонстрируют еще более удивительные результаты владения методом комплексного и визуального анализа памятников архитектуры периода Абхазского царства, предлагая их детальную хронологию. Умозаключения авторов во многом базируются на отношении к датировке рельефа с изображением быка и льва у креста с надписью, равно как и к реконструкции строительной истории церкви св. Феодора на горе Анакопия. Корректируя свою точку зрения, сформулированную ими в книге об искусстве Абхазского царства¹⁰⁷, исследователи предполагают, что масштабные строительные работы в Анакопийской крепости были проведены не при византийцах (40-е годы XI в.), а при абхазском царе Геор-

¹⁰³ Как и стилистически близкие им изображения животных из Мрамбы и рельеф с быком и львом у креста из АГМ.

¹⁰⁴ То же касается, как будет показано ниже, к примеру, капителей из Моквы и церкви № 5 в Пицунде, креста из Куламы и др.

¹⁰⁵ Или, как предполагают А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий, на несколько десятилетий раньше, чем надпись.

¹⁰⁶ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 110–124.

¹⁰⁷ Искусство Абхазского царства... С 17–87.

гии II (922–957 гг.)¹⁰⁸. С этой гипотезой отчасти связана и другая – о масштабной строительной деятельности на территории Абхазского царства в правление этого царя. Последняя гипотеза помогает исследователям уточнить время строительства некоторых ключевых храмов Абхазского царства¹⁰⁹. Предположение интересно и до определенной степени разумно, тем более что если говорить, к примеру, о группе зооморфных изображений, то они действительно удачно вписываются в художественный контекст середины – второй половины X в.

Однако нельзя забывать о том, что обе гипотезы А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого построены на ряде косвенных свидетельств, которые лишь с большой степенью условности позволяют делать настолько далеко идущие выводы. Так, гипотеза о времени строительных работ в Анакопийской крепости (и, соответственно, о времени создания рельефа с надписью, быком и львом) базируется прежде всего на надписи, найденной в северном храме в Бамборе, где упоминается титулатура без имени ее носителя. Причем нужный вариант прочтения этой надписи впервые предлагает сам А. Ю. Виноградов. Это дает возможность авторам вначале с осторожностью, а потом и без всяких сомнений связать ее именно с царем Георгием II¹¹⁰.

Другим аргументом в пользу новой гипотезы стало сопоставление орнамента на архитраве алтарной преграды из церкви в Бамборе, известной по фотографиям и чертежам из отчетов Л. А. Шервашидзе об археологических работах 1973–1974 гг.¹¹¹, и некоторых фрагментов орнаментальных блоков из церкви св. Феодора¹¹². Авторы настаивают на идентичности обоих фрагментов. Однако это не совсем так, поскольку орнамент на Бамборском рельефе более плотный. Он заполняет собой все

¹⁰⁸ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 88.

¹⁰⁹ Там же. С. 275–283.

¹¹⁰ Там же. С. 165.

¹¹¹ Там же. С. 163.

¹¹² Там же. С. 123.

пространство плиты. Это может свидетельствовать о его более позднем происхождении.

Еще одним аргументом в пользу датировки храма в цитадели крепости Анакопия временем Георгия II, по мнению авторов, служит фрагмент надписи с упоминанием освящения храма. Правда, год там не указан. Точная дата надписи, таким образом, тоже становится поводом для дискуссии. Тем не менее время строительства Нижнего храма в Анакопийской крепости корректируется в пользу X века, исходя из предложенной пере-датировки храма св. Феодора¹¹³. Надпись на рельефе со зверями с указанием императора Константина IX Мономаха, по мнению А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, выполнена несколько позже, чем сам рельеф, еще и потому, что в ней упоминается цистерна (причем этот вариант прочтения надписи также предложен в качестве версии именно А. Ю. Виноградовым). А украшение цистерн такого рода изображениями не находит аналогий в искусстве средневизантийского периода.

Другое косвенное свидетельство о строительной деятельности Георгия II и его предшественника Константина III – упоминание одного из них как покровителя Церкви в письме Николая Мистика¹¹⁴. Эти косвенные свидетельства подкрепляются также визуальными наблюдениями авторов над особенностями конструкций рассматриваемых храмов.

Предложенная гипотеза может казаться правдоподобной, однако ей не хватает более прямых и однозначных свидетельств. Признавая теоретическую возможность подобных предположений, я тем не менее не буду основывать на них хронологию архитектурной пластики и ограничусь в своих исследованиях более широкой датировкой в пределах X – первой половины XI в. При этом, учитывая традиционность орнаментальных схем и устойчивость их использования в архитектурной пластике в зависимости от региона (более ретроградные типы изо-

¹¹³ Там же. С. 104.

¹¹⁴ Там же. С. 65.

бражений – на периферии государства), считаю допустимым рассматривать памятники, которые можно датировать первой половиной XI в., как относящиеся к периоду Абхазского царства или находящиеся под непосредственным влиянием его художественной культуры.

В мои задачи входит обоснование возможности отнесения той или иной группы рельефов к широкому хронологическому периоду – периоду Абхазского царства. Использовать в этом случае более дробную хронологию нет необходимости. Выявленные и передатированные таким образом памятники архитектурной пластики можно классифицировать, исходя из их стилистических и иконографических особенностей, а для выделенных групп изображений найти аналогии с прилегающих территорий, что позволит определить гипотетические истоки их изобразительных схем. Кроме того, определение места архитектурной пластики Абхазского царства в общеевропейском художественном контексте поможет провести ряд значимых параллелей с искусством (скульптурой) романского стиля.

Этим и объясняется система изложения материала по принципу комментированного каталога. Крупные лапидарные коллекции рассматриваются отдельно. Одиночные рельефы, которые происходят из разных церквей, рассматриваются по географическому принципу. В фокусе исследования – памятники, связанные с историческим ядром Абхазского царства (современными территориями Республики Абхазия и Сочинского района Краснодарского края). Памятники, которые происходят с территорий, в разное время входивших в состав Абхазского царства, но находившихся на его периферии, или те, которые демонстрируют явное влияние иных художественных центров (Тао и Кларджети и др.), рассматриваются в отдельной главе.

При ссылках на соответствующие главы применяется следующая система сокращений: каталог рельефов с горы Анакопия – кат. Анак., каталог рельефов из собрания Абхазского государственного музея и его фондов – кат. муз., далее – каталог – кат.

и полное название церкви, откуда происходит тот или иной артефакт. Например, каталог рельефов из церкви в Дранде – кат. Дранда.

Канва исторических событий, на фоне которых происходило становление художественных образов, излагается в Приложении. Исторический очерк основывается на соответствующей главе в недавнем исследовании А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого¹¹⁵.

В ней эти авторы учитывают новые переводы источников, труды по теме, вышедшие за прошедшие полвека, критически осмысливают накопленный материал. Не имея возможности представить оригинальный взгляд, ограничусь упоминанием наиболее существенных фактов и событий, которые могли повлиять на рассматриваемый в данном исследовании материал.

¹¹⁵ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 17–88.

Глава 2

Крупные лапидарные коллекции

Каменные рельефы с горы Анакопия и окрестностей

Церковь св. Феодора

Самая крупная в Абхазии лапидарная коллекция находилась в алтаре апсиды церкви св. Феодора в цитадели крепости на горе Анакопия. Она состояла из приблизительно восьмидесяти фрагментов каменных рельефов, собранных по склонам горы и вокруг церкви в цитадели монахами Ново-Афонского монастыря во второй половине XIX в. Фотографии этих камней до того, как они были зацементированы в виде импровизированной стенки, хранятся в архиве ИИМК РАН (Q. 719.42–48. 1910 г. КР. Q. 384. 22–24.)¹. В октябре 2016 г. по распоряжению А. В. Аргуна, директора Национального Новоафонского историко-культурного заповедника «Анакопия», без санкции Министерства культуры и охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия все рельефы были выпилены перфоратором и перенесены к подножию горы Анакопия, в недавно открытый Музей Абхазского царства. Свои действия А. В. Аргун объяснил тем, что хотел уберечь уникальные артефакты от актов вандализма со стороны туристов и паломников, число которых на горе Анакопия, по его словам, увеличивается с каждым сезоном.

Произошедшее можно оценивать двояко. С одной стороны это, безусловно, акт вандализма, в результате которого был разрушен памятник культуры XIX в. (импровизированный иконостас,

¹ Благодарю за сведения А. Ю. Виноградова.

составленный монахами из древних остатков архитектурной декорации эпохи Средневековья). Об этом было сказано в открытом письме в адрес президента Республики Абхазия от 20.01.2017 г., подписанном А. Ю. Виноградовым и автором этих строк.

В вину А. В. Аргуну можно вменить также и то, что рассматриваемые артефакты были демонтированы без наблюдения специальной комиссии, которая проконтролировала бы их состояние и обеспечила фиксацию результатов экспертизы. Не была проведена и качественная реставрация этих уникальных фрагментов средневековой каменной пластики. Проект их музеефикации публично не обсуждался специалистами. Все было сделано в закрытом режиме, собственными силами и достаточно произвольно, что, строго говоря, недопустимо.

В результате около 20 артефактов (кат. Анак. № 7, 8, 21, 30, 31, 33, 34, 45, 47, 54, 55, 56, 60, 61, 62, 69, 73, 74, 84), среди которых фрагменты плетеного геометрического орнамента и плиты со следами архитектурных мотивов, простых валиков, пазов и насечек, не выставлены в экспозиции Музея Абхазского царства. По словам А. В. Аргуна, они находятся в запасниках.

Однако нельзя не отметить и некоторые положительные моменты произошедшего. Уникальные артефакты теперь доступны для обозрения и исследования со всех сторон, а не только с фронтальной (как это было на момент написания посвященной им коллективной монографии в 2011 г.)². Что позволяет более определенно говорить, к примеру, об их функции. Большая часть рельефов из этой лапидарной коллекции выставлена в специально оборудованном помещении бывшей гидроэлектростанции³. Построена она была в 1902 году монахами Новоафонского монастыря, реконструирована в 1936 году, функционировала до 1990-х годов. Сейчас это так называемый зал № 2 «Анакопия – Новый Афон» Музея Абхазского цар-

² Искусство Абхазского царства...

³ URL: http://afon-abkhazia.ru/excursions/museum_abkhazian_kingdom/ (дата обращения 27.07.2020).

ства. Рельефы разложены удобно для обозрения, часть из них находится в крытом переходе из одного здания музея в другое. Некоторые скомпонованы в соответствии с их предполагаемой функцией таким образом, чтобы наглядно можно было представить их место в архитектурной декорации здания церкви (обрамление окон, порталы, алтарные преграды).

В сложившихся обстоятельствах остается только пожалеть о том, что Музей Абхазского царства работает строго по расписанию только в период наплыва туристов (май – начало октября). В холодное же время года Новый Афон выглядит безлюдным, и музей часто закрыт даже в рабочее время, так что доступ специалистов к уникальной лапидарной коллекции в это время затруднен при отсутствии специальной договоренности с ответственными за хранение экспонатов лицами.

Важные изменения⁴ произошли и в изучении коллекции. Помимо двух крупных исследований⁵, в которых затрагиваются проблемы истории и различные вопросы атрибуций рассматриваемых объектов, вышли несколько интересных статей, благодаря которым появилась возможность по-новому интерпретировать смысл некоторых зооморфных изображений⁶.

В данном контексте последняя книга Л. Г. Хрушковой⁷ интересна тем, что в ней автор впервые реагирует на предложенную в 2011 году гипотезу о датировке части рельефов с горы Анакопия. Не оспаривая эту версию, Л. Г. Хрушкова приводит возражения по отдельным пунктам. К сожалению, исследовательница оказалась невнимательна к доводам оппонентов, а в этом случае дискуссия не может быть конструктивной. Так, Л. Г. Хрушкова отмечает, что «упрощенный («сельский») стиль

⁴ С 2011 года, когда было опубликовано масштабное исследование христианских памятников Анакопийской крепости.

⁵ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху...; Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии...

⁶ Шевченко Д. В. Проблема идентификации...; Скаков А. Ю. Еще раз о датировке...

⁷ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху...

рельефов не дает оснований для стилистического обоснования точных дат, но репертуар мотивов, некоторые формы креста характерны, по ее мнению, для раннехристианской эпохи»⁸.

Но ведь обоснование передатировки строится не только на «стилистическом обосновании», а еще и на комплексном анализе исторического и археологического контекста, данных эпиграфики, на выявленных несомненных иконографических аналогиях⁹. «Точные» же даты происходят оттого, что на одном из рельефов есть греческая надпись с упоминанием византийского императора Константина IX Мономаха. И система доказательств, изложенная довольно подробно¹⁰, приводит к выводу о том, что рельеф и надпись были сделаны одновременно. Либо, согласно гипотезе, предложенной А. Ю. Виноградовым и Д. В. Белецким, рельеф был сделан при царе Георгии II, а надпись – при Константине Мономахе¹¹. К тому же одни и те же формы крестов, даже если они и характерны для раннехристианского времени, широко использовались и в более позднее время – вплоть до зрелого Средневековья. Поэтому сами по себе они никак не могут служить датирующим признаком.

В характерной для нее пренебрежительной манере обращения к своим критикам исследовательница делает явные фактические ошибки. Так, на с. 63 говорится, что гипотезу о том, что в анакопийской коллекции нет раннехристианских объектов, сформулировал А. Ю. Скаков, однако в действительности это предположение было сформулировано и аргументировано Е. Ю. Ендольцевой¹². На с. 80 А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий осуждаются за то, что в своей книге «Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X вв.» они не используют новые чертежи, а единственное исключение,

⁸ Там же. С. 63.

⁹ Искусство Абхазского царства... С. 87–209.

¹⁰ Там же.

¹¹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 123–124.

¹² Искусство Абхазского царства... С. 87–209.

по словам автора, – это чертежи однефной церкви в Анакопии (авторы – А. С. Агумаа и С. М. Сакания). На самом же деле эти чертежи опубликованы в другой книге¹³.

Утверждение о том, что всю коллекцию нельзя датировать X–XI вв., подкрепляется достаточно произвольным аргументом, что якобы один из блоков «плиты алтарной преграды из проконнесского мрамора, бесспорно, относится к VI в., – эта стандартная импортная продукция юстиниановской эпохи хорошо известна»¹⁴. Однако никаких подтверждающих высказывание аналогий или хотя бы ссылок на каталоги этих «хорошо известных» артефактов автор не приводит. Контраргументы по поводу датировки этого фрагмента будут рассмотрены ниже (см. аннотацию к № 51).

Другим косвенным доводом против предложенной датировки Анакопийской коллекции мог бы служить рельеф с изображением быка и льва у креста из собрания Абхазского государственного музея. Стил и иконография представленной на нем сцены явно родственны рельефам с изображениями зверей из Анакопии. Л. Г. Хрушкова настаивает на необходимости датировать его раннехристианским временем¹⁵. Однако контраргументы исследовательницы не выдерживают критики – прежде всего потому, что, как уже отмечалось выше, Л. Г. Хрушкова явно не дает себе труда вникнуть в систему доводов, предложенных в пользу датировки этого артефакта X–XI вв. (подробнее см. в соответствующей главе данной книги, где рассматриваются рельефы из коллекции Абхазского государственного музея).

В новой книге Д. В. Белецкого и А. Ю. Виноградова, которая обладает, как уже было сказано, рядом несомненных достоинств, предлагается скорректировать дату перестройки церкви св. Феодора в пользу X в. Кроме того, на новой версии датировки

¹³ Искусство Абхазского царства... Прилож. 2–14.

¹⁴ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху... С. 63.

¹⁵ Там же. С. 325–326.

строится теория о бурной строительной деятельности царя Георгия II. Однако если разобраться, то оказывается, что вся система рассуждений базируется на косвенных и весьма расплывчатых указаниях разного рода. Прежде всего это надпись, найденная в северном храме храмового комплекса в Бамборе, где упоминается только титулатура без имени ее носителя. Тем не менее авторы вначале осторожно, а потом уже без всяких сомнений идентифицируют ее именно с царем Георгием II¹⁶. Затем упоминается характер орнамента фрагмента архитрава алтарной преграды, известного по фотографиям и чертежам из отчетов Л. А. Шервашидзе об археологических работах 1973–1974 гг.¹⁷ Этот орнамент авторы считают прямой аналогией резной декорации церкви св. Феодора¹⁸. Повторюсь, что это не совсем так. Узор на фрагменте из Бомборы более плотный, заполняющий собой все пустое пространство плиты, что может свидетельствовать о его более поздней датировке.

Еще одним аргументом в пользу передатировки храма в цитадели Анакопии, по версии авторов, служит фрагмент надписи, где упоминается освящение храма, но без указания года. Выяснение точной даты также является спорным вопросом, который последовательно рассматривает в различных своих исследованиях А. Ю. Виноградов. Датировка Нижнего храма в Анакопийской крепости корректируется в пользу X века, исходя из предложенной передатировки храма св. Феодора¹⁹. В то время как на XI в. и время императора Константина IX Мономаха указывают более красноречивые свидетельства. Среди них две строительные надписи с точным указанием дат, одна из которых сделана на рельефе и, возможно, одновременна с ним. По своим стилистическим и иконографическим особенностям рельеф можно отнести ко времени между серединой X и серединой

¹⁶ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 165.

¹⁷ Там же. С. 163.

¹⁸ Там же. С. 123.

¹⁹ Там же. С. 104.

XI вв. Благодаря ему мы можем уверенно датировать этим временем оставшиеся два изображения зверей из алтаря церкви св. Феодора²⁰.

О бурной строительной кампании в крепости именно при византийцах свидетельствуют также и остатки известняковой печи неподалеку от цитадели. В любом случае предложенная А. Ю. Виноградовым и Д. В. Белецким аргументация требует, чтобы быть убедительной, более системного изложения и более последовательных доводов, чем находим в книге. Желательно было бы больше внимания уделить и рассказу о предполагаемых следах строительной активности царя Георгия II.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК²¹

Адекватная классификация составляющих лапидарную коллекцию разнородных фрагментов могла бы оказать существенную помощь в изучении архитектурной пластики средневековой Абхазии. В мою задачу входит анализ содержательных, стилистических и технических особенностей каждого отдельного рельефа, а также соотнесение этих данных с историческими, эпиграфическими и археологическими сведениями, касающимися существования и развития города-крепости Анакопии и церкви св. Феодора в ней. Полученные результаты помогут включить Анакопийскую коллекцию в общекультурный контекст, определить истоки иконографии имеющихся в ней изображений и их место в истории развития византийского искусства.

Город-крепость Анакопия и каменные рельефы в алтаре церкви св. Феодора не раз привлекали внимание исследователей. Не претендуя на исчерпывающую историографическую справку, отмечу лишь работы, актуальные в рамках постав-

²⁰ Искусство Абхазского царства... С. 101–121.

²¹ В несколько сокращенном виде было опубликовано: Искусство Абхазского царства... С. 87–209.

ленной задачи. Первые публикации с описанием и частичным анализом рассматриваемых рельефов принадлежат русским ученым-путешественникам и лицам духовного сана, участвовавшим в культурном освоении Кавказа после его присоединения к Российской империи. Целый ряд интересных сведений описательного характера встречается в записках графини П. С. Уваровой²² и архимандрита Леонида²³. В. В. Латышев, работая над составлением свода христианских греческих надписей Крыма и Кавказа, также посетил Анакопию. Исследователь интересовался не только камнями с надписями, но и некоторыми рельефами²⁴.

В послереволюционные годы археологические изыскания продолжились. Так, А. С. Башкиров, занимаясь историей Анакопии, проанализировал архитектурные формы и особенности кладки церкви св. Феодора, уделив особое внимание способу ее облицовки и орнаментальной декорации²⁵. Важной вехой в истории изучения Анакопии стали археологические раскопки полевых сезонов 1957–1958 гг. под руководством известного абхазского археолога М. М. Трапша²⁶, первым обратившегося к изучению оборонительных сооружений крепости. Вслед за публикацией результатов этих раскопок Ю. Н. Воронов предпринял попытку обобщения накопленных на тот момент сведений по истории города и рельефов²⁷. Л. Г. Хрушкова представила исчерпывающий обзор истории изучения некоторых анакопийских рельефов в работе, посвященной раннесредневековой скульптуре Абхазии²⁸, однако не все из предложенных ею датировок выглядят обо-

²² Уварова П. С. Христианские памятники Кавказа... С. 7–34.

²³ Архимандрит Леонид [Кавелин Л. А.]. Абхазия...

²⁴ Латышев В. В. К истории христианства...

²⁵ Башкиров А. С. Археологические изыскания...

²⁶ Трапш М. М. Труды. Т. 4. С. 88–149.

²⁷ Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников...

²⁸ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 26–32.

снованными и бесспорными (см., например, кат. Анак. № 1, 2, 3, 10, 11).

В 2004 г. проводились археологические исследования на территории крепости под руководством Ю. Б. Бирюкова²⁹. Эти работы, связанные с подготовкой к, как оказалось, достаточно спорной реставрацией восточной башни цитадели, были организованы по заказу Управления по охране памятников Республики Абхазия. С 2014 по 2017 гг. под руководством О. Х. Бгажбы (принимали участие А. В. Аргун, Г. А. Сангулия, Ш. Кайтан, А. И. Джопуа, архитектор М. А. Быстрицкая) археологами изучалась вторая линия обороны Анакопийской крепости (воротный узел). К сожалению, пока опубликованы только первые результаты этих изысканий³⁰. Дальнейшее обнаружение материалов проведенных работ может стать источником новых интересных сведений по истории крепости.

Переходя к описанию коллекции, следует отметить, что по признакам общности репертуара изобразительных мотивов рельефы подразделяются на пять групп³¹. Первую образуют рельефы с изображениями животных (кат. Анак. № 1–3). Обобщая изложенные в соответствующей главе каталога наблюдения, отмечу, что три однотипных рельефа первой группы из Анакопии могут быть отнесены ко времени правления Константина IX Мономаха. Во всяком случае, их датировка, на мой взгляд, не может выходить за пределы интервала с 60-х годов X в. по 1049 г. Что касается сюжетов, представленных на плитах этой группы, то их возникновение уверенно можно связать с начальной стадией развития христианского искусства на территории Сиро-Палестинского региона и Месопотамии.

²⁹ Автор благодарит сотрудников бывшего Управления по охране памятников Республики Абхазия (к несчастью, ныне покойных В. В. Бжанию и историка-краеведа А. С. Агумаа) за возможность ознакомиться с материалами неопубликованного археологического отчета Ю. Б. Бирюкова за полевой сезон 2004 г.

³⁰ Аргун А. В. Архитектурный анализ...

³¹ Подробнее см.: Искусство Абхазского царства... С. 101–207.

В эпоху развитого Средневековья (X–XI вв.) они приобретают особую популярность в традиционно монофизитских районах (фасадная пластика армянских храмов), а также в некоторых подверженных византийскому влиянию областях Закавказья (Тао, Кларджети). Некоторые элементы этих изображений встречаются в каменной пластике и резьбе по слоновой кости на территории Византийской империи и в регионах, культурно от нее зависимых (Малая Азия, Северная Италия, Киевская Русь). В отдельных районах (Армения) изображения льва и быка появляются на фасадах храмов вплоть до XIV в.

В том, что касается строгой биологической идентификации представленных животных, я готова согласиться с А. Ю. Скаковым. Он предлагает видеть в них некий синкретический образ, появление которого обусловлено «наличием соответствующего мифологического образа, который вычленяется при анализе мифологической и фольклорно-эпической традиции Кавказа»³². К подобному отношению в этом вопросе подталкивает также статья Д. В. Шевченко³³. Ясно, впрочем, что проблема требует более детального рассмотрения. Это и планируется сделать в ближайшее время.

Иконографическая эволюция изображений, чью финальную фазу мы застаем на рельефах первой группы, имеет много общего с теми особенностями, которые характерны для рельефов второй группы (кат. Анак. № 4–13, 86). Ее образуют каменные плиты с крестами. Развитие распределенных по подгруппам типов проходит зачастую одни и те же стадии: возникновение в V–VI вв. в Сиро-Палестинском регионе, распространение в иконоборческое время в Малой Азии (Каппадокия) и в Закавказье (Армения), пышный расцвет в каменной пластике, начиная

³² Скаков А. Ю. Еще раз о датировке...; Ендольцева Е. Ю., Скаков А. Ю. Зооморфные образы в архитектурной пластике Кавказа 9–11 вв. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. V: 37. М., 2020. С. 9–28.

³³ Шевченко Д. В. Проблема идентификации... С. 42–51.

с X–XI вв., в Закавказье и в некоторых областях Византийской империи (Греция, Крым). Интересно, что многие из представленных сюжетов находят прямые аналогии в резном декоре монастыря Осиос Лукас в Фокиде (X–XI вв.). Исключение составляет подгруппа из двух плит с крестами мальтийского типа в низком рельефе, которые напоминают надгробные плиты времен Хазарского каганата, найденные в Крыму.

Большинство рельефов второй группы (за исключением последней подгруппы с «мальтийскими» крестами) может быть отнесено, подобно рельефам первой группы, ко времени между 60-ми гг. X и серединой XI в. Анализ рельефов последней подгруппы подсказывает возможность расширения этого интервала примерно на полвека – до рубежа IX–X вв.

В третью и самую многочисленную группу выделены рельефы с плетеным геометрическим орнаментом и растительными мотивами (кат. Анак. № 14–59). Как и в двух предыдущих случаях, основные варианты плетеных узоров этой группы встречаются впервые на напольных мозаиках Сиро-Палестинского региона в V–VI вв., затем появляются в настенных росписях Каппадокии и, наконец, воплощаются в постикноборческий период в каменной пластике Закавказья, Малой Азии, Греции, Киевской Руси. В хронологическом отношении ближайшие аналогии наблюдаемым типам плетенок и растительных орнаментов распределяются в интервале со второй половины X в. до первой трети XI в., хотя в некоторых случаях отдельные элементы узоров фиксируются и на памятниках XIII–XIV вв.

Четвертую группу составляют рельефы с изображениями архитектурных мотивов и простых полукруглых валиков (кат. Анак. № 60, 64–72). Благодаря сохранившимся *in situ* на западном (кат. Анак. № 70–72) и южном фасадах (кат. Анак. № 87) церкви св. Феодора фрагментам и некоторым аналогиям, их также можно отнести ко второй половине X – первой половине XI в.

Последнюю группу составляют каменные плиты без орнаментальной резьбы (кат. Анак. № 61–63, 73–85), которые будут рассмотрены в рамках вопроса о функции каменных плит алтаря церкви св. Феодора.

Подводя итог, можно заключить, что рельефы всех пяти выделенных групп распределяются по двум периодам. Первую, к которой отнесены две плиты с изображением «малтийских» крестов, следует датировать первой половиной X в., а все остальные – интервалом от 60-х гг. X в. до середины XI в. В функциональном анализе рельефов целесообразно опираться на формальную типологию изучаемого материала.

Прежде всего обратимся к группе плит, которые могут быть идентифицированы как облицовка наличников окон (кат. Анак. № 1–3, 10, 11, 53, 64). Среди них выделяются три самые маленькие по размеру проема плиты с изображениями льва, рыбы, быка и льва у креста. Судя по нижней их части, они украшали небольшие щелевидные оконца с полукруглым завершением. Две плиты с крестами под аркой также могли служить украшениям наличников окон с полукруглым завершением, но более широкого проема. Украшением окна такого же типа, по-видимому, служила и плита, профилированная в верхней части валиками. Еще одна плита этой группы, судя по форме, могла украшать наличник окна с прямоугольным завершением.

В следующую группу входят резные плиты, обрамлявшие входные порталы и, возможно, оконные проемы. По характеру профилировки их можно разделить на две подгруппы. Те, что входят в первую, украшены двумя валиками, между которыми проходит треугольная в сечении тяга (кат. Анак. № 64, 65, 67, 68). К ним примыкают и рельефы, сохранившиеся *in situ* на южном портале (кат. Анак. № 87). Рельефы второй подгруппы тоже украшены двумя валиками, но треугольные в сечении тяги обрамляют их с обеих сторон (кат. Анак. № 66). Этот вид профилировки встречается также на трех блоках, сохранившихся

in situ на западном портале (кат. Анак. № 70–72). Три других рельефа, вероятно, выполнявших ту же функцию, украшены резьбой с изображением переплетающихся кругов большого диаметра (кат. Анак. № 17, 20, 22).

К третьей группе можно отнести камень, который использовался для облицовки некоей граненой конструкции – вероятно, апсиды (кат. Анак. № 15). Размеры и форма плиты подсказывают, что она могла служить именно для этой цели: судя по цоколю, грань соотносится с формой апсиды церкви св. Феодора. Д. В. Белецкий и А. Ю. Виноградов относят к этой же группе и № 53, считая обе находки фрагментами обрамлений окон³⁴.

В следующую группу рельефов входят две надгробные плиты с изображениями «мальтийских» крестов (кат. Анак. № 7, 8) и стела (кат. надп. № 1)³⁵. Функциональное назначение рельефов подтверждают аналогии. Надпись на стеле указывает на ее функцию³⁶.

В пятую группу входят плиты, вероятно, облицовывавшие храм изнутри; в их числе плиты со следами строительных пазов (кат. Анак. № 61, 62, 63).

В отдельную группу следует выделить плиты, которые составляли часть алтарной преграды (кат. Анак. № 4, 31, 32, 40, 41, 51). Оставшиеся фрагменты плит могли украшать алтарную преграду либо быть частью внешней облицовки здания, поскольку мотивы украшений алтарных преград нередко применялись и на фасадах церковных зданий³⁷.

Подводя итог, отмечу, что среди рассмотренных каменных плит можно выделить экземпляры, использованные во внешней облицовке фасадов церковного здания (обрамления окон, входных порталов, апсиды, стен), а также в его внутренней облицовке и в устройстве алтарной преграды. Некоторые из них

³⁴ См.: Искусство Абхазского царства... С. 65–66.

³⁵ См.: Искусство Абхазского царства... С. 212–214.

³⁶ Латышев В. В. К истории христианства... С. 186.

³⁷ Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре... С. 116–123.

могли использоваться в захоронениях внутри храма или в непосредственной близости от него.

Если классифицировать рельефы по технике исполнения, то легко увидеть, что они разнородны, хотя и выполнены из одного материала – видимо, местного известняка.

К первой группе можно отнести плиты, вырезанные в относительно высоком рельефе, с четким рисунком на гладком фоне (кат. Анак. № 1–6, 14–34, 36–40, 49, 51, 53, 54, 65, 66, 70–72). В нее входит большинство камней с орнаментальными плетенками, изображениями животных, рыб и креста, орнаментированного кружочками по углам оконечностей перекладин, плита с крестом без арки, навершие окна прямоугольной формы и растительный орнамент, вероятно, украшавший плиту алтарной преграды.

Ко второй группе – плиты, поверхность которых покрыта насечками (кат. Анак. № 9–11, 60, 64, 67–69, 75–85). В нее входят рельефы с изображениями крестов под арками, плита с аркатурно-колончатым фризом, камни, служившие для облицовки порталов и оконных проемов с профилировкой в виде валиков и некоторые другие плиты без орнамента.

К третьей группе относятся рельефы, не столь высокие, как в первой (кат. Анак. № 12, 41–48, 50, 52).

Ну и к четвертой можно отнести плиты с плоским рельефом и примитивным рисунком. В нее входят две плиты с изображениями «мальтийских» крестов (кат. Анак. № 7, 8).

Возможна и градация рельефов по техническим особенностям, исходя из глубины резьбы. Так, к двум наиболее многочисленным группам можно отнести рельефы с глубиной резьбы приблизительно от 0,2 до 0,6 см (кат. Анак. № 2, 3, 5, 23–33, 36, 38, 42–44) и с глубиной от 0,4 до 1 см (кат. Анак. № 4, 6, 14–20, 34, 35, 37, 39, 40, 41, 45–50, 52, 53). Менее многочисленны группы с глубиной резьбы от 0,9 до 2 см (кат. Анак. № 12, 22, 51), 0,3 см (кат. Анак. № 7, 8), от 3 до 3,5 см (кат. Анак. № 9) и от 4 до 5 см (кат. Анак. № 10, 11).

Надписи на четырех плитах, найденных возле церкви св. Феодора, содержат сведения исторического характера. Три из них вмонтированы в алтарную стену (кат. надп. № 1, 3, 4)³⁸, четвертая утеряна (кат. Анак. № 1, кат. надп. № 2³⁹). Плита с выбитой в конце XIX в. датой «437 г.», по наблюдению В. В. Латышева, является нижней частью ствола креста с постаментом⁴⁰ (кат. надп. № 1)⁴¹. В сохранившихся 17 строках греческой погребальной надписи указан год кончины усопшего – 929⁴². Строительная надпись на утерянной плите повествует о возобновлении какого-то здания, возможно, цистерны; в надписи имеется дата: 6554 = 1046 г.⁴³ Имена двух императорских чиновников и, возможно, Альды (кат. надп. № 3)⁴⁴ упомянуты еще в одной греческой строительной надписи⁴⁵. И наконец, четвертая греческая надпись выполнена на камне, который, по мнению автора, мог являться престольной доской в алтарной нише храма⁴⁶ (кат. надп. № 4)⁴⁷. В ней говорится об освящении храма во имя св. Феодора при архиепископе Михаиле⁴⁸. Несмотря на отсутствие даты, В. В. Латышев по палеографическим признакам отнес ее к XI в. и заключил, что речь в ней идет об освящении храма св. Феодора⁴⁹. А. Ю. Виноградов прочел проигнорированную В. В. Латышевым первую строку со словами «во 2-й индикт» и отнес плиту к 1049 г. (предполагая, что это мог быть тимпан от проема, использованный вторично)⁵⁰. Правда, позднее

³⁸ См.: Искусство Абхазского царства... С. 212–220.

³⁹ Там же. С. 214–216.

⁴⁰ Латышев В. В. К истории христианства... С. 186.

⁴¹ См.: Искусство Абхазского царства... С. 212–214.

⁴² Латышев В. В. К истории христианства... С. 186.

⁴³ Там же. С. 192. Подр. см.: Искусство Абхазского царства... С. 214–216.

⁴⁴ Там же. С. 216–218.

⁴⁵ Латышев В. В. К истории христианства... С. 193.

⁴⁶ Там же. С. 197.

⁴⁷ См.: Искусство Абхазского царства... С. 218–220.

⁴⁸ Латышев В. В. К истории христианства... С. 198.

⁴⁹ Там же. Подр. см.: Искусство Абхазского царства... С. 218–220.

⁵⁰ По предположению Д. В. Белецкого и А. Ю. Виноградова, престол

А. Ю. Виноградов передатировал эту надпись, посчитав, что она была выполнена при царе Георгии II⁵¹.

Благодаря эпиграфическим данным выясняется, что церковь вместе с другими постройками комплекса внутри цитадели⁵², возможно, была украшена при Константине IX Мономахе и освящена в честь св. Феодора в 1049 г. Археологические материалы также проливают некоторый свет на историю храма. Посетив его в 1925 г., А. С. Башкиров отметил, что облицовка здания была произведена позже, чем возведен его основной объем⁵³.

Наиболее серьезные археологические изыскания проводились на территории Анакопии под руководством М. М. Трапша в полевых сезонах 1957–1958 гг. Целью экспедиции было изучение оборонительных линий крепости. Исходя из особенностей кладки, ученый сделал вывод, что сооружение стен цитадели следует относить «ко времени не ранее рубежа V–VI вв.». Исследователь отметил, что башни цитадели могли быть построены позднее, в VII–VIII вв. Это утверждение не уточняет датировку ее стен. При осмотре церкви в цитадели М. М. Трапш обнаружил ее неоднократные перестройки. Так, он предположил, что изначально храм был длиннее⁵⁴. Частичная же облицовка его стен и сооружение западного «пристройка» были отнесены М. М. Трапшем к концу XIX в.⁵⁵ Ученый согласился с мнением А. С. Башкирова, который считал, что основной объем храма был возведен до VIII в., а перестройку храма датировал XI–XII вв.⁵⁶, что точно соответствует эпиграфическим данным⁵⁷.

в храме был, возможно, с четырехугольной крышкой (см.: Искусство Абхазского царства... С. 218–220).

⁵¹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 123–124.

⁵² См.: Искусство Абхазского царства... С. 212–220.

⁵³ Башкиров А. С. Археологические изыскания... С. 54.

⁵⁴ Трапш М. М. Труды. Т. 4. С. 96.

⁵⁵ Там же. С. 97.

⁵⁶ Там же. С. 98.

⁵⁷ Подробный анализ архитектуры данного памятника, принадлежащий Д. В. Белецкому и А. Ю. Виноградову и корректирующий наблюдение

При исследовании культурного слоя внутри башен второй линии обороны экспедицией были найдены, помимо прочего, остатки керамики и монеты, по которым М. М. Трапш установил следующую хронологию развития поселения на Анакопийской горе: IV–II вв. до н. э. – эллинистическое поселение на склонах горы; VII–XI вв. н. э. – период функционирования Анакопийской крепости; VIII–IX вв. – первый период интенсивного строительства оборонительных сооружений; XI в. – второй период интенсивного строительства и обновления оборонительных сооружений⁵⁸. С последним периодом связано не только обновление и восстановление башен и стен второй линии обороны, но и строительство гражданских зданий и других объектов. В их числе печь для обжига извести, обнаруженная на одной из террас крепости⁵⁹, и небольшая одноапсидная церковь, найденная в 1957 г. неподалеку от южной стены внешнего кольца оборонительных сооружений⁶⁰. Внутри этой церкви были найдены два фрагмента белокаменных блоков от алтарной преграды⁶¹ (кат. Анак. № 88, 89), орнаментальная резьба которых идентична двум фрагментам резных плит с плетенками, находившимся в алтарной стене церкви в цитадели.

Следующие по времени археологические исследования имели место внутри цитадели в 2004 г. в связи с подготовкой к реставрации восточной башни. Работами руководил Ю. Б. Бирюков. Исследуя культурный слой внутри сооружения, археолог пришел к выводу, что, судя по характеру керамики и фрагментам резных плит с плетенкой, найденным в верхнем слое, его можно датировать XI в.⁶² При этом Ю. Б. Бирюков отметил, что толщина

ния А. С. Башкирова и М. М. Трапша, см.: *Искусство Абхазского царства...* С. 17–87.

⁵⁸ Трапш М. М. Труды. Т. 4. С. 147.

⁵⁹ Там же. С. 128. Рис. 45.

⁶⁰ Там же. С. 101.

⁶¹ Там же. С. 102. Рис. 35.

⁶² Автор благодарит сотрудников бывшего Управления по охране памятников Республики Абхазия за возможность ознакомиться с неопублико-

культурного слоя не дает возможности говорить об активной строительной деятельности здесь ранее VIII–IX вв.⁶³ Никаких следов существования более древних построек на территории цитадели до сих пор не обнаружено⁶⁴. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий, переосмыслив некоторые свои наблюдения, предложили более детальную хронологию работ в храме св. Феодора. Они предположили, что перестройка этого здания была произведена при Георгии II, между 928 и 955 гг.⁶⁵

Сопоставляя эпиграфические и археологические свидетельства, которые как нельзя лучше согласуются друг с другом, можно заключить, что храм внутри Анакопийской крепости был построен не ранее VI и не позже начала X в. Функционировал же он вплоть до XI–XII вв.⁶⁶ В XI в. при византийском императоре Константине IX Мономахе в крепости были проведены крупномасштабные строительные работы по укреплению южной стены и башен второй линии обороны. Тогда же внутри крепости была построена небольшая одноапсидная церковь, а главная церковь цитадели, возможно, украшена (облицована) и освящена во имя св. Феодора. Найденная в крепости известковая печь свидетельствует о том, что строительные материалы изготавливались на территории Анакопии. Из сообщений «Картлис Цховерба» ясно, что решающую роль в судьбе крепости сыграла битва

ванным отчетом Ю. Б. Бирюкова и самого Ю. Б. Бирюкова, за разъяснения и соображения, высказанные в личной беседе. Другие исследователи, исходя из анализа архитектурных форм башни, предлагают датировать ее XI–XIV вв. См.: Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми, 1977. С. 13–14, 61–64.

⁶³ Данное предположение носит предварительный характер и было высказано в личной беседе.

⁶⁴ Здесь надо учитывать, что крупномасштабных археологических исследований внутри цитадели пока еще не проводилось.

⁶⁵ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 123.

⁶⁶ Оставляем в стороне проблему локализации византийской крепости Трахея VI в., упомянутой у Прокопия Кессарийского. См.: Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии... С. 89–90; Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху... С. 62–67.

с арабским полководцем Мерваном ибн Мухаммедом. В 737 г. он подошел к стенам города, но вынужден был покинуть пределы Абхазии⁶⁷.

С этого момента начинается новая страница в истории Анакопии как главного центра независимого Абхазского царства. Не останавливаясь на анализе этого процесса в книге З. В. Анчабадзе⁶⁸, скажу, что в 80-е гг. VIII в. правитель абхазов Леон II отложился от власти византийского императора и провозгласил себя царем. С этого момента начинается процесс присоединения соседних земель, в результате которого восточная граница Абхазского царства в первой половине X в. «простиралась до Сурамского хребта, а на юге – до реки Чорох, то есть до границ Тао, Кларджети и Картли»⁶⁹. Здесь следует отметить, что государственное образование на территории Тао и Кларджети на протяжении всего X в. выступало главным соперником Абхазского царства в борьбе за главенство в регионе⁷⁰. В результате к началу XI в. возникло новое государственное образование – «царство абхазов и картлийцев» во главе с царем Баграта III, который по материнской линии был внуком абхазского царя Георгия II (929–957 гг.), а по отцу происходил из рода Багратидов.

Немалый вклад в этот процесс внес царь Тао и Кларджети Давид Куропалат, дядя Баграта III (966–1002 гг.)⁷¹. Судя по нумизматическим материалам, правители объединенного государства именовались «царями абхазов» вплоть до Георгия II (1072–1088 гг.), при котором уже носили титул «царей абхазов и картлов (картлийцев)»⁷². Сопоставление рельефов Анакопии с памятниками, происходящими с территорий современной Юго-Западной Грузии и Турции (исторические провинции Тао,

⁶⁷ Анчабадзе З. В. Из истории... С. 93.

⁶⁸ Там же. С. 95–160.

⁶⁹ Там же. С. 117.

⁷⁰ Там же. С. 135.

⁷¹ Там же. С. 164.

⁷² Там же. С. 172.

Кларджети или Верхняя Картли), позволяет датировать большую часть резных плит (за исключением основания креста с погребальной надписью и двух рельефов с изображениями «мальтийских» крестов) периодом от 60-х гг. X в. до середины XI в. Начало этого временного отрезка соответствует периоду наивысшего расцвета Абхазского царства, связанного с деятельностью царя Леона III (955–967 гг.).

Как свидетельствует строительная надпись на храме в Кумурдо, одном из ключевых памятников архитектуры и искусства Верхней Картли, храм был построен по инициативе именно этого царя. Другие храмы на этой территории, на фасадах которых видим ближайшие аналогии некоторым рельефам из Анакопии и строительные надписи, были построены при Давиде Куропалате. Верхнюю хронологическую границу изготовления рельефов из Анакопии определяет надпись с именем византийского императора Константина IX Мономаха и датой (1046 г.).

Из «Летописи Картли» известно, что вторая жена царя Георгия I, осетинская царевна Альда, вместе с сыном Димитрием с 1027 г. жила в Анакопии и пыталась организовать заговор с целью свержения старшего брата Димитрия царя Баграта IV (1027–1072 гг.). После неудачной попытки переворота Димитрий сдал Анакопию византийцам⁷³, которые владели городом до середины 1070-х годов⁷⁴. Именно в это время здесь и были произведены крупномасштабные строительные работы, отраженные археологическими и эпиграфическими свидетельствами. По всей вероятности, рельефы анакопийской коллекции были изготовлены именно в это время. Не исключено, что при визан-

⁷³ См.: Искусство Абхазского царства... С. 97.

⁷⁴ Анчабадзе З. В. Из истории... С. 179. Здесь следует упомянуть также недавно найденную в Болгарии свинцовую печать, принадлежавшую страте Сотириуполю и Анакопии, которая датируется 40-ми годами XI века. См.: Seibt W., Jordanov I. Στρατηγὸς Σωτηριουπόλεως καὶ Ανακούπης. Ein mittelbyzantinisches Kommando in Abchasien (11. Jahrhundert)// Studies in Byzantine sigillography. 2006. Vol. 9. P. 231–239.

тийцах в Анакопии работали местные или приехавшие из Анатолии мастера⁷⁵, которые в своем творчестве воспроизводили художественные формы, бытовавшие на территории Абхазского царства, Тао и Кларджети или Каппадокии примерно на полвека ранее. Р. Шмерлинг объясняет подобное культурное явление принадлежностью мастеров «не к младшему, а к старшему поколению художников этого времени»⁷⁶.

Подводя итог историческому экскурсу, отмечу, что резные плиты, которые были вмонтированы в алтарную стену церкви св. Феодора в цитадели крепости Анакопия, судя по всему, достаточно гомогенны по происхождению. Большинство из них выполнено во время строительных работ, проводившихся здесь при императоре Константине IX Мономахе. Три плиты (одна с погребальной надписью и две с «мальтийскими» крестами), очевидно, были изготовлены в 30-е гг. X в. и покрывали захоронения в западной части церкви или в непосредственной близости от нее. Остальные рельефы, вероятно, сделаны для облицовки зданий снаружи и изнутри и для устройства алтарных преград внутри церкви св. Феодора при ее украшении около 1046 г. и, возможно, нижней церкви.

Факт выполнения большинства рельефов этой лапидарной коллекции в период царствования Константина IX Мономаха заставляет обратить внимание на личность этого императора и на его деятельность по возведению церквей в различных частях Византийской империи. Взойдя на престол в 1042 г., он, словно в подражание своему тезоименитому предшественнику, разворачивает масштабную строительную кампанию с целью украсить некоторые особо почитаемые места паломничеств⁷⁷.

⁷⁵ См.: Искусство Абхазского царства... С. 97–98.

⁷⁶ Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре... С. 115.

⁷⁷ Yildiz Otügen S. Konstantin IX. – “Soliman”, “Einzelkämpfer”, “Siegesbringer” und die “Unbesiegbare” Theotokos // *Medieval Mediterranean. Peoples, economies and cultures, 400–1453. Vol. 33: Byzantine Constantinople. Monuments, Topography and Everyday Life* / Ed. by N. Necipoğlu. Leiden; Boston; Köln, 2001. P. 175–179.

Так, по его приказу украшается церковь св. Георгия в знаменитом Манганском дворце в Константинополе⁷⁸, расширяется Великая Лавра на горе Афон, строится главный собор монастыря Неа Мони на о. Хиос, реконструируется базилика Гроба Господня в Иерусалиме⁷⁹. По сведениям, сообщаемым Кириаком из Анконы, строительство главного собора в монастыре Осиос Лукас в Фокиде – тоже инициатива императора⁸⁰, но эта идея вызывает споры.

По одной из версий, строительство церкви Панагии в монастыре Осиос Лукас следует отнести к середине X в., а главного собора этого монастыря – к 1010 г.⁸¹ Один из оппонентов такой теории, П. Милонас, исходя из анализа архитектурных особенностей комплекса, считает, что церковь Панагии была построена к 1010 г., а главный собор – в промежутке между 1011 и 1048 гг.⁸² Н. Икономидис, со своей стороны, выдвинул гипотезу, которая примиряет обе точки зрения. Анализируя эпиграфический материал, а также архитектурные особенности комплекса и исторические сведения о нем, исследователь предложил следующую периодизацию строительства основных зданий монастыря: церковь св. Варвары и церковь в форме креста над могилой основателя монастыря – св. Луки возникли вскоре после его смерти (953 г.)⁸³, а главный собор монастыря был построен сразу после 1005 г. Тогда же произошло и расширение церкви Панагии (или св. Варвары). С ранними годами правления Константина IX Мономаха

⁷⁸ Maguire H. The Mosaics of Nea Moni: An Imperial Reading // DOP. 1992. Vol. 46. P. 207.

⁷⁹ Mylonas P. M. Nouvelles remarques sur le complexe de Saint-Luc en Phocide // Cahiers Archéologiques. 1992. Vol. 40. P. 120.

⁸⁰ Кириак из Анконы сообщает, что читал об этом в 1436 г. в старой монастырской книге. См.: Ibid. P. 120.

⁸¹ Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age (XI–XIV siècle). II. Paris, 1976. P. 50. № 44.

⁸² Mylonas P. M. Nouvelles remarques... P. 121.

⁸³ Oikonomides N. The First Century of the Monastery at Hosios Loukas // DOP. 1992. Vol. 46. P. 254. См. там же основную библиографию по вопросу.

исследователь связывает украшение некоторых частей главного собора⁸⁴.

Не настаивая на достоверности той или иной версии относительно роли этого императора в строительстве и украшении главного собора в монастыре Осиос Лукас, отмечу лишь, что детали его резного убранства во многих случаях напоминают орнаменты из церкви св. Феодора в Анакопии. Наблюдение справедливо прежде всего для некоторых видов крестов, плетеных геометрических орнаментов и растительных мотивов (кат. Анак. № 4, 5, 29, 36, 38, 39, 51, 53, 89). Подобные иконографические параллели кажутся тем более значимыми для анакопийской коллекции, что пластическое убранство собора в монастыре Осиос Лукас – один из выдающихся примеров византийской скульптуры первой половины XI в., во многом определивший характер ее развития на территории Греции в это и последующее время.

Среди других иконографических параллелей, более определенно связанных с деятельностью Константина IX, – резное украшение Великой Лавры (или Лавры св. Афанасия) на Афоне (кат. Анак. № 38, 39, 89). Рассуждая об основных характеристиках культурной политики этого императора, не следует забывать о том, что его деятельность во многом определяется общим творческим подъемом, связанным с правлением Македонской династии (867–1056 гг.). Как отмечают многие эксперты, наряду с классической составляющей так называемого «Македонского ренессанса» большое значение в формировании этого художественного явления играла тенденция ориентализма⁸⁵, которая определялась модой на восточные предметы роскоши и уклад жизни, распространившейся при дворе византийских императоров, начиная с представителей Македонской династии.

Увлечение восточной модой в Константинополь пришло, вероятно, через посредство правящей и культурной элиты Арме-

⁸⁴ Ibid. P. 251.

⁸⁵ Grabar A. Le succès des art orientaux à la cour Byzantine sous les Macédoniens // Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst. 3 F. Bd II. 1951. P. 32–60, 171.

нии⁸⁶. Как отмечает А. Грабар, на уровне иконографии необычайно популярны были такие традиционные для иранского искусства мотивы (заимствованные, вероятно, у Сасанидов), как изображения экзотических животных (львов, слонов), растительные и геометрические орнаменты, составленные из сочетания различных по размеру окружностей. Этот набор сюжетов появляется прежде всего на шелковых тканях, быстро ставших показателем социального престижа, и вскоре воплощается в других художественных техниках (эмали, рукописи, каменная пластика).

Другая характерная особенность этой тенденции – заимствование и переосмысление некоторых мотивов иконографического репертуара раннехристианского искусства, использовавшихся в оформлении напольных мозаик в церквях Сиро-Палестинского региона. В описываемый период такие мотивы появляются в каменной пластике, то есть на фасадах церквей и на алтарных преградах. Иконографический анализ сюжетов, использовавшихся в украшении рельефов анакопийской коллекции⁸⁷, показывает, что все эти нюансы нашли в ней отражение в полной мере.

Подведем итог. Во-первых, большинство рельефов, находившихся в алтаре церкви св. Феодора на Анакопийской горе, были выполнены в ходе строительных работ, проводившихся в крепости около 1046 г., в правление Константина IX Мономаха. Сюжеты, представленные на этих плитах, аналогичны тем, что использовались в каменной пластике Закавказья для украшения фасадов церквей и алтарных преград, начиная с середины X в. Следовательно, они могут быть включены в контекст развития архитектурной пластики Абхазского царства.

Во-вторых, будучи интерпретированы подобным образом, рельефы рассматриваемой лапидарной коллекции находят многочисленные иконографические и функциональные аналогии в фасадной пластике соседних областей Тао, Кларджети, Картли и др., а также на территории Армении и Византийской империи.

⁸⁶ Ibid. P. 42.

⁸⁷ См. ниже, каталог.

В-третьих, выявленные иконографические сюжеты и возможные особенности их применения в художественном ансамбле комплекса церковных зданий Анакопии вполне вписываются в идею обширной строительной кампании, проводившейся Константином IX Мономахом в различных частях Византийской империи. Характерные мотивы, представленные на анакопийских рельефах (изображения льва, растительные узоры, геометрические орнаменты, составленные из переплетающихся кругов разных диаметров), являются отражением ориентации на Восток, во многом определяющей своеобразие такого культурного явления, как Македонский ренессанс.

КАТАЛОГ

Рельефы с изображениями животных

Среди рельефов анакопийской коллекции прежде всего привлекают внимание изображения животных. Они представлены на трех камнях, два из которых находились в алтаре церкви св. Феодора (теперь они выставлены в зале № 2 музея Абхазского царства в г. Новый Афон), а третий, ныне утерянный, известен по публикации В. В. Латышева 1911 г.⁸⁸ Судя по схожим размерам, технике исполнения и форме, все три камня использовались как облицовочные в качестве верхних наличников щелевидных окон. Предварительный осмотр изображений позволяет выделить три иконографические темы, истоки которых, вероятнее всего, связаны с художественной средой христианских общин поздней античности.

Начну с темы, представленной на утраченном рельефе (№ 1; см. также кат. надп. № 2⁸⁹). Это крест так называемого маль-

⁸⁸ Латышев В. В. К истории христианства... С. 189. См. также: Искусство Абхазского царства... С. 101.

⁸⁹ Искусство Абхазского царства... С. 101.

тийского типа и две полуфигуры быка и льва, размещенные на концах его горизонтальной перекладки. По изображению идет надпись на греческом языке, в которой сообщается о благоустройстве, предположительно, цистерны (кат. надп. № 2⁹⁰) в правление византийского императора Константина Мономаха (1042–1055 гг.). Среди ближайших стилистических аналогий – каменный рельеф, хранящийся в Абхазском государственном музее г. Сухума⁹¹, а также группа рельефов из поселка Мрамба⁹².

Что касается рельефа из Абхазского музея (кат. муз. № 3), это изображение вырезано на массивной известняковой плите (47×68×9 см)⁹³. Дату и обстоятельства появления экспоната в коллекции музея по инвентарным карточкам установить, к сожалению, не удалось⁹⁴. Плита сохранилась не полностью: утрачен правый верхний угол, повреждены верхний и нижний углы слева. Возможно, изначально она имела больший размер. Композиция расположена по центру. Изображение выполнено в низком рельефе на гладком фоне. На левой части плиты сохранился фрагмент валикообразного обрамления, которым, видимо, было оформлено все изображение. Композиция выглядела завершенной и гармоничной.

Смысловой и формальный центр сцены – крест так называемого мальтийского типа. У его подножия – полуфигуры двух животных. В одном из них благодаря четко вырезанным рогам можно узнать быка, другое напоминает льва. Примечательно построение сцены. В большинстве известных

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Ендольцева Е. Ю. Об изображениях... С. 129–132. Рис. 1. См. ответ на критику со стороны Л. Г. Хрушковой во вступительной части к данному каталогу.

⁹² Ендольцева Е. Ю. Группа рельефов... С. 719–729.

⁹³ Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика... С. 12. Ил. 3.

⁹⁴ По сведениям, сообщенным в личной беседе М. К. Инал-Ипа и А. С. Агу-маа, этот рельеф мог быть обнаружен В. И. Чернявским, а после его смерти (1915 г.) мог быть передан в музей.

изображений борьбы между хищником и травоядным лев нападает на быка⁹⁵. На Сухумском рельефе хищник только протягивает лапу к рогам быка. Нет никаких намеков на агрессию, бык и лев спокойно соседствуют друг с другом. Можно сказать, что животные ведут себя миролюбиво. Вопросы датировки, функции и отчасти идентификации представленного на рельефе сюжета пока не решены однозначно, не все существующие версии и предположения на этот счет достаточно убедительны⁹⁶.

По словам хранителя коллекции позднеантичного и средневекового искусства Абхазского государственного музея М. К. Инал-Ипа⁹⁷, рельеф происходит из церкви Са-Мáто на Сухумской горе. Эта церковь, судя по всему, была известна со времени генуэзского владычества, однако вполне возможно и то, что ее возвели раньше⁹⁸.

⁹⁵ Сюжет известен в искусстве Ближнего Востока, начиная с IV тыс. до н.э. См.: Talbot Rice T. Animal combat scenes in Byzantine art // Studies in memory of David Talbot Rice. Edinburg, 1980; см.: Mazar A. Archaeology of the land of the Bible 10000–586 B. C. New York; London; Toronto; Sydney; Auckland, 1992. P. 268. Сюжет о том, как лев терзает быка, приобрел особую популярность на территории Сиро-Палестинского региона, начиная с эпохи хананеев.

⁹⁶ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 30; Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники... С. 203; Hrushkova L. G. Les monuments... P. 145; Хрушкова Л. Г. Неопубликованные малоизвестные предметы византийской эпохи из Восточного Причерноморья // Искусство христианского мира. Сборник статей. Вып. XIV. М., 2017. С. 76, 77.

⁹⁷ Автор выражает сердечную благодарность М. К. Инал-Ипа за помощь в подготовке материала и за возможность ознакомиться с документами, касающимися средневековой пластики Абхазии.

⁹⁸ Название храма Са-Мáто известно по данным XIX в. (абхазское название самой Сухумской горы – «Самáт-хуа»). Возможно, что это искаженное итальянское «Сан Маттео» – Св. Матфей. Впрочем, в Абхазии известно имя Самад (тюркского происхождения?). В 1907–1908 гг. церковь начал разбирать хозяин участка А. С. Юрлов, о чем говорится в переписке между сухумским ученым В. И. Чернявским и графиней П. С. Уваровой. Юрлов, кстати, назвал свою дачу Са-Матто. Окончательно церковь была разрушена в 1940-е гг., и в настоящее время сохранилась лишь ее ограда. Данная информация любезно предоставлена историком-краеведом А. С. Агумаа.

Присутствие на утраченном и сохранившемся рельефах одних и тех же животных, быка и льва, в сцене мирного соседства и наличие креста как композиционного и смыслового центра позволяет предположить, что резчики иллюстрируют один и тот же сюжет. Скорее всего, здесь изображен эпизод из пророчества Исайи (11: 6–9). Иконография этого сюжета в раннехристианское время подробно исследована⁹⁹. Идея о том, что сцену мирного пребывания быка и льва можно соотнести с пассажем из пророчества Исайи, возникла после обнаружения в 1934 г. напольной мозаики в деревне Ма'ин (Иордания)¹⁰⁰. В научный оборот изображение и его интерпретацию ввел Ролан де Во¹⁰¹. Найденные фрагменты мозаичного пола, нижних рядов кладки и фундамента позволили исследователю реконструировать план церкви. Значение сцен прояснилось благодаря частично сохранившимся греческим надписям. В северном приделе церкви, в северо-западном углу, был найден фрагмент прямоугольного мозаичного блока, который предположительно украшал помещение крещальни¹⁰². По сохранившимся деталям в восточной части этой мозаики (видна нижняя часть задних копыт быка, его хвост, холка, часть переднего копыта и кончики рогов) ученому удалось реконструировать сцену, где бык и лев изображены стоящими на задних лапах по обе стороны от гранатового дерева¹⁰³.

К сожалению, мозаика серьезно пострадала от более поздних переделок, выполненных, вероятно, в период иконоборчества.

⁹⁹ См. список основных памятников поздней античности и средневековые аналогии в: Canuti G. L'antitesi leone-toro nei pavimenti musivi absidali del Vicino Oriente tardoantico // IKON. Journal of Iconographic Studies. Rijeka, 2009. Vol. 2. P. 71–85. Note 19.

¹⁰⁰ Деревня располагается в 8 км от города Мадаба, на территории современной Иордании; см.: Vaux R., de. Une Mosaïque Byzantine à Ma'in (Transjordanie) // Revue Biblique. 1938. P. 227–256.

¹⁰¹ Ibid. P. 232, pl. XI, 1.

¹⁰² Ibid. P. 234.

¹⁰³ Ibid. P. 233.

Однако греческая надпись (ΚΑΙ ΛΕΩΝ ΩΣ ΒΟΥΣ ΦΑΓ), воспроизводящая цитату из стиха 7 главы 11 пророчества Исайи, безусловно, относится к тому же историческому слою, что и изображение животных. С учетом стилистических аналогий с напольными мозаиками, обнаруженными в соседних регионах, Ролан де Во датировал интересующий нас фрагмент последней четвертью VI – первой четвертью VII в.¹⁰⁴ и рассматривал его в качестве художественного воплощения мифологемы «золотого века» или вновь обретенного рая.

Как и сцены борьбы между быком и львом, изображения этих животных по обе стороны от Древа жизни пользовались особой популярностью в искусстве хананеев¹⁰⁵. Фрагмент мозаики из деревни Ма'ин – один из тех редких случаев, когда текст надписи проясняет смысл изображения. Можно привести и другой, не менее любопытный пример: на мозаике, украшавшей апсиду главного собора в городе Корикос в Киликии¹⁰⁶, изображение гепарда, быка, льва и козла (последнее утеряно) сопровождалось греческой надписью, воспроизводящей предыдущий стих той же главы пророчества Исайи (Ис 11:6). Несмотря на присутствие других животных, упомянутых в двух стихах главы 11 (6 и 7), эту сцену можно отнести к тому же иконографическому типу, что и предыдущую, так как звери представлены попарно, напротив друг друга, причем между ними возвышается плодовое дерево. Судя по палеографическим особенностям надписи, мозаика из Корикоса – самая древняя среди известных произведений этого типа¹⁰⁷.

Для сцены соседства льва и быка найдется немало аналогий как среди близких по времени, так и среди более поздних памятников. Что касается ранневизантийского периода, то, насколько известно, подобные изображения встречаются преимущественно

¹⁰⁴ Ibid. P. 256.

¹⁰⁵ Mazar A. Archaeology of the land of the Bible... P. 270.

¹⁰⁶ Собор датируется 429 годом. См.: Ibid. P. 108.

¹⁰⁷ Herzfeld F., Guyer S. Monumenta Asiae Minoris Antiquae. London, 1930. Vol. II. P. 106.

в виде напольных мозаик. Этой теме посвящено немало исследований¹⁰⁸. Вот самые характерные примеры.

С учетом географической привязки, стиля и иконографии ближайшей аналогией мозаике из деревни Ма'ин можно считать прямоугольную панель, украшавшую одно из помещений многокомнатного здания, обнаруженного в ходе раскопок в городе Мадаба в 1934 г.¹⁰⁹ Среди четырех пар животных, расположенных вдоль сторон прямоугольника и отделенных друг от друга плодовыми деревьями, одну пару составляют бык и лев. Они словно противостоят друг другу, но без малейших признаков агрессии. Как и в случае с мозаикой из деревни Ма'ин, рядом с ними изображено гранатовое дерево. Открытые в Мадабе мозаики датируют концом VI – началом VII в. благодаря двум надписям, найденным в том же слое¹¹⁰.

К этой же группе мозаик следует отнести и панель, украшающую западную часть центрального нефа церкви святых Лота и Прокопия в деревне Кирбет ал Мухайт (в 3 км от горы Небо, Иордания)¹¹¹. Типологически она идентична мозаике из Мадабы. Ориентируясь на сохранившуюся надпись, строительство самой

¹⁰⁸ Grabar A. *Recherches sur les sources juives de l'art paléochrétien* // A. Grabar. *L'art de la fin de l'antiquité et du Moyen âge*. Paris, 1968. Vol. II. P. 743–765; Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. Москва – Ленинград, 1959. С. 244; Olszewski M.-T. *L'Image et sa fonction dans la mosaïque byzantine des premières basiliques en Orient* // *Cahiers Archeologiques*. 1995. Vol. 43. P. 25; Testini P. *Il simbolismo degli animali nell'arte figurativa paleocristiana* // *L'uomo di fronte al mondo animale nell'alto medioevo*. XXXI Settimana di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1985. P. 1107 sq.; Домбровский О. И. Византийские мозаики Херсонеса Таврического. Познань, 2004. С. 106.

¹⁰⁹ О так называемой мозаике из дома Сулеймана Масры см.: Павловский А. А., Клуге Н. К. Мадаба // *Известия Русского археологического института в Константинополе*. София, 1902. Т. VIII, вып. 1–2. Отд. оттиск. С. 35, табл. XVI; Piccirillo M. *Madaba, le chiese e mosaici*. Milan, Jérusalem, 1989.

¹¹⁰ Павловский А. А., Клуге Н. К. Мадаба... С. 38.

¹¹¹ Olszewski M.-T. *L'Image et sa fonction...* P. 19, Ill. 13; Piccirillo M. *La montagna del Nebo*. Assisi, 1981; Piccirillo M. *Chiese e Mosaici della Giordania Settentrionale*. Jérusalem, 1981.

церкви датируют 557 г. Главные персонажи композиции (противостоящие друг другу бык и лев по обе стороны гранатового дерева или рядом с ним) присутствуют и на мозаичной панели, когда-то находившейся в зале с колоннами в одном из зданий в Антиохии¹¹². Пол так называемого зала ΦΙΛΙΑ (помещение названо в соответствии с обнаруженной на одной из колонн надписью) был украшен одинаковыми по размеру прямоугольниками. На каждом из четырех сохранившихся прямоугольников представлены группы животных, расположенных напротив друг друга. Хищник – всегда справа, травоядное – слева, между ними гранатовое дерево. На основе стилистических и иконографических аналогий последнее изображение относят к самому концу VI в. или к первым десятилетиям VII в.¹¹³

Анализируя этот тип сцен, А. Грабар пишет о влиянии на их иконографию образов в синагогах Палестины¹¹⁴. Его идея нашла отклик и у современного поколения исследователей¹¹⁵. Мастера, украшавшие синагоги мозаиками, могли заимствовать композицию у местного семитского населения¹¹⁶. Те же самые священные животные (бык, лев, орел), связанные с месопотамской системой сакральных образов, в изобилии встречаются в каменной резьбе многочисленных храмов Ваала на территории Сиро-Палестинского региона. Не исключая вероятности иудейского влияния на появление этого иконографического типа в христианском искусстве, можно предположить, что и христиане, и иудеи переняли традицию создания композиций с образами данных животных у местных язычников.

То, как развивалась иконография сюжета в доиконоборческий период, показывают изображения мирно соседствующих живот-

¹¹² Levi D. Antioch Mosaic Pavement. Princeton, 1947. Vol. I. P. 317; Vol. II. Pl. 72.

¹¹³ Ibid. P. 319.

¹¹⁴ Grabar A. Recherches... P. 760–761.

¹¹⁵ Friedman M. An Eschatological Motif in Byzantine and Jewish Art // Cahiers Archéologiques. Vol. 52. 2005–2008. P. 9–22.

¹¹⁶ Grabar A. Recherches... P. 754.

ных, в том числе быка и льва, в сочетании с виноградной лозой – инвариантом Древа жизни¹¹⁷. Пол крещальни при соборе в Мадабе украшен мозаичной панелью с тремя парами животных и виноградной лозой между ними¹¹⁸. На верхнем изображении легко можно различить быка и льва. Как и другие мозаики из Мадабы, это произведение относится к концу VI – началу VII в.¹¹⁹

Бык и лев соседствуют с виноградной лозой и на напольной мозаике из северного нефа собора святого Георгия на горе Небо (Иордания)¹²⁰. Благодаря сохранившейся надписи этот мозаичный комплекс датируют 535/6 гг.¹²¹ Интересно, что в так называемой церкви диакона Фомы на горе Небо у источника Уюн Муса (араб. «ключи Моисея») изображение быка и льва возле гранатового дерева расположено у алтаря в пресбитерии¹²². Там, где сохранилась большая часть напольной мозаики, видно, что в рамках одного памятника бык и лев могут быть показаны и в мирном настроении, и в сцене терзания. Картина райского мира из пророчества Исаяи в этих случаях располагается обычно в центральном нефе церкви или в непосредственной близости от алтаря, в апсиде¹²³, а сцены терзаний – в боковых нефх или в нартексе. Наглядный пример – мозаичный ансамбль из церкви св. Георгия в селе Хуад (Сирия)¹²⁴. Пять пар миролюбивых животных (верхняя – бык и лев) в окружении растений представлены в центральном нефе, сцена терзания быка львом украшает прямоугольную панель в боковом северном нефе. Благодаря сохранившейся мозаичной надписи этот ансамбль можно датировать 568 г.¹²⁵

¹¹⁷ Piccirillo M. The Mosaics of Jordan. Amman, 2008. P. 119.

¹¹⁸ Olszewski M.-T. L'Image et sa fonction dans... P. 14. III. 7.

¹¹⁹ Павловский А. А., Клыге Н. К. Мадаба... С. 38.

¹²⁰ Piccirillo M. The Mosaics of Jordan... P. 178. Fig. 244, 245.

¹²¹ Ibid. P. 178.

¹²² Ibid. P. 187. Fig. 266, 269.

¹²³ Grabar A. Recherches... P. 761.

¹²⁴ Donceel-Voûte P. Les pavements des églises Byzantines de Syrie et du Liban. Décor, archéologie et liturgie. Louvain-la-Neuve, 1988. P. 138. Pl. VIII.

¹²⁵ Ibid. P. 143.

Подводя итог краткому обзору изображений пророчества Исайи (11:6–9) в христианской традиции в доиконоборческий период, можно отметить совпадающие характеристики представленных памятников. Во-первых, все известные на сегодня изображения выполнены в технике мозаики и украшают полы. Во-вторых, в композициях бык и лев показаны друг напротив друга; в сложных построениях все животные «распределены» попарно. В-третьих, бык и лев обычно расположены по сторонам от гранатового дерева или виноградной лозы (как представляется, оба растения указывают на место действия – рай и принадлежат к числу его «атрибутов»). В данном контексте эти растения обозначают, вероятно, Древо жизни и в таком качестве «сопоставляются» с крестом начиная с конца IV в.¹²⁶

Разработка богословской концепции *ξύλον ζωοποιόν*¹²⁷ способствовала появлению на изображениях крестов типа *crux florida* с начала V в. Важно, что в доиконоборческий период Древо жизни иногда показывалось в виде процветшего креста в сценах, представляющих райский покой, в окружении животных и растений. В таких случаях около креста, центра композиции, чаще всего изображались голуби, агнцы, павлины, газели, лани и очень редко хищники. Подобные произведения широко распространены. Они украшают интерьеры (напольные мозаики и каменная резьба алтарей, алтарных преград, амвонов, кафедр) и экстерьер храмов (порталы, резные деревянные двери), встречаются на предметах погребального культа (саркофагах)¹²⁸. Исключение составляет группа памятников из Египта: стелы, скульптурные фрагменты, ткани с необычным типом изображения животных у креста. Среди других зверей, расположившихся около креста типа «анх», постоянно присутствуют орел, бык и лев¹²⁹.

¹²⁶ Wessel K., Restle M. *Reallexikon zur Byzantinischen Kunst*. Stuttgart, 1995. Bd V. S. 28.

¹²⁷ Послания святого Игнатия Богоносца / Введ. и примеч. к ним прот. П. Преображенского. СПб., 1902. С. 25.

¹²⁸ Wessel K., Restle M. *Reallexikon*... P. 121–125.

¹²⁹ Ibid. P. 75–76, 178.

В иконоборческий и послеиконоборческий периоды крест становится одной из главных тем богословских размышлений и экзегезы¹³⁰, что находит отражение и в общей концепции украшения храмов. Изображение креста теперь зачастую занимает центральное место. Некоторые иконографические сюжеты, пользовавшиеся особой популярностью в раннехристианский период, эволюционируют и меняют свое традиционное месторасположение. На фасадах храмов появляются кресты разных типов¹³¹, изображения райского сада с Древом жизни в виде виноградной лозы в окружении животных¹³².

В сценах, которые можно рассматривать как развитие раннехристианской темы райского покоя по пророку Исае (11:6–9), вместо виноградной лозы, гранатового дерева и процветшего креста иногда появляется крест латинского или мальтийского типа. Характерным примером может служить фресковая роспись церкви св. Варвары в Гереме (Каппадокия)¹³³. Ее цветовая гамма и композиционное решение предельно лаконичны: темно-красные силуэты на белом фоне. Ключевой мотив украшения внутреннего пространства – крест. Важно отметить, что кресты, представленные в интерьере этой церкви и на утерянном рельефе с горы Анакопия, очень близки по форме. Но есть и отличие. Если кресты на двух рельефах из Абхазии можно отнести к мальтийскому типу (по классификации, используемой М. Рестле)¹³⁴, то кресты в церкви св. Варвары в Гереме – комбинация мальтийского креста и креста «с каплями на концах перекладин»¹³⁵. Иден-

¹³⁰ Thierry N. Le culte de la croix dans l'empire byzantin du VII au X siècles dans ses rapports avec la guerre contre l'infidèle. Nouveaux témoignages archéologiques // *Rivista di studi Byzantini e Slavi*. 1981. Vol. 1. P. 205–228.

¹³¹ К примеру, церковь Св. Креста на острове Ахтамар (915–921 гг.).

¹³² Wessel K., Restle M. *Reallexikon...* S. 227.

¹³³ Thierry N. *Les églises rupestres* // *Arts de Cappadoce*. Genève; Paris; Munich, 1971. P. 100–104.

¹³⁴ Wessel K., Restle M. *Reallexikon...* S. 25–26.

¹³⁵ *Ibid.* S. 25.

тичность трактовки образа во всех трех случаях становится очевидной, если сравнить два рельефа из Абхазии с росписью боковой стены церкви, где изображены кресты и схематичные фигуры животных и птиц. Здесь явно заметно стремление мастеров к геометризации образов и строгость в использовании художественных средств.

Эти особенности позволяют предположить, что все три памятника были созданы в одно время. Что касается датировки росписи в церкви из Гереме, то ее относят к началу XI в. Если фрески из церкви св. Варвары можно считать стилистической аналогией каменным рельефам из Абхазии, то среди памятников, близких им по типу изображений, «подбору» персонажей и технике исполнения, стоит упомянуть некоторые скульптурные фрагменты, украшающие фасады и внутреннее убранство храмов на территории Закавказья. Так, мирно соседствующие бык и лев представлены по обе стороны щелевидного окна на северном фасаде собора в монастыре в Ошки¹³⁶ (историческая провинция Кларджети, ныне территория Турции). Благодаря сохранившимся на его фасадах строительным надписям, храм и рельефы датируют периодом между 963 и 973 гг.¹³⁷ Однако в данном случае бык и лев изображены отдельно от креста. То же самое относится и к рельефу с фигурами быка и льва, украшавшему карниз фасада храма в Вале¹³⁸. На основе имеющихся архитектурных аналогий время строительства этого храма относят ко второй половине X в.¹³⁹

Другие примеры связаны с каменной пластикой армянских храмов. Над щелевидным окном на западном фасаде церкви св. Креста на острове Ахтамар есть рельеф с изображением процветшего креста, по обе стороны которого видны

¹³⁶ Закарая П. Зодчество Тао-Кларджети. Тбилиси, 1992. Ил. 213.

¹³⁷ Там же. С. 154.

¹³⁸ Аладашвили Н. А. Монументальная скульптура... Ил. 95.

¹³⁹ Меписашвили Р. Храм в с. Вале и два основных периода его строительства // *Ars Georgica*. Тбилиси, 1950. Т. 3. С. 25–52.

две головы: быка и льва, представленные анфас¹⁴⁰. Эту церковь, известную своим резным декором, возвели между 915 и 921 гг. по приказу царя Гагика Арцруни, основателя царства Васпуракан, как одно из сооружений не сохранившейся царской резиденции¹⁴¹. Похожим образом головы быка и льва изображались и позже; например, в притворе храма монастыря Санаин на капители колонны¹⁴². Строительство этого притвора относят к 1181 г.¹⁴³

Аллюзией на коптскую интерпретацию темы райского мира является рельеф, украшающий верхнюю часть аркады под сводом в фамильной усыпальнице армянских князей Прошьянов в монастыре Гегард¹⁴⁴. Сюжет рельефа таков: бык держит веревками двух львов, между которыми – орел с добычей в когтях. Голова быка расположена в непосредственной близости от группы крестов на восточной стене усыпальницы. Это изображение считается фамильным гербом Прошьянов, владевших Гегардом с конца первой половины XIII в.¹⁴⁵ Еще один рельеф, где представлен тот же сюжет, находится на западном фасаде двухэтажной церкви-усыпальницы Аствацацин в древнем городе Егварде. Согласно письменным источникам, строительство этой усыпальницы велось в 1301–1321 гг.¹⁴⁶ Монументальный резной крест расположен над окном, у его подножия ясно видны фигуры льва и быка. Звери показаны в профиль, их головы мирно обращены друг к другу. Интересно, что на восточном фасаде этой

¹⁴⁰ Armenia sacra. Mémoire chrétien des Arméniens (IV–XVIII siècles) / Sous dir. J. Durand, I. Rapti, D. Giovannoni. Paris, 2007. Fig. 10.

¹⁴¹ Ibid. P. 130; Орбели И. А. Избранные труды в двух томах. Т. 1. Из истории культуры и искусства Армении X–XIII вв. М., 1968. С. 69.

¹⁴² Brentjes B., Mnazakanjan M., Stepanjan N. Kunst des Mittelalters in Armenien. Berlin, 1981. Abb. 107.

¹⁴³ Дурново Л. А. Очерки изобразительного искусства средневековой Армении. М., 1979. С. 99.

¹⁴⁴ Токарский Н. М. Архитектура Армении IV–XIV вв. Ереван, 1961. С. 295.

¹⁴⁵ Там же. С. 100.

¹⁴⁶ Там же. С. 299.

церкви изображена сцена терзания. Комбинация сюжетов напоминает о распространенной в доиконоборческое время схеме украшения мозаичных полов церквей Сиро-Палестинского региона. Смена эпох проявилась в том, что один и тот же сюжет воплощен в данном случае в резном декоре фасада храма, а не в технике мозаики, помещенной на полу.

Идентифицировать изображения на утерянном рельефе из Анакопии и на плите из Абхазского государственного музея как иллюстрацию к пророчеству Исайи (11:6–9) предложила Л. Г. Хрушкова¹⁴⁷. Говоря о возможной датировке, исследовательница сослалась на «типичную для раннехристианского времени символику» и отнесла оба рельефа к VI в.¹⁴⁸ В ее рассуждения, на мой взгляд, следует внести коррективы. Бык и лев стали изображаться рядом с крестом, а не с гранатовым деревом или виноградной лозой, не раньше начала X в.; в доиконоборческое время этот сюжет встречался преимущественно в напольных мозаиках, а не в каменной пластике и не в украшениях фасадов и алтарных преград. Это доказывает ряд памятников, представленных в настоящей работе.

Принимая во внимание наблюдения и стилистические аналогии, следует считать, что надпись, вырезанная на утерянном рельефе, была сделана одновременно с изображением. В таком случае она может датировать не только данный рельеф, но и всю группу стилистически близких ему изображений: рельеф из Абхазского государственного музея, рельефы со львом (№ 2) и рыбой (№ 3). Время исполнения этих памятников можно отнести на середину XI в. Сцена на утерянном рельефе, вероятно, является репликой иконографической традиции изображения пророчества Исайи (11:6–9), возникшей в Сиро-Палестинском регионе на начальном этапе формирования образной символики христианского искусства. Реплика представлена на известняке, который использовался во внешней облицовке церкви, и помещена над

¹⁴⁷ Khroushkova L. Les monuments chrétiens... P. 146.

¹⁴⁸ Ibid.

щелевидным окном. Судя по всему, она могла нести в себе элементы апотропического знака. Таким же образом предлагают интерпретировать изображения зверей из Анакопии и авторы недавнего исследования средневековой скульптуры Грузии¹⁴⁹. Правда, ссылаясь на форму верхнего наличника, якобы типичного для грузинской архитектуры именно VIII–X вв., авторы датируют Анакопийские рельефы этим же временем¹⁵⁰.

Возможность подобного толкования рассматриваемого образа в доиконоборческий период допускает и Габриэле Канути¹⁵¹. Состоятельность своей гипотезы исследователь доказывает на основе анализа напольных мозаик V–VII вв. Как уже говорилось, в постиконоборческое время некоторые иконографические темы предыдущего периода начинают появляться на фасадах церквей – в частности, над окнами и порталами храмов. Они могли унаследовать от своих раннехристианских прототипов и элементы апотропического значения. Наличие креста как центра композиции делает эту гипотезу еще более правдоподобной.

Такое же значение могло иметь и изображение льва на одном из двух сохранившихся рельефов с животными из церкви св. Феодора (кат. Анак. № 2). Лев занимал особое место в системе религиозных верований народов Ближнего Востока начиная с эпохи возникновения первых цивилизаций¹⁵². В древнем Египте, например, образ льва ассоциировался с входом. Эта идея была настолько устойчива, что знак, изображающий двух полулежащих львов, символизировал дверь¹⁵³. При этом львы воспринимались не только как стражи – своим присутствием

¹⁴⁹ Dadiani T., Khundadze T., Kvachadze E. *Medieval Georgian Sculpture...* P. 98–99.

¹⁵⁰ Ibid. P. 98.

¹⁵¹ Canuti G. *L'antitesi leone-toro...* P. 71–77.

¹⁵² Мерперт Н. *Очерки археологии библейских стран.* М., 2000. С. 115–205.

¹⁵³ Capriotti Vittozzi G. *Note sull'interpretatio dell'Egitto nel Medioevo. Leoni e sfingi nella Roma Medievale // Images et iura personarum. L'uomo nell'Egitto antico, per i novanta anni Sergio Donadoni. Atti del IX Convegno Internazionale di Egittologia e Papirologia (Palermo, 10–13 novembre 2004) / A c. di P. Minà. Palermo, 2006. P. 49.*

они обозначали место божественного явления¹⁵⁴, охраняя ворота Ра. В период Нового царства эти животные часто изображались вместе с солярными знаками¹⁵⁵. И в культуре шумеров львы воспринимались как священные животные, охранявшие вход в храм или в царский дворец¹⁵⁶. Эта традиция сохранилась у хананеев на территории Палестины¹⁵⁷ и затем утвердилась в системе сакральных образов израильтян¹⁵⁸. Судя по многочисленным письменным и археологическим данным, льву приписывалась особая способность – охранять вход в священное пространство от вторжения демонических сил¹⁵⁹. Подобное отношение к этому зверю сохраняли и хетты в Анатолии¹⁶⁰. На протяжении всего I тыс. до н.э. в культуре восточной Анатолии и Сирии, Финикии и Месопотамии, Персии при Ахеменидах лев входил в число существ, которые оберегали священные дороги, городские ворота и двери храмов, а также фасады и церемониальные залы царских дворцов¹⁶¹.

В VI–IV вв. до н.э. рельефы с его изображением в качестве служителя Великой Матери богов Кибелы появились у входов в скальные гробницы Фригии и северной Анатолии¹⁶². Отчасти

¹⁵⁴ Ibid.

¹⁵⁵ Ibid.

¹⁵⁶ См.: Canuti G. L'anitesi leone-toro... P. 79, note 11.

¹⁵⁷ Мерперт Н. Очерки... С. 193.

¹⁵⁸ Согласно III Книге царств (10, 19), львы сторожили трон царя Соломона.

¹⁵⁹ Canuti G. L'anitesi leone-toro... P. 74.

¹⁶⁰ Ibid.

¹⁶¹ Moscati S. La statuaria // I Fenici. Catalogo della mostra. Venezia, Palazzo Grassi, 1988 / A c. di S. Moscati. Milano, 1988. P. 285, 288, 290; Abu'Assaf A. Der Tempel von 'Ain Dara. Mainz am Rhein, 1990; Mazzoni S. The Gate and the City: Change and Continuity in Syro-Hittite Urban Ideology // Die orientalische Stadt: Kontinuität. Saarbrücken, 1997. P. 307–388; Mazzoni S. Réflexion sur l'espace architectural de la période syro-hittite // Les espaces syro-mésopotamiens. Dimensions de l'expérience humaine au Proche-Orient ancien. Hommage à J.-C. Margueron / Éd. P. Butterlin et al. Turnhout, 2006. P. 231–251.

¹⁶² Prayon F. Phrygische Plastik. Tübingen, 1987. P. 205–206; De Francovich G. Santuari e tombe rupestri dell'antica Frigia e un'indagine sulle tombe della Licia.

эту традицию восприняли греки. В VII–VI вв. до н.э. фигуры львов и других хищников семейства кошачьих встали на страже священных дорог, некрополей, гробниц, саркофагов и мавзолеев¹⁶³. В эпоху эллинизма лев по-прежнему воспринимался в качестве стража священных мест, сохраняя апотропическое значение на погребальных памятниках и в повседневной жизни¹⁶⁴. Представление это распространилось в античном мире настолько широко, что изваяние головы гривастого хищника с кольцом в зубах повсеместно использовалось как дверная ручка¹⁶⁵. Львиная морда украшала изображение дверей на погребальных урнах, алтарях, стелах и саркофагах¹⁶⁶. Судя по многочисленным примерам, она ассоциировалась с дверью в мир живых¹⁶⁷. На некоторых римских саркофагах этот мотив замещает остальные символы, обозначающие границу между двумя мирами¹⁶⁸. Изображение льва или львиной головы в погреб-

Roma, 1990. I. P. 154–156; BerndtErsöz S. *Phrygian Rock-Cult Shrines*. Leiden; Boston, 2006. P. 154, 222–224.

¹⁶³ Richter G. M. A. *Animals in Greek Sculpture. A Survey*. London, 1930. P. 3–9; Gabelmann H. *Studien zum frühgriechischen Löwenbild*. Berlin, 1965; Vermeule C. *Greek Funerary Animals*. 450–300 B. C. // *American Journal of Archaeology*. 76. 1972. P. 49–59; Woysch-Méautis D. *La représentation des animaux et des êtres fabuleux sur les monuments funéraires grecs. De l'époque archaïque à la fin du IVe siècle av. J. C.* Lausanne, 1982. P. 73–77, 132–133. Остальную библиографию по этой теме см.: Canuti G. *L'antitesi leone-toro...* Note 16.

¹⁶⁴ Chiarlo G. R. *Sul significato del sarcofagi a ληνος decorati con leoni* // *Annali della Scuola Superiore di Pisa*. 4. 1974. P. 1307–1345; L'Orange H. P. *The Apotropaic Lion Head and the Arena Lion on the Third Century Sarcophagi* // *Studia Romana in Honorem Petri Krarup Septuagenarii*. Odense, 1976. P. 132–137; Stroszeck J. *Löwen-Sarkophage*. Berlin, 1998; Drijvers H. J. W. *A New Sanctuary at Palmyra* // *Archaeology*. 1978. 31/3. P. 60–61; Guzzo M. G. A., Schneider E. E. *Petra*. Milano, 1997. P. 110.

¹⁶⁵ Kurz O. *Lion-masks with rings in the west and in the east* // *Scripta Hierosolymitana. Publications of the Hebrew University, Jerusalem. Studies in art. Jerusalem*, 1972. Vol. XXIV. P. 23.

¹⁶⁶ Ibid. P. 24.

¹⁶⁷ Ibid.

¹⁶⁸ Ibid.

бальной символике Римской империи было настолько популярно, что перенималось различными народами, входившими в ее состав, независимо от их вероисповедания. К примеру, в искусстве еврейских общин Палестины этот мотив встречается на саркофагах (как рельеф или в виде ручек гроба), над входами в гробницы и синагоги, а также на напольных мозаиках около входа по обе стороны от посвятельной надписи или от меноры и шкафа с торой¹⁶⁹.

В раннехристианском искусстве, как и в дохристианском искусстве Рима, львиная морда с кольцом в зубах ассоциировалась с дверью между двумя мирами. Так, на некоторых саркофагах Гроб Господень показан в виде ротонды с полуоткрытой дверью, где вместо ручки – львиная голова с кольцом¹⁷⁰. На саркофаге из церкви Санта-Тринита во Флоренции этот мотив соседствует с изображением Доброго пастыря¹⁷¹. Необычайная популярность способствовала проникновению образа льва даже в повседневную жизнь. Доказательством служат разнообразные христианские амулеты, где профиль этого зверя становится оберегом от дурного глаза¹⁷².

Несмотря на то что в христианской традиции лев мог восприниматься как в положительном, так и в отрицательном смысле (жестокость, воплощение демона¹⁷³ и смерти¹⁷⁴), установка видеть в нем стража священных предметов и пространств сохраняет силу и в культуре Средневековья¹⁷⁵. Помимо привычных изваяний этих животных у порталов соборов или в виде дверных ручек рельефные изображения львов появляются

¹⁶⁹ Canuti G. L'antitesi leone-toro... P. 74.

¹⁷⁰ Kurz O. Lion-masks... P. 24.

¹⁷¹ Ibid. P. 26.

¹⁷² Matantseva T. Les amulettes byzantines contre le mauvais oeil du Cabinet des Medailles // Jahrbuch für Antike und Christentum. 1994. Vol. 37. P. 110–121. Tav. 14. Fig. a-e, h-i.

¹⁷³ Réau L. Iconographie de l'art Chrétien. Paris, 1955. Vol. 1. P. 92.

¹⁷⁴ Testini P. Il simbolismo... P. 1148.

¹⁷⁵ Capriotti Vittozzi G. Note sull'interpretatio... P. 46.

на фасадах церковных зданий около окон¹⁷⁶. Среди иконографически близких к Анакопийскому рельефу памятников можно отметить некоторые примеры фасадной пластики с территории исторической провинции Тао (ныне в Турции). Так, на фасаде церкви Иоанна Крестителя в Пархали обрамление верхнего наличника окна украшено изображением зверя, напоминающего Анакопийского льва. Важно, что характер расположения декоративных элементов на плите в Пархали идентичен тому, что можно видеть на двух рельефах из Анакопии. В обоих случаях плита оформлена со всех четырех сторон выпуклой рамкой, над небольшой полукруглой выемкой располагается архивольт с профилем выкружки, заключенный между двумя полочками. Изображение находится в середине, между архивольтом и верхней частью рамки¹⁷⁷.

Зверь на плите из Пархали представлен в профиль. Аналогична и поза: лапы опущены, хвост поднят. Правда, на хвосте видна кисточка, чего нет у анакопийского льва. Грива обозначена схематично. По обе стороны от животного симметрично расположены два растения с кудрявыми ветвями. Церковь в Пархали и ее резное убранство датированы достаточно точно – 60–70 гг. X в. Этот временной отрезок определен по сообщению Пархальского евангелия, переписанного в 973 г.

¹⁷⁶ Bernheimer R. *Romanische Tierplastik und die Ursprünge ihrer Motive*. München, 1931. P. 82–125; Klingender F. *Animals in art and thought to the end of the Middle Ages*. London, 1971. P. 293–295; Barta R. *La coexistencia de los signos apotropaicos cristianos y paganos en las entradas de las iglesias románicas* // *Archivo Español de Arte*. 262. 1993. P. 111–132; Velmans T., Korac V., Suput M. *Bisanzio. Lo splendore dell'arte monumentale*. Milano, 1999. P. 436–438; Gianandrea M. *L'Egitto del Faraoni nella Roma dei papi. Riflessioni sull'Egitto nella cultura medievale tra storia, religione e mito* // *La Lupa e la Sfinge. Roma e l'Egitto dalla storia al mito. Catalogo della mostra* (Roma, Museo Nazionale di Castel Sant'Angelo, 11 luglio–9 novembre, 2008) / A c. di E. Lo Sardo. Milano, 2008. P. 137–141; English Frazer M. *Church Doors and the Gates of Paradise. Byzantine Bronze Doors in Italy* // *DOP*. 1973. Vol. 27. P. 145–162.

¹⁷⁷ Беридзе В. Место памятников Тао-Кларджети... Табл. 99; Dadiani T., Khundadze T., Kvachadze E. *Medieval Georgian Sculpture*... P. 174. Il. 358, 359.

«для новой церкви в Пархали»¹⁷⁸. Ее возведение связывают с деятельностью Давида III Великого, получившего в 978 г. звание куропалата, о чем упомянуто в приписках Пархальского евангелия¹⁷⁹.

Подводя итог соображениям по поводу рельефа со львом из Анакопии, следует прежде всего датировать его. Принимая во внимание стилистические аналогии с утеранным рельефом из Анакопии и с рельефом из Пархали, а также содержание надписи на первом памятнике, можно сделать вывод о том, что оба изображения из церкви св. Феодора были выполнены при византийском императоре Константине IX Мономахе около 1046 г. В иконографическом отношении изображение льва, вероятно, является отголоском традиции, возникшей на Ближнем Востоке еще в начале бронзового века.

Наличие по обе стороны от зверя знаков, которые могут быть интерпретированы как солярные, напоминает о древности сюжета. Форма плиты позволяет видеть в ней верхний наличник щелевидного окна. В этом случае украшающий ее лев мог восприниматься как апотропический знак, препятствующий проникновению демонических сил внутрь здания. Правда, некоторые исследователи видят в этом звере не льва, а кабана¹⁸⁰. Д. В. Шевченко такое предположение сделал благодаря своеобразной форме лап, ушей, глаз, линии груди и якобы копыт зверя¹⁸¹. Изображения двух солярных знаков он резонно связал с влиянием дохристианских культов¹⁸². По моему же мнению, попытка биологически точной идентификации представленного зверя в этом и ряде других случаев (например, изображения зверей над входом в храм на горе Лашкендар¹⁸³) требует отдельного обсуждения.

¹⁷⁸ Беридзе В. Место памятников Тао-Кларджети... С. 167.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Шевченко Д. В. Проблема идентификации... С. 42–51.

¹⁸¹ Там же. С. 42.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ См. соответствующую главу данного исследования.

Учитывая качество исполнения зооморфных образов рассматриваемого типа, наиболее разумным кажется согласиться с мнением, осторожно высказанным А. Ю. Скаковым в его недавней статье. Этот исследователь, изучая такие образы на «бронзовых гравированных топорах Кавказа кобано-колхидской культурно-исторической общности»¹⁸⁴ и размышляя над идентификацией зверей над западным входом храма на горе Лашкендар, предложил относиться к проблеме более аккуратно¹⁸⁵. Он обратил внимание коллег на возможность видеть в подобных животных синкретические образы, появление которых обусловлено «наличием соответствующего мифологического образа, который вычленяется при анализе мифологической и фольклорно-эпической традиции Кавказа»¹⁸⁶. В любом случае эта тема требует более детального и углубленного изучения¹⁸⁷.

Третий из анакопийских рельефов с изображениями зверей (кат. Анак. № 3) практически идентичен по форме, размерам и характеру расположения центрального мотива двум предыдущим. На гладкой поверхности плиты между архивольтом с профилем выкружки и верхней рамкой показано существо с хвостом, четырьмя плавниками и открытым глазом, напоминающее рыбу. По обе стороны от нее – два предмета, которые можно идентифицировать как кипарисы. Поскольку в композиции совмещены два смысловых пласта, рассмотрим каждый из них отдельно. В дохристианской культуре Средиземноморья кипарис воспринимался как символ печали, его высаживали на кладбищах или вблизи гробниц. Римляне посвящали это дерево богу Плутону, кипарисовые ветви клали в гробницы усопших, ими украшали в знак траура дома. Возможно, поэтому в христианской традиции кипарис воспринимается как символ вечной жизни. Подобное толкование подкрепляется текстом пророчества Иезекииля, где это дерево перечисляется среди

¹⁸⁴ Скаков А. Ю. Еще раз о датировке...

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Ендольцева Е. Ю., Скаков А. Ю. Зооморфные образы... С. 9–28.

других, произрастающих в саду Божиим (Иез. 31.8). Наиболее распространенная сцена – крест или группа из трех крестов, по обе стороны которых показаны кипарисы. К примеру, на лицевой стороне купели, найденной внутри Крестообразного храма с ковчегом в Херсонесе¹⁸⁸, вырезана группа из трех крестов под арочками, по обе стороны которой изображены кипарисы. Рельеф выполнен на мраморе и, хотя датировка храма является спорной, идентифицируется как ранневизантийский¹⁸⁹.

Судя по некоторым сохранившимся памятникам, эта иконография развивается и в постиконоборческий период. Так, на оборотной стороне знаменитого диптиха Арбавилля из коллекции Лувра изображен латинский крест, по обе стороны которого показаны кипарисы, увитые виноградной лозой¹⁹⁰. У подножия креста представлены разнообразные растения и животные (лев, птицы, заяц), а концы его перекладин и средокрестие украшены цветущими бутонами роз. Все эти детали позволяют видеть в данной сцене изображение райского сада, в центре которого – животворящий крест. Кипарисы в таком случае становятся обязательными элементами композиции. В них можно видеть и символическое изображение Древа жизни¹⁹¹. Диптих выполнен из слоновой кости в Константинополе и датируется серединой X в.¹⁹²

Другое изображение креста и кипарисов того же периода вырезано на плите из Сард, украшавшей алтарь¹⁹³. Композиция реконструируется по трем сохранившимся фрагментам. В ее основе ромб, вписанный в прямоугольник. В центре ромба рав-

¹⁸⁸ Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Под ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клеиной, С. Г. Рыжова. Познань, 2004. № 19. С. 85–89, 175–178. Fot. 44.

¹⁸⁹ Там же. С. 87.

¹⁹⁰ Byzance. L'art byzantin dans les collections publiques françaises. Musées du Louvre 3 novembre 1992–1 février 1993. Paris, 1992. № 149. P. 233.

¹⁹¹ Ibid. P. 234.

¹⁹² Ibid. P. 233.

¹⁹³ Grabar A. Sculptures Byzantines de Constantinople (IV–X siècle). Paris, 1963. P. 93. Pl. XLIV.

ноконечный крест, составленный из растительных и геометрических элементов. Справа от креста (левая часть не сохранилась) внутри ромба из растительного орнамента, обрамляющего крест, вырастает кипарис, обвитый двумя сердцевидными побегами. Мотив кипариса усиливается повторяющимися изображениями в углах прямоугольника¹⁹⁴.

Итак, в ранневизантийский, как и в более поздний период кипарис становится одним из атрибутов райского сада и в этом качестве постоянно изображается рядом с крестом, символизирующим Древо жизни. Другой древний символ, представленный на плите из церкви св. Феодора, – рыба. Восприятие рыбы как символа Иисуса Христа берет свое начало в древнеиудейской традиции, где рыба в качестве чистой еды использовалась для священных пасхальных трапез с мессианским значением¹⁹⁵. Более того, изображение всегда открытого глаза рыбы считалось символом Всевидящего ока Всевышнего¹⁹⁶. В христианской традиции идея евхаристической трапезы и рыбы как ее основного блюда сохранилась. При этом рыба, как чистая пища, стала символом преображенной после воскресения плоти¹⁹⁷. В апологетической литературе рыба трактуется как символ Христа и евхаристической трапезы¹⁹⁸. В качестве символа Христа изображение рыбы встречается и на амулетах, где выполняет функцию оберега от дурного глаза и нападения сил зла¹⁹⁹.

В иконоборческий и послеиконоборческий период на некоторых изображениях рыба показана рядом с крестом. Например, в церкви № 4 в Зельве (Каппадокия) над аркой южной апсиды имеется изображение креста в орнаментированном медальоне с рыбами по обе стороны²⁰⁰. Изображение креста с привязан-

¹⁹⁴ Ibid. Pl. XLIV. 2.

¹⁹⁵ Reallexikon für Antike und Christentum. Bd VII. Stuttgart, 1969. S. 1015.

¹⁹⁶ Ibid. S. 1021.

¹⁹⁷ Ibid. S. 1025.

¹⁹⁸ Ibid. S. 1033.

¹⁹⁹ Ibid. S. 1093.

²⁰⁰ Thierry N. Arts de Cappadoce. Genève, Paris, Munich, 1971. Fig. 74.

ными к нему рыбами, у подножия которого видны воды жизни, есть над входом в церковь № 3 в Зельве²⁰¹. Николь Тьерри датирует обе церкви иконоборческим временем. К этому же периоду исследовательница относит росписи в церкви св. Василия в Синассосе (Каппадокия)²⁰², где в апсиде южного нефа изображены три креста и рыба²⁰³. По другой версии, основанной на иконографическом анализе росписей группы церквей в Каппадокии, время создания живописного ансамбля церкви св. Василия предлагается отнести к X в.²⁰⁴ При этом лаконизм и аскетизм художественных средств выражения и стиля объясняется бедностью заказчика.

Другое необычное изображение, которое может объяснить сцену на рельефе из Анакопии, происходит из северной Месопотамии. В южной люнетте алтаря церкви монастыря Мар Габриел около Картмина в Тур Абдине сохранились следы мозаики с изображением кивория, под сенью которого виден алтарь с литургическими сосудами на нем²⁰⁵. По обе стороны от кивория – кипарисы. Кипарисы, киворий и алтарь с литургическими сосудами изображены также в сцене жертвоприношения в церкви Сан-Витале. Единственное отличие в том, что на равеннской мозаике в этой сцене представлены Авель и Мельхидесек, тогда как на монастырской человеческих фигур нет. Мар Габриел – монастырь монофизитского толка, чем, вероятно, и объясняется нежелание изображать людей²⁰⁶. Согласно

²⁰¹ Ibid. Fig. 75.

²⁰² Ibid. P. 137. Fig. 72.

²⁰³ Teteriatnikov N. The Frescoes of the Chapel of St. Basil in Cappadocia: Their date and context reconsidered // *Cahiers archéologiques*. № 40. Paris, 1992. P. 99–113. Fig. 13.

²⁰⁴ Ibid. P. 100; Epstein A. W. The iconoclast churches of Cappadocia // *Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies*. University of Birmingham, March 1975. Birmingham, 1975. P. 103–111.

²⁰⁵ Mundell M. Monophysite Church decoration // *Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies*. University of Birmingham, March 1975. Birmingham, 1975. P. 66. Fig. 12.

²⁰⁶ Ibid.

письменным источникам, он был основан в 512 г.²⁰⁷ Принимая во внимание все сказанное об изображениях кипариса и символике рыбы в раннехристианском искусстве, можно предположить, что на рельефе из церкви св. Феодора рыба символизирует Евхаристию, а кипарисы указывают на райский сад. Открытый глаз рыбы мог напоминать о Всевидящем оке Всевышнего. Стилистическая и формальная близость третьего рельефа с изображениями зверей к двум предыдущим позволяет датировать его XI в.

Это предположение подтверждается и соответствием изображенной на нем сцены репертуару архитектурной фасадной пластики X–XI вв. Например, на северном фасаде церкви св. Креста в Ахтамаре также встречается изображение рыб в непосредственной близости от окна²⁰⁸. Вероятно, к памятникам этого круга можно отнести и утерянный фрагмент рельефа с изображением рыб, найденный около церкви в Мрамбе²⁰⁹. Учитывая вероятную функцию рельефа (верхний наличник окна) и традиционное в бытовой культуре Сиро-Палестинского региона восприятие рыбы как оберега, можно сказать, что данное изображение, как и два предыдущих из этой группы, несло в себе элементы апотропического значения.

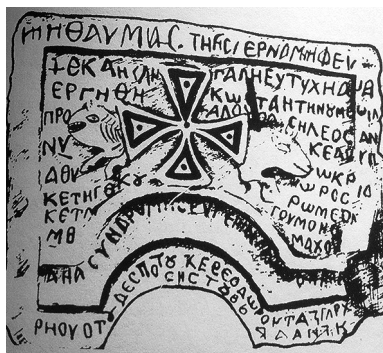
Таким образом, иконография сцены, представленной на рельефе с рыбой, с большой долей вероятности берет начало в художественном контексте первых диофизитских и монофизитских христианских общин Сиро-Палестинского региона. В иконоборческий период ее вариации встречаются во фресковой живописи некоторых церквей в Каппадокии. К X–XI вв. она обретает место на фасадах некоторых храмов Закавказья.

²⁰⁷ Ibid.

²⁰⁸ Der Nersessian S. Acht'amar church of the holy cross. Harvard-Cambridge, 1965. Fig. 41.

²⁰⁹ Ендольцева Е. Ю. Группа рельефов... С. 719–728.

1. Рельеф с изображением быка и льва (ил. 1; см. также кат. надп. № 2²¹⁰).

Известняк.

Размеры: шир. 0,44 м, выс. 0,34 м, толщина 0,19 м²¹¹. Настоящее местонахождение неизвестно. Описан В. В. Латышевым по фотографическим снимкам, присланным ему К. К. Романовым²¹².

Четырехугольная плита со всех сторон обведена выпуклой рамкой. Снизу имеется

полукруглая выемка. Над вырезом – архивольт с профилем выкружки, расположенный между двумя полочками. В центре плиты между архивольтом и верхним краем рамки изображен равноконечный (мальтийского типа) крест с расширяющимися к концам перекладинами, образующими треугольники со слегка вогнутыми дугообразно сторонами. Внутри каждого треугольника вырезан треугольник меньшего размера, в середине которого есть небольшое точкообразное углубление.

На концах горизонтальной перекладины вырезаны полуфигуры зверей. В животном, расположенном слева (для зрителя) от креста, по зубастой пасти и схематичным штрихам на шее, обозначающим гриву, можно признать льва. В животном, расположенном справа, по четко вырезанным рогам можно распознать быка. По поверхности плиты идет надпись. Строки ее расположены на всех свободных от изображения местах. По сторонам верхней перекладины креста вырезаны буквы НС ХС. О палеографических особенностях надписи см. кат. надп. № 2²¹³.

²¹⁰ См.: Искусство Абхазского царства... С. 115.

²¹¹ Латышев В. В. К истории христианства... С. 189.

²¹² Там же. С. 191.

²¹³ См.: Искусство Абхазского царства... С. 214.

Ближайшие стилистические аналогии изображению на плите – два камня с изображениями льва и рыбы из церкви св. Феодора на горе Анакопия (кат. Анак. № 2, 3), а также плита с изображением быка и льва у подножия креста из Абхазского государственного музея²¹⁴ (кат. муз. № 3). В иконографическом плане представленный сюжет можно интерпретировать как иллюстрацию к пророчеству Исаяи (11:6–9), что уже сделано ранее в сопроводительной статье к этой части каталога.

Среди аналогичных по сюжету и по его трактовке изображений²¹⁵ следует указать прежде всего рельефные головы быка и льва в анфас рядом с процветшим крестом с западного фасада церкви св. Креста на острове Ахтамар (X в.)²¹⁶, быка и льва у креста (над щелевидным окном) церкви св. Георгия в Бза²¹⁷ (X в.), быка и льва у креста с западного фасада храма Аствацацин в Егварде (XIV в.)²¹⁸. По сообщению архимандрита Иерона, «камень снят со стены цистерны для собирания дождевой воды, которая стекала в это отверстие (т. е. полукруглый вырез внизу) около бывшего храма»²¹⁹. Судя по форме и размерам плиты, она могла служить верхним наличником щелевидного окна из внешней облицовки фасада здания. Если принять версию чтения надписи, предложенную А. Ю. Виноградовым (см. кат. надп. № 2²²⁰), то это здание могло быть цистерной, находившейся около церкви и составлявшей с ней единый комплекс.

²¹⁴ Ендольцева Е. Ю. Об изображениях... С. 129–132.

²¹⁵ Речь идет только о тех изображениях, где бык и лев показаны по обе стороны от креста или в непосредственной близости от него. Касательно более широкого круга иконографических вариаций на тему мира животных см. сопроводительную к этой части данного каталога статью.

²¹⁶ Armenia sacra... Р. 127. Fig. 10.

²¹⁷ Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. Medieval Georgian Sculpture... Р. 152. II. 283.

²¹⁸ Токарский Н. М. Архитектура Армении IV–XIV вв. Ереван, 1961. С. 299.

²¹⁹ Латышев В. В. К истории христианства... С. 22.

²²⁰ См.: Искусство Абхазского царства... С. 214–216.

Что касается датировки рельефа, на этот счет существуют разные мнения. По версии Л. Г. Хрушковой – это VI в.²²¹ Авторы недавнего исследования средневековой скульптуры Грузии датируют этот рельеф VIII–X вв. по якобы характерной именно для этого времени форме верхнего наличника окна²²². А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий в коллективной монографии, посвященной искусству Абхазского царства²²³, согласились с датировкой, предложенной автором этого исследования (XI в.). Однако в своей работе по церковной архитектуре Абхазии²²⁴ они отнесли этот рельеф, как и два других с изображениями животных, ко времени предполагаемой ими же перестройки церкви св. Феодора (между 928 и 955 гг.) при царе Георгии II (критику этой гипотезы см. в конце вступительной главы «Церковь св. Феодора» в разделе, посвященном рельефам на горе Анакопия)²²⁵. Авторы считают, что надпись была нанесена на рельеф после его создания. Однако, в отличие от Л. Г. Хрушковой, время создания рельефа они относят не к VI в., а к середине X в. В качестве аргумента в пользу этого предположения исследователи называют разницу в палеографии надписей, которую, по их мнению, трудно объяснить, если считать, что надпись об освящении храма была выполнена при Константине Мономахе, а не при Георгии II²²⁶. Кроме того, А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий утверждают, что надпись была с трудом вписана в существующий рельеф, причем двукратно. Плюс ко всему они указывают на неясность причин разрушения и сложность с восстановлением церкви св. Феодора в 1045 г.

²²¹ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 26–28; Khroushkova L. Les monuments chrétiens... P. 145.

²²² Dadiani T., Khundadze T., Kvachadze E. Medieval Georgian Sculpture... P. 98.

²²³ См.: Искусство Абхазского царства... С. 23–87.

²²⁴ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 123.

²²⁵ Там же. С. 123–124.

²²⁶ Там же.

Тем не менее их гипотеза (см. подробнее в конце вступительной главы «Церковь св. Феодора» в разделе, посвященном рельефам на горе Анакопия) строится на последовательности косвенных указаний, большая часть которых впервые отмечена самими авторами. По-моему, эту цепь предположений нельзя считать достаточно убедительной, хотя и опровергнуть трудно. Надпись могла быть нанесена на рельеф и сразу после его исполнения, то есть в то время, когда в крепости были византийцы. Разница в палеографии между надписями в этом случае может быть объяснена разным культурным уровнем выполнявших их мастеров.

Учитывая предложенную А. Ю. Виноградовым и Д. В. Белецким гипотезу, предлагаю расширить возможности датировки рельефа от середины X до середины XI в.

2. Рельеф с изображением льва (ил. 2).

Известняк.

Размеры: шир. 0,44 м, выс. 0,31 м; шир. выкружки 0,15 м, выс. выкружки 0,10 м. Глубина рельефа от 0,2 до 0,5 см.

Находится в зале № 2 Музея Абхазского царства

в г. Новый Афон. Плита прямоугольной формы обведена с четырех сторон выпуклой рамкой. В нижней части плиты полукруглая выемка. Над выемкой – архивольт с профилем выкружки, заключенный между двумя полочками. Изображение льва располагается на гладкой поверхности плиты между архивольтом и рамкой. Зверь показан схематично в профиль, пасть полуоткрыта. Его грива условно передана короткими параллельными штрихами. Видны все четыре полусогнутые лапы и довольно длинный хвост, загибающийся на спину животного. Симметрично по обе стороны ото льва помещены две розетки круглой формы с полукруглыми, находящими друг на друга лопастями

внутри каждой из них, интерпретируемые некоторыми исследователями как «древние солярные символы»²²⁷. Д. В. Шевченко предлагает видеть в этом звере кабана²²⁸.

Среди ближайших стилистических аналогий можно указать утерянный рельеф с изображением быка, льва и креста (кат. Анак. № 1), рыбы (кат. Анак. № 3), а также плиту с изображением быка и льва у креста из Абхазского государственного музея в г. Сухуме (кат. муз. № 3). Иконографические аналогии изображению льва – обрамление верхнего наличника окна с рельефной фигурой льва на фасаде церкви св. Иоанна Крестителя в Пархали (историческая провинция Тао, 960–970 гг.)²²⁹, лев с северного фасада собора монастыря в Ошки (историческая провинция Тао, 963–973 гг.)²³⁰, лев с карниза фасада храма в Вале (историческая провинция Самцхе, вторая половина X в.)²³¹, лев с крестом, розетками и розетками, составленными из геометрических плетеных орнаментов, с верхнего наличника окна церкви в Касагина (X в.)²³², лев, расположенный у подножия колонны, обрамляющей окно в храме в Хахули²³³, а также львы с восточного фасада и с западной части южного фасада на карнизе со звериным гоном²³⁴ церкви св. Креста на о. Ахтамар²³⁵ (915–921 гг.), лев на плите парапета из Археологического музея в Стамбуле (X–XI вв.)²³⁶ и лев на западном фасаде собора в Саване (1046 г.)²³⁷.

²²⁷ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 27.

²²⁸ Шевченко Д. В. Проблема идентификации... С. 42–51.

²²⁹ Беридзе В. Место памятников... С. 167.

²³⁰ Закарая П. Зодчество... С. 164.

²³¹ Мепишавили Р. Храм... С. 25–52.

²³² Dadiani T., Khundadze T., Kvachadze E. Medieval Georgian Sculpture... P. 132. Pl. 221.

²³³ Ibid. P. 170. Pl. 346.

²³⁴ Орбели И. Избранные труды... Табл. XLIII.

²³⁵ Der Nersessian S. Acht'amar church... Pl. 31.

²³⁶ Nezih Firatli. La sculpture Byzantine figure au Musée archéologique d'Istanbul. Paris, 1990. P. 167. № 334.

²³⁷ Mepisashvili R., Zinzadse W., Schrade W. Georgien. Wehrbauten und Kirchen. Leipzig, 1986. S. 350.

В качестве иконографических аналогий розеткам по обе стороны ото льва можно отметить резьбу на фасаде храма в Гудалети (X в.)²³⁸. По сообщению фотографа К. К. Романова, плита была найдена среди развалин в цитадели Анакопии²³⁹. Судя по форме, она служила верхним наличником щелевидного окна во внешней облицовке церкви или близкого по функции здания.

Существует несколько вариантов датировки. Согласно предположению Л. Г. Хрушковой, это VI в.²⁴⁰ Авторы недавнего исследования средневековой скульптуры Грузии датируют этот рельеф VIII–X вв. по якобы характерной именно для того времени форме верхнего наличника окна²⁴¹. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий также доказывают, что рельеф был выполнен в X в. при царе Георгии II²⁴². Но если исходить из анализа иконографических и стилистических аналогий, подкрепленного историческими, эпиграфическими и археологическими данными, его, так же как и утерянный (кат. Анак. № 1), можно датировать гораздо более широко – от середины X до середины XI вв.

3. Рельеф с изображением рыбы (ил. 3).

Известняк.

Размеры: шир. 0,49 м, выс. 0,32 м; шир. выкружки 0,15 м, выс. выкружки 0,09 м. Глубина рельефа от 0,2 до 0,5 см.

Находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

²³⁸ Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент... С. 41.

²³⁹ Латышев В. В. К истории христианства... С. 191.

²⁴⁰ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 27; Khroushkova L. Les monuments chrétiens... P. 145.

²⁴¹ Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. Medieval Georgian Sculpture... P. 98.

²⁴² Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 123, 124.

Это четырехугольная плита, обведенная с четырех сторон выпуклой рамкой. Снизу имеет полукруглую выемку. Над выемкой – архивольт с профилем выкружки, заключенный между двумя полочками. На гладком фоне в середине плиты, между архивольтом и верхней рамкой – изображение рыбы, показанной в профиль. На голове рыбы тонкой линией отчетливо процарапан открытый глаз²⁴³. Схематично, косыми линиями показаны жабры, чешуя на теле обозначена многочисленными точками. По обе стороны от тела животного – четыре плавника, по два с каждой стороны. Симметрично спереди и сзади от рыбы по обе стороны от выемки над полочками показаны два одинаковых предмета. Их верхняя часть представляет собой миндалевидное расширение, нижняя сужена. Частые волнистые линии на верхней части и сужающаяся кверху форма этих предметов позволяют видеть в них два схематично представленных кипариса. Волнистые линии в миндалевидной части обозначают крону. Среди ближайших стилистических аналогий можно назвать утраченный рельеф из Анакопии (кат. Анак. № 1), рельеф с изображением льва (кат. Анак. № 2) и плиту со сценой из пророчества Исайи (11:6–9) из Абхазского государственного музея в г. Сухуме²⁴⁴ (кат. муз. № 3). Прямых иконографических аналогий изображению рыбы между двумя кипарисами выявить не удалось. Тема раскрыта в предисловии к этой части данного каталога.

Среди географически и стилистически близких аналогий – плита с изображением рыбы из Морамбийской церкви²⁴⁵ (кат. Цебельда № 5). Рыба, как и в случае с анакопийской плитой, показана в профиль, ее глаз открыт, чешуя обозначена пунктирными точками. С двух сторон вырезаны плавники, по два с каждого бока. Вопрос о времени исполнения этого рельефа вызывает

²⁴³ См. комментарии к этому разделу данного каталога.

²⁴⁴ Ендольцева Е. Ю. Об изображениях... С. 129–132.

²⁴⁵ Ендольцева Е. Ю. Группа рельефов... С. 719–728; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Исследования средневековых памятников в Цебельде // Археологические открытия 1981–1982 гг. в Абхазии. АН ГССР, АБИЯЛИ. Тбилиси, 1985. С. 33. Табл. XXVI. 3.

дискуссию. По археологическим данным, церковь, из которой он происходит, строилась в два этапа. Первый совпадает с VI в., второй – с XI–XIV вв.²⁴⁶ Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба, руководившие раскопками в этой церкви, без объяснений относят рельефы к первому слою, то есть к VI–VIII вв.²⁴⁷ Принимая во внимание лишь стилистические особенности изображения, представляется возможным отнести этот рельеф ко второму строительному этапу, то есть приблизительно к XI в.

Другой аналогией к рельефу из Анакопии служат фигуры двух рыб, представленных рядом с окном на северном фасаде церкви св. Креста на о. Ахтамар²⁴⁸. Иконографическими аналогиями изображению кипарисов можно назвать те, где кипарисы представлены рядом с крестом: диптих Арбавилля (константинопольского происхождения) из коллекции Лувра (X в.)²⁴⁹, плиту, украшавшую алтарь, из Сард (X в.)²⁵⁰ (сейчас в Археологическом музее Стамбула), а также кипарис под арочкой на архитраве каменной резной алтарной преграды из музея в Смирне (XI в.)²⁵¹, кипарис около орнаментальной розетки на архитраве алтарной преграды из того же музея (XI в.)²⁵². Кроме того, нельзя не отметить два кипариса у креста на фрагменте саркофага из Преспы (XI в.)²⁵³, два кипариса по обе стороны от христогограммы на плите из балюстрады трибуны в соборе св. Марка в Венеции (XI в.)²⁵⁴, два кипариса около розетки, обрамленные крестами на саркофаге, из собора св. Софии в Киеве (XI в.)²⁵⁵, кипарисы под арочками, чередующиеся с крестами на другом саркофаге из собора св. Софии в Киеве (XI в.).

²⁴⁶ Там же. С. 33.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Der Nersessian S. Acht'amar church... Fig. 41.

²⁴⁹ Byzance... P. 233.

²⁵⁰ Grabar A. Sculptures Byzantines de Constantinople... P. 93. Pl. XLIV. 2.

²⁵¹ Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age... № 28. P. 47. Pl. XIII a.

²⁵² Ibid. № 29. P. 48. Pl. XIII b.

²⁵³ Ibid. № 50. P. 64. Pl. XXXVII.

²⁵⁴ Ibid. № 73. P. 75. Pl. XLV.

²⁵⁵ Ibid. P. 86. Pl. LVI. 317; Ibid. № 76. P. 86. LVIII.

По сообщению В. В. Латышева (со слов К. К. Романова), рельеф был найден в развалинах около церкви св. Феодора в цитадели Анакопии²⁵⁶. Судя по форме плиты, она выполняла функцию верхнего наличника щелевидного окна во внешней облицовке церкви или другого, близкого по функции здания. По поводу датировки существует несколько мнений. Л. Г. Хрушкова настаивает на VI в. Авторы недавнего исследования средневековой скульптуры Грузии датируют этот рельеф VIII–X вв.²⁵⁷ А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий также доказывают, что этот рельеф вместе с другими был выполнен в X в. при царе Георгии II²⁵⁸. По моему мнению, этот рельеф, как и два предыдущих, можно датировать более широко – от середины X до середины XI в.²⁵⁹

Рельефы с изображениями крестов

Крест – один из самых широко распространенных образов в христианском искусстве. Иконографических типов изображений креста очень много. Среди рельефов, которые были в алтаре церкви св. Феодора, можно выделить процветшие кресты (сгух florida) (кат. Анак. № 4, 5), кресты так называемого мальтийского типа – «с капельками на концах»²⁶⁰ (кат. Анак. № 6), группу из трех крестов, или голгофские кресты, и кресты «под арочками» (с архитектурными элементами) (кат. Анак. № 10, 11), латинские кресты (кат. Анак. № 9), латинские кресты в медальоне (кат. Анак. № 12), крест мальтийского типа (кат. Анак. № 7, 8) и крест с перекладинами на концах (кат. Анак. № 13)²⁶¹.

²⁵⁶ Латышев В. В. К истории христианства... С. 191.

²⁵⁷ Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian Sculpture... Р. 98.

²⁵⁸ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 123, 124.

²⁵⁹ Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 225–243.

²⁶⁰ Wessel K., Restle M. Reallexikon... S. 28.

²⁶¹ Ibid. S. 25.

Процветший крест появился на начальном этапе формирования христианского искусства. В основе его иконографии – сопоставление ветхо- и новозаветной символики, а именно Древа жизни, посаженного Богом в райском саду²⁶², и древа креста²⁶³. Богословская концепция креста как Древа жизни впервые была сформулирована св. Игнатием Богоносцем²⁶⁴. Распространение образа процветшего креста с виноградной лозой как райского мотива прослеживается с начала V в.²⁶⁵ В доиконоборческий период процветший виноградной лозой крест чаще всего появляется на напольных мозаиках храмов, в каменной резьбе алтарей или алтарных преград, амвонов, кафедр, а также на порталах, резных дверях и на предметах погребального искусства (саркофагах)²⁶⁶. С конца V–VI вв. распространяются изображения процветшего креста в апсидах, на внутренних сводах церквей, а также на фасадах храмов²⁶⁷. Чаще всего в этих местах процветший крест изображается в иконоборческий и послеиконоборческий периоды²⁶⁸.

Апогей популярности процветшего креста в послеиконоборческий период совпадает с концом IX в. Его изображения особенно часто встречаются на территории Каппадокии и Армении. В Армении этот образ присутствует на хачкарах, появление и формирование которых относится к IX–XII вв.²⁶⁹ Вероятно,

²⁶² Быт 2.9; Отк 2.7, 22.2.

²⁶³ Гал 3.13; Деян 10.39.

²⁶⁴ Послания святого Игнатия Богоносца... С. 25.

²⁶⁵ Wessel K., Restle M. Reallexikon... S. 28.

²⁶⁶ Ibid. S. 121–125.

²⁶⁷ Thierry N. La croix en Cappadoce. Typologie et valeur representative // Le site monastique copte des Kellia. Sources historiques et explorations archéologiques. Actes du Colloque du Genève 13 au 15 août 1984. 1986. P. 201–203.

²⁶⁸ Thierry N. L'iconoclasme en Cappadoce d'après les sources archéologiques. Origines et modalités // Rayonnement Grec. Hommages à Charles Delvoye. Bruxelles, 1982. P. 391–393.

²⁶⁹ Donabédian P. Le khatchkar // Armenia sacra. Mémoire chrétienne des Arméniens (IV–XVIII s.). Paris, muse du Louvre, 21 février–21 mai 2007 / Sous dir. J. Durand, I. Rapti, D. Giovannoni. Paris, 2007. P. 153.

их возникновение связано с утверждением в Армении монофизитства на соборе 726 г.²⁷⁰ На многих хачкарах изображение процветшего креста дополняется разнообразными растительными мотивами, в том числе гроздьями винограда и плодами граната²⁷¹. В X–XI вв. в композицию с крестом в сочетании с виноградной лозой добавляется плетеный геометрический орнамент²⁷². Например, рельеф из церкви св. Феодора (кат. Анак. № 4) украшен изображением плетеного орнамента и креста. Вопрос о времени создания этого рельефа уже рассматривался²⁷³, а вот вопрос о его функции остался нерешенным.

Наиболее близким в иконографическом отношении изображением можно считать рельеф, который находится в национальном заповеднике «Херсонес Таврический»²⁷⁴. Камень из Херсонеса, как и анакопийский рельеф, известняковой породы. Несмотря на то, что последний несколько меньше по размеру (ширина 27 см, высота 25 см, толщина 12 см)²⁷⁵, чем первый, оба камня практически одинаковы по форме. Две грани херсонесского рельефа, образующие тупой угол, украшены резными изображениями. Ребро, разделяющее их, слегка выделено. Как и в предыдущем случае, на одной из граней сохранился фрагмент плетеного орнамента, составленного из ленты в три полосы. Сходны также глубина рельефа и техника исполнения. Сверлом отмечены центры небольших по радиусу окружностей. Плетеный геометрический орнамент на херсонесском рельефе дополнен похожим по технике изображением креста так называемого мальтийского типа с расширяющимися к концам перекладинами. Углы этих перекладин украшены небольшими по радиусу окружностями с высверленным центром.

²⁷⁰ Ibid. P. 156.

²⁷¹ Ibid. P. 156–157.

²⁷² Ендольцева Е. Ю. Об одном мотиве... С. 96–99.

²⁷³ Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 225–243.

²⁷⁴ Византийский Херсон. Каталог выставки / Ред. Л. Голофаст, А. Романчук, С. Рыжов, И. Антонова. М., 1991. С. 145. № 149.

²⁷⁵ Там же. С. 145.

На второй грани рельефа изображены процветший крест и виноградная лоза с гроздьями по обе стороны от него. По форме и технике исполнения этот крест идентичен фрагментированному кресту на правой грани анакопийского рельефа. Важно отметить, что его продольная ось тоже перпендикулярна выступающему ребру рельефа. Однако виноградная лоза, гроздь и листья выполнены гораздо более натуралистично. Очевидно, что схематичная волнообразная лента, обрамляющая часть перекладки анакопийского креста, имитирует виноградную лозу с гроздьями, как и на рельефе из Херсонеса. В отличие от резного камня из церкви св. Феодора, предназначение херсонесского камня более-менее ясно. Вероятнее всего, это часть архитрава алтарной преграды²⁷⁶. К сожалению, подтвердить это предположение археологическим контекстом находки невозможно, поскольку рельеф происходит из плохо документированных раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича²⁷⁷. Однако некоторые аналогии с архитравами алтарных преград XI в. с территории Греции, шестигранными в сечении и украшенными плетеными геометрическими орнаментами и процветшими крестами, делают его весьма вероятным²⁷⁸.

В некоторых случаях те же элементы (плетеный геометрический орнамент, процветший крест с виноградной лозой и гроздьями, крест «мальтийского» типа с каплеобразными завершениями на углах перекладин) встречаются не на архитраве алтарной преграды, а на ее вертикальных столбиках. Среди греческих примеров стоит прежде всего указать на резное украшение иконостаса из собора в Серрах (XI в.)²⁷⁹. Они же укра-

²⁷⁶ Домбровский О. И. Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей // Сообщения Херсонесского музея. 1963. Вып. III. С. 85.

²⁷⁷ Гриневиц К. Э. Деятельность К. К. Косцюшко-Валюжинича (1888–1907) // Сто лет херсонесских раскопок. 1827–1927: Исторический очерк с экскурсионным планом. Севастополь, 1927. С. 23–38.

²⁷⁸ Архитрав алтарной преграды в церкви Оснос Лукас в Фокиде: Grabar A. *Sculptures Byzantines du Moyen Age*... Pl. XXV.

²⁷⁹ Ibid. Pl. XXXVIII.

шают и столбик, найденный в селе Анухва, которое находится неподалеку от горы Анакопия²⁸⁰. Призма столбика, которая служит основанием колонок, на каждой из четырех граней имеет украшение в виде изображения процветшего креста с двумя гроздьями винограда. Нижняя часть композиции заполнена плетеным геометрическим орнаментом, что создает эффект вырастания креста из затейливого узора.

Говоря о стилистических и технических особенностях резьбы этого столбика, в частности, о трактовке лент плетения, количество которых увеличивается до трех, Л. А. Шервашидзе приходит к выводу, что памятник может быть датирован XI в.²⁸¹ Гипотезу, на его взгляд, подтверждают и результаты анализа особенностей ктиторской надписи, украшающей рассматриваемый объект²⁸². Надпись позволяет определить и функцию столбика. Фраза из текста «Воздвиг крест сей...», написанная асомтаврили, указывает, по мнению Л. А. Шервашидзе, на постамент креста²⁸³. Размеры памятника (высота 2,26 м, сечение по всей длине – 27,5×22 см)²⁸⁴ позволяют считать его предалтарным крестом (см. главу о рельефах из АГМ в этой книге) (кат муз. № 13).

Множество столбиков алтарных преград с подобным характером декора встречается не только на территории Греции, но и в Грузии²⁸⁵. Ближайшей аналогией по характеру украшения (процветший крест, словно вырастающий из геометрического орнамента) является столбик, обрамлявший центральный пролет алтарной преграды в храме в Потолети²⁸⁶. Опираясь на результаты анализа конструктивных особенностей этой преграды, а также стилистики и техники ее резьбы, Р. Шмер-

²⁸⁰ Шервашидзе Л. А. Столб из села Анухва... С. 176–185.

²⁸¹ Там же. С. 183.

²⁸² Там же. С. 184.

²⁸³ Там же. С. 176.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ Шмерлинг Р. Малые формы... С. 53.

²⁸⁶ Там же. С. 53. Табл. 22, 23.

линг относит памятник к X в.²⁸⁷ Рассуждая об эволюции типов алтарных преград в средневековой Грузии, исследовательница отмечает, что зачастую поверх архитравов могли быть установлены кресты²⁸⁸. Р. Шмерлинг отмечает и другую особенность украшения алтарных преград – изображение креста на архитраве²⁸⁹.

Подводя итог, укажу в первую очередь на возможность идентификации рельефа, который находился в церкви св. Феодора на горе Анакопия, и камня из Херсонеса как фрагментов архитравов алтарных преград. Что касается датировки первого объекта, то, исходя из стилистического анализа близких ему иконографических аналогий, а также из археологического и исторического контекста²⁹⁰, время его создания следует определить XI в. По мнению О. И. Домбровского, рельеф из Херсонеса нужно датировать XII–XIII вв.²⁹¹ Однако, учитывая приведенные стилистические и иконографические аналогии (археологический контекст неизвестен), и его можно «составить» на сто лет, то есть отнести к XI в.

Вернемся к анакопийским рельефам. Если принять предположение о том, что фрагмент (кат. Анак. № 4) является частью архитрава алтарной преграды, то к этой же конструкции можно было бы отнести и другую плиту (кат. Анак. № 6) – в качестве нижней части столбика²⁹². Таким образом, репертуар орнаментов, использовавшихся в украшении каменных резных алтарных преград в XI в. на территории Греции, Крыма, западного Закавказья, следует дополнить еще одним мотивом (процветший крест с плетеным геометрическим рисунком и мальтийским крестом с капельками на углах перекладин).

²⁸⁷ Там же. С. 54.

²⁸⁸ Там же. С. 45.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 124.

²⁹¹ Домбровский О. И. Херсонесская коллекция... С. 85–86. Рис. 7.

²⁹² См. аннотацию к рельефу № 6.

Следующий тип креста на камнях анакопийской коллекции – так называемый мальтийский крест. На рельефе (кат. Анак. № 6) представлена его усложненная форма – «мальтийский крест с каплями на углах перекладин», по классификации М. Рестле²⁹³ и Эриха и Эрики Динклер²⁹⁴. Распространение этой формы креста обычно связывают с влиянием Сиро-Палестинского региона²⁹⁵, однако чаще всего она встречается на памятниках Закавказья²⁹⁶. Первые изображения появляются уже в V в. Как правило, это крест простой формы, вписанный в круг. Оформление медальона может быть богато украшено зигзагообразным геометрическим или растительным орнаментом²⁹⁷. Этот тип изображения зафиксирован на некоторых памятниках Каппадокии и центральной Грузии V–VI вв., нередко его можно встретить в Армении (V–VIII вв.). В период иконоборчества мальтийские кресты в медальонах распространяются не только в Каппадокии, но и по всей территории Малой Азии. Можно говорить о развитии орнаментальных деталей, сосредоточенных на украшении углов перекладин.

Уже известный набор мотивов обогащается изображением павлиньего глаза²⁹⁸. В некоторых случаях украшаются и сами перекладины креста. Привычные элементы дополняются стилизованными изображениями стебля цветка, копьевидными узорами, павлиньим пером или листьявидными орнаментами²⁹⁹. Последний тип с акцентом на растительные мотивы дожил в Каппадокии в стилизованном виде до X в.³⁰⁰ Он встречается как в монументальной живописи (росписи апсид и сводов), так

²⁹³ Wessel K., Restle M. Reallexikon... S. 28.

²⁹⁴ Dinkler E., Dinkler – von Schubert E. Kreuz// Lexikon der christlichen Ikonographie. Bd. II. Rom-Freiburg, 1970. S. 562–590.

²⁹⁵ Ibid. S. 29.

²⁹⁶ Thierry N. La Croix en Cappadoce... P. 198.

²⁹⁷ Ibid.

²⁹⁸ Ibid.

²⁹⁹ Ibid.

³⁰⁰ Ibid. P. 199.

и на погребальных памятниках (своды гробниц и могильные плиты) (кат. Анак. № 7, 8).

В более простом виде, без украшения перекладин и рамки медальона мальтийские кресты появляются в Каппадокии и в XI в. в качестве апотропических знаков над входом или над окнами церковных зданий³⁰¹. В этот и последующий периоды интерес к ним сохраняется в Закавказье. Кресты украшают фасады зданий или надгробные плиты. В анакопийской коллекции надгробные плиты, украшенные мальтийскими крестами простого типа, относятся к IX – нач. X в. (кат. Анак. № 7, 8).

Другая группа крестов, представленных среди рельефов, находившихся некогда в церкви св. Феодора, – так называемые латинские кресты³⁰². Появление их фиксируется на погребальных стелах, в настенной живописи, на диптихах из слоновой кости или на ампулах паломников начиная с VI в.³⁰³ Встречаются они в различных областях Византийской империи. Как правило, это кресты с удлиненной вертикальной перекладиной с незначительным расширением на концах. Их могли изображать стоящими на небольшом глобусе, внутри аркады или под арочкой, доходящей до горизонтальной перекладины. В композициях райского сада кресты этого типа совмещаются с Древом жизни. В таких случаях по обе стороны от креста показаны кипарисы, пальмовые листья или схематические изображения кустов плюща³⁰⁴.

Иногда латинский крест показан под аркадой (аллюзия на архитектуру идеального города последних времен, небесного Иерусалима) или между двумя полуоткрытыми завесами. В композициях, изображающих четыре реки рая и агнца, также фигурируют кресты латинского типа. В эпоху Средневековья сцены с изображением латинского креста, возникшие в ранне-византийский период, появляются в новом контексте. Они полу-

³⁰¹ Ibid.

³⁰² Wessel K., Restle M. Reallexikon... S. 28.

³⁰³ Thierry N. La Croix en Cappadoce... P. 197.

³⁰⁴ Ibid. P. 198.

чают широкое распространение в росписях скальных церквей Каппадокии иконоборческого периода, а также в традиционно монофизитских районах северного Междуречья и Армении. В некоторых местах Каппадокии (Гереме, Зельве) латинские кресты большого размера изображаются на сводах нефов и на плафонах церквей вплоть до X в., становясь, таким образом, центральным элементом фрескового ансамбля³⁰⁵.

В Закавказье и после торжества православия латинские кресты, как и кресты других типов, продолжают оставаться излюбленным мотивом украшения церквей. Их рельефные изображения в изобилии встречаются в фасадной пластике этого региона в период зрелого Средневековья. Чаще всего они появляются над окнами и входами (или в непосредственной близости от них), выполняя функцию апотропических знаков³⁰⁶. Эта же характеристика, по всей вероятности, применима к рельефному кресту (кат. Анак. № 9) с подставкой в виде небольшого шара или глобуса. Форма плиты, на которой вырезан этот крест, не дает возможности судить о ее функциональном назначении, однако на рельефе, находившемся над щелевидным окном южного фасада храма в крепости Бзыбь, показан очень близкий по форме крест³⁰⁷. Это латинский крест, перекладыны которого расширяются к концам и завершаются небольшими выемками. Он занимает центральное положение в композиции из трех так называемых голгофских крестов. В отличие от двух боковых этот крест, так же как и анакопийский (кат. Анак. № 9), стоит на небольшой шаровидной подставке. Анализируя особенности композиции бзыбского рельефа, Л. Д. Рчеулишвили полагает вероятной датой его создания IX в., однако отмечает, что подобная композиция могла встречаться и в XI в., но в качестве анахронизма³⁰⁸.

³⁰⁵ Ibid. P. 200.

³⁰⁶ Ibid.

³⁰⁷ Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура... С. 15. Табл. 7. 1.

³⁰⁸ Там же. С. 26.

К этой же группе можно отнести рельеф (кат. Анак. № 12) с латинским крестом с расширяющимися к концам перекладинами, завершаются которые «ласточкиным хвостом». Крест изображен в венке, сплетенном в виде жгута. По характерной пластической лепке³⁰⁹ и насечкам, придающим объем изображению венка, памятник можно датировать временем не ранее середины X в. В VI–VII вв. кресты в медальонах изображались над входом или над окном на фасаде церкви³¹⁰, но это были исключительно равноконечные кресты мальтийского типа. Практика изображать в медальоне над входом кресты латинского типа возникла значительно позже. Некоторые аналогии – например, рельеф, находившийся над западным порталом церкви св. Симона Кананита на границе Анакопии³¹¹, свидетельствуют в пользу датировки не ранее IX в.

На двух однотипных рельефах (кат. Анак. № 10, 11) тоже представлены латинские кресты с расширяющимися к концам перекладинами. В обоих случаях их осеняют арочки, завершающиеся импостами. Форма плиты одного рельефа (кат. Анак. № 10) – полукруглый вырез в нижней части – позволяет видеть в обоих случаях резные навершия окон. На другом (кат. Анак. № 11) представлена композиция из трех крестов. Очевидно, что это так называемые голгофские кресты. Как установил Д. В. Айналов³¹², эта иконографическая тема берет начало в Палестине, откуда она распространилась по другим регионам.

Композиция, которая символизирует сцену распятия Христа на Голгофе, нашла отражение в многочисленных памятниках христианского мира. Ее развитие связывают с литургическими службами Иерусалима, где культ креста, победного знака Страстей, был центральным образом литургии³¹³. Среди наиболее

³⁰⁹ Там же. С. 29.

³¹⁰ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 31.

³¹¹ См. соответствующую главу данного исследования.

³¹² Айналов Д. В. Эллинистические основы Византийского искусства. СПб., 1901. С. 197–200.

³¹³ Thierry N. La Croix en Cappadoce... P. 205.

известных примеров – роспись в церкви Санта Мария Антиква в Риме и некрополь в Софии³¹⁴. Одна из характерных черт этой иконографии – выделение центрального креста размером, декором или формой. В период иконоборчества композиция из трех крестов получила широкое распространение в Каппадокии, где изображалась по преимуществу в апсидах и на сводах церквей³¹⁵. Впоследствии в росписях этого региона она встречается гораздо реже. Напротив, на территории Закавказья она продлевает свое существование вплоть до XIV в.³¹⁶

Заметное место в тематическом репертуаре фасадного декора христианских храмов Закавказья тема голгофских крестов занимает в VIII–XI вв. Можно указать и на более раннюю архитектурную пластику. К примеру, на капители северной галереи Болнисского Сиона (V в.) изображены три креста под арочками³¹⁷. Правда, они не производят впечатления единой смысловой композиции и, видимо, существуют автономно друг от друга. Одинаковость форм только усиливает это впечатление. К тому же все три элемента композиции расположены на одной линии³¹⁸.

К VIII–IX вв. композиция из трех крестов обретает более определенную форму. С этого времени кресты, как правило, не располагаются в ряд, а составляют треугольник, в вершине которого центральный (символ распятого Христа) выделяется размером или богатым декоративным убранством³¹⁹. По наблюдению Л. Д. Рчеулишвили, такая композиция обычно украшает верхний наличник окна на восточном фасаде зданий³²⁰. «Полукруглое завершение оконного проема используется как своеобразный постамент, на котором воздвигнут центральный крест.

³¹⁴ Ibid. P. 204.

³¹⁵ Ibid. P. 204.

³¹⁶ Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура... С. 27.

³¹⁷ Там же. С. 20.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Там же. С. 21.

³²⁰ Там же.

Оно даже и похоже по форме на изобразительный знак, символизирующий гору Голгофу. Кресты располагаются на этой „горе“ или вокруг нее³²¹.

Начиная со второй половины X в. композиция из трех голгофских крестов «распадается», распределяясь по всему фасаду здания. Однако отдельные примеры первой половины XI в., а именно рельеф с восточного фасада церкви Кабери (Картли), демонстрируют традиционное для VIII–IX вв. понимание этой темы³²². Завершает анакопийскую коллекцию известняковая плита с процарапанным на ней латинским крестом с перекладинами на концах (кат. Анак. № 13)³²³. Такого рода изображения чаще всего использовались как апотропические знаки³²⁴.

Подведем итог. Основные иконографические типы крестов анакопийской коллекции связаны с изобразительным репертуаром раннехристианских памятников Сиро-Палестинского региона. В период иконоборчества кресты становятся излюбленным художественным и богословским образом – они часто встречаются в росписях скальных церквей Каппадокии. В послеиконоборческое время ареал сугубого почитания крестов смещается в регионы, исповедующие христианство монофизитского толка, прежде всего в северную Месопотамию и Закавказье. Здесь вышеописанные типы изображений встречаются по преимуществу в фасадной пластике, где могут выступать в роли апотропических знаков, охраняющих доступ в сакральное пространство церкви (окна и порталы) от злых сил.

4. Рельеф с плетеным орнаментом и фрагментом процветшего креста (ил. 4).

Известняк.

Размеры: верхняя грань – шир. 0,21 м, выс. 0,41 м, диагональ 0,39 м. Нижняя грань – шир. 0,31 м, выс. 0,35 м, диагональ

³²¹ Там же. С. 22.

³²² Кресты тесно сгруппированы у наверхия окна. См.: Там же. С. 25.

³²³ Wessel K., Restle M. *Reallexikon...* S. 25.

³²⁴ Thierry N. *La Croix en Cappadoce...* P. 200.

0,39 м. Задняя стенка блока неровно отколота, минимальная толщина плиты – 10 см. Глубина рельефа от 0,4 до 0,9 см.

Находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Форма рельефа определяется двумя гранями, образующими тупой угол. Верхняя грань украшена резным орнаментом, обра-

зованным лентой плетения в три полосы. Геометрический узор построен на взаимном сплетении и пересечении окружностей большего и меньшего радиуса. Места пересечения лент плетения, которые одновременно и центры окружностей, отмечены глубоко высверленными углублениями. Слегка выступаю-

щее ребро обозначает границу между двумя гранями и двумя элементами декора. Нижняя грань украшена частично сохранившимся изображением, которое можно реконструировать как процветший крест. Как и на левой грани, оно складывается из ленты плетения в три полосы.

Сохранившиеся фрагменты поперечной и продольной переключин креста орнаментированы каплеобразными завершениями на углах. Пропорции переключин позволяют реконструировать крест, продольная ось которого располагается перпендикулярно к выступающему ребру рельефа. В этом случае волнообразная лента орнамента и шишкообразный предмет, показанные слева, могут быть интерпретированы как сохранившаяся часть схематически представленной виноградной лозы с гроздьё. Ближайшими стилистическими аналогиями являются резной орнаментальный столбик из села Анухва³²⁵ (XI в.) и плита с изображением процветшего креста из Анакопии (кат. Анак.

³²⁵ Шервашидзе Л. А. Столб из села Анухва... С. 176–185.

№ 5). Близок по характеру резьбы и по функции также фрагмент алтарной преграды из Бамборы³²⁶.

Среди иконографических аналогий следует указать на фрагмент архитрава алтарной преграды из Херсонеса³²⁷ (XI или XII–XIII вв.)³²⁸. Другие примеры – с территории Греции: резное украшение иконостаса собора в Серрах (XI в.)³²⁹, капитель в церкви Панагии в монастыре Осиос Лукас в Фокиде (XI в.)³³⁰, резное украшение архитрава иконостаса главного собора того же монастыря³³¹, резное украшение портала церкви свв. Бессребренников в Касторье (XI в.)³³², фрагмент резного иконостаса собора в монастыре Осиос Мелетиос около Мегары (ок. 1100 г.)³³³.

Этот мотив повторяется также в некоторых храмах на территории современной Грузии – например, резной иконостас церкви в Потолети (X в.)³³⁴. Среди аналогий по форме креста – медный крест-реликварий из «Сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко (Ближний Восток, X–XI вв.)³³⁵. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий в своем недавнем исследовании также доказывают, что этот рельеф вместе с другими был выполнен в X в. при царе Георгии II³³⁶.

Происхождение рельефа неизвестно. Опираясь на материалы, изложенные во вступительной статье к этой части каталога, и результаты иконографического анализа изображения

³²⁶ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 163. Ил. 76.

³²⁷ Византийский Херсон... С. 145. № 149.

³²⁸ См. вступительную статью к этой части данного каталога.

³²⁹ Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age... Pl. XXXVIII.

³³⁰ Ibid. № 44. Pl. XVIII d.

³³¹ Ibid. Pl. XXV b.

³³² Ibid. № 46. Pl. XXXI d.

³³³ Ibid. № 85. Pl. LXXIV a-d.

³³⁴ Шмерлинг Р. Малые формы... С. 53. Табл. 22, 23.

³³⁵ Пескова А. А., Строкова Л. В. Христианские древности Византии и «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. СПб., 2012. С. 111. Кат. № 29.

³³⁶ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 123, 124.

на рельефе, следует признать, что этот известняковый блок был фрагментом архитрава алтарной преграды. С учетом стилистических и иконографических аналогий, а также учитывая гипотезу А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, его можно датировать широко – временем от середины X до XI в.

5. Рельеф с изображением процветшего креста (ил. 5).

Известняк.

Размеры: шир. 0,22 м, выс. 0,31 м. Диагональ (левый нижний – правый верхний угол) – 0,35 м, диагональ (правый нижний – левый верхний угол) – 0,28 м. Глубина рельефа от 0,2 до 0,5 см. Находится в зале № 2 Музея Абхазского царства.

Правый нижний угол прямоугольной плиты, на которой вырезано изображение креста, не сохранился. В центральной ее части на гладком фоне представлено изображение процветшего креста, обрамленное с четырех сторон выпуклой рамкой. Вертикальная перекладина этого креста длиннее горизонтальной. На углах горизонтальной и на верхнем конце вертикальной перекладины видны украшения в виде небольших по диаметру окружностей. В основе орнаментального рисунка перекладин – резьба из четырех выступающих полос, чередующихся с желобками. У подножия два симметрично закругленных ростка, выполненных в той же технике, что и перекладины.

Среди стилистических аналогий – рельеф с фрагментом процветшего креста (кат. Анак. № 4) и резной столбик из Анухвы³³⁷ (кат. муз. № 13). Ближайшие иконографические аналогии – с территории современной Грузии, исторической провинции Шида-Картли. К примеру, однотипные кресты представлены на переиспользованных плитах алтарной преграды из Кемерети

³³⁷ Шервашидзе Л. А. Столб из села Анухва... С. 176–185.

(рубеж X–XI вв.)³³⁸, на тимпане дверей из Надарбазеви (втор. пол. X в.)³³⁹ и на плите алтарной преграды из Ири (X в.)³⁴⁰. Похожие изображения встречаются и в других исторических провинциях Грузии – на резной плите из Земо-Скра (X в.)³⁴¹, резной плите из Пархали (X в.)³⁴², на рельефе из церкви в Гумбате (X–XI вв.)³⁴³, на плите алтарной преграды из Потолети (X в.)³⁴⁴.

Много их и на территории Греции. Это резные капители из малой церкви и из главного собора в монастыре Осиос Лукас в Фокиде (XI в.)³⁴⁵, резной портал и плиты, обрамляющие окна барабана, в нартексе церкви Панагии того же монастыря³⁴⁶, резная капитель церкви св. Николая близ Скрипу в Беотии³⁴⁷ (XI в.), рельеф из церкви св. Луки на Эвбее (XI в.)³⁴⁸, рельеф на портале кафоликона в Дафни и фрагменты его алтарной преграды (XI в.)³⁴⁹. На мраморном надгробии из Херсонеса представлен крест такой же формы³⁵⁰. Рельеф найден при раскопках северной части Херсонеса в слое XI в.

Похожие изображения в изобилии присутствуют в армянской фасадной пластике. В качестве примера можно приве-

³³⁸ Мепишавили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 46. Рис. 36.

³³⁹ Там же. С. 80. Рис. 70.

³⁴⁰ Там же. С. 92. Рис. 82.

³⁴¹ Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент... С. 37.

³⁴² Там же. С. 43.

³⁴³ Там же. С. 56.

³⁴⁴ Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре... Табл. 23.

³⁴⁵ Schultz R. W., Barnsley S. H. The monastery of saint Luke of Stiris, in Phocis, and the dependent monastery of saint Nicolas in the fields, near Scripou, in Boeotia. London, 1901. Pl. 27. A–D.

³⁴⁶ Ibid. Pl. 28 A; Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age... Pl. XVII d, e.

³⁴⁷ Ibid. Pl. XIX d.

³⁴⁸ Ibid. Pl. XXVIII d.

³⁴⁹ Ibid. Pl. XXXIII a, b.

³⁵⁰ Белов Г. Д. Отчет о раскопках в 1932–1933 гг. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 4. Москва–Ленинград, 1941. С. 243. Рис. 69.

сти рельефные кресты с западного фасада собора Св. Креста на острове Ахтамар (X в.)³⁵¹ и кресты с западного фасада храму усыпальницы в восточном монастыре в Калакаре (Севан)³⁵² (1041 г.). В большом количестве подобную иконографию демонстрируют хачкары: из Ацарата (IX–X вв.)³⁵³, Метц Масрика (881 г.)³⁵⁴, Ехегиса (976 г.)³⁵⁵, Тсахкеванка (X в.)³⁵⁶, Метц Масрика (X в.)³⁵⁷, Кечариса (X в.)³⁵⁸, Мрена (X–XI вв.)³⁵⁹, Цахац Кара (1041 г.)³⁶⁰, Ахалкалаки (IX–X вв.)³⁶¹.

Происхождение плиты неизвестно. Судя по представленным иконографическим аналогиям и по форме камня, рельеф мог украшать фасад церковного здания или быть фрагментом столбика алтарной преграды. Исходя из анализа стилистических аналогий, подкрепленного иконографическими параллелями, время его изготовления следует отнести к XI в. (см. подробнее вступительную статью к этой части исследования).

6. Рельеф с мальтийским крестом и кружочками на углах перекадин (ил. 6).

Известняк.

Размеры: шир. 0,27 м, выс. 0,48 м, диагональ (левый нижний – правый верхний) – 0,41 м, диагональ (правый нижний – левый верхний) – 0,39 м. Толщина блока – 13 см. Глубина рельефа от 0,4 до 1,2 см. Размеры паза: шир. 3 см, выс. 6,5 см, глубина

³⁵¹ Der Nersessian S. Acht'amar church... Ill. 11, 12.

³⁵² Thierry J.-M., Donabédian P. Les Arts arméniens. Paris, 1987. Ill. 59.

³⁵³ Петросян Г. Л. Хачкар: генезис, функция, иконография, семантика. Ереван, 2008 [на арм. яз.]. Ил. 74.

³⁵⁴ Там же. Ил. 106.

³⁵⁵ Там же. Ил. 109.

³⁵⁶ Там же. Ил. 119.

³⁵⁷ Там же. С. 106. Ил. 120.

³⁵⁸ Там же. Ил. 121.

³⁵⁹ Там же. Ил. 142.

³⁶⁰ Там же. Ил. 149, 150.

³⁶¹ Там же. С. 195. Ил. 277.

2,2 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства.

Посреди гладкого поля плиты представлен равноконечный крест мальтийского типа. Верхние углы плиты утеряны. В нижней ее части сохранились следы рамки, составленной из трех рельефно выступающих полос, перемежающихся желобками. От верхней части рамки остались фрагменты украшения в виде арочек, разделяющих плоскость плиты. Арочки верхней части выполнены в той же технике, что и рамка в нижней части плиты. Единственное отличие в том, что арочки составлены из двух, а не из трех рельефно выступающих полос. На средокрестии, на углах перекладин креста, так же как и на поле каждой из четырех перекладин – декоративные круги небольшого диаметра с высверленной сердцевиной. Концы перекладин выполнены в форме небольших равносторонних треугольников, внутри которых для усиления декоративного эффекта изображены меньшие по размеру треугольники. В нижней части плиты, на продольной оси прямо под крестом, вырезан паз в форме остроконечной ниши. Границы этой ниши оформлены так же, как нижняя часть рамки, то есть тремя выступающими полосами, чередующимися с желобками.

Среди ближайших стилистических аналогий – фрагмент фасадного рельефа со строительной надписью абхазского царя Георгия II (929–957 гг.), хранящийся в Абхазском государственном музее в г. Сухуме³⁶². Надпись, однако, по мнению А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, может быть датирована второй половиной XII в. В этом случае она упоминает грузинского царя Георгия III

³⁶² Кат. муз. № 1.

(1156–1184)³⁶³. Крест этого же типа, но без декоративных кругов на концах перекладин, изображен на утерянном рельефе с быком и львом (кат. Анак. № 1). Близкая иконографическая аналогия – мальтийский крест на фрагменте архитрава алтарной преграды из Херсонеса³⁶⁴ (XI или XII–XIII вв.). Разница в том, что анакопийский крест более торжествен, поскольку на кресте из Херсонеса отсутствуют декоративные круги внутри маленьких треугольников на четырех концах перекладин.

Кроме того, идентичный по форме и по ширине плиты (0,275 м) фрагмент креста сохранился на столбике из Анухвы³⁶⁵, который был постаментом предалтарного креста. Более или менее близкие иконографические аналогии – крест на плите из Земо-Скра (X в.)³⁶⁶, на столбике алтарной преграды из Потолети (X в.)³⁶⁷, а также в малоазийской и греческой пластике, на фрагменте архитрава из Бакей (XI в.)³⁶⁸ и на капители из церкви Панагия тон Халкеон в Фессалониках (XI в.)³⁶⁹.

Происхождение рельефа неизвестно. Судя по приведенным стилистическим и иконографическим аналогиям и по его форме и размерам (ширина ок. 0,27 м), камень может быть интерпретирован как фрагмент облицовки. Это предположение объясняет наличие профилированного паза в нижней части плиты. Д. В. Белецкий и А. Ю. Виноградов предполагают, что этот камень мог быть частью надгробия³⁷⁰. С учетом ближайших стилистических аналогий и результатов иконографического анализа можно полагать, что рельеф выполнен в середине X или в первой половине XI в.

³⁶³ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 95–96.

³⁶⁴ Византийский Херсон... С. 145. № 149.

³⁶⁵ Шервашидзе Л. А. Столб из села Анухва... С. 176–185.

³⁶⁶ Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент... С. 37.

³⁶⁷ Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре... Табл. 23.

³⁶⁸ Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age... № 19. Pl. XI с.

³⁶⁹ Ibid. Pl. XXX с.

³⁷⁰ Искусство Абхазского царства... С. 48, ссылка 74.

7. Рельеф с изображением простого мальтийского креста (ил. 7).

Известняк.

Размеры: шир. 0,29 м, выс. 0,36 м. Глубина рельефа 0,3 см. По словам А. В. Аргуна, находится в фондах Музея Абхазского царства.

Плита гладкая прямоугольной формы, на ней вырезан крест мальтийского типа. Поверхность креста тоже гладкая, без декоративных элементов, его перекладины занимают почти все пространство. Изображение выполнено плоскостно. Ближайшей аналогией, как стилистической, так и иконографической является крест на известняковой надгробной плите из Уташа, хранящейся в Анапском археологическом музее³⁷¹. Этот каменный крест найден в могильнике времен Хазарского каганата (IX в.), обнаруженном в Анапском районе³⁷².

На известняковой надгробной плите из лапидария Керченского историко-археологического музея³⁷³ также представлен мальтийский крест, выполненный в низком рельефе. Он занимает всю поверхность поля. Нижний конец вертикальной перекладины несколько удлинен. Надгробие найдено при раскопках северного склона горы Митридат³⁷⁴.

Третий аналог – из раскопок у Карантинной бухты в Херсонесе (Национальный заповедник «Херсонес Таврический»)³⁷⁵. Завершение этого надгробия выполнено в виде круга на двух-

³⁷¹ Яйленко В. П. О «Корпусе византийских надписей в СССР» // Византийский временник. Москва, 1987. Вып. 48. С. 169. Рис. 5; Салов А. И. Раннесредневековые находки в Анапском районе // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследования по археологии и истории: сборник научных трудов к 100-летию со дня рождения А. И. Салова. Краснодар-Анапа, 2014. С. 25–26.

³⁷² Яйленко В. П. О «Корпусе византийских надписей...

³⁷³ Инв. № КА-462. Инвентарная карточка 69020.

³⁷⁴ Яйленко В. П. О «Корпусе византийских надписей...

³⁷⁵ Византийский Херсон... С. 83. № 82.

ступенчатом пирамидальном основании. В верхней его части – рельефное изображение креста с расширяющимися концами, в нижней – надпись в полукруглом углублении: «Рабу твоему Георгию Мамси» (X–XII вв.)³⁷⁶.

Происхождение рельефа неизвестно. Вероятнее всего, он был найден около церкви св. Феодора на Анакопийской горе. Возможно, был частью надгробной плиты.

Ориентируясь на аналогии, его можно датировать IX–X вв. А если принять во внимание камень 929 г. с греческой погребальной надписью (кат. надп. № 1)³⁷⁷, хранившийся ранее в алтаре той же церкви св. Феодора, и предположить, что обе плиты происходят с одного или близких погребальных участков, то предложенная версия датировки окажется еще более правдоподобной. Д. В. Белецкий и А. Ю. Виноградов высказывают осторожную версию о принадлежности этой плиты к декору церкви св. Феодора первого этапа³⁷⁸. Из других элементов к ранней церкви так же осторожно можно отнести отличные от резных деталей второго храма рельефы с крестами (кат. Анак. № 8).

8. Рельеф с изображением простого мальтийского креста (ил. 8).

Известняк.

Размеры: шир. 0,18 м, выс. 0,17 м. Диагональ (левый нижний – правый верхний угол) – 0,21 м, диагональ (правый нижний – левый верхний) – 0,18 м. Глубина рельефа 0,3 см. По словам А. В. Аргуна, находится в фондах

Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ См.: Искусство Абхазского царства... С. 212–214.

³⁷⁸ Там же. С. 44.

На почти квадратной плите на гладком фоне вырезан крест с расширяющимися к концам перекладинами. Он занимает все поле изображения. Выполнен в низком рельефе без орнаментальных элементов. Поверхность изображения частично повреждена, первоначальная его гладкость утеряна. Стилистические и иконографические аналогии см. в аннотации к рельефу кат. № 7. Происхождение рельефа неизвестно; вероятнее всего, он был найден около церкви св. Феодора на Анакопийской горе. Возможно, был частью надгробной плиты. Ориентируясь на аналогии, рельеф можно датировать IX–X вв. Д. В. Белецкий и А. Ю. Виноградов и по поводу этой плиты высказывают осторожную версию о принадлежности ее к декору церкви св. Феодора первого этапа³⁷⁹.

9. Латинский крест на небольшой круглой подставке (ил. 9). Известняк.

Размеры: шир. 0,57 м, выс. 0,4 м. Диагональ (левый нижний – правый верхний) – 0,48 м, диагональ (правый нижний – левый верхний) – 0,62 м. Глубина рельефа от 3 до 3,5 см. Находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Плита прямоугольная, левый нижний угол ее утерян. Фон гладкий, в верхней части слева видны следы насечек «в елочку»³⁸⁰. По центральной вертикальной оси изображен крест латинского типа в высоком рельефе с расширяющимися к концам перекладинами, три из которых в верхней части завершаются полукруглыми углублениями. В нижней части

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ Они не носят орнаментального характера: подобные насечки имеются и на торцовых, явно не лицевых сторонах блоков (напр., № 80). Это следы обработки блока теслом, весьма часто встречающиеся в средневековых постройках. В зависимости от требований к фактуре поверхности (а часто и от традиции) их могли оставить в таком виде, а могли и заполировать (ср., напр., № 64 и 66) (прим. Д. В. Белецкого).

изображения видна подставка, на которой установлен крест. Она украшена небольшим шаром. Среди ближайших иконографических параллелей – несколько рельефов из географически близких регионов. Латинский крест на шаре есть над южным входом в церковь св. Симона Кананита (X в.)³⁸¹. На рельефе из церкви в Бзыбской крепости (нынешнее местонахождение его неизвестно) латинский крест аналогичной формы на подставке в виде шара является центром композиции из трех голгофских крестов³⁸². Шар – признак креста, на котором был распят Христос. Рельеф украшал верхний наличник центрального окна на восточном фасаде храма. По мнению Л. Д. Рчеулишвили, его можно датировать IX в.³⁸³

Другое изображение креста на шаровидной подставке найдено в Херсонесе³⁸⁴. Крест вырезан на плите с надписью предположительно в X в. Функциональное назначение рельефа неизвестно. На южном портале церкви в Земо-Крихи (конец X – начало XI в.)³⁸⁵ над дверью, как и на фасаде храма Симона Кананита, также представлен крест на шаровидной подставке, который возвышается на рельефно изображенном пригорке, обычно символизирующем Голгофу. Отсутствие двух боковых крестов не мешает воспринимать это изображение как символ креста с распятием Христа. Аналогией по форме может служить и медный процессионный крест из «Сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко (Балкано-Дунайский? регион, X–XI вв.)³⁸⁶.

Происхождение рельефа неизвестно; вероятно, он был найден недалеко от цитадели Анакопийской крепости. Судя по приведенным выше аналогиям (бзыбский рельеф, камни с фасадов

³⁸¹ Искусство Абхазского царства... Табл. 7.

³⁸² Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура... Табл. 7. 1.

³⁸³ Там же. С. 29.

³⁸⁴ Византийский Херсон... С. 82. № 81.

³⁸⁵ Габашвили Ц. Порталы в грузинской архитектуре. Тбилиси, 1955. С. 60. Табл. 26.

³⁸⁶ Пескова А. А., Строкова Л. В. Христианские древности... С. 111. Кат. № 69. С. 171–173.

церквей св. Симона Кананита и в Земо-Крихи), рельеф мог украшать фасад церкви над входом или над окном, символизируя центральный голгофский крест. С учетом иконографических особенностей его можно отнести к X – началу XI в.

10. Латинский крест под арочкой (ил. 10).

Известняк.

Размеры: шир. 0,65 м, выс. 0,51 м. Полукруглая выемка в нижней части: шир. 0,22 м, выс. 0,09 м. Глубина рельефа от 4 до 5 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На гладкой поверхности плиты, испещренной насечками «в елочку», просматривается латинский крест. Его средокрестие отмечено рельефно выступающим декоративным утолщением сферической формы. Концы перекладин – с дугообразными углублениями. В нижней части плиты по вертикальной оси, на которой располагается крест, есть полукруглая выемка. Визуально она воспринимается как возвышение, на котором воздвигнут крест. Обычно так изображается центральный крест в группе из трех голгофских крестов, и сюжет, вероятно, можно толковать как сокращенную редакцию креста для распятия Христа на Голгофе. В верхней части плиты, над крестом, есть полукруглая арочка, которая заканчивается импровизированными импостами, представленными в профиль. Видны следы краски.

Ближайшая стилистическая аналогия – рельеф с изображением группы из трех голгофских крестов (кат. № 11). Среди иконографических аналогий – резная плита над щелевидным окном в нижней части восточного фасада храма в Кумурдо³⁸⁷. Постройка датируется по нескольким строительным надпи-

³⁸⁷ Аладашвили Н. А. Монументальная скульптура... Ил. 73.

сям, главная из которых находится над южным входом. В этой надписи указан год строительства храма (964) и имя ктитора, абхазского царя Леона III (957–967)³⁸⁸. Следует также упомянуть крест под арочкой с западного фасада церкви-усыпальницы восточного монастыря в Калакаре (Севан)³⁸⁹ (1041 г.), а также рельефы с изображением крестов под арочками, обрамляющие нижнюю часть окон барабана церкви Панагия в монастыре Осиос Лукас в Фокиде (X или нач. XI в.)³⁹⁰. Надгробная плита с изображением латинского креста под арочкой, найденная в руинах базилики в Преспе (XI в.)³⁹¹, также входит в число иконографических аналогий.

Происхождение рельефа неизвестно. Предполагается, что он найден около церкви св. Феодора в цитадели. Судя по форме плиты, рельеф выполнял функцию верхнего наличника окна церковного здания. По мнению Л. Г. Хрушковой, он был изготовлен в V–VI вв. Однако, исходя из анализа эволюции изображений латинских крестов³⁹², а также благодаря приведенным выше иконографическим аналогиям, изображение можно датировать X–XI вв.

11. Рельеф с изображением трех крестов под арочкой (ил. 11).

Известняк.

Размеры: шир. 0,77 м, выс. 0,58 м. Глубина рельефа от 4 до 5 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На гладкой поверхности прямоугольной плиты, испещренной насечками «в елочку», представлена композиция из трех одно-

³⁸⁸ Беридзе В. Место памятников... С. 156.

³⁸⁹ Thierry J.-M., Donabédian P. Les Arts... II. 59.

³⁹⁰ Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age... Pl. XVII d, e.

³⁹¹ Ibid. Pl. XXXVI b. № 50.

³⁹² См. вступительную статью к этой части данного каталога.

типных латинских крестов. В средокрестии каждого из них показано рельефное утолщение сферической формы. Вертикальные перекладины каждого из крестов длиннее горизонтальных. Перекладины слегка расширяются к концам и заканчиваются углублением полукруглой формы. Центральный крест по размеру существенно больше боковых и словно осеняет их. Вероятно, он символизирует крест Христа на Голгофе. Композиция компактно вписана в пространство под арочкой, опирающейся на импосты, изображенные в профиль. В нижней части плиты по вертикальной оси угадывается закругленная выемка. Видны следы краски. Ближайшая стилистическая аналогия – крест под арочкой (кат. Анак. № 10).

Обращаясь к иконографическим аналогиям, следует отметить, что эта композиция удачно вписывается в контекст фасадной пластики эпохи развитого Средневековья. По наблюдению Л. Д. Рчеулишвили, компактно составленные композиции из трех голгофских крестов использовались в украшении фасадов церквей в VIII–IX вв., в отдельных случаях – вплоть до начала XI в.³⁹³ В первую очередь укажу на рельеф, украшавший верхний наличник щелевидного окна на восточном фасаде храма в Бзыбской крепости (настоящее местонахождение неизвестно)³⁹⁴ (кат. Бзыбь № 1). Такая же композиция, где центральный крест превышает своими размерами боковые, расположенные под его горизонтальной перекладиной, есть на восточной апсиде церкви св. Григория в Санаине (1061)³⁹⁵.

Происхождение плиты неизвестно. Предположительно она обнаружена в окрестностях церкви св. Феодора в цитадели Анакопии. Судя по аналогии с крестом под арочкой (кат. Анак. № 10), могла служить верхним наличником окна во внешней облицовке церковного здания. Л. Г. Хрушкова относит рельеф к V–VI вв. Правда, в своей недавней монографии (возможно,

³⁹³ Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура... С. 27–30.

³⁹⁴ Там же. Табл. 7.

³⁹⁵ Thierry J.-M., Donabédian P. Les Arts... II. 65. P. 154.

под влиянием нашей коллективной работы 2011 г., хотя ссылку на этот труд в данном случае не дает) исследовательница приводит его в качестве аналогии к рельефу из церкви в Бзыбской крепости, датируемой IX–X вв.³⁹⁶ С учетом стилистических и иконографических параллелей, обоснованной выглядит датировка X – первой половиной XI в.

12. Рельеф с изображением креста в венке (ил. 12).

Известняк.

Размеры: шир. 0,52 м, выс. 0,3 м.

Глубина рельефа 2 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

По центру прямоугольной плиты изображен латинский крест с удлиненным нижним рукавом. Перекладины расширяются к концам и завершаются прямоугольными углублениями, по форме похожими на ласточкин хвост. Крест обрамлен венком, рельефно исполненным диагональными насечками. Иконографическими аналогиями могут служить латинский крест в медальоне над южным входом церкви св. Симона Кананита у подножия горы Анакопия (ок. X в.)³⁹⁷, а также фресковое изображение латинского креста в медальоне над входом в правый боковой придел церкви св. Варвары в Гереме (X в.)³⁹⁸. Среди территориально близких аналогий следует указать на крест в венке из Мрамбы (кат. Цебельда № 6). Хотя форма его не такая, как в данном случае, но обрамляющий венок выполнен в той же технике (короткие диагональные насечки типа жгута). В ней же сделан и венок, обрамляющий крест над восточным окном церкви в Ачабети (VIII–IX вв.)³⁹⁹.

³⁹⁶ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 129. Рис. 189.

³⁹⁷ Искусство Абхазского царства... Табл. 7.

³⁹⁸ Thierry N. Les églises rupestres... P. 104.

³⁹⁹ Мепишавили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 105. Рис. 95.

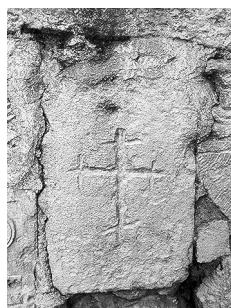
Последняя аналогия несколько проясняет содержание анакопийского рельефа. В церкви св. Варвары латинский крест в медальоне представлен как центральный элемент в группе из трех голгофских крестов. Вероятно, венок или медальон призван выделить его, указав таким образом на связь с Христом. Происхождение рельефа неизвестно; вероятно, он находился в цитадели Анакопийской крепости. Судя по аналогиям, мог располагаться над входом в церковное здание или в один из внутренних его приделов. С учетом стилистических и технических особенностей рельефа⁴⁰⁰, а также принимая во внимание иконографические параллели, его можно датировать X – началом XI в.

13. Плита с процарапанным крестом (ил. 13).

Известняк.

Размеры: шир. 0,3 м, выс. 0,5 м, глубина 1 см. Толщина плиты – 13 см. В настоящее время находится в переходе от зала № 1 к залу № 2 в Музее Абхазского царства в г. Новый Афон.

На прямоугольной плите процарапан крест латинского типа с перекладинами на концах. Происхождение неизвестно, но, вероятно, был найден около цитадели Анакопии. Возможно, выполнял функцию апотропического знака⁴⁰¹.

*Рельефы с изображениями плетеных геометрических
и растительных орнаментов*

Самая многочисленная группа резных плит, которые ранее находились в алтаре церкви св. Феодора, украшена орнаментами, составленными из разнообразных геометрических фигур,

⁴⁰⁰ См. вступительную статью к этой части данного каталога.

⁴⁰¹ Искусство Абхазского царства... С. 141. № 13.

переплетающихся друг с другом. Содержание этих изображений вряд ли можно низвести до уровня исключительно декоративных элементов. Исследуя подобного рода узоры на раннехристианских напольных мозаиках, Г. Мегвайр выдвинул гипотезу о том, что они могли иметь апотропическое значение⁴⁰². Чаще всего в этом контексте фигурируют знаки из восьми лучей с кольцами на концах, вихреобразные и колесообразные мотивы, звезды различных конфигураций, свастики, концентрические окружности, а также различные виды плетеных узоров, так называемые Соломоновы узлы, меандры, бесконечно повторяющиеся переплетенные круги и прямоугольники, прямоугольники и квадраты, круги различных размеров. В череде сплетенных геометрических фигур появляются и кресты разных видов, включая процветшие. В некоторых случаях геометрические плетеные узоры дублируются растительными мотивами⁴⁰³.

Сопоставление некоторых из перечисленных мотивов и словесных магических формул на ближневосточных папирусах позволило исследователю говорить о глубинном сходстве их значений. Г. Мегвайр полагает, что «частое повторение энергетически сильных знаков, таких как кресты, звезды, заключенные в круг, узлы и свастики, не означает принижения их значения. Наоборот, повторение зачастую становилось средством усиления их силы, подобно тому, как повторение знаков и букв являлось, судя по папирусам, важной частью магической практики. К тому же геометрическая рамка для таких мотивов не всегда была лишь нейтральным элементом дизайна... В некоторых случаях она могла играть активную вспомогательную роль. <...> Бесконечное повторение геометрического узора напоминает об идее продолжающейся защиты „на все времена“»⁴⁰⁴. Сообщения, высказанные на основе анализа системы украшения

⁴⁰² Maguire H. Magic and geometry in early Christian floor mosaics and textiles // *Jahrbuch der österreichischen byzantinistik*. ANΔPIAΣ. Herbert Hunger zum 80 Geburtstag. Wien, 1994. Bd 44. S. 265–274.

⁴⁰³ Ibid. P. 273.

⁴⁰⁴ Ibid. P. 274.

позднеантичных мозаичных полов, в полной мере относятся к последующей эпохе.

Отличие в том, что, как и в случае с образами зверей, те же мотивы стали исполняться в другой технике и других местах. Во времена иконоборчества потребность в использовании раннехристианских символов начала ощущаться особенно остро. Они широко распространились в Каппадокии (Малая Азия) и в монофизитски ориентированных странах. В эпоху раннего и зрелого Средневековья эти символы появились на фасадах церковных зданий высеченными в камне. В некоторых скальных церквях Каппадокии геометрические плетеные орнаменты с крестами, узлами Соломона и свастиками перешли во внутреннее убранство – фресковые росписи.

В качестве примера приведу украшение свода южного придела церкви св. Никиты Столпника, которую Н. Тьерри по результатам стилистического и иконографического анализа относит к VIII в.⁴⁰⁵ В центре композиции в поле прямоугольной формы представлено изображение процветшего креста, обрамленного с четырех сторон плетеным геометрическим орнаментом из соединенных между собой окружностей большего и меньшего диаметра. В сердцевине окружностей большего диаметра изображены четыре лепестковые крестообразные розетки⁴⁰⁶.

Та же композиция – на своде южного нефа церкви Иоакима и Анны⁴⁰⁷. На фреске в конхе апсиды церкви св. Василия (около Синассоса) представлены три креста, каждый из которых обрамлен лентой плетения, образующей большие по диаметру окружности⁴⁰⁸. Как и в предыдущем случае, Н. Тьерри датирует роспись VIII – началом IX в.⁴⁰⁹ В IX–XI вв. эти мотивы встречаются по преимуществу в архитектурной пластике Закавказья,

⁴⁰⁵ Thierry N. La Cappadoce de l'Antiquité au Moyen Age // *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Âge*. T. 110. 1998. 2. Pl. III. P. 888–890.

⁴⁰⁶ Ibid. Pl. III.

⁴⁰⁷ Thierry N. La croix en Cappadoce... Pl. VI. Fig. 18.

⁴⁰⁸ Thierry N. La Cappadoce... Pl. IV a.

⁴⁰⁹ Ibid. P. 892. По поводу датировки этой группы церквей X в. см.:

Малой Азии, на армянских хачкарах и в некоторых регионах Византийской империи, а также на территориях, подверженных ее культурному влиянию (центральная Греция, Киевская Русь, Болгария) (см. аналогии, приведенные в описании памятников этого раздела данного каталога).

Переходя к анализу анакопийских рельефов с плетеными геометрическими орнаментами, отмечу единство репертуара мотивов, используемых в фасадной пластике, в малых формах в интерьерах храмов⁴¹⁰ и на тканях. Развивая мысль Г. Мегвайра, предположу также, что апотропическая функция некоторых элементов напольных мозаик раннехристианского периода сохранилась и при использовании их в украшении фасадов зданий, алтарных преград и хачкаров эпохи Средневековья. Для систематизации рельефов разделю их на подгруппы, исходя из характера представленных на них орнаментов. К первой подгруппе отнесу плиты разной формы с «плетенкой», образованной круговыми линиями большого диаметра. В орнаменте этого типа использован прием, выработанный в начале X в.: в просветах петель плетения помещаются маленькие пуговицы с высверленной в центре выемкой⁴¹¹. Плетенка этого типа украшает девять плит, которые ранее были в алтарной стене церкви св. Феодора (кат. Анак. № 14–22).

Во вторую подгруппу можно включить пять плит, украшенных резным узором, составленным из сочетаний кругообразных петелек небольшого диаметра (кат. Анак. № 23–38). Резные плиты с орнаментом, образованным чередованием переплетающихся прямоугольников и маленьких кругообразных петелек, образуют третью подгруппу (кат. Анак. № 39, 89). Четвертую составят плиты с чередованием переплетающихся кругов большого диаметра и ромбов (кат.

Epstein A. W. The iconoclast churches... и Teteriatnikov N. The Frescoes of the Chapel...

⁴¹⁰ Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент...; Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре...

⁴¹¹ Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре... С. 109.

Анак. № 40–48, 88). В пятую войдут плетенки с орнаментом, составленным из ромбовидных фигур одинакового размера (кат. Анак. № 49). Плетенки из соединенных друг с другом и равных по размеру кругов простой формы образуют шестую подгруппу (кат. Анак. № 50). Плиты с изображениями растительных мотивов – седьмая подгруппа (кат. Анак. № 51, 52). И, наконец, к последней подгруппе можно отнести плиту, на которой видно сочетание двух орнаментальных мотивов: полукруглых рельефных валиков, обрамлявших проем окна прямоугольной формы, и причудливой розетки, составленной из переплетающихся в виде четырехлопастной звезды круга и квадрата (кат. Анак. № 53).

14. Рельеф с плетеным геометрическим орнаментом в виде колец большого и меньшего диаметра (ил. 14).

Известняк.

Размеры: шир. 0,28 м, выс. 0,25 м. Диагональ (правый нижний – левый верхний угол) – 0,31 м, диагональ (левый нижний – правый верхний угол) – 0,35 м. Толщина плиты – 13 см. Глубина рельефа от 0,4 до 0,9 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На гладкой поверхности плиты, в верхней части которой сохранился фрагмент рельефно выступающей рамки, представлена деталь декоративного фриза. В основе орнаментальной композиции – сочетание переплетающихся окружностей большого диаметра и петелек, составляющих небольшие по радиусу круги. Последние расположены в сердцевине первых таким образом, что высверленные отверстия, обозначающие центр маленьких окружностей, являются одновременно и центром для больших. Узор сплетен из ленты в три полосы, которые разделены между

собой желобками. На рассматриваемом рельефе сохранилось изображение одной окружности целиком и второй – за исключением небольшого фрагмента в левой части, а также начало третьего круга большого диаметра.

Среди наиболее близких стилистических аналогий следует указать группу рельефов, хранившихся в алтаре той же церкви. Некоторые из них в точности повторяют рассматриваемый узор, являясь, таким образом, и иконографической аналогией (кат. Анак. № 15–22). Другие фрагменты известняковых рельефов, идентичных по иконографии и технике, выставлены также в экспозиции недавно открытого Музея Абхазского царства у подножия Ново-Афонской горы. Состояние учетных карточек в этом музее не позволило, к сожалению, выяснить происхождение фрагментов. Судя по некоторым видам Нового Афона конца XIX – начала XX в., монахи активно использовали канатную дорогу для перемещения камней вдоль всего склона горы (иконogr. № 12)⁴¹². Соответственно, резные камни могли быть найдены и у подножия горы. Однако это не исключает возможности того, что первоначально они находились в цитадели. На многих камнях лента плетения выполнена в такой же манере и технике, однако узоры отличаются (кат. Анак. № 4, 23–27, 29–48).

Похожие орнаменты встречаются на утерянном рельефе из нижней церкви в Анакопии⁴¹³, на фрагментах алтарной преграды храма в селе Анухва (Абхазский государственный музей, г. Сухум) (XI в.), на фрагменте предалтарного столба из того же села. Среди географически более отдаленных иконографических параллелей следует упомянуть памятники, находящиеся на территории западной и центральной Грузии. К примеру, резные плиты с фасада храма в Кумурдо (964 г.)⁴¹⁴, резной фриз с фасада храма в селе Шепяк (X в.)⁴¹⁵, облицо-

⁴¹² См.: Искусство Абхазского царства... С. 237.

⁴¹³ Трапш М. М. Труды. Т. 4. С. 104. Рис. 35.

⁴¹⁴ Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент... С. 35.

⁴¹⁵ Там же. С. 38.

вочные плиты с фасада храма Баграта в Кутаиси (1003 г.)⁴¹⁶, плиты с фасада храма в селе Пока (XI в.)⁴¹⁷, фрагмент резной алтарной преграды из церкви в селе Хашури (вторая пол. X в.)⁴¹⁸, плиту из орнаментального фриза, окаймляющего южный портал главного храма в Ишхани (XI в.)⁴¹⁹, плиту с южного фасада храма в Саване (1046 г.)⁴²⁰. Иконографически близкие орнаменты встречаются также на территории Малой Азии. Их можно видеть, в частности, на фрагменте столбика алтарной преграды из церкви Серкиклер во Фригии (XI в.)⁴²¹.

Рельеф № 14 был найден, вероятно, около церкви св. Феодора, как об этом упоминает В. В. Латышев, ссылаясь на сообщения монахов⁴²². Исходя из функции большинства аналогичных, эта плита могла быть частью внешней облицовки фасада некоего церковного здания. Судя по стилистическим особенностям (лента плетения в три полосы)⁴²³, а также благодаря датировке большинства из приведенных аналогий, плиту можно отнести ко второй половине X–XI вв.

15. Рельеф с гранью и с изображением плетеного геометрического орнамента в виде колец большего и меньшего диаметра (ил. 15).

Известняк.

Размеры: левая грань – шир. 0,22 м, выс. 0,28 м; правая грань – шир. 0,34 м, выс. 0,28 м. Толщина плиты – 11 см. Глубина рельефа от 0,4 до 0,9 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

⁴¹⁶ Там же. С. 49.

⁴¹⁷ Там же. С. 53.

⁴¹⁸ Шмерлинг Р. Малые формы... С. 96. Табл. 24. 1.

⁴¹⁹ Габашвили Ц. Порталы в грузинской архитектуре... Табл. 17.

⁴²⁰ Там же. С. 61. Табл. 28.

⁴²¹ Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age... № 11. Pl. IX a.

⁴²² Латышев В. В. К истории христианства... С. 191.

⁴²³ Шервашидзе Л. А. Столб из села Анухва... С. 183.

Плита имеет форму тупого угла, резной орнамент располагается в лицевой части на обеих гранях. Их поверхность гладкая. Сохранилась выступающая рамка, обрамляющая плетеный узор

сверху и снизу. Орнамент выглядит как переплетение больших кругов между собой и с кругами меньшего диаметра. Центры кругов малого диаметра обозначены высверленными отверстиями, которые являются одновременно и центрами больших кругов. Плетеный орнамент

составлен из ленты в три полосы с двумя желобками между ними. Вертикаль грани угла плиты проходит ровно через центр круга большего диаметра. Таким образом, на левой грани виден один большой круг, маленький фрагмент которого утерян (левая нижняя часть). На правой грани сохранился один большой круг и половина второго, правая верхняя часть которого утеряна. Еще один круг большого диаметра находится точно на грани угла.

Среди ближайших стилистических и географических аналогий – группа рельефов из алтаря той же церкви. Все они выполнены лентой плетения в три полосы (кат. Анак. № 4, 23–27, 29–48). В этой группе есть ряд рельефов, которые в точности повторяют рисунок узора рассматриваемой плиты (кат. Анак. № 14, 16–22). О других аналогиях см. аннотацию к рельефу № 14.

Точное место находки рельефа неизвестно. В. В. Латышев, ссылаясь на сообщения монахов, пишет, что камень обнаружен около церкви св. Феодора⁴²⁴. Функциональное назначение плиты неопределимо. Судя по форме (угол с гранью), она могла облицовывать некоторую граненую конструкцию, например, восточную апсиду церкви св. Феодора, грани которой видны по сей день. Наличие здесь же группы рельефов (кат. Анак. № 14, 16–22), абсолютно идентичных по технике, стилю и ико-

⁴²⁴ Латышев В. В. К истории христианства... С. 191.

нографии, позволяет предположить, что они украшали одно здание и, возможно, были фрагментами единого фриза.

Судя по стилистическим особенностям (лента плетения в три полосы)⁴²⁵, а также благодаря датировке большинства из приведенных аналогий плиту можно отнести ко второй половине X–XI в.

16. Фрагмент рельефа с плетеным орнаментом (ил. 16).

Известняк.

Размеры: шир. 0,16 м, выс. 0,273 м. Диагональ (левый нижний – правый верхний угол) – 0,254 м. Толщина плиты – 11 см. Глубина рельефа от 0,4 до 0,9 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Представляет собой часть орнаментального украшения из кругов большого диаметра, переплетающихся друг с другом и с окружностями малого диаметра. Высверленный центр маленькой окружности является центром и большого круга. Плетеный орнамент составлен из ленты в три полосы с двумя утопленными желобками. На рассматриваемом фрагменте виден один круг большого диаметра, нижняя левая часть которого утеряна. В левой верхней части – то, что осталось от верхней части второго круга. Ближайшие стилистические аналогии – рельефы из алтаря церкви св. Феодора на Анакопийской горе (кат. Анак. № 4, 23–27, 29–48). Некоторые из рельефов в точности повторяют и иконографию (кат. Анак. № 14, 15, 17–22). Другие аналогии перечислены в аннотации к № 14.

Точное место находки рельефа неизвестно. В. В. Латышев, ссылаясь на сообщения монахов, пишет, что камень обнаружен

⁴²⁵ Шервашидзе Л. А. Столб из села Анухва... С. 183.

около церкви св. Феодора⁴²⁶. Вероятно, этот рельеф вместе с другими восемью (кат. Анак. № 14, 15, 17–22) составлял единый фриз, который мог украшать церковь с внешней стороны или был частью алтарной преграды. Возможно также, что какие-то из вышеупомянутых рельефов использовались во внешней облицовке церкви, а другие – для алтарной преграды. С учетом стилистических особенностей (лента плетения в три полосы)⁴²⁷ и датировки большей части приведенных аналогий, плита может быть отнесена ко второй половине X–XI в.

17. Рельеф с плетеным геометрическим орнаментом (ил. 17).

Известняк.

Размеры: шир. 0,295 м, выс. 0,349 м. Диагональ (правый нижний – левый верхний угол) – 0,40 м, диагональ (левый нижний – правый верхний угол) – 0,43 м. Толщина плиты – 11 см. Глубина рельефа от 0,4 до 0,9 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На гладком фоне вырезан плетеный орнамент, составленный из переплетающихся между собой больших и малых кругов. Высверленный центр маленького круга является центром и для большого. Верхняя часть рельефа отделяется от остального поля плиты выступающей рамкой. Орнамент складывается из ленты в три полосы плетения. Видны следы краски. Ближайшие стилистические аналогии – рельефы, собранные в алтаре той же церкви (кат. Анак. № 4, 23–27, 29–48). Некоторые из них в точности повторяют рассматриваемый узор, являясь, таким образом, и иконографической аналогией (кат. Анак. № 14–16, 18–22). По поводу других аналогий см. аннотацию к № 14. Точное место находки рельефа неизвестно. В. В. Латышев, ссылаясь

⁴²⁶ Латышев В. В. К истории христианства... С. 191.

⁴²⁷ Шервашидзе Л. А. Столб из села Анухва... С. 183.

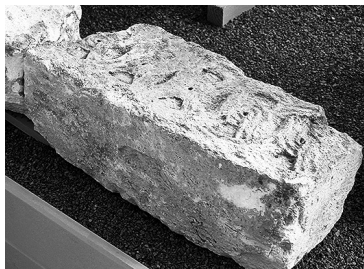
на сообщения монахов, пишет, что камень обнаружен около церкви Св. Феодора⁴²⁸.

Судя по форме плиты (закругление, заметное по нижней части орнамента), она могла использоваться в облицовке объема большого диаметра, вероятнее всего, портала с внешней стороны или, к примеру, арок алтарной преграды. Однако уверенно ответить на этот вопрос пока не представляется возможным. С учетом стилистических особенностей (лента плетения в три полосы)⁴²⁹ и датировки большей части приведенных аналогий, плита может быть отнесена ко второй половине X–XI в.

18. Рельеф с плетеным орнаментом (ил. 18).

Известняк.

Размеры: шир. 0,48 м, выс. 0,214 м. Толщина блока – 17 см. Глубина рельефа от 0,4 до 0,9 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства.

Геометрический орнамент вырезан на гладком фоне достаточно толстой прямоугольной плиты. Выступающая рамка, следы которой читаются на некоторых других рельефах этого типа (кат. Анак. № 14, 15, 17, 20–22), в данном случае не сохранилась. Однако размеры этой плиты (в сравнении с размерами плит с рамкой) не исключают того, что в первоначальном замысле она могла быть. Орнамент составлен из переплетающихся кругов большого и малого диаметра. Отмеченный высверленным углублением центр маленькой окружности одновременно является центром большой. Выполнен орнамент из рельефной ленты плетения в три полосы с двумя желобками между ними. Среди ближайших стилистических и территориальных аналогий –

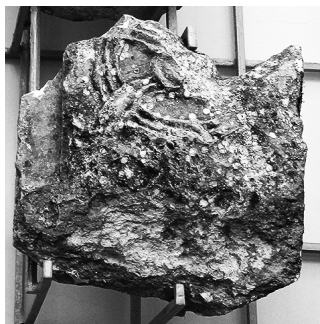
⁴²⁸ Латышев В. В. К истории христианства... С. 191.

⁴²⁹ Шервашидзе Л. А. Столб из села Анухва... С. 183.

рельефы из алтаря церкви св. Феодора (кат. Анак. № 4, 23, 24, 25, 26, 27, 29–48). Некоторые рельефы в точности повторяют рассматриваемый узор, являясь, таким образом, иконографической аналогией (кат. Анак. № 14–17, 19–22). По поводу других аналогий см. аннотацию к рельефу № 14.

Точное место находки рельефа неизвестно. В. В. Латышев, ссылаясь на сообщения монахов, пишет, что камень обнаружен около церкви св. Феодора⁴³⁰. Форма плиты (в виде бруска) позволяет предположить, что она могла являться фрагментом столбика алтарной преграды. Возможно, что этот рельеф вместе с другими фрагментами (кат. Анак. № 14, 15, 16) был частью единого орнаментального фриза, украшавшего церковное здание снаружи или алтарную преграду. С учетом стилистических особенностей (лента плетения в три полосы)⁴³¹ и датировки большей части приведенных аналогий плита может быть отнесена ко второй половине X–XI в.

19. Рельеф скругляющейся формы с изображением плетеного орнамента (ил. 19).

Известняк.

Размеры: шир. 0,275 м, выс. 0,29 м. Толщина плиты – 11 см. Глубина рельефа от 0,4 до 0,9 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Плита с гладкой сферической поверхностью. На ней – изображение плетеного геометрического орнамента. Из-за плохой сохранности рельефа рамка по верхнему и нижнему краю орнаментального пояса едва различима. Орнамент составлен из сплетающихся друг с другом окруж-

⁴³⁰ Латышев В. В. К истории христианства... С. 191.

⁴³¹ Шервашидзе Л. А. Столб из села Анухва... С. 183.

ностей большого диаметра и небольших по размеру кругов. Высверленная середина маленького круга является и серединой большого. Узор выполнен резной лентой плетения в три полосы. На рельефе видны фрагменты двух больших по размеру окружностей. У левой, расположенной на месте скругления плиты, утеряны левая и фрагмент нижней части, у правой – фрагменты правой и нижней части.

Ближайшие стилистические аналогии находятся в алтаре церкви св. Феодора на Анакопийской горе (кат. Анак. № 4, 23–27, 29–48). Некоторые рельефы в точности повторяют рассматриваемый узор, являясь, таким образом, и иконографической аналогией (кат. Анак. № 14–18, 20–22). Другие аналогии перечислены в аннотации к № 14.

Точное место находки рельефа неизвестно. В. В. Латышев, ссылаясь на сообщения монахов, пишет, что камень обнаружен около церкви св. Феодора⁴³². Определить функциональное назначение рельефа достаточно сложно. Судя по форме, плита была деталью некой скругленной конструкции. Не исключено, что вместе с другими фрагментами (кат. Анак. № 14–17, 19) она была частью единого орнаментального ансамбля, украшавшего какое-то церковное здание или алтарную преграду. Судя по приведенным аналогиям, рельеф, вероятнее всего, использовался для внешней облицовки здания. С учетом стилистических особенностей (лента плетения в три полосы)⁴³³ и датировки большей части приведенных аналогий, плита может быть отнесена ко второй половине X–XI в.

20. Плита с закруглением слева и изображением плетеного геометрического орнамента (ил. 20).

Известняк.

Размеры: шир. 0,177 м, выс. 0,39 м. Диагональ (левый верхний – правый нижний угол) – 0,38 м, диагональ (левый нижний –

⁴³² Латышев В. В. К истории христианства... С. 191.

⁴³³ Шервашидзе Л. А. Столб из села Анухва... С. 183.

правый верхний угол) – 0,36 м. Толщина плиты – 11 см. Глубина от 0,4 до 0,9 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Плетеный геометрический орнамент выполнен на гладкой поверхности. В правой части по краю закругления читается выступающая рамка. Орнамент составлен из ленты плетения в три полосы, которая образует круги большого и малого диаметра, сцепленные друг с другом. Высверленный центр – общий для малой и большой окружностей. Ближайшие стилистические аналогии находятся в алтаре церкви св. Феодора (кат. Анак. № 4, 23–27, 29–48). Некоторые рельефы описываемого собрания в точности повторяют этот узор, являясь, таким образом, и его иконографической аналогией (кат. Анак. № 14–19, 21, 22). Другие аналогии перечислены в аннотации к № 14.

Точное место находки рельефа неизвестно. В. В. Латышев, ссылаясь на сообщения монахов, пишет, что камень обнаружен около церкви св. Феодора⁴³⁴. Скругленная форма рельефа позволяет предположить, что он вместе с другим (кат. Анак. № 17) использовался либо для облицовки портала церковного здания, либо для украшения арочек алтарной преграды. Возможно, вместе с фрагментами (кат. Анак. № 14–16, 18, 19, 21) составлял единый орнаментальный фриз. Судя по приведенным аналогиям, вероятнее всего использовался для внешней облицовки здания. С учетом стилистических особенностей (лента плетения в три полосы)⁴³⁵ и датировки большей части аналогий плита может быть отнесена ко второй половине X–XI в.

⁴³⁴ Латышев В. В. К истории христианства... С. 191.

⁴³⁵ Шервашидзе Л. А. Столб из села Анухва... С. 183.

21. Фрагмент рельефа с плетеным геометрическим орнаментом (ил. 21).

Известняк.

Размеры: шир. 0,15 см, выс. 0,09 см. Глубина рельефа от 0,6 до 1,4 см. По словам А. В. Аргуна, находится в фондах Музея Абхазского царства.

Плита с фрагментом плетеного геометрического орнамента, который можно реконструировать как переплетающиеся круги большого и маленького диаметра, где высверленный центр маленького круга является центром и для большого. Лента плетения, образующая орнамент, состоит из трех полос с углубленными желобками между ними. Сохранилась верхняя часть одного большого круга с небольшим фрагментом маленького и часть второго круга, а также выступающая рамка в верхней части изображения, обозначающая верхнюю границу фриза.

Среди ближайших стилистических аналогий – рельефы из алтаря церкви св. Феодора (кат. Анак. № 4, 23–27, 29–48). Орнаменты некоторых рельефов этой коллекции в точности повторяют рассматриваемый узор, что позволяет отнести их к иконографическим аналогиям (кат. Анак. № 14–20, 22). Другие аналогии перечислены в аннотации к № 14.

Точное место находки рельефа неизвестно. В. В. Латышев, ссылаясь на сообщения монахов, пишет, что камень обнаружен около церкви св. Феодора⁴³⁶. Определить функциональное назначение этого рельефа достаточно сложно. Возможно, он вместе с некоторыми другими фрагментами (кат. Анак. № 14, 15, 16, 18) был частью единого орнаментального фриза, украшавшего некое церковное здание или алтарную преграду. Судя по приведенным аналогиям, вероятнее всего использовался для

⁴³⁶ Латышев В. В. К истории христианства... С. 191.

внешней облицовки здания или был частью украшения алтарной преграды. С учетом стилистических особенностей (лента плетения в три полосы)⁴³⁷ и датировки большей части аналогий плита может быть отнесена ко второй половине X–XI вв.

22. Плита с плетеным геометрическим орнаментом и скруглением (ил. 22).

Известняк.

Размеры: шир. 0,34 м, выс. 0,359 м. Глубина рельефа от 0,9 до 2,2 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На гладкой поверхности плиты сохранился один круг в центре и половинки еще двух по обе стороны от него. Среди ближайших стилистических аналогий – рельефы из алтаря церкви св. Феодора в Анакопии (кат. Анак. № 4, 23–27, 29–48). Некоторые объекты этого лапидарного собрания в точности повторяют рассматриваемый узор, являясь, таким образом, и его иконографической аналогией (кат. Анак. № 14–21). Другие аналогии перечислены в аннотации к № 14.

Точное место находки рельефа неизвестно. В. В. Латышев, ссылаясь на сообщения монахов, пишет, что камень обнаружен около церкви св. Феодора⁴³⁸. Определить назначение рельефа сложно. Возможно, он вместе с другими фрагментами со скруглениями (№ 17, 20) обрамлял портал церковного здания или украшал арочки архитрава алтарной преграды. Однако в этом случае разница в высоте рельефов труднообъяснима. Тем не менее, судя по приведенным аналогиям, этот рельеф, вероятнее всего, использовался для внешней облицовки здания.

⁴³⁷ Шервашидзе Л. А. Столб из села Анухва... С. 183.

⁴³⁸ Латышев В. В. К истории христианства... С. 191.

С учетом стилистических особенностей (лента плетения в три полосы)⁴³⁹ и датировки большей части приведенных аналогий, плита может быть отнесена ко второй половине X–XI в.

23. Рельеф с изображением переплетающихся колец небольшого диаметра (илл. 23).

Известняк.

Размеры: выс. 0,30 м, шир. 0,12 м. Толщина плиты – 11 см. Глубина рельефа от 0,2 до 0,8 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства.

На гладкой поверхности плиты вырезан геометрический орнамент, составленный из одинаковых по размеру окружностей небольшого диаметра. Верхняя и нижняя часть рельефа на концах плиты обрамлена выступающей рамкой. Центр каждой второй окружности обозначен высверленным углублением. На фрагменте представлены пять окружностей, три из которых с высверленным центром. Еще две окружности с гладкой сердцевинкой на краях орнамента, с левой и правой стороны, сохранились частично. Узор выполнен лентой плетения в три полосы.

Среди ближайших стилистических аналогий – другие рельефы из церкви св. Феодора на Анакопийской горе (кат. Анак. № 14–22, 31, 32, 33, 35, 36, 38–41, 43, 44, 46, 47, 48). Иконографические аналогии также встречаются в этом лапидарном собрании (кат. Анак. № 24–28). Кроме того, крест, перекладины которого составлены из сходной орнаментальной цепочки, украшает фрагмент плиты алтарной преграды из собора св. Софии в Охриде (Македония)⁴⁴⁰ (ок. 1025 г.). Армянская фасадная пла-

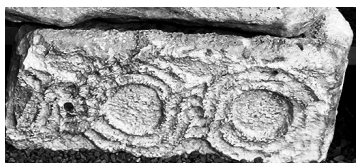
⁴³⁹ Шервашидзе Л. А. Столб из села Анухва... С. 183.

⁴⁴⁰ Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age... № 69. Pl. XLIII d.

стика тоже дает несколько примеров использования орнаментов этого типа. Например, тонкий фриз, дополняющий основное резное украшение над южной аркой церкви свв. Петра и Павла в монастыре в Татеве (908 г.)⁴⁴¹. В несколько более сложной форме эта орнаментальная схема встречается в каменной пластике Малой Азии. Ее представляет, например, узкий орнаментальный пояс, украшавший одну из граней архитрава алтарной преграды церкви в Бакей⁴⁴² (XI в.).

Точное место находки рельефа неизвестно. Вероятнее всего, это территория возле церкви св. Феодора. Форма плиты в виде бруска и специфические пазы, обнаруженные на двух боковых гранях фрагмента после демонтажа алтарной стены, позволяют с уверенностью говорить о функции – он был частью столбика алтарной преграды. Судя по сохранившимся фрагментам этой лапидарной коллекции, рассматриваемый рельеф и другие, аналогичные ему по форме, стилю и иконографии (кат. Анак. № 24–28), скорее всего составляли единый орнаментальный фриз, украшавший алтарную преграду. С учетом стилистических и иконографических параллелей он может быть датирован X–XI вв.

24. Рельеф с изображением кругов небольшого диаметра и петелек (ил. 24).

Известняк.

Размеры: шир. 0,285 м, выс. 0,12 м. Толщина плиты – 11 см. Глубина рельефа от 0,2 до 0,8 см. В настоящее время

находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На гладком фоне плиты, в верхней и нижней части которой видны незначительные следы выступающей рамки, вырезан плетеный геометрический орнамент. В его основе – сочетание

⁴⁴¹ Thierry J.-M. L'Arménie au Moyen Age. Les hommes et les monuments. Saint-Léger, Vauban, 2000. II. 112.

⁴⁴² Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age... № 19. Pl. XI c.

окружностей небольшого диаметра и окружностей (или петель), почти столь же маленьких, с высверленным центром. Узор составлен из ленты плетения в три полосы. На сохранившемся фрагменте видны четыре окружности (две из них – с высверленным центром) и часть пятой. Среди ближайших стилистических аналогий – другие рельефы из церкви св. Феодора на Анакопийской горе (кат. Анак. № 14–22, 31, 32, 33, 35, 36, 38–41, 43, 44, 46, 47, 48). Иконографические аналогии также встречаются в этом лапидарном собрании (кат. Анак. № 23, 25–28). Кроме того, крест, перекладыны которого составлены из сходной орнаментальной цепочки, украшает фрагмент плиты алтарной преграды из собора св. Софии в Охриде (Македония)⁴⁴³ (ок. 1025 г.). Другие аналогии см. в аннотации к № 23.

Точное место находки рельефа неизвестно; вероятно, это территория возле церкви св. Феодора. Форма плиты в виде бруска и специфические пазы, обнаруженные на двух боковых гранях фрагмента после демонтажа алтарной стены, позволяют с уверенностью говорить о функции – он был частью столбика алтарной преграды и мог вместе с другими, аналогичными ему по форме, стилю и иконографии (кат. Анак. № 23, 25–28), составлять единый орнаментальный фриз, украшавший алтарную преграду. С учетом стилистических и иконографических параллелей рельеф может быть датирован X–XI вв.

25. Рельеф с плетеным геометрическим орнаментом в виде окружностей малого диаметра и окружностей малого диаметра с высверленным центром (ил. 25).

Известняк.

Размеры: выс. 0,34 м, шир. 0,13 м. Толщина плиты – 11 см. Глубина рельефа от 0,2 до 0,8 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На гладком фоне плиты вырезан плетеный геометрический орнамент. Боковые части плиты оформлены в виде выступа-

⁴⁴³ Grabar A. *Sculptures Byzantines du Moyen Age...* № 69. Pl. XLIII d.

ющей рамки, обозначающей границы фриза. В основе резного узора – чередование окружностей небольшого диаметра и таких же по размеру окружностей с высверленным центром (или петелек). Узор составлен из ленты плетения в три полосы. На фрагменте рельефа видны семь кругов, четыре из которых с высверленным центром. Среди ближайших стилистических ана-

логий – другие рельефы из церкви св. Феодора на Анакопийской горе (кат. Анак. № 14–22, 31, 32, 33, 35, 36, 38–41, 43, 44, 46, 47, 48). Иконографические аналогии также встречаются в этом лапидарном собрании (кат. Анак. № 23, 24, 26, 27, 28). Другие аналогии см. в аннотации к № 23. Точное место находки рельефа неизвестно; вероятно, камень обнаружен возле церкви св. Феодора.

Форма плиты в виде бруска и специфические пазы, обнаруженные на двух боковых гранях этого фрагмента после демонтажа алтарной стены, позволяют с уверенностью говорить о функции. Этот фрагмент был частью столбика алтарной преграды. Вместе с другими сохранившимися фрагментами этой лапидарной коллекции, аналогичными ему по форме, стилю и иконографии (кат. Анак. № 23, 24, 26, 27, 28), с большой долей вероятности составлял единый орнаментальный фриз, украшавший алтарную преграду. С учетом стилистических и иконографических параллелей рельеф может быть датирован X–XI вв.

26. Рельеф с изображением плетеного геометрического орнамента, составленного из кругов небольшого диаметра и кругов небольшого диаметра с высверленным центром (ил. 26).

Известняк.

Размеры: шир. 0,22 м, выс. 0,12 м. Толщина плиты – 11 см. Глубина рельефа от 0,2 до 0,8 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На гладком фоне плиты вырезан плетеный геометрический орнамент, который обведен с трех сторон выступающей рамкой. В основе узора – сочетание кругов небольшого размера и окружностей маленького диаметра с высверленным центром. Орнамент сплетен из ленты в три полосы с двумя желобками между ними.

На рельефе видны три круга, два из которых – с высверленной серединой. В левой части рельефа благодаря специфической форме узора и выступающей рамке угадывается конец возможного фриза. Среди ближайших стилистических аналогий – другие рельефы из церкви св. Феодора на Анакопийской горе (кат. Анак. № 14–22, 31, 32, 33, 35, 36, 38–41, 43, 44, 46, 47, 48). Иконографические аналогии также встречаются в этом лапидарном собрании (кат. Анак. № 23–25, 27, 28). Другие аналогии перечислены в аннотации к № 23. Точное место находки рельефа неизвестно; вероятно, камень обнаружен около церкви св. Феодора.

Судя по сохранившимся в этой лапидарной коллекции фрагментам, рассматриваемый рельеф вместе с другими, аналогичными ему по форме, стилю и иконографии (кат. Анак. № 23–25, 27, 28), составлял единый орнаментальный фриз, украшавший алтарную преграду. Обнаруженные после демонтажа алтарной стены специфические пазы на боковых гранях этого фрагмента подтверждают вышеприведенное предположение о его функции. С учетом стилистических и иконографических параллелей рельеф может быть датирован X–XI вв.

27. Рельеф с изображением плетеного геометрического орнамента, составленного из небольших кругов и окружностей малого диаметра с высверленным центром (ил. 27).

Известняк.

Размеры: шир. 0,39 м, выс. 0,08 м. Толщина плиты – 11 см. Глубина рельефа от 0,2 до 0,8 см. В настоящее время

находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На гладком фоне плиты вырезан геометрический орнамент. В отличие от рассмотренных выше рельефов (кат. Анак. № 23–26), выступающая рамка, окаймляющая изображение, не сохранилась. Орнамент составлен из переплетающихся кругов небольшого диаметра и таких же небольших окружностей с высверленным центром. Узор выполнен лентой плетения в три полосы с двумя желобками между ними. На плите видны шесть кругов, три из которых с высверленной серединой. В левой части орнамента просматривается фрагмент седьмого круга.

Среди ближайших стилистических аналогий – рельефы из церкви св. Феодора на Анакопийской горе (кат. Анак. № 14–22, 31, 32, 33, 35, 36, 38–41, 43, 44, 46, 47, 48). Иконографические аналогии также встречаются в этом лапидарном собрании (кат. Анак. № 23–26, 28). Другие аналогии перечислены в аннотации к № 23.

Точное место находки рельефа неизвестно; вероятно, камень обнаружен около церкви св. Феодора. Судя по сохранившимся фрагментам этой лапидарной коллекции, он и другие, аналогичные ему по форме, стилю и иконографии (кат. Анак. № 23–26, 28), вместе составляли единый орнаментальный фриз, украшавший алтарную преграду. Это предположение подтверждает и сохранившийся на боковой грани специфический паз. С учетом стилистических и иконографических параллелей рельеф может быть датирован X–XI вв.

28. Фрагмент плиты с геометрическим орнаментом, составленным из кругов небольшого радиуса и окружностей небольшого диаметра с высверленным центром (ил. 28).

Известняк.

Размеры: выс. 0,12 м, шир. 0,27 м. Толщина плиты – 11 см. Глубина рельефа от 0,2 до 0,8 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства.

Поверхность рельефа сильно повреждена. На гладком фоне вырезан плетеный геометрический орнамент. С трех сторон плиты видны следы выступающей рамки. Орнамент составлен из переплетающихся окружностей небольшого диаметра и маленьких кругов с высверленным центром, выполненных лентой плетения в три полосы с двумя желобками. На плите можно различить три круга, два из которых – с высверленными точками в центре. Характер узора в левой части и наличие выступающей рамки позволяют интерпретировать этот рельеф как начало или окончание фриза.

Среди ближайших стилистических аналогий – другие рельефы из церкви св. Феодора на Анакопийской горе (кат. Анак. № 14–22, 31, 32, 33, 35, 36, 38–41, 43, 44, 46, 47, 48). Иконографические аналогии также встречаются в этом лапидарном собрании (кат. Анак. № 23–27). Дополнительные аналогии см. в аннотации к № 23.

Точное место происхождения рельефа неизвестно; вероятнее всего, он был найден неподалеку от церкви св. Феодора на Анакопийской горе. Судя по другим сохранившимся фрагментам этой коллекции (кат. Анак. № 23–27), входил в единый орнаментальный фриз, украшавший алтарную преграду. Это предположение подтверждает и сохранившийся на боковой грани фрагмента специфический паз. Лента плетения, завершающая орнамент, и присутствие там же выпуклой рамки позволяют видеть в этом фрагменте, как и во фрагменте № 26, первую или последнюю плиту композиции. С учетом стилистических и иконографических параллелей рельеф может быть датирован X–XI вв.

29. Рельеф с изображением плетеного геометрического орнамента (ил. 29).

Известняк.

Размеры: шир. 0,16 м, выс. 0,57 м. Толщина плиты – 12 см. Глубина рельефа от 0,2 до 0,8 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства.

На гладком фоне плиты вырезан плетеный геометрический орнамент, который ограничен выступающей рамкой, сохранившейся фрагментарно. В основе узора из ленты в три полосы – сочетание окружностей небольшого диаметра и маленьких кругов с высверленным центром. Орнамент представляет собой усложненный вариант схемы, отраженной на рельефах (№ 23–28). В центре окружностей большего диаметра – розетки. На плите сохранились десять окружностей, пять из которых с высверленным центром, а пять – с розетками внутри. Один из кругов с розеткой сохранился фрагментарно.

Среди ближайших стилистических аналогий – другие рельефы из церкви св. Феодора на Анакопийской горе (кат. Анак. № 14–22, 31, 32, 33, 35, 36, 38–41, 43, 44, 46, 47, 48). На рельефах этого лапидария встречаются и иконографически близкие, но более простые по форме орнаменты (кат. Анак. № 23–28). Среди внешних аналогий – несколько примеров из армянской фасадной пластики, в частности, тонкий орнаментальный фриз, дополняющий основное резное украшение над южной аркой церкви свв. Петра и Павла в монастыре в Татеве (908 г.)⁴⁴⁴. Такие фризы встречаются и в фасадной пластике на территории современной западной

⁴⁴⁴ Thierry J.-M. L'Arménie au Moyen Age... Ill. 112.

и центральной Грузии: на соборах в Кумурдо (964 г.)⁴⁴⁵, Поке (XI в.)⁴⁴⁶, Никорцминде (1014–1027 гг.)⁴⁴⁷. Этот вид плетеного орнамента есть в каменном пластике Малой Азии и Греции. Доказательством тому служат узкий орнаментальный пояс, украшавший одну из граней архитрава алтарной преграды из церкви в Бакей⁴⁴⁸ (XI в.), деталь архитрава иконостаса из Смирны (XI–XII вв.)⁴⁴⁹, узкий фриз на одной из граней архитрава иконостаса главного собора монастыря Осиос Лукас в Фокиде⁴⁵⁰, фриз на грани столбика алтарной преграды из главного собора Св. Софии в Охриде (XI в.)⁴⁵¹.

Точное место находки рельефа неизвестно; вероятно, камень обнаружен около церкви св. Феодора. Судя по приведенным выше аналогиям, он составлял часть фриза, украшавшего алтарную преграду. Это предположение подтверждается обнаруженным после демонтажа стенки алтарной преграды специфическим пазом на его боковых гранях. С учетом стилистических и иконографических параллелей рельеф может быть датирован X–XI вв.

30. Фрагмент полустертого рельефа (ил. 30).

Известняк.

Размеры: шир. 0,18 м, выс. 0,16 м. Глубина от 0,3 до 0,9 см. По словам А. В. Аргуна, находится в фондах Музея Абхазского царства.

Плита треугольной формы, на ее поверхности – полустертый рельеф, точную композицию которого восстановить достаточно сложно.

⁴⁴⁵ Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент... С. 35.

⁴⁴⁶ Там же. С. 53.

⁴⁴⁷ Там же. С. 55.

⁴⁴⁸ Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age... № 19. Pl. XI c.

⁴⁴⁹ Ibid. № 31–38 a, b. Pl. XIV.

⁴⁵⁰ Schultz R. W., Barnsley S. H. The monastery of saint Luke of Stiris, in Phocis... Pl. 23.

⁴⁵¹ Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age... № 69. Pl. XLI d.

По сохранившемуся углублению можно предположить, что орнамент изготавливался с использованием небольших по диаметру петелек с высверленным центром и различных комбинаций этого мотива. Глубоко выбитые прямые параллельные желобки дают основание считать, что композиция строилась без использования кругов, ромбов, прямоугольников или других геометрических фигур значительных размеров. В качестве возможных аналогий стоит упомянуть рельефы рассматриваемой коллекции (кат. Анак. № 38, 31, 32, 33, 35, 36).

Точное место находки плиты неизвестно; предположительно она была обнаружена около цитадели Анакопийской крепости или внутри нее. Судя по упомянутым аналогиям, рельеф мог использоваться в облицовке фасадов церковного здания или для украшения его алтарной преграды. Исходя из тех же аналогий, его можно датировать более широко – X–XI вв.

31. Рельеф с изображением орнамента, состоящего из петелек небольшого диаметра (ил. 31).

Известия.

Размеры: шир. 0,35 м, выс. 0,12 м. Глубина рельефа от 0,2 до 0,4 см. По словам А. В. Аргуна, находится в фондах Музея Абхазского царства.

На гладком фоне прямоугольной плиты по нижнему и верхнему ее краю изображен орнамент, составленный из петелек малого диаметра с высверленным центром. Петельки располагаются на небольшом расстоянии друг от друга. Они повернуты во внутреннюю часть плиты. Узор сплетен из характерной ленты в три полосы. Сохранилось по четыре петельки с каждой стороны. Возле нижнего края плиты между первой и второй (справа) петелькой виден паз небольшого размера. Ближайшие стилистические аналогии – рельефы той же лапидарной коллекции

(кат. Анак. № 14–27, 29, 33–44, 46). В ней же есть и прямая иконографическая аналогия (кат. Анак. № 32).

Среди плетеных резных геометрических орнаментов нередко встречаются примеры, когда поле плиты покрывается узором, составленным из петелек небольшого диаметра с высверленным центром. В некоторых случаях они также располагаются по краям изображения. Гораздо реже бывает, чтобы цепочка из петелек, как это сделано в данном случае, обрамляя края плиты, образовывала своеобразную рамку, не связанную напрямую с основным узором. Похожее изображение встречается, к примеру, на одной из плит алтарной преграды из Цебельды⁴⁵². По ряду технических и иконографических признаков эта плита датируется первой половиной XI в.⁴⁵³ Место находки рельефа неизвестно, но, вероятно, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней.

Судя по размерам и форме, а также принимая во внимание форму другого рельефа (кат. Анак. № 32), можно предположить, что вместе они составляли часть единой конструкции. Возможно, это был столбик алтарной преграды (на что косвенно указывает паз в плите) или элемент фриза декоративной облицовки церковного здания. С учетом аналогий рельеф можно датировать X – первой половиной XI в.

32. Рельеф с орнаментом, составленным из петелек небольшого диаметра (ил. 32).

Известняк.

Размер: шир. 0,49 м, выс. 0,12 м. Толщина плиты – 11 см. Глубина рельефа – от 0,4 до 0,8 см.

В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

⁴⁵² Шмерлинг Р. Малые формы... С. 163. Табл. 59.

⁴⁵³ Там же. С. 163.

Поверхность плиты разделена на две части: гладкая без рельефа с графьей, обозначающей прямоугольную двойную рамку, и сам рельеф, составленный из ряда петелек, развернутых внутрь плиты. Узор второй части плиты полностью соответствует предыдущему рельефу (кат. Анак. № 31): петельки обрамляют гладкое поле плиты с трех сторон (верхний, нижний и левый края). Для выполнения орнамента используется лента в три полосы с двумя углубленными желобками. Характер обрамления в левой части позволяет видеть в этой плите начало или конец фриза, продолжением которого, вероятно, был рельеф № 31. Ближайшими стилистическими аналогиями являются рельефы той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 33–44, 46). Из нее же – прямая иконографическая аналогия (кат. Анак. № 31). Похожее изображение встречается на одной из плит алтарной преграды из Цебельды⁴⁵⁴, датированной первой половиной XI в.⁴⁵⁵

Точное место находки рельефа неизвестно. С большой долей вероятности он обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Судя по размерам, форме и принимая во внимание характеристики предыдущего рельефа (кат. Анак. № 31), можно предположить, что вместе они составляли часть единой конструкции. Судя по характерному пазу с одной стороны, этот фрагмент являлся частью столбика алтарной преграды. Учитывая приведенные аналогии, рельеф можно датировать X – первой половиной XI в.

33. Рельеф с изображением орнамента, составленного из петелек с высверленным центром (ил. 33).

Известняк.

Размеры: шир. 0,17 м, выс. 0,12 м. Глубина рельефа от 0,2 до 0,5 см. По словам А. В. Аргуна, находится в фондах Музея Абхазского царства.

⁴⁵⁴ Там же. С. 163. Табл. 59.

⁴⁵⁵ Там же. С. 163.

В основе узора – схема, отраженная на рельефах № 31 и 32. В данном случае она представлена в более усложненном виде. По верхнему и нижнему краям плиты в качестве обрамления проходит лента плетения в три полосы. Она складывается в череду петелек с высверленной серединой, развернутых внутрь композиции. Пространство между верхним и нижним краями занято узором, напоминающим сеточку из крестообразно пересекающейся ленты плетения. Среди ближайших стилистических аналогий – рельефы той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36–44, 46). Иконографические аналогии также находятся на Анакопийской горе (кат. Анак. № 34, 35). Подобного рода орнамент обрамляет западный портал церкви Успения в монастыре Сафара (X в.)⁴⁵⁶. Он также присутствует на фасадах храма Баграта в Кутаиси (1003 г.)⁴⁵⁷ и храма в Самтавро (XI в.)⁴⁵⁸.

Место находки рельефа неизвестно, но, вероятно, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Сходные размеры и характер орнаментов позволяют предположить, что эта плита вместе с № 34 составляла единый фриз, призванный украсить столбик алтарной преграды. С учетом аналогий рельеф может быть датирован концом X–XI вв.

34. Рельеф с изображением орнамента из переплетающихся петелек (ил. 34).

Известняк.

Размеры: шир. 0,12 м, выс. 0,44 м. Глубина рельефа от 0,3 до 1 см. По словам А. В. Аргуна, находится в фондах Музея Абхазского царства.

⁴⁵⁶ Габашвили Ц. Порталы в грузинской архитектуре... С. 64. Табл. 47.

⁴⁵⁷ Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент... С. 51.

⁴⁵⁸ Там же. С. 61.

На гладкой поверхности плиты представлен геометрический орнамент в виде переплетающихся петелек небольшого диаметра с высверленным центром и ленты в три полосы с двумя углубленными желобками. Петельки, развернутые внутрь плиты, образуют изображение с трех сторон. За пределами орнамента присутствует выступающая ровная рамка, которая обозначает начало или окончание фриза. Внутреннее пространство плиты украшено крестообразно пересекающимися отрезками ленты плетения. Среди ближайших стилистических аналогий – рельефы той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36–44, 46). Иконографические аналогии тоже находятся на Анакопийской горе (кат. Анак. № 33, 35). Подобного рода орнамент обрамляет западный портал церкви Успения в монастыре Сафара (X в.)⁴⁵⁹. Он присутствует и на фасадах храма Баграта в Кутаиси (1003 г.)⁴⁶⁰ и храма в Самтавро (XI в.)⁴⁶¹.

Место находки рельефа неизвестно. Вероятно, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Сходные размеры и характер орнаментов позволяют предположить, что эта плита вместе с № 33 составляла единый фриз, призванный украсить столбик алтарной преграды. С учетом аналогий рельеф может быть датирован концом X–XI вв.

35. Плита со следами рельефа (ил. 35).

Известняк.

Размеры: шир. 0,15 м, выс. 0,29 м. Глубина рельефа от 0,4 до 1 см. По словам А. В. Аргуна, находится в фондах Музея Абхазского царства.

⁴⁵⁹ Габашвили Ц. Порталы в грузинской архитектуре... С. 64. Табл. 47.

⁴⁶⁰ Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент... С. 51.

⁴⁶¹ Там же. С. 61.

Состояние рельефа не позволяет описать его композицию. По некоторым признакам (следы высверленных центров, характер их расположения вдоль нижнего края изображения), а также по фрагментам ленты плетения в три полосы с двумя углубленными желобками (вдоль нижнего края и диагонально через внутреннее пространство плиты) можно предположить, что здесь был узор, идентичный представленному на предыдущих рельефах (кат. Анак. № 33, 34). В этом случае среди ближайших стилистических аналогий следует указать рельефы той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36–44, 46).

Место находки рельефа неизвестно. Скорее всего, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Благодаря приведенным аналогиям можно сделать вывод, что изготовили его для украшения алтарной преграды. С учетом примеров датировать плиту предлагается концом X–XI в.

36. Рельеф с орнаментом из петелек «в сеточку» (ил. 36). Известняк.

Размеры: шир. 0,4 м, выс. 0,18 м. Толщина плиты – 11 см. Глубина рельефа от 0,2 до 0,8 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Основа узора – схема, представленная на трех предыдущих рельефах (кат. Анак. № 33, 34, 35). В данном случае она обогащена дополнительными декоративными деталями. Орнамент «в сеточку» составлен из переплетения небольших петелек с высверленным цен-

тром и лентой в три полосы с двумя углубленными желобками. Петельки вдоль верхнего и нижнего края плиты развернуты внутрь изображения и образуют его орнаментальную рамку. Внутренняя часть плиты занята крестообразно пересекающимися отрезками ленты плетения. Точки пересечения дополнительно украшены петельками с высверленным центром.

Среди ближайших стилистических аналогий – рельефы той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 4, 14–27, 29, 31, 32, 36–44, 46). Похожие орнаментальные фризы есть, например, над южным входом церкви в селе Патара-Они (Верхняя Рача, первая половина XI в.)⁴⁶² или на фасадах храмов в Кумурдо (964 г.)⁴⁶³ и в Манглиси (1014–1027 гг.)⁴⁶⁴. Аналогичная схема встречается в резном украшении архитрава алтарной преграды главного собора монастыря Осиос-Лукас в Фокиде⁴⁶⁵ (нач. XI в.), а также на столбиках алтарной преграды из собора св. Софии в Охриде (ок. 1025 г.)⁴⁶⁶.

Место находки рельефа неизвестно, но, вероятно, он обнаружен в цитадели Анакопии или около нее. Учитывая форму плиты (характерный паз с одной стороны) и иконографические аналогии, можно предположить, что этот рельеф использовался в украшении алтарной преграды церковного здания. Принимая во внимание все вышесказанное, его можно отнести ко второй половине X – первой половине XI в.

37. Плита с фрагментом орнамента (ил. 37).

Известняк.

Размеры: шир. 0,16 м, выс. 0,16 м. Толщина плиты – 10 см. Диагональ (правый нижний – левый верхний угол) – 0,15 м, диагональ (левый нижний – правый верхний угол) – 0,2 м. Глубина рельефа от 0,4 до 1 см. В настоящее время находится

⁴⁶² Габашвили Ц. Порталы в грузинской архитектуре... С. 59. Табл. 21.

⁴⁶³ Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент... С. 35.

⁴⁶⁴ Там же. С. 58.

⁴⁶⁵ Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age... № 44. Pl. XXIV a, b.

⁴⁶⁶ Ibid. № 69. Pl. XLI b, d.

в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На небольшом фрагменте плиты на гладком фоне сохранилась часть орнамента, представленная петелькой с высверленным центром. Орнамент составлен из ленты плетения в три полосы с двумя желобками. Среди ближайших стилистических аналогий – рельефы той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36, 38–44, 46). Реконструируя схему узора, можно предложить любые из уже рассмотренных комбинаций, где присутствуют петельки с высверленным центром (кат. Анак. № 14–36, 38–41, 48). В этом случае иконографические аналогии будут теми же, что указаны в соответствующих аннотациях.

Место находки рельефа неизвестно, но, вероятно, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. С учетом возможных аналогий этот фрагмент мог быть частью орнаментального фриза, украшавшего алтарную преграду, и датировать его можно X–XI вв.

38. Рельеф с орнаментом из петелек (ил. 38).

Известняк.

Размеры: шир. 0,40 м, выс. 0,10 м. Глубина рельефа от 0,2 до 0,8 см. Толщина плиты – 12 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

По гладкой поверхности плиты идет цепочка петелек с высверленным центром, составленная из ленты плетения в три полосы. Крайний правый край отмечен рамкой (тоже из ленты плетения). Эта деталь обозначает начало или конец фриза. На сохранившемся фрагменте видны две петельки, поверхность третьей

сильно пострадала. Среди ближайших стилистических аналогий можно указать рельефы той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36, 37, 39–44, 46). Похожая цепочка встречается в качестве обрамления основного мотива плетеного узора на некоторых памятниках византийской каменной пластики. Например, на алтарной преграде из главного собора монастыря Осиос Лукас в Фокиде (XI в.)⁴⁶⁷, на одной из граней архитрава алтарной преграды в церкви св. Луки на Евбее (1010 г.)⁴⁶⁸, на плите алтарной преграды из Лавры св. Афанасия на Афоне (XI в.)⁴⁶⁹, на саркофаге из собора св. Софии в Киеве (1037 г.)⁴⁷⁰ и на плите из балюстрады кафедры в соборе св. Софии в Киеве⁴⁷¹.

Место находки рельефа неизвестно. Вероятнее всего, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Судя по аналогиям и форме плиты (характерный паз с одной стороны), она была элементом алтарной преграды. С учетом параллелей рельеф можно датировать второй половиной X–XI вв.

39. Плита с рельефом из квадратов и петелек (ил. 39).

Известняк.

Размеры: шир. 0,26 м, выс. 0,15 м. Толщина плиты – 10 см. Глубина рельефа от 0,3 до 0,7 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На гладком фоне плиты изображен плетеный геометрический орнамент, составленный из ленты плетения в три полосы с двумя желобками.

В основе узора – сочетание квадратов и петелек с высверленным

⁴⁶⁷ Schultz R. W., Barnsley S. H. The monastery of saint Luke of Stiris... Pl. 29. Fragment G.

⁴⁶⁸ Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age... № 45. Pl. XXVII b.

⁴⁶⁹ Ibid. № 62. Pl. XL a.

⁴⁷⁰ Ibid. № 76. Pl. LVII b.

⁴⁷¹ Ibid. Pl. LIX c.

центром. Сохранились два квадрата и две петельки. Верхняя часть левого квадрата, нижняя часть правого квадрата и правая петелька повреждены. Среди ближайших стилистических аналогий – рельефы той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36, 37, 38, 40–44, 46).

Идентичный в плане иконографии вид орнамента был обнаружен внутри нижнего храма в Анакопии (№ 89). Предполагается, что он был частью алтарной преграды⁴⁷². Похожие изображения (в несколько более усложненном виде – с орнаментальным заполнением внутреннего пространства квадрата) составляют основу обрамления некоторых хачкаров на территории Армении. Например, их можно видеть вокруг креста из Цахац Кара (1041 г.)⁴⁷³. Они в изобилии встречаются и на памятниках монументальной пластики Византии. Об этом свидетельствуют фрагмент из главного собора монастыря Осиос Лукас в Фокиде (XI в.)⁴⁷⁴, две детали алтарной преграды из церкви св. Луки на Евбее (ок. 1010 г.)⁴⁷⁵, алтарные плиты из Лавры св. Афанасия на Афоне (XI в.)⁴⁷⁶, саркофаг⁴⁷⁷ и балюстрады кафедры⁴⁷⁸ из собора св. Софии в Киеве (1037 г.). Некоторые примеры подобного орнамента происходят с территории современной Грузии: фриз над порталом северного входа малой церкви в Ишхани (1006 г.)⁴⁷⁹, фрагменты облицовки фасадов храмов в Гудалети (X в.)⁴⁸⁰, Поке (XI в.)⁴⁸¹, Самтавро (XI в.)⁴⁸².

⁴⁷² Трапш М. М. Труды. Т. 4. С. 104. Рис. 35.

⁴⁷³ Петросян Г. Л. Хачкар... С. 123. Рис. 150.

⁴⁷⁴ Schultz R. W., Barnsley S. H. The monastery of saint Luke of Stiris... Pl. 29. Fragment B.

⁴⁷⁵ Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age... № 45. Pl. XXVII b. Pl. XXIX a.

⁴⁷⁶ Ibid. № 62. Pl. XL a.

⁴⁷⁷ Ibid. № 76. Pl. LVII b.

⁴⁷⁸ Ibid. № 76. Pl. LIX c.

⁴⁷⁹ Габашвили Ц. Порталы в грузинской архитектуре... С. 48. Табл. 14.

⁴⁸⁰ Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент... С. 41.

⁴⁸¹ Там же. С. 53.

⁴⁸² Там же. С. 63.

Точное место обнаружения рельефа неизвестно. Вероятно, он был найден в цитадели Анакопии или рядом с ней. Судя по аналогиям, скорее всего был частью алтарной преграды или облицовки фасада церковного здания. Предположительно рельеф можно датировать X – первой половиной XI в.

40. Рельеф с изображением кругов и ромбов большого диаметра (ил. 40).

Известняк.

Размеры: шир. 0,17 м, выс. 0,12 м. Толщина плиты – 11 см. Глубина рельефа от 0,4 до 1 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На поверхности плиты с небольшим скруглением в нижней части представлен орнамент из переплетающихся окружностей и ромбов большого размера. В середине окружностей – петельки с высверленным центром. Узор составлен из ленты плетения в три полосы. На фрагменте одна окружность сохранилась полностью, а ромб в нижней части – с небольшой утратой. Среди стилистических аналогий – рельефы той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36–39). Территориально близкие иконографические аналогии – тоже в этой лапидарной коллекции (кат. Анак. № 41–48, 89). Похожий орнамент есть на фрагментарных блоках из облицовки портала и прямоугольного оконного проема, а также оконного проема внутри собора. Его можно видеть и в фасадной пластике некоторых храмов на территории современной Грузии. Например, он составляет орнаментальный фриз, украшающий портал западного фасада церкви св. Георгия в селе Саване (1046 г.)⁴⁸³. Этот вид орнамента

⁴⁸³ Габашвили Ц. Порталы в грузинской архитектуре... С. 62. Табл. 30.

встречается также в украшении фасада церкви в Самтавро⁴⁸⁴ (XI в.). Такой плетеный геометрический узор известен и в византийской пластике. Им, в частности, украшен столбик алтарной преграды из собора в Серрах (XI в.)⁴⁸⁵.

Место находки рельефа неизвестно, но, вероятно, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Судя по приведенным аналогиям, мог быть частью орнаментального фриза, украшавшего фасад церковного здания, или алтарной преграды. По стилистическим и иконографическим особенностям его можно датировать XI в.

41. Рельеф с изображением орнамента из переплетающихся окружностей и ромбов (ил. 41).

Известняк.

Размеры: шир. 0,15 м, выс. 0,47 м. Диагональ (левый нижний – правый верхний угол) – 0,44 м, диагональ (правый нижний – левый верхний угол) – 0,52 м. Толщина плиты – 12 см. Глубина рельефа от 0,4 до 1 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На одной из граней квадратного в сечении монолитного блока представлен геометрический орнамент из переплетающихся ромбов и окружностей большого размера. В центре каждой окружности – петелька с высверленным центром. Узор составлен из ленты плетения в три полосы, выполнен на гладком фоне и окружен выступающей рамкой. Характер узора и его композиционные особенности позволяют определить в этом рельефе нижнюю часть фриза. На плите видны ромб и две окружно-

⁴⁸⁴ Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент... С. 67.

⁴⁸⁵ Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age... № 60. Pl. XXXVIII a.

сти, боковая часть левой повреждена. Среди стилистических аналогий – рельефы той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36–40, 42, 43, 44, 46). Территориально близкие иконографические аналогии также связаны с рассматриваемой лапидарной коллекцией (кат. Анак. № 40, 42–48, 89). Другие аналогии перечислены в аннотации к № 40.

Место находки рельефа неизвестно. Вероятно, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Форма плиты, идентичные размеры и технические детали фрагментов (кат. Анак. № 40 и 41) позволяют предположить, что они были частью единого фриза, украшавшего, скорее всего, алтарную преграду. По стилистическим и иконографическим особенностям рельеф можно датировать XI в.

42. Рельеф с изображением орнамента из сплетающихся ромбов и окружностей большого диаметра (ил. 42).

Известняк.

Размеры: шир. 0,10 м, выс. 0,30 м. Толщина плиты – 12 см. Глубина рельефа от 0,2 до 0,4 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Плита прямоугольной формы украшена орнаментом из переплетающихся ромбов и окружностей большого размера. Узор выполнен лентой в три полосы. На этом фрагменте хорошо сохранился только один ромб, верхняя и половина нижней окружности сильно повреждены. Стилистические аналогии представлены рельефами той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36–41, 43, 44, 46), как и территориально близкие иконографические (кат. Анак. № 43–46). Другие аналогии перечислены в аннотации к № 40.

Место находки рельефа неизвестно. Вероятнее всего, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Судя по размерам плиты и особенностям техники рельефа, этот фрагмент, так же как и тот, что будет рассмотрен ниже (кат. Анак. № 43), мог быть частью орнаментального фриза, украшавшего алтарную преграду. По стилистическим и иконографическим особенностям рельеф можно датировать XI в.

43. Рельеф с изображением орнамента из переплетающихся ромбов и окружностей большого диаметра (ил. 43).

Известняк.

Размеры: шир. 0,36 м, выс. 0,12 м. Толщина плиты – 10 см. Глубина рельефа от 0,2 до 0,4 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На плите прямоугольной формы виден орнамент из переплетающихся ромбов и окружностей большого диаметра. Узор составлен из ленты плетения в три полосы. На сохранившемся фрагменте читаются две окружности и ромб, третья окружность сильно повреждена. Среди стилистических аналогий – рельефы той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36–42, 44, 46). Территориально близкие иконографические аналогии – из нее же (кат. Анак. № 42, 44, 45, 46). Другие аналогии перечислены в аннотации к № 40.

Место находки рельефа неизвестно, но, вероятно, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. С учетом размеров плиты и технических особенностей рельефа можно предположить, что он, как и предыдущий (кат. Анак. № 42), был частью единого орнаментального фриза, украшавшего фасад церковного здания. Возможно также, что оба они были частью алтарной преграды. По стилистическим и иконографическим особенностям рельеф можно датировать XI в.

44. Рельеф с изображением орнамента, составленного из ромбов и окружностей (ил. 44).

Известняк.

Размеры: шир. 0,43 м, выс. 0,08 м. Толщина плиты – 12 см. Глубина рельефа от 0,2 до 0,5 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На плите прямоугольной формы показан орнамент из переплетающихся ромбов и окружностей большого диаметра. Узор составлен из ленты плетения в три полосы. На фрагменте плиты полностью сохранились два круга и два ромба, часть третьего круга и ромба утеряна, четвертый круг и ромб практически утеряны. Среди стилистических аналогий – рельефы той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36–42, 43, 46). Территориально близкие иконографические аналогии – отсюда же (кат. Анак. № 42, 43, 45, 46). Другие аналогии перечислены в аннотации к № 40.

Место находки рельефа неизвестно, но, вероятно, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Судя по характерному пазу с одной стороны, этот рельеф был частью орнаментального фриза, украшавшего алтарную преграду. По стилистическим и иконографическим особенностям его можно датировать XI в.

45. Фрагмент орнамента (ил. 45).

Известняк.

Размеры: шир. 0,14 м, выс. 0,11 м. Глубина рельефа от 0,3 до 1 см. По словам А. В. Аргуна, находится в фондах Музея Абхазского царства.

На гладком фоне плиты изображена окружность, пронзенная

углом ромба. Узор выполнен лентой плетения в три полосы. Среди стилистических аналогий – рельефы той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36–39, 41–44, 46). Иконографические аналогии также связаны с рассматриваемой коллекцией (кат. Анак. № 42, 43, 44, 46). Этот фрагмент, скорее всего, представляет собой начало или завершение орнаментального фриза, составленного из переплетающихся окружностей и ромбов. Другие аналогии перечислены в аннотации к № 40.

Место находки рельефа неизвестно, но, вероятно, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Судя по аналогиям, мог быть частью орнаментального фриза, украшавшего фасад церковного здания, или частью алтарной преграды. По стилистическим и иконографическим особенностям его можно датировать XI в.

46. Рельеф с орнаментом в виде переплетающихся ромбов и окружностей (ил. 46).

Известняк.

Размеры: шир. 0,12 м, выс. 0,27 м. Толщина плиты – 13 см. Глубина рельефа от 0,4 до 0,7 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На поверхности плиты – орнамент из переплетающихся окружностей и ромбов большого размера. Узор составлен из ленты плетения в три полосы. На фрагменте целиком сохранились две окружности и ромб. Среди стилистических аналогий – рельефы той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36–39, 41–44). Территориально близкие иконографические аналогии – там же (кат. Анак. № 42, 43, 44). Другие аналогии перечислены в аннотации к № 40.

Место находки рельефа неизвестно. Вероятно, это цитадель Анакопии или территория рядом с ней. Судя по аналогиям, рельеф мог быть частью орнаментального фриза, украшавшего фасад церковного здания, или частью алтарной преграды. По стилистическим и иконографическим особенностям его можно датировать XI в.

47. Фрагмент орнамента (ил. 47).

Известняк.

Размеры: шир. 0,18 м, выс. 0,12 м. Глубина рельефа от 0,6 до 0,8 см. По словам А. В. Аргуна, находится в фондах Музея Абхазского царства.

На плите сохранился фрагмент плетеного геометрического орнамента из ленты

в три полосы. Видны верхние детали пересекающихся окружностей и справа – остаток вертикальной рамки, завершающей или начинающей орнамент. По ним можно предположить, что фрагмент был частью фриза из переплетающихся окружностей большого диаметра, как на рельефах (кат. Анак. № 14–22), или орнамента из переплетающихся окружностей и ромбов, похожего на рельефы (кат. Анак. № 40–46, 48, 89). В этом случае его ближайшие стилистические аналогии – рельефы из той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36–39, 41–46, 48, 89). Что касается иконографических аналогий, то они совпадают с аналогиями, приведенными для каждой из двух описанных выше групп соответственно.

Место находки рельефа неизвестно. Вероятно, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. С учетом возможных аналогий мог быть частью орнаментального фриза, украшавшего фасад церковного здания или его алтарную преграду. Исходя из того же круга аналогий, мог быть выполнен в X–XI вв.

48. Рельеф с изображением переплетающихся окружностей и ромбов (ил. 48).

Известняк.

Размеры: шир. 0,18 м, выс. 0,52 м. Толщина плиты – 12 см. Глубина рельефа от 0,4 до 1 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На гладком фоне плиты выполнен орнамент из переплетающихся окружностей и ромбов. Изображение окантовано выступающей рамкой. В середине ромбов – петельки с высверленным центром. Узор сделан из ленты плетения в три полосы. На плите хорошо сохранились два ромба и две окружности. Верхняя часть одной из окружностей утеряна. Особенности узора в нижней части плиты позволяют предположить, что этот фрагмент начинал или завершал орнаментальный фриз. Среди ближайших стилистических аналогий – рельефы той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36–39, 41–46, 48). Прямая иконографическая аналогия – фрагмент алтарной преграды, найденный в нижней церкви Анакопии⁴⁸⁶ (№ 88). Другие аналогии см. в аннотации к № 40.

Место находки рельефа неизвестно. С большой долей вероятности это цитадель Анакопии или территория рядом с ней. Судя по представленным аналогиям и по характерному пазу с одной стороны, рельеф мог украшать алтарную преграду церковного здания. Благодаря аналогиям его можно датировать XI в.

49. Рельеф с орнаментом из ромбов (ил. 49)⁴⁸⁷.

Известняк.

⁴⁸⁶ Трапш М. М. Труды. Т. 4. С. 104. Рис. 35.

⁴⁸⁷ Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 234; Искусство Абхазского царства... С. 180–181. № 49.

Размеры: шир. 0,45 м, выс. 0,14 м. Толщина плиты – 10 см. Глубина рельефа от 0,2 до 1 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На гладком фоне плиты вырезан орнамент, в основе которого – переплетающиеся ромбы. Границы узора, выполненного из ленты плетения в три полосы, обозначены выступающей в верхней и нижней частях плиты рамкой. Среди ближайших стилистических

аналогий – рельефы из той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36–46, 48). В поисках иконографических аналогий следует обратиться к фасадной пластике. На территории современной Грузии эта орнаментальная схема встречается на храме в Кумурдо (964 г.)⁴⁸⁸, а также на фасаде храма в Манглиси (1014–1027 гг.)⁴⁸⁹.

Место находки рельефа неизвестно, но, вероятно, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Форма рельефа и аналогии позволяют предположить, что он был частью фриза, украшавшего фасад церковного здания или его алтарную преграду. Скорее всего, датировать фрагмент можно X – началом XI в.

50. Рельеф с орнаментом из сплетенных кругов одинакового размера (ил. 50)⁴⁹⁰.

Известия.

Размеры: шир. 0,31 м, выс. 0,11 м. Толщина плиты – 12 см. Глубина рельефа – от 0,3 до 0,7 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства.

⁴⁸⁸ Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент... С. 35.

⁴⁸⁹ Там же. С. 58.

⁴⁹⁰ Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 234; Искусство Абхазского царства... С. 181–182. № 50.

Орнамент из переплетающихся кругов одинакового размера, обрамленный с трех сторон выступающей рамкой, вырезан на гладком фоне плиты и составлен из ленты плетения в три полосы. Среди стилистических аналогий – рельефы той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 14–27, 29, 31, 32, 36–46, 48, 49). Иконографические аналогии зафиксированы в фасадной пластике некоторых храмов на территории современной Грузии, например, на церкви в Земо-Скра (X в.)⁴⁹¹. Этот вид орнамента часто использовался при обрамлении хачкаров в Армении. Один из примеров – крест 996 г. из Кечариса⁴⁹², а также хачкар из Мрена (X–XI вв.)⁴⁹³. Такой орнамент есть и в византийской пластике – в частности, на надгробных плитах из Преспы (нач. XI в.)⁴⁹⁴.

Место находки рельефа неизвестно. Предположительно это цитадель Анакопии или местность возле нее. Исходя из аналогий и формы плиты (характерный паз с одной стороны), можно определить, что использовалась она для оформления алтарной преграды. Что касается датировки, то с учетом аналогий это конец X – первая половина XI в.

51. Рельеф с изображением растительного орнамента (ил. 51)⁴⁹⁵.

Мрамор.

⁴⁹¹ Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент... С. 37.

⁴⁹² Петросян Г. Л. Хачкар... С. 106. Рис. 122.

⁴⁹³ Там же. С. 117. Рис. 142.

⁴⁹⁴ Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age... № 50. Pl. XXXVI a, XXXVII a, b.

⁴⁹⁵ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 60. Табл. XVI, 3; Khroushkova L. Les monuments... Р. 141, 145. Pl. 71b, 109 b.; Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 234, 235; Искусство Абхазского царства... С. 182–183. № 51.

Размеры: шир. 0,24 м, выс. 0,36 м. Диагональ (левый верхний – правый нижний угол) – 0,40 м, диагональ (левый нижний – правый верхний угол) – 0,39 м. Толщина плиты – 5 см. Глубина рельефа – от 0,3 до 1,8 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

На гладкой поверхности плиты – рельефно выступающие валики, обозначающие, вероятно, обрамление основного не сохранившегося изображения. Предполагаемый угол рамки

оформлен трехлепестковым симметрично представленным побегом. Во внутренней части предполагаемого обрамления со стороны угла сохранился фрагмент схематично показанного побега с листьями. Изображения растительных побегов в фасадной пластике и на алтарных преградах – мотив, характерный для территории как Закавказья, так и Византийской империи в X–XI вв. Близкий с позиции

иконографии прием угадывается в оформлении угла плиты алтарной преграды из Потоleti (X в.)⁴⁹⁶. Он же использован в оформлении внутренней стороны угла алтарной плиты в Шиомгивме (XI в.)⁴⁹⁷. Похожую стилизованную трактовку растительных побегов (плоскостность, внутреннее пространство листа показано двумя желобками) демонстрируют, например, резьба на капители из Археологического музея в Бурсе⁴⁹⁸ (XI в.), многочисленные растительные побеги в резьбе, украшающей главный собор монастыря Осиос Лукас в Фокиде (XI в.)⁴⁹⁹ и алтарную преграду в церкви Панагии того же мона-

⁴⁹⁶ Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре... Табл. 23.

⁴⁹⁷ Там же. Табл. 45.

⁴⁹⁸ Grabar A. *Sculptures Byzantines du Moyen Age*... № 11. Pl. IX c, d.

⁴⁹⁹ Ibid. № 44. Pl. XVIII, XIX a.

стыря⁵⁰⁰. К примерам следует добавить и изображение трехлистника на капители столбика алтарной преграды в главном соборе в Дафни (XI в.)⁵⁰¹.

Если фрагмент из Анакопии интерпретировать как угол плиты алтарной преграды, украшенной растительными мотивами, то близкой аналогией может быть названа утерянная плита, чье изображение сохранилось на негативе фотографии 1939 г. (см. иконогр. № 36⁵⁰²). Качество негатива не позволяет выяснить технические характеристики этой плиты и подробно описать украшавший ее орнамент, однако в некоторых мотивах (особенно в оформлении углов), как кажется, угадывается определенное сходство⁵⁰³.

Место находки рельефа неизвестно, но, вероятно, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. С учетом формы сохранившегося фрагмента и аналогий можно предположить, что это угол плиты алтарной преграды. Стилистические и иконографические аналогии позволяют датировать рельеф X–XI вв.⁵⁰⁴ Л. Г. Хрушкова настаивает на датировке этого фрагмента VI в.⁵⁰⁵, ссылаясь на то, что это якобы «типичная импортная продукция юстиниановского времени»⁵⁰⁶, не приводя, однако, никаких конкретных аналогий, кроме опубликованных ранее⁵⁰⁷.

⁵⁰⁰ Ibid. Pl. XX.

⁵⁰¹ Ibid. № 49. Pl. XXXIII b.

⁵⁰² См.: Искусство Абхазского царства... С. 238.

⁵⁰³ Плита не снабжается отдельной аннотацией в каталоге рельефов, а помещена только в каталоге иконографических материалов древностей Анакопийской горы (иконагр. № 36) в книге: Искусство Абхазского царства... С. 238.

⁵⁰⁴ Д. В. Белецкий и А. Ю. Виноградов высказывают иную версию трактовки данной плиты. См.: Искусство Абхазского царства... Прим. 91.

⁵⁰⁵ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 63–64; Хрушкова Л. Г. Неопубликованные малоизвестные предметы... С. 75.

⁵⁰⁶ Там же.

⁵⁰⁷ Хрушкова Л. Г. . Скульптура... С. 60. Табл. XVI, 3; Khroushkova L. Les monuments... P. 141, 145. Pl. 71b, 109 b.

52. Фрагмент орнамента (ил. 52)⁵⁰⁸.

Известняк.

Размеры: шир. 0,20 м, выс. 0,23 м. Толщина – 16 см. Глубина рельефа от 0,3 до 1,2 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

С четырех сторон поверхность рельефа покрыта изображениями лукообразного бутона. Похожая форма изображает бутон, луковку растения или пучок листьев в некоторых памятниках каменной пластики. К примеру, фриз, в основе которого повторение этого мотива, располагается в тимпане над западным порталом церкви в Вале (кон. X в.)⁵⁰⁹, а также на фасаде церкви в Долисхане (X в.)⁵¹⁰ (современная Юго-Западная Грузия).

Место находки рельефа неизвестно. Вероятно, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Форма фрагмента позволяет видеть в нем навершие столбика алтарной преграды. Скорее всего, рельеф можно датировать концом X в.

53. Плита с изображением розетки (ил. 53)⁵¹¹.

Известняк.

Размеры: шир. 0,55 м, выс. 0,33 м. Прямоугольный проем – шир. 0,17 м, выс. 0,02 м. Толщина плиты – 13 см. Глубина рельефа розетки – от 0,4 до 1 см. Глубина рельефа вокруг проема – от 2 до 3 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства.

⁵⁰⁸ Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 235; Искусство Абхазского царства... С. 183–184. № 52.

⁵⁰⁹ Габашвили Ц. Порталы в грузинской архитектуре... С. 57. Табл. 13; Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре... С. 40.

⁵¹⁰ Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре... С. 42.

⁵¹¹ Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 235; Искусство Абхазского царства... С. 184–185. № 53.

В нижней части плиты – прямоугольный проем, окантованный валиками, что позволяет видеть в ней верхний наличник окна. Над окантовкой по центру плиты – розетка, составленная из четырехлопастной звезды, вписанной в круг из двух колец. Лопастности звезды и кольца выполнены лентой плетения в две полосы с одним желобком по центру. На поверхности розетки видны следы окраски. Мотив розетки широко распространен в каменной пластике Закавказья и Византийской империи. Он встречается в разных контекстах. К примеру, с северной стороны храма в Эхвеви (нач. XI в.) такая розетка изображена у подножия колонок, обрамляющих входной проем⁵¹², а в храме Баграта в Кутаиси (1002 г.) она украшает фасад⁵¹³. Этот же мотив составляет орнаментальное обрамление плиты алтарной преграды из Ховле (нач. XI в.)⁵¹⁴. Зафиксирован он и на алтарной преграде из Церовани (нач. XI в.)⁵¹⁵. В армянской каменной пластике четырехлопастная звезда в двойном кольце зачастую изображается у подножия креста на хачкарах. Для примера укажу на хачкар из Цахац Кара (1041 г.)⁵¹⁶. Встречается она и на архитраве темплона из кафоликона монастыря Осиос Лукас в Фокиде (нач. XI в.)⁵¹⁷.

Место находки плиты неизвестно. Вероятно, это цитадель Анакопии или место рядом с ней. Судя по приведенным аналогиям, плита была изготовлена в первой половине XI в.

54. Фрагмент рельефа (ил. 54)⁵¹⁸.

Известняк.

⁵¹² Габашвили Ц. Порталы в грузинской архитектуре... С. 59. Табл. 18, 19.

⁵¹³ Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент... С. 51.

⁵¹⁴ Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре... С. 108. Табл. 30.

⁵¹⁵ Там же. С. 108. Табл. 33.

⁵¹⁶ Петросян Г. Л. Хачкар... С. 123. Рис. 150.

⁵¹⁷ Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age... № 44. Pl. XXV с.

⁵¹⁸ Искусство Абхазского царства... С. 185–186. № 54.

Размеры: шир. 0,11 м, выс. 0,17 м. Диагональ (левый нижний – правый верхний угол) – 0,17 м, диагональ (левый верхний – правый нижний угол) – 0,15 м. До 2016 года находился в алтаре церкви Св. Феодора на Анакопийской горе.

На экспозиции в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон не выставлен. По словам директора музея А. В. Аргуна, находится в фондах.

Место обнаружения его неизвестно. Вероятно, он, как и другие, был найден в цитадели Анакопии или рядом с ней. Учитывая возможные аналогии, можно предположить, что этот фрагмент был частью облицовки фасада церкви или ее алтарной преграды. Исходя из тех же соображений, его можно датировать X–XI вв.

55. Фрагмент рельефа (ил. 55)⁵¹⁹.

Известняк.

Размеры: шир. 0,27 м, выс. 0,09 м. Глубина рельефа 0,7 см. До 2016 года находился в алтаре церкви Св. Феодора на Анакопийской горе. На экспозиции в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон

не выставлен. По словам директора музея А. В. Аргуна, находится в фондах.

На обломке плиты сохранился фрагмент рельефа, поверхность которого частично стерта. Имеющиеся следы могут быть

⁵¹⁹ Искусство Абхазского царства... С. 186–187. № 55.

интерпретированы как детали ленты плетения в три полосы и часть окружности. Здесь можно видеть один из вышеописанных вариантов узора, в котором присутствуют оба элемента (№№ 14–50). Тогда упомянутые для каждого из вариантов аналогии могут относиться и к этому фрагменту.

56. Фрагмент плиты с графьей (ил. 56)⁵²⁰.

Известняк.

Размеры: шир. 0,40 м, выс. 0,28 м. Диагональ (левый нижний – правый верхний угол) – 0,46 м. Внутренний диаметр процарапанного круга – 0,14 м, внешний диаметр процарапанного круга – 0,22 м. До 2016 года

находился в алтаре церкви Св. Феодора на Анакопийской горе. На экспозиции в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон не выставлен. По словам директора музея А. В. Аргуна, находится в фондах.

На гладкой поверхности плиты сохранилась графья, которая обозначает начальную стадию подготовки рельефа. Вероятно, этот фрагмент должен был быть украшен узором, составленным с использованием окружностей большого диаметра. Близкие по композиции узоры есть на других рельефах этой лапидарной коллекции (№ 14–22, 40–48). Круг аналогий соотносится с теми, что приведены для уже описанных групп. Место находки рельефа неизвестно, но, скорее всего, он, как и другие, был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Учитывая возможные аналогии, этот фрагмент мог предназначаться для облицовки фасада церковного здания или для его алтарной преграды. Датировать находку с большой вероятностью можно X–XI вв.

⁵²⁰ Там же. С. 187. № 56.

57. Фрагмент рельефа (ил. 57)⁵²¹.

Известняк.

Размеры: шир. 0,13 м, выс. 0,20 м. Толщина плиты – 11 см. Глубина рельефа от 0,3 до 1 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Поверхность рельефа сохранилась очень плохо, поэтому его композицию реконструировать сложно. Возможно, плиту следует рассматривать как неоконченную заготовку. По сохранившемуся высверленному центру окружности можно предположить, что узор должен был быть составлен с участием петелек небольшого диаметра. В таком случае он мог бы повторить один из рассмотренных выше типов (кат. Анак., № 14–20, 22–41, 48) и вписаться в круг памятников, упомянутых для каждой из групп.

Место находки рельефа неизвестно, но, скорее всего, он, как и другие, был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Исходя из имеющихся аналогий и формы, плита могла использоваться для украшения алтарной преграды. Вероятно, этот фрагмент рельефа – из X–XI вв.

58. Фрагмент рельефа (ил. 58)⁵²².

Известняк.

Размеры: шир. 0,11 м, выс. 0,32 м. Толщина плиты – 12 см. Глубина рельефа от 0,3 до 1 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства.

Поверхность рельефа сохранилась очень плохо, поэтому его композицию реконструировать сложно. На плите отчетливо видны два высверленных центра петелек и небольшой фрагмент, в котором можно угадать ленту плетения в три полосы.

⁵²¹ Искусство Абхазского царства... С. 188. № 57.

⁵²² Там же. С. 188–189. № 58.

Эти детали дают основания предположить, что композиция была составлена из петелек небольшого диаметра с высверленным центром. В этом случае фрагмент рельефа удачно вписывается в одну из уже рассмотренных групп (кат. Анак. № 14–20, 22–41, 48). Тогда аналогиями ему могли служить те же объекты, что упомянуты в связи с анализом этих групп.

Место находки рельефа неизвестно, но, вероятно, он вместе с другими был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Исходя из формы фрагмента, можно сделать вывод, что он был частью алтарной преграды. Время производства рельефа (X–XI вв.) устанавливается благодаря возможным иконографическим и стилистическим параллелям.

59. Фрагмент рельефа (ил. 59)⁵²³.

Известняк.

Размеры: шир. 0,21 м, выс. 0,13 м. Диагональ (левый нижний – правый верхний угол) – 0,19 м, диагональ (правый нижний – левый верхний угол) – 0,22 м. Толщина плиты – 12 см. Глубина рельефа от 0,3 до 1 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства.

Изображение на плите читается недостаточно четко. Возможных причин этому две: либо поверхность рельефа плохо сохранилась, либо он – неоконченная заготовка для орнаментального узора. Однако по высверленным сердцевинам угадываются две петельки, и композицию, таким образом, можно реконструировать как один из вариантов орнамента с использованием

⁵²³ Искусство Абхазского царства... С. 189. № 59.

этого элемента (кат. Анак. № 14–20, 22–41, 48). Тогда она будет соответствовать аналогиям, указанным в соответствующих аннотациях.

Место находки рельефа неизвестно, но, вероятно, он, как и другие, был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. С учетом возможных аналогий и формы фрагмент мог быть частью алтарной преграды. Учитывая те же соображения, его можно отнести к X–XI вв.

*Плиты со следами архитектурных мотивов,
простых валиков, пазов и насечек*

60. Рельеф с изображением арок и пилястры (ил. 60)⁵²⁴.

Известняк.

Размеры: шир. 0,88 м, выс. 0,58 м. Диагональ (левый нижний – правый верхний) – 0,74 м, диагональ (правый нижний – левый верхний) – 0,91 м. Глубина рельефа 0,1 см. Квадратный паз: шир. 0,07 м, выс. 0,10 м, глубина 0,05 м. Диаметр

круглого паза – 0,02 м. По словам А. В. Аргуна, директора Национального Новоафонского историко-культурного заповедника «Анакопия», после демонтажа алтарной стенки осенью 2016 года был помещен в фонды Музея Абхазского царства.

Плита имеет сферическую форму, ее поверхность испещрена насечками. Изображение походит на фрагмент аркатурного пояска с пилястрой, на поверхности которой виден прямоугольный паз, в глубине его – круглый паз. Орнаментальный мотив аркатурно-колончатого пояска нередко исполь-

⁵²⁴ Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 235; Искусство Абхазского царства... С. 189–190. № 60.

зовался в украшении пьедестала барабана купола или в украшении восточных апсид храмов, построенных в X – первой половине XI в.⁵²⁵

Место находки рельефа неизвестно, но, вероятно, он, как и другие, был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Определить функциональное назначение плиты трудно. Д. В. Белецкий и А. Ю. Виноградов предполагают⁵²⁶, что она была основанием для ножки престола или его крышки. С учетом возможных аналогий плиту можно условно датировать X – нач. XI в.

61. Плита с пазом (ил. 61)⁵²⁷.

Известняк.

Размеры: шир. 0,54 м, выс. 0,62 м. Выступающий паз: шир. 0,23 м, выс. 0,28 м, глубина 7,5 см. Внутренний паз: шир. 0,12 м, выс. 0,14 м, глубина 4 см. По словам А. В. Аргуна, директора Национального Новоафонского историко-культурного заповедника «Анакопия», после демонтажа алтарной стенки осенью 2016 года была помещена в фонды Музея Абхазского царства.

На поверхности плиты высечен прямоугольный паз. Среди рельефов этой лапидарной коллекции выделяется целая группа плит с пазами (кат. Анак. № 60, 62, 63). Место находки рельефа неизвестно – скорее всего, это цитадель Анакопии или территория рядом с ней. Наличие паза позволяет предположить, что плита имела строительную функцию и могла использоваться во внутренней облицовке здания. По мнению Д. В. Белецкого

⁵²⁵ Беридзе В. Архитектура Тао-Кларджети... С. 132.

⁵²⁶ См.: Искусство Абхазского царства... С. 190.

⁵²⁷ Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 237; Искусство Абхазского царства... С. 190–191. № 61.

и А. Ю. Виноградова⁵²⁸, она была основанием для ножки престола или его крышки. Ориентируясь на аналогию с плитой с пазом (№ 60), можно предположить, что эта плита была вытесана в X – нач. XI в.

62. Плита со строительным пазом (илл. 62)⁵²⁹.

Известняк.

Размеры: шир. 0,46 м, выс. 0,49 м. Паз: шир. 0,23 м, выс. 0,10 м, глубина 0,13 м. По словам А. В. Аргуна, директора Национального Новоафонского историко-культурного заповедника «Анакопия», после демон-

тажа алтарной стенки осенью 2016 года была помещена в фонды Музея Абхазского царства.

Поверхность плиты – сферической формы. На ней видны конструктивные насечки. В этой лапидарной коллекции имеются и другие плиты со строительными пазами (кат. Анак. № 60, 61, 63). Место находки плиты неизвестно: она, как и другие, могла быть обнаружена в цитадели Анакопии или рядом с ней. Точная функция плиты тоже не совсем понятна, но наличие строительного паз позволяет предположить, что она использовалась во внутренней облицовке здания. По аналогии с плитой № 60 ее можно отнести к X–XI вв.

63. Плита с пазом (илл. 63)⁵³⁰.

Известняк.

Размеры: шир. 0,69 м, выс. 0,57 м. Паз: шир. 0,08 м, выс. 0,24 м, глубина 0,2 м. Глубина плиты – 17 см. В настоящее

⁵²⁸ Искусство Абхазского царства... С. 190–191. № 61.

⁵²⁹ Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 237; Искусство Абхазского царства... С. 191. № 62.

⁵³⁰ Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 237; Искусство Абхазского царства... С. 192. № 63.

время находится в крытом переходе Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Плита с прямоугольным пазом, аналогичная другим в этой коллекции (кат. Анак. № 60, 61, 62). Где была найдена, неизвестно, но есть вероятность, что, как и другие, обнаружена в цитадели Анакопии или рядом с ней. Точная функции плиты не установлена, но наличие строительного паза позволяет предположить, что она использовалась во внутренней облицовке здания. По аналогии с № 60 ее можно отнести к X–XI вв.

64. Плита с валикообразным обрамлением (ил. 64)⁵³¹.

Известняк.

Размеры: шир. 0,60 м, выс. 0,36 м. Выкружка: длина 0,20 м, выс. 0,07 м. Глубина рельефа от 2 до 3,5 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Плита прямоугольной формы с округлой выемкой в нижней части. Верхняя часть ее (над валикообразным обрамлением) имеет ровную поверхность, покрытую насечками «в елочку» (кат. Анак. № 10, 11, 64, 65, 76–78). Выемка окаймлена рельефом, состоящим из двух валиков и треугольной в сечении тяги. Этот прием используется в профилировке плит и на других объектах анакопийской лапидарной коллекции (кат. Анак. № 53, 65, 67, 68). К тому же идентично обрамленные блоки встречаются *in situ*. Они облицовывают южный портал церкви Св. Феодора

⁵³¹ Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 235; Искусство Абхазского царства... С. 192–193. № 64.

(№ 87). Фрагмент плиты с аналогичной профилировкой экспонируется в Музее Абхазского царства, расположенном у подножия горы.

Место находки фрагмента выяснить не удалось. Возможно, он обнаружен в цитадели Анакопии. Форма плиты позволяет предположить, что она использовалась во внешней облицовке здания как верхний наличник окна. Наличие блоков с идентичным профилем *in situ* позволяет датировать всю группу плит. Дело в том, что они расположены в слое облицовки, соотносимом со строительными работами, проводившимися на территории Анакопии около 1046 г.

65. Плита с валикообразным обрамлением (ил. 65)⁵³².

Известняк.

Размеры: шир. 0,49 м, выс. 0,32 м. Глубина от 2 до 3,5 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Плита прямоугольной формы. Левый край профилирован двумя валиками, между которыми треугольная в сечении тяга. Приемы профи-

лировки идентичны с предыдущим блоком (кат. Анак. № 53, 64) и имеют общие черты с другими плитами этой лапидарной коллекции (кат. Анак. № 67, 68). Место находки плиты неизвестно, но, вероятно, она была обнаружена в цитадели Анакопии или рядом с ней. Благодаря форме плиты и сохранившимся *in situ* на южном портале (№ 87) блокам с идентичной профилировкой можно предположить, что она использовалась во внешней облицовке портала. Приведенные аналогии и блоки, сохранившиеся *in situ* и связанные со строительными работами в церкви около 1046 г., дают основания датировать плиту этим же временем.

⁵³² Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 235; Искусство Абхазского царства... С. 193–194. № 65.

66. Плита с валикообразным обрамлением (ил. 66)⁵³³.

Известняк.

Размеры: шир. 0,49 м, выс. 0,68 м. Диагональ (правый нижний – левый верхний) – 0,76 м, диагональ (левый нижний – правый верхний) – 0,63 м. Глубина рельефа от 1,5 до 7 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Плита с гладкой поверхностью, валикообразное обрамление скругляется в левом нижнем углу. Профилирована двумя валиками, обрамленными с обеих сторон треугольными в сечении тягами. Идентичное обрамление встречается *in situ* в облицовке западного портала церкви св. Феодора со стороны нартекса (кат. Анак. № 70–72). Место находки плиты неизвестно, но предположительно она была обнаружена в цитадели Анакопии или рядом. С учетом формы, а также аналогий с сохранившимися *in situ* фрагментами, можно сделать вывод, что она была вырезана и использовалась в облицовке западного портала церкви св. Феодора во время строительных работ около 1046 г.

67. Плита с валикообразным обрамлением (ил. 67)⁵³⁴.

Известняк.

Размеры: шир. 0,41 м, выс. 0,36 м. Глубина рельефа от 1,5 до 2,2 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Поверхность прямоугольного блока покрыта насечками «в елочку».

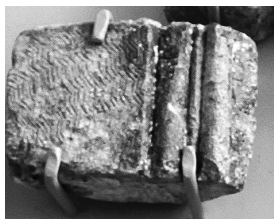
⁵³³ Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 235; Искусство Абхазского царства... С. 194. № 66.

⁵³⁴ Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 235; Искусство Абхазского царства... С. 194–195. № 67.

Левый край профилирован двумя валиками, между которыми треугольная в сечении тяга. Левый верхний угол плиты поврежден. Аналогии по характеру обработки есть в этой же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 10, 11, 64, 68, 75–81). Профилировку плиты можно сопоставить с некоторыми блоками (кат. Анак. № 53, 64, 65, 68), а также с сохранившимися *in situ* на южном портале фрагментами (№ 87).

Место находки плиты неизвестно, но, вероятно, она была обнаружена в цитадели Анакопии или рядом. Учитывая форму и имеющиеся *in situ* аналогии, можно предположить, что она использовалась во внешней облицовке портала церкви св. Феодора, и датировать ее XI в.

68. Плита с валикообразным обрамлением (ил. 68)⁵³⁵.

Известняк.

Размеры: шир. 0,35 м. выс. 0,27 м. Глубина рельефа от 1,5 до 4 см. В настоящее время находится в зале № 2 Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Правый край прямоугольной плиты профилирован двумя валиками с треугольной в сечении тягой между ними. Гладкая поверхность плиты испещрена насечками «в елочку». Аналогичные по характеру обработки поверхности плиты находятся в этом же лапидарном собрании (кат. Анак. № 10, 11, 64, 67, 75–81). Из него же происходят похожие по профилировке фрагменты (кат. Анак. № 53, 64, 65, 67), которые можно встретить *in situ* в облицовке южного портала церкви св. Феодора (№ 87).

Место находки плиты неизвестно, но, вероятно, она была обнаружена в цитадели Анакопии или рядом с ней. Судя по форме, плита использовалась во внешней облицовке портала церкви. Благодаря имеющимся аналогиям ее можно отнести к XI в.

⁵³⁵ Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии... С. 235; Искусство Абхазского царства... С. 195–196. № 68.

69. Фрагмент плиты с пазом (ил. 69)⁵³⁶.

Известняк.

Размеры: шир. 0,55 м, выс. 0,10 м.

Глубина паза 2,2 см. По словам

А. В. Аргуна, директора Национального Новоафонского историко-культурного заповедника «Анакопия», после демонтажа алтарной

стенки осенью 2016 года фрагмент был помещен в фонды Музея Абхазского царства.

Плита со строительным пазом. Поверхность ее покрыта диагональными насечками. Ближайшие по характеру обработки аналогии – плиты той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 60, 82, 83, 85). Место находки фрагмента неизвестно. С большой долей вероятности он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Учитывая аналогии и форму камня, можно предположить, что этот фрагмент был частью плиты, использовавшейся в облицовке портала церковного здания, и отнести его к XI в.

70. Плита из облицовки портала *in situ* (ил. 70)⁵³⁷.

Известняк.

Размеры: боковая грань – 0,25 м,

до паза – 0,10 м, глубина паза 0,04 м.

Передняя грань: шир. 0,80 м, выс.

0,30 м. Глубина рельефа от 1

до 3 см. В настоящее время нахо-

дится *in situ* в облицовке западного

портала церкви св. Феодора на Анакопийской горе.

Украшена по обе стороны от угла симметричным узором, построенным на сочетании двух валиков, по сторонам которых – тяги с треугольником в сечении. Ближайшие по характеру

⁵³⁶ Искусство Абхазского царства... С. 196. № 69.

⁵³⁷ Там же. С. 196–197. № 70.

насечек аналогии находятся в алтаре церкви св. Феодора на Анакопийской горе (№ 63). Найдена в строительном слое 1046 г.

71. Плита *in situ* в облицовке западного портала церкви св. Феодора (ил. 71)⁵³⁸.

Известняк.

Размеры: передняя грань – шир. 0,80 м, выс. 0,54 м. Боковая грань: шир. 0,10 м, выс. 0,54 м. Глубина рельефа от 1 до 3 см. В настоящее время находится *in situ* в облицовке западного портала церкви св. Феодора на Анакопийской горе.

Основные характеристики – те же, что и у № 70. Ближайшие по характеру профилировки аналогии находятся в алтаре церкви св. Феодора (№ 66) и *in situ* на ее западном портале (кат. Анак. № 70, 72). Сохранилась *in situ* в облицовке западного портала церкви св. Феодора в строительном слое около 1046 г.

72. Фрагмент плиты *in situ* из облицовки западного портала церкви св. Феодора (ил. 72)⁵³⁹.

Известняк.

Размеры: шир. 0,50 м, выс. 0,30 м. В настоящее время находится *in situ* в облицовке западного портала церкви св. Феодора на Анакопийской горе.

Плита составляла часть резной облицовки западного портала (кат. Анак. № 70, 71). Сохранилась во фрагментарном состоянии. От резного орнамента уцелела только часть треугольного в сечении ободка. Ближайшие по характеру профилировки аналогии находятся в алтаре церкви

⁵³⁸ Там же. С. 197–198. № 71.

⁵³⁹ Там же. С. 198. № 72.

св. Феодора на Анакопийской горе (№ 66) и *in situ* на западном портале той же церкви (кат. Анак. № 70, 71). Сохранилась *in situ* в облицовке западного портала церкви св. Феодора, откуда и происходит. Находится в строительном слое около 1046 г.

73. Фрагмент столбика (ил. 73)⁵⁴⁰.

Известняк.

Размеры: шир. 0,16 м, выс. 0,20 м. Толщина – 0,08 м, высота – 0,20 м. По словам А. В. Аргуна, директора Национального Новоафонского историко-культурного заповедника «Анакопия», после демонтажа алтарной стенки осенью 2016 года был помещен в фонды Музея Абхазского царства.

Фрагмент круглого в сечении столбика. Место находки неизвестно. Возможно, был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Функция тоже неизвестна, однако, исходя из наблюдений о предназначении большинства резных камней этой лапидарной коллекции, можно предположить, что он использовался в облицовке церкви или для украшения алтарной преграды.

74. Фрагмент плиты (ил. 74)⁵⁴¹.

Известняк.

Размеры: шир. 0,318 м, выс. 0,04 м. Глубина рельефа 1,5 см. По словам А. В. Аргуна, директора Национального Новоафонского историко-культурного заповедника «Анакопия», после демонтажа алтарной стенки осенью 2016 года был помещен в фонды Музея Абхазского царства.

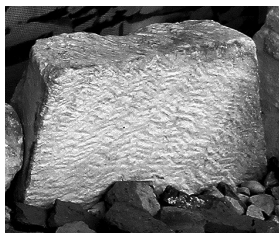

⁵⁴⁰ Там же. С. 198–199. № 73.

⁵⁴¹ Там же. С. 199. № 74.

Фрагмент плиты с профилем выкружки. Место находки неизвестно, но, вероятно, он, как и другие, был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. Функция фрагмента также неизвестна, однако по аналогии с другими объектами этой лапидарной коллекции он мог использоваться в облицовке церковного здания или для украшения алтарной преграды.

75. Плита (ил. 75)⁵⁴².

Известняк.

Размеры: длины сторон – 0,29 м, 0,47 м, 0,40 м, 0,32 м. В настоящее время находится в крытом переходе Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Поверхность плиты испещрена насечками «в елочку». Аналогичные насечки на поверхности плит нередко встречаются среди объектов этой лапидарной коллекции (кат. Анак. № 9, 10, 11, 64, 67, 68, 76, 77, 78, 79, 80, 81). Где найдена, неизвестно. Скорее всего, была обнаружена в цитадели Анакопии или рядом с ней. С учетом аналогий (кат. Анак. № 9, 10, 64) и формы можно предположить, что плита использовалась в облицовке церковного здания и датируется X–XI вв.

76. Плита (ил. 76)⁵⁴³.

Известняк.

Размеры: шир. 0,36 м, выс. 0,26 м. В настоящее время находится в крытом переходе Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Поверхность плиты испещрена насечками «в елочку». Аналогичные есть среди объектов этой коллекции

⁵⁴² Там же. С. 199–200. № 75.

⁵⁴³ Там же. С. 200. № 76.

(кат. Анак. № 9, 10, 11, 64, 67, 68, 75, 77, 78, 79, 80, 81). Место находки неизвестно. Вероятнее всего, это цитадель Анакопии или территория рядом с ней. С учетом аналогий и формы можно предположить, что плита использовалась в облицовке церковного здания. По аналогии с похожими (кат. Анак. № 9, 10, 11, 64) ее можно датировать X–XI вв.

77. Плита (ил. 77)⁵⁴⁴.

Известняк.

Длины сторон: 0,20 м, 0,25 м, 0,32 м, 0,20 м. В настоящее время находится в крытом переходе Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Поверхность плиты покрыта насечками «в елочку». Аналогичные встречаются среди объектов этой же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 9, 10, 11, 64, 67, 68, 75, 76, 78, 79, 80, 81). Где найдена, неизвестно. Предположительно обнаружена в цитадели Анакопии или рядом с ней. С учетом аналогий (кат. Анак. № 9, 10, 11, 64) и формы плиты можно определить, что она использовалась в облицовке церковного здания и датируется X–XI вв.

78. Плита (ил. 78)⁵⁴⁵.

Известняк.

Размеры: шир. 0,42 м, выс. 0,16 м. В настоящее время находится в крытом переходе Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Испещрена насечками «в елочку», так же как и многие другие объекты той же лапидарной коллекции (кат. Анак. № 9, 10, 11, 64, 67, 68, 75, 76, 77, 79, 80,

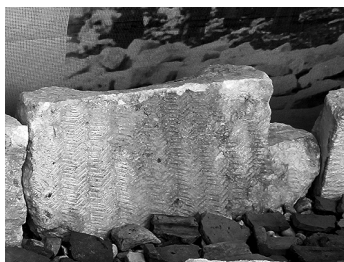

⁵⁴⁴ Там же. С. 201. № 77.

⁵⁴⁵ Там же. С. 201–202. № 78.

81). Место находки неизвестно, но, вероятно, она была обнаружена в цитадели Анакопии или рядом. С учетом аналогий (кат. Анак. № 9, 10, 11, 64) и формы можно предположить, что плита использовалась в облицовке церковного здания и ее можно датировать X–XI вв.

79. Плита (ил. 79)⁵⁴⁶.

Известняк.

Размеры: шир. 0,62 м, выс. 0,32 м. Диагональ (левый нижний – правый верхний) – 0,50 м, диагональ (правый нижний – левый верхний) – 0,61 м. Толщина плиты – 13 см. Находится в Музее Абхазского царства, в крытом переходе.

С задней стороны имеется неглубокий продолговатый паз. Поверхность плиты испещрена насечками «в елочку». Аналогичные насечки на поверхности плит нередко встречаются среди объектов этой лапидарной коллекции (кат. Анак. № 9, 10, 11, 64, 67, 68, 75, 76, 77, 78, 80, 81).

Где найдена, точно неизвестно, скорее всего была обнаружена в цитадели Анакопии или рядом. С учетом аналогий (кат. Анак. № 9, 10, 11, 64) и формы можно предположить, что плита использовалась в облицовке церковного здания и ее можно датировать X–XI вв.

80. Плита (ил. 80)⁵⁴⁷.

Известняк.

Размеры: шир. 0,295 м, выс. 0,292 м. Паз: шир. 0,04 м, выс. 0,10 м. Глубина плиты – 13 см. Находится в крытом переходе Музея Абхазского царства.

⁵⁴⁶ Там же. С. 202. № 79.

⁵⁴⁷ Там же. С. 202–203. № 80.

Поверхность плиты испещрена насечками «в елочку», так же как и на кат. Анак. № 9, 10, 11, 64, 67, 68, 75, 76, 77, 78, 79, 81. Место находки неизвестно (вероятно, цитадель Анакопии или территория рядом с ней). С учетом аналогий (кат. Анак. № 9, 10, 11, 64) и формы можно предположить, что плита использовалась в облицовке церковного здания и датируется X–XI вв.

81. Плита (ил. 81)⁵⁴⁸.

Известняк.

Размеры: шир. 0,63 м, выс. 0,38 м.
Глубина – 11 см.

Плита испещрена насечками «в елочку». На поверхности видны следы краски. Аналогичные насечки есть и на других объектах этой лапидарной коллекции (кат. Анак. № 9, 10, 11, 64, 67, 68, 75, 76, 77, 78, 79, 80). Где была найдена, неизвестно. Вероятно, обнаружена в цитадели Анакопии или рядом с ней. С учетом тех же аналогий, что и в предыдущих случаях, а также формы плиты можно предположить, что она использовалась в облицовке церковного здания и ее можно датировать X–XI вв.

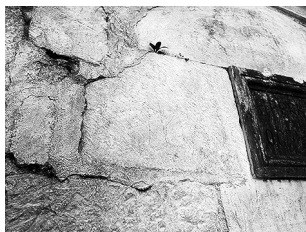
82. Плита (ил. 82)⁵⁴⁹.

Известняк.

Размеры: шир. 0,32 м, выс. 0,26 м. Диагональ (правый нижний – левый верхний) – 0,31 м. В настоящее время находится в крытом переходе Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

⁵⁴⁸ Там же. С. 203–204. № 81.

⁵⁴⁹ Там же. С. 204. № 82.

Поверхность плиты испещрена диагональными насечками. Аналогичные встречаются на некоторых плитах этой лапидарной коллекции (кат. Анак. № 60, 69, 83, 84, 85). Найдена предположительно в цитадели Анакопии или рядом с ней. С учетом аналогии (кат. Анак. № 60) и формы можно сделать вывод, что она использовалась в облицовке церковного здания и датируется X–XI вв.

83. Плита (ил. 83)⁵⁵⁰.

Известняк.

Размеры: шир. 0,25 м, выс. 0,40 м. Паз в левом нижнем углу: шир. 0,10 м, выс. 0,09 м. В настоящее время находится в крытом переходе Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Поверхность плиты испещрена диагональными насечками. Аналогичные встречаются на некоторых плитах этой лапидарной коллекции (кат. Анак. № 60, 69, 82, 84, 85). Место находки плиты неизвестно, но, вероятно, она была обнаружена в цитадели Анакопии или рядом. С учетом аналогий (№ 60) и формы можно предположить, что плита использовалась в облицовке церковного здания и датируется X–XI вв.

84. Плита (ил. 84)⁵⁵¹.

Известняк.

Размеры: шир. 0,10 м, выс. 0,28 м. По словам А. В. Аргуна, директора Национального Новоафонского историко-культурного

⁵⁵⁰ Там же. С. 204. № 83.

⁵⁵¹ Там же. С. 205. № 84.

заповедника «Анакопия», после демонтажа алтарной стенки осенью 2016 года была помещена в фонды Музея Абхазского царства.

Поверхность плиты испещрена диагональными насечками. Левая верхняя ее часть повреждена. Аналогичные насечки встречаются на некоторых плитах этой лапидарной коллекции (кат. Анак. № 60, 69, 82, 83, 85). Где найдена, неизвестно, с большой долей вероятности – в цитадели Анакопии или рядом с ней. Благодаря некоторым аналогиям (№ 60) и форме плиты можно предположить, что она использовалась в облицовке церковного здания и датируется X–XI вв.

85. Фрагмент плиты с пазом (ил. 85)⁵⁵².

Известняк.

Размеры: шир. 0,26 м, выс. 0,39 м. Диагональ (левый нижний – правый верхний) – 0,43 м, диагональ (правый нижний – левый верхний) – 0,43 м. Глубина паза – 3 см. В настоящее время находится в крытом переходе Музея Абхазского царства в г. Новый Афон.

Поверхность плиты испещрена диагональными насечками. Аналогичные встречаются на некоторых плитах этой лапидарной коллекции (кат. Анак. № 60, 69, 82, 83, 84). Низ плиты сохранился фрагментарно: утеряны углы и часть основного объема. Место находки рельефа неизвестно, но, вероятно, он был обнаружен в цитадели Анакопии или рядом с ней. С учетом некоторых аналогий (№ 60) и формы можно предположить, что плита использовалась в облицовке церковного здания и датируется X–XI вв.

⁵⁵² Там же. С. 205–206. № 85.

Для заполнения пустот в композиции алтарной стены монахи Ново-Афонского монастыря использовали около 19 фрагментов известняковых плит разного размера с гладко обработанной лицевой стороной. Поскольку эти плиты не имеют каких-либо характерных признаков, то детальное описание каждой из них, на мой взгляд, нецелесообразно.

Рельефы, сохранившиеся in situ на южном портале

86. Фрагмент рельефа с крестом in situ (ил. 86)⁵⁵³.

Известняк.

Размеры: шир. 0,19 м, выс. 0,51 м.

В настоящее время находится in situ над южным порталом церкви св. Феодора на Анакопийской горе (№ 87).

На замковом блоке портала, включающем в себя часть его валикообразного обрамления и четвертного выступа, сохранился фрагмент верха вертикальной перекладины креста. Полностью реконструировать форму креста по нему невозможно, что затрудняет поиск аналогий. Судя по всему, верхняя часть перекладины слегка расширялась к концу. Над крестом видны следы окружности, вероятно, обрамлявшей его. С большой долей условности можно предположить, что крест походил на некоторые из тех, что собраны в алтаре той же церкви (№ 12). Поскольку рельеф принадлежит строительному слою, связанному с работами, проводившимися в церкви около 1046–1049 гг., его следует датировать этим промежуток времени.

87. Пояс с валикообразным обрамлением in situ на южном портале (ил. 87)⁵⁵⁴.

Известняк.

⁵⁵³ Там же. С. 206. № 86.

⁵⁵⁴ Там же. С. 206–207. № 87.

Размеры: ширина профилированной окантовки фасада – 0,41 м.

Размеры каждого блока облицовки, а также пропорции портала показаны на чертеже, выполненном А. С. Агумаа (илл. 88; прилож. 5)⁵⁵⁵. Полукруглое обрамление верхней части портала состоит из блоков трапещиевидной формы. Средний размер сторон каждого блока – 0,24 м, 0,16 м, 0,41 м, 0,41 м соответственно. Глубина рельефа от 1,5 до 5 см.

В настоящее время находится *in situ* в окантовке южного фасада церкви св. Феодора. Профилированное обрамление по всей своей протяженности состоит из двух валиков, между которыми проходит треугольная в сечении тяга. В состав обрамления входят около двадцати плит. Аналогичные присутствуют в алтаре церкви св. Феодора (кат. Анак. № 64, 65, 67, 68). Поскольку плиты обрамления принадлежат строительному слою, связанному с работами, проводившимися в церкви около 1046–1049 гг., их следует датировать этим промежуток времени.

Нижняя церковь

88. Рельеф с изображением орнамента в виде переплетающихся ромбов и кругов (ил. 88)⁵⁵⁶.

Известняк.

Фото фрагмента опубликовано М. М. Трапшем без указания размеров камня. Настоящее местонахождение неизвестно.

⁵⁵⁵ См.: Искусство Абхазского царства... Прилож. 5.

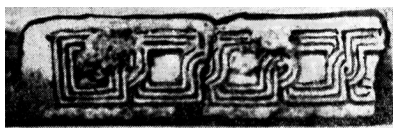
⁵⁵⁶ Трапш М. М. Труды. Т. 4. С. 104. Рис. 35; Искусство Абхазского царства... С. 207–208. № 88; Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 104. Ил. 11.

На фрагменте плиты – орнамент из ленты плетения в три полосы. В его основе – переплетающиеся ромбы и окружности большого диаметра. Петелька с высверленным центром располагается внутри ромба. Ближайшей аналогией является плита из алтаря церкви св. Феодора на Анакопийской горе (№ 48)⁵⁵⁷.

Возможно, обе плиты были частями единого фриза, хотя отсутствие размеров одной из них не позволяет утверждать это определенно. По сведениям М. М. Трапша, рельеф происходит из нижней церкви в Анакопии. Исследователь полагал, что эта плита – часть алтарной преграды. По принадлежности к археологическому слою, датируемому XI в., рельеф можно отнести к этому времени. Д. В. Белецкий и А. Ю. Виноградов в своем недавнем исследовании отнесли эти рельефы, как и Нижнюю церковь и храм св. Феодора, к X в.⁵⁵⁸

89. Рельеф с орнаментом, составленным из переплетающихся квадратов (ил. 89)⁵⁵⁹.

Известняк.

Снимок опубликован М. М. Трапшем без указания размеров камня. Настоящее местонахождение неизвестно.

На фрагменте плиты – орнамент из ленты плетения в три полосы. В его основе – переплетающиеся квадраты и петельки небольшого диаметра с высверленной серединой. Ближайшая

⁵⁵⁷ См. остальные аналогии в аннотации к № 48 данного каталога.

⁵⁵⁸ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 104, 110–124. Ил. 11.

⁵⁵⁹ Трапш М. М. Труды. Т. 4. С. 104. Рис. 35; Искусство Абхазского царства... С. 208. № 89; Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 104. Ил. 11.

аналогия – плита из алтаря церкви св. Феодора на Анакопийской горе (№ 39)⁵⁶⁰. Возможно, обе плиты были частями единого фриза, хотя отсутствие размеров одной из них не позволяет утверждать это определенно. По сведениям М. М. Трапша, рельеф происходит из нижней церкви Анакопии. Исследователь полагал, что эта плита – часть алтарной преграды. По принадлежности к археологическому слою, датируемому XI в., рельеф можно отнести к этому времени. Д. В. Белецкий и А. Ю. Виноградов в своем недавнем исследовании датировали эти рельефы, как и Нижнюю церковь и храм св. Феодора, X в.⁵⁶¹

Храм Симона Кананита

Главное из сохранившихся рельефных украшений храма св. Симона Кананита – крест в круге на сфере, изображенный на южном фасаде над входом (ил. 90). На поверхности рельефа видны следы краски. Перекладины креста расширяются от центра. Они украшены декоративными кружками на углах и имеют вогнутую полукруглую поверхность на концах. С верхним концом вертикальной перекладины связаны два круга, которые, возможно, символизируют небесные светила. Два других круга расположены по обе стороны от нижней половины вертикальной перекладины креста. По форме он напоминает прецессионные кресты, что подтверждается и аналогиями. Так, среди процессионных крестов X–XI вв. с территории Византии и Балкано-Дунайского реги-

⁵⁶⁰ См. остальные аналогии в аннотации к № 39 данного каталога.

⁵⁶¹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 104, 110–124. Ил. 11.

она встречаются экземпляры, абсолютно ему идентичные⁵⁶² (форма перекадин, характер их украшения, сфера, на которой воздвигнут крест).

Версии датировки этого рельефа связаны с возможной датировкой самого собора. История изучения и реставрации храма, а также предположения относительно времени его строительства изложены в книге А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, посвященной церковной архитектуре Абхазии в эпоху Абхазского царства⁵⁶³. Впервые церковь упомянул Ф. Дюбуа де Монпере⁵⁶⁴, более подробно она описана А. Муравьевым⁵⁶⁵. Уделили ей внимание также П. Иоселиани⁵⁶⁶ и Д. Бакрадзе⁵⁶⁷. Подробное описание церкви есть в путеводителях архимандрита Леонида, И. Н.⁵⁶⁸, а П. Уварова впервые опубликовала план храма, уподобив его Пицундскому⁵⁶⁹, хотя в ее описании и анализе есть ряд неточностей⁵⁷⁰.

Из исследователей XX в. А. С. Башкиров датировал храм X–XI вв.⁵⁷¹, З. В. Анчабадзе и Ю. Н. Воронов – концом IX–X в.⁵⁷², В. Пачулиа – X–XIII вв.⁵⁷³ Л. Д. Рчеулишвили предполагал, что храм был построен около начала X в.⁵⁷⁴ Л. Г. Хрушкова датиро-

⁵⁶² Пескова А. А., Строкова Л. В. Христианские древности Византии... С. 171–173. № 69. С. 174–180. № 70.

⁵⁶³ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 184–191.

⁵⁶⁴ Dubois de Monpéreux F. Voyage autour... Р. 130.

⁵⁶⁵ Муравьев А. Грузия и Армения. Т. III. СПб, 1848. С. 296.

⁵⁶⁶ Иоселиани П. Жизнеописание святых, прославляемых православною грузинскою церковью. Тифлис, 1850. С. 6.

⁵⁶⁷ Бакрадзе Д. Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис, 1875. С. 25.

⁵⁶⁸ Леонид арх. Абхазия... С. 48–49; И. Н. Абхазия и в ней... С. 79.

⁵⁶⁹ МАК. IV. С. 8–9. Рис. 1.

⁵⁷⁰ Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура... С. 31–36, 71.

⁵⁷¹ Башкиров А. С. Археологические изыскания... С. 52.

⁵⁷² Анчабадзе З. В. История... С. 152; Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников... С. 42.

⁵⁷³ Пачулиа В. В стране Золотого Руна. М., 1964.

⁵⁷⁴ Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура... С. 31–36, 71.

вала его X в.⁵⁷⁵ А. Ю. Виноградов, прочитав надпись над южным входом, предложил сместить дату к 898–899 гг.⁵⁷⁶

Что касается креста, то круг иконографических параллелей ему ограничивается рамками X в. К примеру, на рельефе из собора в Квайса Джвари X в. изображен похожий по форме крест (форма перекладин, их украшение, расположение на сфере и след от шеста)⁵⁷⁷. Похожий по форме крест в круге изображен и на рельефе, украшавшем верхний наличник щелевидного окна церкви в Дирби (X в.)⁵⁷⁸. Верхний наличник окна собора в Хахули (X в.)⁵⁷⁹ тоже украшен подобным крестом. Он представлен и на барабане собора в Ошки (X в.)⁵⁸⁰.

Анухва

В селе Анухва, находящемся неподалеку от горы Анакопия, зафиксировано несколько церквей, которые можно отнести к исследуемому периоду. В Абхазском государственном музее хранятся интересные фрагменты архитектурной декорации, поступившие единовременно (судя по инвентарным карточкам 1938 г.) от краеведа И. Е. Адзинбы (кат. муз. № 8, 9, 11, 12, 13). Скорей всего, они происходят из одной церкви, но какой именно, определенно установить сложно. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий ошибочно связывают один из этих фрагментов – постамент предалтарного креста с надписью – с церковью в поселке Веселовка (северная окраина села Анухва)⁵⁸¹. Но поскольку точное происхождение находок установить не уда-

⁵⁷⁵ Khroushkova L. Les monuments... P. 112.

⁵⁷⁶ Виноградов А. Ю. Эпиграфика. Надписи с Анакопийской горы // Искусство Абхазского царства... С. 221. № 5.

⁵⁷⁷ Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. Meideval Georgian Sculpture... P. 131. № 214.

⁵⁷⁸ Ibid. P. 135. № 229.

⁵⁷⁹ Ibid. P. 170. № 346, 347.

⁵⁸⁰ Ibid. P. 187. № 396.

⁵⁸¹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 97.

лось, данный фрагмент никак не может быть датирующим признаком для веселовской церкви⁵⁸².

В фондах музея и в хранилище бывшего Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия есть и несколько фрагментов надгробий, точное происхождение которых тоже неизвестно (установлено только, что они из села Анухва) (кат. муз. № 22, 26).

Ачануа

Церковь Ачануа находится внутри крепости, к северу от Анакопии (Новый Афон), рядом с селом Анхуа (Анухва), в 2 км от руин церкви в Мсыгхуа⁵⁸³. Обнаружена местными жителями в 1933 г., ее археологическими исследованиями руководил А. К. Кацья в 1962 г.⁵⁸⁴ Здание представляет собой зальный храм с выраженной снаружи пятигранной апсидой⁵⁸⁵. К 1962 г. высота стен доходила до 1 м. «Основной храм сохранился почти во всех частях (кроме южной части апсиды и восточной части южной стены в интерьере), а от северного придела оставались внешний контур стен (кроме южной части западной стены) и большая часть внутреннего контура апсиды»⁵⁸⁶. Анализ конструктивных особенностей позволяет датировать церковь X в.⁵⁸⁷ В ходе археологических исследований внутри церкви были обнаружены фрагменты ее архитектурной декорации, в частности, фрагменты алтарной преграды.

⁵⁸² Там же.

⁵⁸³ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 176.

⁵⁸⁴ Кацья А. К. Памятники архитектуры в долине Цкуара // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 72–76.

⁵⁸⁵ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 108–109.

⁵⁸⁶ Там же. С. 108.

⁵⁸⁷ Khroushkova L. Les monuments... Р. 108; Хрушкова Л. Г. Абхазия в эпоху средних веков... С. 124–125.

1. Фрагмент алтарной преграды (ил. 91)⁵⁸⁸.

Известняк.

Ныне утрачена. Обнаружена в ходе археологических исследований А. К. Каця в 1962 г.

На фрагменте квадратной формы изображен растительный орнамент, составленный из симметрично расположенных переплетающихся кругов (лента плетения в три полосы). Внутри кругов – цветочные розетки.

Аналогичный орнамент сохранился на одном из фрагментов гипсовой алтарной преграды из Лыхны (кат. Лыхны № 1), а также на фрагменте алтарной преграды из Мсыгхуа (кат. Мсыгхуа № 1). Исходя из этих аналогий, а также благодаря предполагаемой датировке церкви фрагмент, вероятно, можно датировать X в.

Мсыгхуа

Церковь в Мсыгхуа относится к селу Приморскому Гудатского района. Она находится в долине реки Цкуара к северу от Анакопии⁵⁸⁹. Храм был раскопан в 1962 г. А. К. Кацией⁵⁹⁰. В настоящее время засыпан и недоступен для исследования. «К моменту раскопок он был сильно разрушен: стены сохранялись на высоту около 1,5 м; сильнее всего разрушен юго-восточный угол»⁵⁹¹. Это небольшой купольный храм типа вписанного креста с вимами, тремя выраженными снаружи апсидами и четырьмя крещатыми подкупольными опорами с заметным удлинением западных ячеек⁵⁹².

⁵⁸⁸ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 176. Рис. 325.

⁵⁸⁹ Там же. С. 137–139.

⁵⁹⁰ Каця А. К. Памятники архитектуры... С. 65–72.

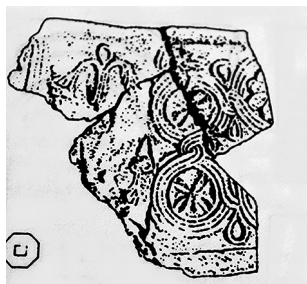
⁵⁹¹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 178–180.

⁵⁹² Там же. С. 178.

Храм был украшен резьбой снаружи, выявлены также фрагменты алтарной преграды⁵⁹³. Из наружной декорации зафиксированы сложнопрофилированные наличники у окон на стенах здания и на барабане⁵⁹⁴. Резная декорация алтарной преграды известна только по рисункам А. К. Кация. Судя по ним, были обнаружены фрагменты столбиков и плит. Происхождение их не вызывает сомнений.

А. К. Кация, а за ним Л. Г. Хрушкова, С. М. Сакания и Г. В. Требелева датировали храм X в.⁵⁹⁵ С этой версией в целом согласны также А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий⁵⁹⁶, определив более точное время создания храма – 957–967 гг. Что касается фрагментов алтарной преграды, то и А. К. Кация, и А. Ю. Виноградов с Д. В. Белецким датировали их временем создания церкви, т. е. X в. Л. Г. Хрушкова без всякого анализа отнесла эту резьбу к XI в.⁵⁹⁷ Ниже представлены описания находок.

1. Плита алтарной преграды (ил. 92).

Известняк.

Ныне утеряна.

Фрагмент плиты алтарной преграды расколот на три части⁵⁹⁸. Украшена плита геометрическим орнаментом (лента плетения в три полосы), состоящим из переплетающихся кругов с цветочными восьми-

⁵⁹³ Там же. С. 179.

⁵⁹⁴ Там же. Ил. 93.

⁵⁹⁵ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 139; Хрушкова Л. Г. Абхазия в эпоху средних веков... С. 119–120; Khroushkova L. Les monuments... Р. 103; Сакания С. М., Требелева Г. В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы... С. 84.

⁵⁹⁶ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 180.

⁵⁹⁷ Khroushkova L. Les monuments chrétiens... Р. 104.

⁵⁹⁸ Кация А. К. Памятники архитектуры... Табл. VIII, 2.

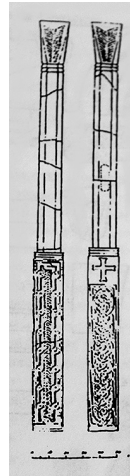
и четырехлепестковыми розетками в центре. На сохранившемся фрагменте виден и растительный орнамент. Одной из наиболее близких аналогий служит орнамент в Кусирети⁵⁹⁹ (X в.).

2. Столбик алтарной преграды (ил. 93).

Известняк.

Размеры: высота – 260 см, сечение – 20 см⁶⁰⁰. Ныне утерян.

Состоит из трех частей: капители, восьмигранного стержня, обрамленного сверху и снизу поясками небольших выступов, и высокой, в сечении четырехугольной базы. Капитель в виде перевернутой усеченной пирамиды, четырехугольное основание которой переходит в сужающийся восьмигранник, с лицевой стороны украшена углубленными бороздками в виде пальметок, расходящихся веерообразно в стороны. Стержень гладкий, без узора. Четырехугольная база также только с лицевой стороны украшена плетеным геометрическим орнаментом (лента плетения в три полосы), состоящим из переплетающихся кругов большого и малого диаметра.

3. Столбик алтарной преграды (ил. 93).

Известняк.

Размеры: высота – 260 см, сечение – 20 см⁶⁰¹.

Ныне утерян.

Как и предыдущий, состоит из трех частей: капители, восьмигранного стержня, обрамленного сверху и снизу поясками небольших выступов, и высокой, в сечении четырехугольной базы. Капитель в виде перевернутой усеченной пирамиды, четырехугольное основание которой переходит в сужающийся восьмигранник, с лицевой стороны украшена углубленными бороздками в виде пальметок,

⁵⁹⁹ Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... Рис. 23.

⁶⁰⁰ Кация А. К. Памятники архитектуры... С. 67. Табл. VIII, 1.

⁶⁰¹ Кация А. К. Памятники архитектуры... С. 67. Табл. VIII, 1.

расходящихся веерообразно в стороны. Стержень гладкий, без узора. Четырехугольная база по периметру украшена плетеным геометрическим орнаментом (лента плетения в три полосы), составленным из переплетающихся кружков небольшого диаметра. В центральном поле – рельефные конусообразные зарубки.

**Каменные рельефы из коллекции
Абхазского государственного музея и из хранилища
бывшего Государственного управления охраны
историко-культурного наследия
Республики Абхазия**

Эта часть книги посвящена рельефам, хранящимся в Абхазском государственном музее. Некоторые из них выставлены ныне в экспозиции, другие были осмотрены мною в фондах музея в 2008 году⁶⁰² еще до его реконструкции, проведенной в 2010–2012 гг. После реконструкции фонды пока закрыты для исследователей. Довольно значительное количество рельефов было обнаружено в хранилище бывшего Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия, куда мне удалось попасть в июле 2015 г. благодаря деятельному участию последнего начальника Управления Г. А. Сангулии. Логика повествования требует, чтобы сначала были рассмотрены рельефы, выставленные в современной экспозиции Абхазского государственного музея, затем проанализированы те, что были осмотрены в фондах музея до его реконструкции, а далее – рельефы из хранилища бывшего Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия, которые, согласно инвентарным карточкам, хранились в музее до его реконструкции.

Научные исследования средневековых рельефов из коллекции Абхазского государственного музея уже проводились.

⁶⁰² Автор благодарит М. К. Инал-Ипа за возможность поработать в фондах музея осенью 2008 г.

Наиболее значительные попытки были сделаны Л. Г. Хрушковой. Ее монография, посвященная скульптуре средневековой Абхазии V–X вв.⁶⁰³, базировалась именно на коллекции этого музея. Однако в ней рассматривались памятники разных периодов эпохи Средневековья. К тому же за истекшие с момента публикации (1980 г.) годы появилась возможность пересмотреть многие предлагаемые там датировки.

К сожалению, в более позднем по времени французском варианте этого труда⁶⁰⁴, а также в новой обобщающей монографии⁶⁰⁵ исследовательница продолжила настаивать на, как теперь представляется, ошибочных вариантах датировки многих памятников, о которых пойдет речь в этой части книги. Комплексные исследования 2009–2011 гг. лапидарной коллекции, находившейся в то время в апсиде церкви св. Феодора на горе Анакопия, позволили уточнить датировки многих входящих в ее состав артефактов⁶⁰⁶. В результате удалось выделить пласт рельефов, которые можно связать с периодом Абхазского царства (VIII–XI вв.). Эти изыскания позволили уточнить датировку и некоторых рельефов из собрания Абхазского государственного музея. А недавняя работа А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, посвященная архитектуре периода Абхазского царства⁶⁰⁷, более четко определила характер такого художественного явления, как искусство этого древнего государства.

Кроме того, в фондах Абхазского государственного музея в 2008 г. мне удалось обнаружить и атрибутировать некоторые не известные ранее памятники (рельеф с изображением Сна Иосифа, например). Недавние находки в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии (рельеф с изображением Ионы, поглощаемого китом) позволяют уточнить датировку некоторых артефактов из коллекции музея.

⁶⁰³ Хрушкова Л. Г. Скульптура...

⁶⁰⁴ Khroushkova L. Les monuments...

⁶⁰⁵ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье...

⁶⁰⁶ Искусство Абхазского царства...

⁶⁰⁷ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура...

Принимая во внимание все эти обстоятельства, я и посчитала необходимым исследовать средневековые рельефы из коллекции Абхазского государственного музея заново⁶⁰⁸.

Рельефы из современной экспозиции Абхазского государственного музея (по состоянию на 2018 г.)

Идентификация рельефов из современной экспозиции Абхазского государственного музея особенно важна потому, что большинство из них до сих пор выставлено без сопроводительных надписей. Данное обобщение поможет разобраться в перипетиях их исторической судьбы.

1. Рельеф с крестом мальтийского типа с утолщениями круглой формы на углах переключин и надписью (ил. 94).

Изготовлен из известняка.

Размеры: 42,5 x 43,5 см.

Высота рельефа – 1 см. Размер букв в среднем 2 x 2 см.

Согласно инвентарной карточке (№ 72–187), является фасадным камнем из храма в селе Хуап. В надписи на асметаврули, сделанной по поверхности

рельефа, упоминается царь Георгий и говорится о посвящении церкви св. Николаю: «Построил эту святую церковь первосвященник (...) в царствование Георгия, когда родилась [Гурандухт]. Святой Николай, ходатайствуй за него перед Христом»⁶⁰⁹. Л. А. Шервашидзе отнес постройку трехтавейного зала этой

⁶⁰⁸ Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея (г. Сухум, РА) // Вестник православного Свято-Тихоновского государственного университета. V. 33. 2019. С. 9–31.

⁶⁰⁹ Ахаладзе Л. Эпиграфика Абхазии как исторический источник. I. Лapidарные и фресковые надписи. Тбилиси, 2005. С. 444.

церкви к X–XI вв.⁶¹⁰ По свидетельству Л. А. Шервашидзе, при обнаружении надписи на ней еще можно было прочесть имя женщины – Гурандухт. Первоиздатель надписи А. Авидзба считает, что в ней упоминается дочь Эгрисско-Абхазского царя Георгия II (922–957 гг.)⁶¹¹. На этом основании рельеф и надпись на нем относят ко времени царя Георгия II⁶¹².

По другой версии, сформулированной В. Силогава⁶¹³ на основе палеографического анализа, надпись относится ко времени царя Георгия III (1156–1184 гг.). Исходя из этого, он датирует ее периодом между 1156 и 1178 гг. Этой же версии придерживаются Д. В. Белецкий и А. Ю. Виноградов⁶¹⁴. Правда, они оговариваются, что надпись может быть вторична по отношению к рельефу.

2. Костяные резные пластины с растительным орнаментом (ил. 95).

Вырезаны из кости.

Размеры: длина – 21 см.

Два фрагмента костяной резной пластины с волнообразным орнаментом в виде виноградной лозы. Изображения распластанного в профиль листа чередуются с орнаментом в виде сетки. По данным инвентарной карточки (№ 72–187/154), происходят, как и рельеф с надписью царя Георгия, из села Хуап.

Л. А. Шервашидзе, обнаруживший их при раскопках церкви св. Николая в 1967 г., считал находки предметами местного про-

⁶¹⁰ Шервашидзе Л. А. Церковь святого Николая... С. 23–24; Шервашидзе Л. А. Неизвестный храм... С. 19–20.

⁶¹¹ Авидзба А. Любопытная страница истории // Советская Абхазия, 1967. 7 октября.

⁶¹² Абхазия с древнейших времен до наших дней. Очерки по истории Грузии / Д. Гамахария; Л. Ахаладзе; М. Барамидзе; С. Бахия-Окруашивили; Т. Берадзе; Л. Битадзе; М. Геджуа; И. Геленава; Т. Гванцеладзе; Б. Гогия; Г. Пхакадзе; Р. Хвистани; Б. Хорава; Д. Джоджуа. Тбилиси, 2009. С. 148.

⁶¹³ Силогава В. Эпиграфика Мегрелии и Абхазии. Тбилиси. 2004. С. 51.

⁶¹⁴ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 95–96.

исхождения и относил к раннему Средневековью⁶¹⁵. Л. Г. Хрушкова упомянула эти пластины среди артефактов, происходящих из села Хуап и относящихся к X–XI вв.⁶¹⁶ Вероятно, можно согласиться с такой датировкой, особенно если учесть мнение А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого о том, что ранняя церковь села Хуап также относится к этому времени⁶¹⁷.

3. Рельеф с крестом и зверями (ил. 96).

Сделан из известняка.

Размеры: 47 х 68 х 9 см⁶¹⁸.

Происходит с Сухумской горы. Посреди плиты показан крест, у подножия которого видны полуфигуры быка и льва. Лев прикасается лапой к рогам быка. Стиль рисунка демонстрирует сходство с рельефами из церкви св. Феодора (кат. Анак. № 1, 2). Л. Г. Хрушкова относит его, как и группу схожих с ним по стилю из Анакопии, к раннехристианскому времени⁶¹⁹. Однако подробный иконографический анализ позволяет утверждать, что этот сюжет – иллюстрация пророчества Исаии (11: 6–9) и относится к X–XI вв.⁶²⁰ В своей недавней статье и в новой обобщающей монографии Л. Г. Хрушкова настаивает на ранее предложенной ею датировке⁶²¹. Правда, ее доводы лишь демонстрируют, что

⁶¹⁵ Шервашидзе Л. А. Неизвестный храм... С. 20.

⁶¹⁶ Khroushkova L. Les monuments... Pl. 88 f. P. 119.

⁶¹⁷ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 96.

⁶¹⁸ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 31; Khroushkova L. Les monuments... P. 58. Pl. 29 d.

⁶¹⁹ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 32.

⁶²⁰ Ендольцева Е. Ю. Об изображениях... С. 129–132; Искусство Абхазского царства... С. 101–109.

⁶²¹ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху... С. 325–326; Хрушкова Л. Г. Неопубликованные малоизвестные предметы... С. 74–77.

она не дала себе труда вникнуть в аргументацию оппонента, которым в данном случае выступает автор этих строк. Более того – приписала ему соображения, которые тот не высказывал, и неправильно истолковала его мнение. Например, мои слова, что эту плиту нужно датировать X–XI вв., опровергаются даже без ссылки на статью, где приведены аргументы в их пользу⁶²². Далее говорится⁶²³, что Е. Ю. Ендольцева якобы упоминает о мозаичных полах раннехристианского времени как об аналогии для плиты из Сухумского музея. На самом деле изображения на мозаичных полах используются для иллюстрации предыстории вопроса, тогда как для доказательства более поздней датировки этой плиты приводятся аналогии среди росписей X в. из церкви св. Иоанна в Гульшеире (Каппадокия)⁶²⁴ и три передатированные плиты с изображениями зверей из Анакопии. Кроме того, Л. Г. Хрушкова приводит в качестве аргумента в пользу более ранней датировки артефакта форму мальтийского креста⁶²⁵, абсолютно игнорируя тот общеизвестный в искусствоведении факт, что эта форма была широко распространена как на памятниках раннехристианской эпохи, так и на средневековых. Более того, отказывается от ею же предложенной ранее идентификации этого рельефа⁶²⁶. Против иконографической очевидности (терзания у подножия креста в христианской иконографии нам неизвестны) она настаивает на том, что здесь изображена сцена терзания⁶²⁷, а не иллюстрация к пророчеству Исайи (11: 6–9).

Авторы недавнего каталога грузинской средневековой скульптуры отмечают, что этот рельеф по стилю напоминает анакопийские со зверями, которые, по их мнению, по форме плиты

⁶²² Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху... С. 325.

⁶²³ Там же. С. 326.

⁶²⁴ Endoltseva E. La transcaucasie de l'Ouest... P. 457.

⁶²⁵ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху... С. 327.

⁶²⁶ Khroushkova L. Les monuments chrétiens... P. 145.

⁶²⁷ Хрушкова Л. Г. Неопубликованные малоизвестные предметы... С. 76.

(завершение наличника окна) типичны для грузинской скульптуры VIII–X вв.⁶²⁸

4. Рельеф с изображением двух птиц (ил. 97)⁶²⁹.

Сделан из известняка.

Размеры: 46 х 33 х 10 см⁶³⁰. Обнаружен в церкви поселка Мрамба. Храм выявлен местными крестьянами в 1923 г., когда на холме было обнаружено несколько резных плит⁶³¹.

Раскопки на этом месте были проведены Ю. Н. Вороновым

и О. Х. Бгажбой. По поводу времени возникновения храма мнения разделились. Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба вначале отнесли его к XI–XIV вв., позже передатировав в пользу VI–VII вв. Ю. Н. Вороновым XI–XIV вв. датирована пристройка, О. Х. Бгажбой – перелицовка фасадов. Л. Г. Хрушкова вначале определила дату широко – «раннефеодальной» эпохой⁶³², а затем отнесла храм, «вероятно, к VI в.»⁶³³. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий считали, что «храм вполне может быть датирован X в.»⁶³⁴ или быть «последующим подражанием архитектуре Абхазского царства» (т. е. построен около 1000 г.)⁶³⁵.

⁶²⁸ Dadiani T., Khundadze T., Kvachadze E. Medieval Georgian Sculpture... Р. 98.

⁶²⁹ Ендольцева Е. Ю. Группа рельефов... С. 721.

⁶³⁰ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 34. Табл. XX, 1.

⁶³¹ Стражев В. И. Руинная Абхазия. Сухум, 1925. С. 161.

⁶³² Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники... С. 324. Прим. 82.

⁶³³ Khroushkova L. Les monuments... Р. 86.

⁶³⁴ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 105.

⁶³⁵ Там же.

Во время раскопок в храме были найдены резные плиты, в числе которых и рассматриваемая. Исследователи единодушны в том, что плиты эти разнородны по происхождению и принесены в храм позднее. Что касается именно этой плиты с птицами, то Л. Г. Хрушкова предложила сначала датировать ее VI–VII вв. или более поздним временем – VII–VIII вв.⁶³⁶, затем все же отнесла к VI в.⁶³⁷

Несмотря на предположение о разнородности найденных плит, изображения на них демонстрируют определенную стилистическую близость⁶³⁸. Кроме того, они явно стилистически близки и рельефам с изображениями животных из Анакопии. Посему представляется возможной датировка данного рельефа первой половиной XI вв. Дополнительным аргументом в пользу этой точки зрения служит аналогия из церкви св. Георгия в Бза (южный фасад, X в.)⁶³⁹. На известняковой плите, которую благодаря ее форме можно идентифицировать как верхний наличник щелевидного окна, изображены три птицы. Их оперение показано теми же средствами, что и оперение птиц на плите из Абхазского государственного музея (глубокие параллельные насечки). Авторы недавнего каталога грузинской средневековой скульптуры, исходя из технических особенностей исполнения рельефа (асимметричная композиция, угловатые формы птиц, грубые диагональные насечки), отнесли его к IX в.⁶⁴⁰

⁶³⁶ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 35; Хрушкова Л. Г. Рельефная плита с изображением птиц из Цебелды // Советская археология, 1977. № 1. С. 75–82.

⁶³⁷ Khroushkova L. Les monuments... P. 86. Pl. 58 e.

⁶³⁸ Ендольцева Е. Ю. Об одном рельефе из хранилища бывшего Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия // Международная научная конференция «Археология средневекового храма» к 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича. 25–29 сентября 2017 г. Севастополь, 2017. С. 21–25.

⁶³⁹ Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. Medieval Georgian Sculpture... P. 153. № 284.

⁶⁴⁰ Ibid. P. 98.

5. Фрагмент первой плиты из алтарной преграды церкви на холме Арасараху близ с. Октомбери (Цебельда) (ил. 98).

Сделана из известняка.

Размеры: 43,5 x 26 см.

На инвентарной карточке в фонде музея (№ 67–25) этот артефакт обозначен как фрагмент алтарной преграды из Мрамбы. Однако Л. А. Шервашидзе, обнаруживший его

вместе с другими в ходе раскопок 1964 г., указал место их нахождения – церковь на холме Арасараху у села Октомбери близ Цебельды (западный фасад у дверного проема)⁶⁴¹. На фрагменте

представлена часть трона Христа, поддерживаемого двумя апокалиптическими существами – быком и орлом (два других существа не сохранились). Рядом с престолом – большая фигура «многоочитого херувима» (Иез. XXI, 2; Ап. IV, 1–8)⁶⁴². Возле херувима изображены стоящий ангел, протягивающий обе руки к престолу, и бородатый человек в длинном одеянии с покровенной левой рукой, в которой он держит книгу, и воздетой правой рукой (вероятно, св. Иоанн Богослов или один из пророков).

Л. А. Шервашидзе доказал, что фрагмент находился в правом верхнем углу алтарной плиты⁶⁴³, обнаруженной в этой же церкви П. С. Уваровой. П. С. Уварова первой опубликовала ее изображение и информацию о ней⁶⁴⁴. Ныне эта плита, т.н. первая плита из Цебельды, хранится в Национальном музее Грузии им. С. Джанашиа⁶⁴⁵ (кат. Цебельда № 1).

⁶⁴¹ Шервашидзе Л. А. Резные камни... С. 81.

⁶⁴² Там же.

⁶⁴³ Там же. Рис. 2.

⁶⁴⁴ Уварова П. С. Христианские памятники... Табл. VII–VIII.

⁶⁴⁵ Medieval Georgian Ecclesiastical Art... P. 30.

Рассматриваемый фрагмент стесан снизу и был, вероятно, переиспользован в облицовке западного портала церкви в более поздний (относительно времени его производства) период⁶⁴⁶. Нет единого мнения относительно датировки указанной плиты и, соответственно, рассматриваемого фрагмента. П. С. Уварова датировала их XII в.⁶⁴⁷ Д. В. Айналов — сначала VII–VIII вв.⁶⁴⁸, а потом VII–VIII или VI–VIII вв. Г. Н. Чубинашвили время их возникновения определил VI–VII вв.⁶⁴⁹, а Ш. Я. Амиранашвили считал их типичным произведением раннехристианской эпохи⁶⁵⁰. Н. А. Аладашвили отнесла этот памятник к VII в.⁶⁵¹ Р. О. Шмерлинг, проанализировав стиль и технику рельефов, датировала плиты концом VII – началом VIII вв.⁶⁵² Такого же мнения придерживаются авторы нового исследования по средневековой скульптуре Грузии⁶⁵³. Первооткрыватель рассматриваемого фрагмента Л. А. Шервашидзе также датировал его VII–VIII вв.⁶⁵⁴ Л. Г. Хрушкова, комплексно изучив иконографию, стиль и технику исполнения двух плит из Цебельды (учитывая рассматриваемый фрагмент одной из них), предложила датировать их VIII–IX вв.⁶⁵⁵ Автор этих строк склоняется именно к этому варианту.

⁶⁴⁶ Шервашидзе Л. А. Резные камни... С. 84.

⁶⁴⁷ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 21–22. Табл. VII–VIII.

⁶⁴⁸ Айналов Д. В. Некоторые христианские памятники Кавказа // Археологические известия и заметки. Т. III. Вып. 7–8. М., 1895. С. 233–243; Айналов Д. В. Эллинистические основы... С. 33, 202.

⁶⁴⁹ Чубинашвили Г. Н. История... С. 208–209.

⁶⁵⁰ Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. М., 1963. С. 121, 178.

⁶⁵¹ Аладашвили Н. А., Беридзе В. В. Искусство Грузии // История искусства народов СССР. Т. 2. М., 1973. С. 210–211.

⁶⁵² Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 69.

⁶⁵³ Dadiani T., Khundadze T., Kvachadze E. Medieval Georgian Sculpture... Р. 240. № 488.

⁶⁵⁴ Шервашидзе Л. А. Резные камни... С. 96.

⁶⁵⁵ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 43–85 Табл. XXVIII, 1.; Khroushkova L. Les monuments... Р. 145–152. Pl. 111 с.

6. Фрагмент второй плиты из алтарной преграды церкви на холме Арасараху близ с. Октомбери (Цебельда) (ил. 99).

Сделан из известняка.

Размеры: 25 x 20 см⁶⁵⁶.

На инвентарной карточке в фондах музея (№ 67–25) артефакт обозначен как фрагмент алтарной преграды из Мрамбы. Однако он был найден там же и при тех же обстоятельствах, что и предыдущий⁶⁵⁷. На фрагменте представлен кусок заглубленного поля, части бордюра и правой вертикальной стороны. Как показал Л. А. Шервашидзе, это фрагмент второй плиты с изображением Богородицы в среднике⁶⁵⁸ – из тех, что были опубликованы П. С. Уваровой⁶⁵⁹ (кат. Цебельда № 2) (также хранится ныне в Национальном музее Грузии им. С. Джанашиа⁶⁶⁰). Он пишет, что на фрагменте представлена витая колонка с шаровидным основанием, которая симметрично дополняет изображение средника т. н. второй плиты из Цебельды, где изображена Богоматерь с младенцем на троне под богатым балдахином. Нижняя часть поля заполнена рельефным крестчатым орнаментом, который продолжается на утраченном ныне, но опубликованном П. С. Уваровой вместе с плитой фрагменте⁶⁶¹. В изображении правее бордюра и вплотную к нему Л. А. Шервашидзе предполагает сцену с Давидом и Голиафом⁶⁶². Версии датировки этого фрагмента совпадают с теми, что были изложены для предыдущего артефакта.

⁶⁵⁶ Шервашидзе Л. А. Резные камни... С. 88.

⁶⁵⁷ Там же.

⁶⁵⁸ Там же. С. 89. Рис. 3.

⁶⁵⁹ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 21–22. Табл. VII–VIII.

⁶⁶⁰ Medieval Georgian Ecclesiastical Art... P. 31.

⁶⁶¹ Шервашидзе Л. А. Резные камни... С. 90.

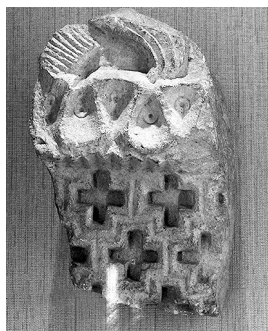
⁶⁶² Там же.

7. Фрагмент третьей плиты из алтарной преграды церкви на холме Арасараху близ с. Октомбери (Цебельда) (ил. 100).

Сделан из известняка.

Размеры: 19 x 11 см⁶⁶³.

На инвентарной карточке (№ 67–25) этот артефакт обозначен как фрагмент алтарной преграды из Мрамбы. Однако он обнаружен в ходе раскопок вместе с двумя предыдущими⁶⁶⁴. Плохая сохранность изображения не позволяет установить, что именно было показано на фрагменте. Крестчатый орнамент похож на тот, что вырезан на второй плите с изображением Богородицы (кат. Цебельда № 2). Л. А. Шервашидзе предполагает, что этот фрагмент является частью третьей, пока неизвестной плиты алтарной преграды из той же церкви⁶⁶⁵. Его можно датировать так же, как и предыдущие два.

8. Плита алтарной преграды из села Анухва с изображением св. Георгия (ил. 101).

Сделана из известняка.

Размеры – 78 x 73 x 10,5 см.

Согласно инвентарной карточке (№ 1938–506), обнаружена в селе Анухва. В среднике изображен св. Георгий. Вероятно, происходит из церкви св. Георгия в Анухве. Средник обрамлен широким бордюром, составленным из геометрического плетеного орнамента (лента плетения в три полосы). В среднике представлена сцена, изображающая св. Георгия, который поражает копьём императора Диоклетиана. Эта сцена встречается

⁶⁶³ Там же.

⁶⁶⁴ Там же. С. 81.

⁶⁶⁵ Там же. С. 90–92. Рис. 4.

и на фрагментах алтарных преград с территории Закавказья и Грузии рубежа X–XIII вв. (Сапара, Уртхви)⁶⁶⁶. Плита подробно описана Р. Шмерлинг⁶⁶⁷, хотя та ошибочно связывает ее с храмом в Бедиа. Эту же ошибку повторяет Н. Яманидзе, которая соглашается по вопросу датировки памятника с Р. О. Шмерлинг⁶⁶⁸. Проведя подробный иконографический и стилистический анализ памятника, Р. Шмерлинг датирует его рубежом X–XI вв.⁶⁶⁹ Л. Г. Хрушкова без обоснования относит плиту к XI в.⁶⁷⁰

9. Столбик алтарной преграды с витой полуколонкой (ил. 102).

Сделан из известняка.

Размеры: 76 x 18,5 x 22 см. Высота рельефа – от 4,5 до 5 см.

Вероятно, является частью той же алтарной преграды, что и плита с изображением св. Георгия и императора Диоклетиана. Происходит из той же церкви в селе Анухва. База столбика украшена плетеным геометрическим орнаментом (лента плетения в три полосы), изображающим подобие равноконечного креста со скругленными концами рукавов. С обеих сторон столбик обрамлен витым орнаментом, напоминающим т.н. сельджукскую цепь (лента плетения в две полосы, орнамент составлен из кружков небольшого диаметра с высверленным центром). У основания полуколонки – квадратный постамент, внутреннее поле которого украшено орнаментом, составленным из чере-

⁶⁶⁶ Iamanidzé N. Les installations... P. 154. Fig. 101.

⁶⁶⁷ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 109–111. Табл. 25, 3.

⁶⁶⁸ Iamanidzé N. Les installations... P. 154. Fig. 101.

⁶⁶⁹ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 111.

⁶⁷⁰ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 96. Табл. XLVII, 1; Khroushkova L. Les monuments... P. 154. PL. 119 b.

дующихся каплевидных сегментов с декоративными отверстиями внутри. По стилю, размеру и характеру орнамента похож на другой столбик из того же села. Поскольку данный фрагмент напоминает по стилю и характеру украшения алтарную плиту с изображением св. Георгия, то его можно, вероятно, датировать рубежом X–XI вв.

10. Столбик алтарной преграды с витой полуколонкой (ил. 103)⁶⁷¹.

Сделан из известняка.

Размеры – 76 x 19 x 20 см, высота рельефа – от 4,5 до 5 см.

Вероятно, является частью той же алтарной преграды, что и плита с изображением св. Георгия и императора Диоклетиана и предыдущий столбик и происходит из той же церкви в селе Анухва. База столбика украшена равноконечным крестом, составленным из орнамента, напоминающего сельджукскую цепь. Орнамент этого же типа обрамляет с двух сторон полуколонку (как и на предыдущем столбике). У основания полуколонки – орнаментальная шишечка. Поскольку фрагмент по стилю и характеру украшения напоминает алтарную плиту с изображением св. Георгия, то его, вероятно, как и предыдущий столбик, можно датировать рубежом X–XI вв.

11. Фрагмент постамента предалтарного креста (верхняя часть) (ил. 104).

Известняк.

Размеры: 28 (у основания 27) x 100 x 20,5 см⁶⁷².

⁶⁷¹ Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея... С. 18. Ил. 10.

⁶⁷² Там же. С. 19. Ил. 11.

Согласно инвентарной карточке (№ 1938–505, 507), происходит из села Анухва и доставлен в музей одновременно с алтарной плитой с изображением св. Георгия одним и тем же дарителем. Является частью постамента предалтарного креста. Нижняя часть этого же постамента с надписью на асомтаврули и изображениями креста на четырех гранях находилась в 2015 г. в хранилище бывшего Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия.

Основная композиционная особенность центральной части фрагмента – перевязанные колонки. В верхней части – кубовидное завершение, украшенное на каждой из четырех граней оригинальным плетеным орнаментом (лента плетения в три полосы). Подробное описание композиции памятника, его стилистический и палеографический анализ сделал Л. А. Шервашидзе⁶⁷³. Среди ближайших территориальных аналогий – фрагмент столба из Лоо (кат. Лоо № 1)⁶⁷⁴. Исследователь датировал этот памятник XI в. Л. Г. Хрушкова согласна с такой датировкой, но ошибочно называет этот столб частью алтарной преграды⁶⁷⁵. Оттуда же, вероятно, происходит свинцовая печать с надписью на асомтаврули⁶⁷⁶.

⁶⁷³ Шервашидзе Л. А. Столб... С. 176–185.

⁶⁷⁴ Там же приведены дополнительные варианты интерпретации этого мотива.

⁶⁷⁵ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 96. Табл. XLVII, 2; Khroushkova L. Les monuments... P. 154. Pl. 119 c.

⁶⁷⁶ Чхаидзе В. Н. Грузинская печать византийского типа XI века // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2017 года. Москва. 23–24 ноября 2017 г. Материалы докладов и сообщений. Памяти Т. Ю. Стукаловой. М., 2017. С. 61–66.

12. Плита со сценой Распятия (ил. 105).

Известняк.

Размеры – 76 х 78 см⁶⁷⁷.

Согласно инвентарной карточке (№ 1938–2191), происходит из села Анухва. Была доставлена в музей одним и тем же дарителем вместе с плитой с изображением св. Георгия (кат. муз. № 8) и предалтарным столбом (кат. муз. № 11). Плита была расколота на три части. Ее подробное описание, стилистический и иконографический анализ сделала Р. О. Шмерлинг. Она датировала этот артефакт XI в. С ее мнением согласны и другие специалисты⁶⁷⁸.

S-образный орнамент, украшающий поля этой плиты, имеет многочисленные аналогии в архитектурной пластике Закавказья, начиная с X–XI вв. Среди территориально близких – резной блок из Малого Ахуна, фрагменты алтарной преграды из Лыхны (кат. Лыхны № 2), фрагмент первоначального храма в церкви в Бедиа (кат. Бедиа № 4) и др. Авторы недавно вышедшего каталога грузинской средневековой скульптуры также упоминают эту плиту, правда, в качестве почему-то единственного фрагмента алтарной преграды из Анухвы⁶⁷⁹. По вопросу о датировке этой плиты они согласны с Р. О. Шмерлинг.

Рельефы из фондов Абхазского государственного музея

Среди рельефов, осмотренных автором осенью 2008 г. в фондах музея, есть те, которые были снабжены инвентар-

⁶⁷⁷ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 158–162. Табл. 58, 1.

⁶⁷⁸ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 96; Khroushkova L. Les monuments... P. 154. Pl. 119 d.; Iamanidzé N. Les installations... P. 154–156. Fig. 102.

⁶⁷⁹ Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. Medieval Georgian Sculpture... P. 236.

ными карточками (и, соответственно, о них имелись некоторые сведения, как то: происхождение, источник поступления, год и др.), и те, документация на которые отсутствовала. Среди хорошо документированных артефактов, относящихся к периоду Абхазского царства, – фрагменты алтарной преграды из Дранды.

13. Фрагмент постамента предалтарного креста (ил. 106).

Сделан из известняка.

Размеры – 126 х 21 см⁶⁸⁰. Представляет собой нижнюю часть предалтарного креста. Согласно инвентарной карточке (№ 1938–505, 507), поступил вместе с плитой с Распятием и верхней частью того же предалтарного креста, а также с архитектурным фрагментом с надписью из церкви в Анухве. Подробный анализ палеографических особенностей и перевод надписи⁶⁸¹, а также стилистический анализ крестов и орнаментов типа «плетенка», изображенных на четырех гранях нижней части постамента, сделал Л. А. Шервашидзе⁶⁸². Исследователь датировал памятник XI в. Л. Г. Хрушкова согласна с такой датировкой, но ошибочно называет его частью алтарной преграды⁶⁸³. Этот фрагмент летом 2015 г. находился не в фондах Абхазского государственного музея, а в хранилище бывшего Государственного

управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия.

⁶⁸⁰ Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея... С. 20. Ил. 13.

⁶⁸¹ Бгажба Х. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 15, 16. Рис. 7.

⁶⁸² Шервашидзе Л. А. Столб... С. 176–185.

⁶⁸³ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 96. Табл. XLVII, 2; Khroushkova L. Les monuments... P. 154. Pl. 119 c.

14. Архитектурная деталь с надписью на асомтаврули (ил. 107).

Известняк.

Согласно инвентарной карточке (№ 1938–542) происходит из храма в Анухве. Деталь доставлена в музей тем же находчиком, что и плита со сценой Распятия, два фрагмента предалтарного креста и плита с изображением св. Георгия. Возможно поэтому, что все эти фрагменты происходят из одной церкви в селе Анухва. На фотографии из инвентарной карточки виден фрагмент надписи на асомтаврули, нижняя часть которой украшена простым геометрическим плетеным орнаментом в виде дугообразных пересекающихся линий (в четыре полосы). Палеографический анализ позволяет отнести фрагмент к XI в.⁶⁸⁴ Если этот артефакт происходит из той же церкви в Анухве, что и две плиты из алтарной преграды и предалтарный столб, то он может быть датирован по аналогии рубежом X–XI вв.

АЛТАРНАЯ ПРЕГРАДА ИЗ ЦЕРКВИ В ДРАНДЕ

Судя по инвентарным карточкам, в фондах Абхазского государственного музея хранится 7 фрагментов архитектурной декорации церкви в Дранде. Часть из них, видимо, принадлежала алтарной преграде. Реконструкции и датировке алтарной преграды этого памятника, его стилистическому и иконографическому исследованию посвящена отдельная статья⁶⁸⁵, опубликованная в виде тезисов в материалах XXX Крупновских археологических чтений⁶⁸⁶. Другая значительная часть фрагментов (4 артефакта) этой алтарной преграды хранится

⁶⁸⁴ Бгажба Х. Из истории письменности... С. 16. Рис. 8.

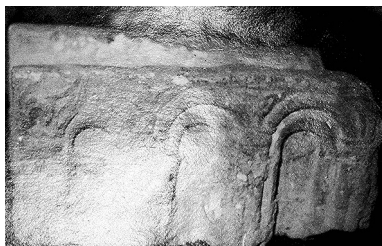
⁶⁸⁵ Ендольцева Е. Ю., архимандрит Дорофей Дбар. Архитектурная декорация... С. 196–210.

⁶⁸⁶ Ендольцева Е. Ю., архимандрит Дорофей Дбар. Алтарная преграда... С. 456–459.

в настоящее время в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии в Новоафонском монастыре. Две плиты алтарной преграды были опубликованы П. С. Уваровой⁶⁸⁷ и в настоящее время утеряны. Представленные в фондах Абхазского государственного музея фрагменты имеют прямые аналогии среди фрагментов из Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии в Новоафонском монастыре. Третья коллекция фрагментов архитектурной декорации собора в Дранде выставлена в стеклянной витрине в притворе этого храма. Она изучена частично (см. подробнее в главе, посвященной резному убранству храма).

При работе в фондах Абхазского государственного музея осенью 2008 г. были обнаружены лишь инвентарные карточки, увидеть артефакты «вживую» и измерить их не удалось. На карточках размеры фрагментов не указаны, есть лишь информация об их происхождении. В связи с этим и в данной работе размеры семи фрагментов не указываются, дается лишь их описание, а где возможно – приводятся аналогии из музея Священной Митрополии Абхазии и версия датировки.

15. Архитектурная деталь из Дранды (ил. 108).

Известняк.

На инвентарной карточке (№ 81–96) представлена фотография фрагмента с арочным мотивом, на которой видны три пролета небольшого диаметра с полуциркульным двухступенчатым завершением.

Возможно, этот фрагмент был частью алтарной преграды храма. Исследование других частей алтарной преграды (по преимуществу тех, что хранятся в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии) позволяет датировать

⁶⁸⁷ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 30. Табл. XII.

ее X в. Впрочем, есть вероятность, что это фрагмент не алтарной преграды, а внешней облицовки церкви – тогда его датировка может быть иной.

16. Архитектурная деталь из Дранды (ил. 109).

Известняк.

На фотографии с инвентарной карточки (№ 81–96) виден расколотый на две части фрагмент полукруглого завершения большого диаметра (возможно, оконный проем или портал). Сохранилась часть декорации – витой жгут, обрамленный с двух сторон валиком. Возможно, происходит из внешней облицовки храма. Аналогичный фрагмент фиксируется среди архитектурных деталей, хранящихся в притворе церкви в Дранде.

17. Фрагмент алтарной преграды из Дранды (ил. 110).

Материал – известняк.

На фотографии с инвентарной карточки (№ 81–96) виден угловой фрагмент алтарной преграды с арочным мотивом такого типа, как зафиксированная Л. Г. Хрушковой *in situ* часть⁶⁸⁸. Такого же типа фрагмент находится в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии. Является частью алтарной преграды и может быть датирован X в.

18. Фрагмент алтарной преграды из Дранды (ил. 111).

Известняк.

⁶⁸⁸ Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники... С. 270–273. Табл. LXIII, 1. Табл. LXII, 1; Khroushkova L. Les monuments... Pl. 51 c.

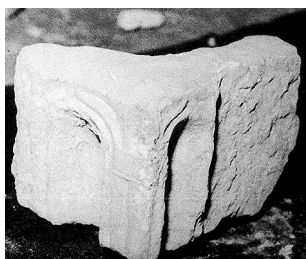

На фотографии с инвентарной карточки (№ 81–96) виден фрагмент алтарной преграды с арочным мотивом такого типа, как зафиксированная Л. Г. Хрушковой *in situ* часть. Такого же типа фрагмент находится в фондах Церковно-

археологического музея Священной Митрополии Абхазии. Является частью алтарной преграды и может быть датирован X в.

19. Фрагмент алтарной преграды из Дранды (ил. 112).

Известняк.

На фотографии с инвентарной карточки (№ 81–96) виден угловой фрагмент алтарной преграды с арочным мотивом такого типа, как зафиксированная Л. Г. Хрушковой *in situ* часть. Такого же типа фрагмент находится в фондах Церковно-

археологического музея Священной Митрополии Абхазии. Является частью алтарной преграды и может быть датирован X в.

20. Фрагмент архитектурной декорации (возможно, алтарной преграды) из Дранды (ил. 113).

Известняк.

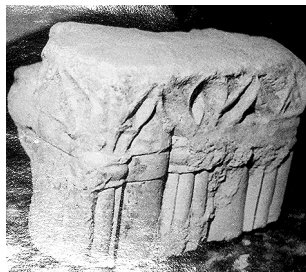
На фотографии с инвентарной карточки (№ 81–96) виден фрагмент с двумя сноповидными капителями. Аналогии такой архитектурной декорации встречаются в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии и среди фрагментов, выставленных в притворе собора в Дранде. Воз-

можно, являлся частью алтарной преграды и в этом случае может датироваться X в.

21. Фрагмент алтарной преграды из Дранды (ил. 114).

Известняк.

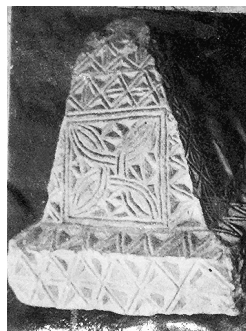
На фотографии с инвентарной карточки (№ 81–96) виден угловой фрагмент алтарной преграды с арочным мотивом такого типа, как зафиксированная Л. Г. Хрушковой *in situ* часть. Такого же типа фрагмент находится в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии. Является частью алтарной преграды и может быть датирован X в.

22. Фрагмент надгробия с выемчатым орнаментом (ил. 115).

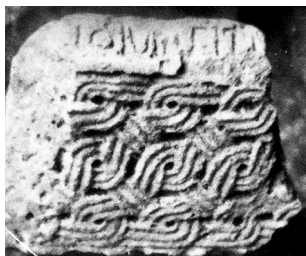
Известняк.

Согласно инвентарной карточке (№ 1937–АМ-2337), происходит из села Анухва. Надгробие на квадратном постаменте с конусовидным завершением. Судя по фотографии на инвентарной карточке, вся поверхность артефакта покрыта орнаментом, составленным из выемчатых треугольников. На одной из граней конуса видна в квадратной рамке импровизированная четырехконечная звезда, составленная из полудуг (лента плетения в три полосы). Имеющиеся данные слишком скудны, чтобы определить время создания этого артефакта. В хранилище бывшего Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия хранятся еще два фрагмента, украшенных сходным орнаментом. Кроме того, похожий узор (основанный на вариациях мотива выем-

чатого треугольника) изображен на рамке, отделяющей средник от полей на второй и третьей плитах из села Октомбери (Цебельда).

23. Фрагмент алтарной преграды из Бамборы с надписью (ил. 116)⁶⁸⁹.

Известняк.

Согласно инвентарной карточке (№ 74–86), происходит из Бамборы.

Надпись расположена на торце. На лицевой части – плотный орнамент в три полосы, составленный из переплетающихся кругов большого и малого диаметра. Фрагмент происходит из раскопок Л. А. Шервашидзе 1973–1974 гг. в Бамборе (отчет об археологических работах за 1973–1974 гг. из архива Научного археологического центра им. О. Лордкипанидзе, Тбилиси)⁶⁹⁰. Представляет собой часть архитрава алтарной преграды из северного храма⁶⁹¹. Правая часть надписи известна по прорисовке Л. А. Шервашидзе⁶⁹². Надпись не расшифрована, но по палеографическим особенностям ее датировали X–XI вв.⁶⁹³ А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий предлагают собственный вариант⁶⁹⁴. Они читают ее как «τοῦ μαγίστρου καὶ ἐξουσιασ[τοῦ]» («магистра и эксусиаста»)⁶⁹⁵ и выстраивают систему доказательств (на мой взгляд, несколько поспешно), по которой связывают строитель-

⁶⁸⁹ См. подробнее об остальных фрагментах архитектурной декорации этого комплекса в соответствующей главе этого издания.

⁶⁹⁰ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 163. Ил. 76.

⁶⁹¹ Там же. С. 164.

⁶⁹² Chervachidzé L. Le complexe monastique «Aylaga Abykou» // L'arte georgiana dal IX al XIV secolo / a cura di M. S. Calo Mariani. Galatina, 1986. Tav. XLV. 1.

⁶⁹³ Шервашидзе Л. А. Айлага-Абыку... С. 160–161.

⁶⁹⁴ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 165.

⁶⁹⁵ Там же.

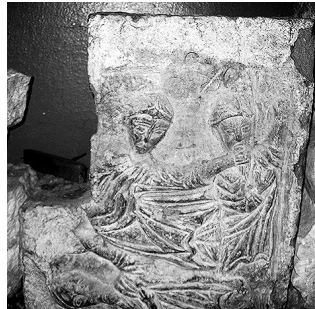
ство храма и надпись с абхазским царем Георгием II (922–957 гг.)⁶⁹⁶. Эта версия, может быть, и верна, однако не бесспорна.

Цепочка доказательств начинается с того, что палеография надписи на фрагменте из Бамборы сопоставляется с надгробной плитой из Анакопии 929 г.⁶⁹⁷ Из этого делается однозначный вывод о том, что Бамборская надпись относится именно к первой половине X в. Однако можно ли на основе только одной аналогии делать такие конкретные выводы? Далее авторы отмечают, ссылаясь на Константина Багрянородного⁶⁹⁸, что титул магистра мог носить только местный царь. Из двух абхазских царей первой половины X в., Константина III и Георгия II, без дополнительных разъяснений выбирается именно Георгий II в качестве заказчика и строителя северного храма. Приведенные доводы, хотя и кажутся правдоподобными, не могут служить бесспорным доказательством такой датировки надписи и самого храма. Поэтому логично остановиться на предложенной ранее более широкой датировке – X–XI вв.

24. Плита с изображением Сна Иосифа (ил. 117)⁶⁹⁹.

Известняк.

Представляет собой прямоугольный рельеф с изображением трех персонажей. Инвентарной карточки не имеет. К несчастью, размеры этого артефакта измерить не удалось. Однако анализ иконографических и стилистических особенностей изображенной на нем сцены позволяет выдвинуть предположения об идентификации представленного сюжета

⁶⁹⁶ Там же.

⁶⁹⁷ Там же.

⁶⁹⁸ Там же.

⁶⁹⁹ Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея. С. 25–26. Ил. 24.

и времени его исполнения⁷⁰⁰. На массивном известняковом блоке, по форме приближающемся к квадрату с выщербиной прямоугольной формы, в левом верхнем углу изображена динамичная по композиции сцена. С трех сторон она окаймлена подобием рамы, полученной за счет утолщения краев плиты. Поле в центре плиты несколько углублено по отношению к ее краям. Судя по сохранившейся фотографии, рельеф резьбы выпуклый, за счет чего фигуры выглядят достаточно объемно.

Три изображенных персонажа одеты в одинакового типа длинные античные туники, складки которых экспрессивны. Центральная фигура показана на три четверти высоты. Различимы правильные черты лица: большие глаза, тонкий прямой нос. Волнистые волосы украшены на лбу диадемой. Все три фигуры повернуты анфас к зрителю. Туника центральной фигуры с диадемой динамично развеивается, будто в полете. Левой рукой изображенный держит за остроконечную бороду второго героя сцены. Правой – касается руки третьего персонажа, показанного лежащим параллельно нижнему краю рамы композиции.

Черты лица и одежда второго и третьего участников действия (высокий лоб, приглаженные собранные сзади волосы, остроконечная борода, прямой нос, большие глаза, длинная туника, застегивающаяся, судя по всему, на левом плече) позволяют видеть в них одного и того же персонажа. Тот, кто показан стоящим справа для зрителя, воздел обе руки вправо. Его поза выглядит динамично за счет противоположных векторов движения: голова, вслед за бородой, которую тянет на себя фигура с диадемой, слегка повернута в одну сторону, а обе руки – в другую. В отличие от него, поза третьей лежащей фигуры выглядит

⁷⁰⁰ Ендольцева Е. Ю. Об одном необычном изображении... С. 176–181; Ендольцева Е. Ю. Виноградов А. Ю. Разные интерпретации... С. 90–97; Endoltseva E., Vinogradov A. The Beard Pulling in Medieval Christian Art: Various Interpretations of a Scene// Anastasis. Research in Medieval Culture and Art. The sign and the sacred. 2016. Vol. III. № 1. May. P. 88–99.

статично. Правая рука покоится на груди, левая соединяется с правой рукой персонажа с диадемой. Таким образом, ключевым и самым активным участником действия, дающим импульсы двум другим фигурам, представляется персонаж с диадемой на голове.

Изображения людей, тянущих друг друга за бороды, либо когда один из персонажей совершает такое действие над другим, не относятся к числу широко распространенных. В средневековой христианской архитектурной пластике можно выделить несколько ситуаций, когда это происходит. Чаще всего сцена, когда двое мужчин вцепляются в бороды друг друга, встречается в скульптурном убранстве романских храмов Западной Европы. Причем у этого сюжета отсутствуют древние аналоги⁷⁰¹. По версии В. П. Даркевича, такое изображение может выражать гнев и раздор⁷⁰². Самый ранний из имеющихся примеров относится к началу X в. (постамент креста в Монастербойсе, Ирландия, около 923 г.)⁷⁰³.

По наблюдениям А. В. Волкова, «люди, хватающие друг друга за бороды, распространены в Бургундии и на прилегающих территориях Германской империи и Французского королевства»⁷⁰⁴. Среди самых известных образов этого типа – дерущиеся бородачи в центре монастырской капители церкви в Анзи-ле-Дюк (Сона и Луара, Франция, 1090–1130 гг.) и на капители Сен-Илер де Пуатье из музея Сен-Круа⁷⁰⁵. В этих двух, как и в других сценах рассматриваемого типа, герои явно выступают как отрицательные персонажи. О такой трактовке сюжета можно догадаться, к примеру, благодаря сопутствующим символам (бородастые маски, которые показывают язык,

⁷⁰¹ Волков А. В. Код Средневековья. Загадки романских мастеров. М., 2013. С. 332.

⁷⁰² Даркевич В. П. Народная культура Средневековья: пародия в литературе и искусстве IX–XVI веков. М., 2010. С. 125.

⁷⁰³ Волков А. В. Код Средневековья... С. 334.

⁷⁰⁴ Там же. С. 334.

⁷⁰⁵ Там же.

насмехаясь над человеческими усилиями) или агрессивному поведению героев сцены (замахиваются друг на друга топорами).

Таким образом, рассмотренный выше тип изображения вряд ли может служить аналогией для интересующего нас рельефа. Во-первых, на изображении из Абхазского государственного музея действие носит односторонний характер (один герой тянет за бороду другого, они не вцепляются друг в друга). Во-вторых, представленные герои явно являются положительными персонажами⁷⁰⁶.

Другой тип изображения, когда один персонаж тянет за бороду другого, фиксируется на фасаде церкви Святого Креста на о. Ахтамар на оз. Ван (915–921 гг.)⁷⁰⁷. Здесь представлены двое мужчин в подпоясанных рубашках до колен. Один из них хватается за бороду другого. Последний держит в руках дубину и замахивается ею. У их ног показано оскалившееся животное, похожее на собаку. Вероятно, это иллюстрация к одному из эпизодов армянского народного эпоса, касающегося взаимоотношений царя Арташеса и его сына Артавазда⁷⁰⁸.

Судя по всему, здесь показан финал истории о проклятии Арташесом своего сына. «Тема этой последней ветви эпоса – взаимоотношения отца и сына и сила отцовского проклятия, чему народ верит и поныне. В эпосе сначала повествуется о строительной деятельности Арташеса, за что страна любит его, затем о болезни, смерти и торжественных похоронах. Артавазд завидует славе отца и с горечью говорит, обращаясь к нему: «Ты ушел и унес с собой всю нашу землю, как мне царствовать над развалинами?». Отец проклинает его, говоря: «Если

⁷⁰⁶ Нет сопутствующих отрицательных символов, все представленные персонажи имеют правильные черты лица, благообразный вид (высокий лоб у одного и диадема в волосах – у другого). Все трое показаны в анфас к зрителю, а не повернуты в профиль.

⁷⁰⁷ Cosmology and cosmogony in Armenian petroglyphs. Erevan, 2010 [на арм. яз.]. С. 624–626. Ил. 1337.

⁷⁰⁸ Там же. С. 625.

ты поедешь на охоту на Азат, на Масис, тебя схватят каджи, повлекут на Азат, на Масис; там останешься и света не увидишь боле». Проклятие исполнилось. Он во время охоты был пойман каджами...»⁷⁰⁹.

Однако и это изображение вряд ли можно считать аналогией к интересующему нас памятнику, поскольку на рельефе с о. Ахтамар, в отличие от сухумского, события развиваются на охоте (собака-кадж у ног, дубинка в руках одного из персонажей). Вышеозначенные детали отсутствуют на изображении из Абхазии.

Единственный памятник, который демонстрирует почти абсолютное сходство с сухумским изображением, находится, как ни странно, во Франции⁷¹⁰. На капители одной из колонн хора в церкви Нотр Дам дю Пор в Клермон-Ферране (закончена в 1185 г.) вырезана сцена, которая, судя по надписи, изображает сон Иосифа⁷¹¹. Позы и жесты ангела и Иосифа очень похожи на две стоящие фигуры на рельефе из Сухума. Черты лица и прическа ангела (волосы, разделенные на две половины прямым пробором, высокий лоб) практически идентичны персонажу на рельефе. Он также облачен в длинную тунику, ниспадающую вниз экспрессивными складками. Правда, у ангела на капители есть крылья, которые отсутствуют на сухумском рельефе. Этот нюанс, кажется, можно объяснить тем, что на капители ангел представлен в полный рост и в более статичной позе, тогда как на рельефе показана только верхняя часть туловища, а на месте, где могли бы находиться крылья, – выщербина.

Обе фигуры левой рукой тянут за остроконечную бороду второго персонажа. Черты лица и поза Иосифа на капители и на сухумском рельефе также похожи. У обоих – остроконечные бороды и высокий лоб. Обе фигуры слегка поворачивают

⁷⁰⁹ Абемян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. С. 41–42.

⁷¹⁰ Ricard Marie-Claire. Notre Dame du Port. Clermont-Ferrand, 1992.

⁷¹¹ URL: <http://www.art-roman.net/ndport/ndport2.htm> (дата обращения 28.01.2019)

головы в сторону ангела, а руки воздевают, повернувшись в противоположную сторону. Несколько различается их наряд. У Иосифа на капители – подпоясанная рубаша и брюки, а у персонажа на рельефе – длинная туника. Есть отличие и в композиции всей сцены. На рельефе из Сухума присутствует третья фигура, которой нет на капители из Клермон-Феррана. Однако третья лежащая фигура очень похожа на того, кого тянут за бороду (черты лица, остроконечная борода, жест правой руки, одеяние). Кажется, что это один и тот же человек.

Если принять версию о том, что на рельефе из Сухума так же, как и на капители из Клермон-Феррана, изображен сон Иосифа, то присутствие третьей лежащей фигуры вполне объяснимо. Вероятно, это Иосиф, который изображен дважды: во сне (лежит на земле) и в момент вразумления (ангел дергает его за бороду). В этом случае сухумский рельеф демонстрирует более полный вариант иконографии сюжета, запечатленного на капители из Клермон-Феррана. Интересно, что в Клермон-Ферране сохранилась подробная надпись, которая объясняет данную сцену и служит основой для ее иконографии.

Эта надпись на латинском языке располагается на абакe капители и на филakterиях, которые держат ангел и Иосиф. Надпись является цитатой из Евангелия от Матфея 1. 18–21⁷¹². Сверху, на абакe: “Iosep volvit”⁷¹³. На филakterии слева: “OC/TE/DI/MI/ER/A//RT/BT/VS/ME/FE/CT”. На филakterии справа: “NE/TI/ME/AS/ ... SC A/CA/RI/A/H/C”⁷¹⁴. Этот текст можно реконструировать как цитату из Евангелия от Матфея (Вульгата 1,

⁷¹² URL: http://www.vatican.va/archive/bible/nova_vulgata/documents/nova-vulgata_nt_evangel-matthaeum_lt.html#1 (дата обращения 28.01.2019).

⁷¹³ URL: <http://utpictura18.univ-montp3.fr/GenerateurNotice.php?numnotice=A2450&tab=A2456-A2457-A2445-A2446-A2443-A2447-A2448-A2449-A2442-A2450-A2451-A2452-A2441-A2453-A2444-A2454-A0567-A2455-> (дата обращения 28.01.2019).

⁷¹⁴ Там же.

18) следующим образом: “Josep[h] voluit oc[cul]te dimi[t]er[e] [M]ar[iam]” с подписью мастера: “R[o]tb[er]tus me fec[i]t”. Далее следует ответ ангела: “Ne timeas”⁷¹⁵. Как объясняет С. Ложкина, ангел тянет за бороду Иосифа, чтобы привести его на истинный путь (в правую от себя сторону), в то время как вся фигура Иосифа повернута влево⁷¹⁶.

Если говорить о стилистических параллелях, то ангел, похожий на сухумского, есть также на алтарной плите с изображением распятия из Анухвы (XI в.)⁷¹⁷ (кат. муз. № 12). В левом верхнем углу изображена его фигура в той же позе (поворот головы, тело на три четверти длины). Главное отличие, однако, заключается в том, что на плите из Анухвы, как и на капители из Клермон-Феррана, ангел показан с нимбом и крыльями.

Таким образом, если предложенная идентификация верна, то рельеф из Сухума можно поставить в ряд произведений средневековой скульптуры XI–XII вв. Судя по его размерам и толщине плиты (пока это определяется лишь визуально), а также благодаря некоторым стилистическим аналогиям, он мог бы быть частью алтарной преграды некоего храма.

Подводя итог, отмечу, что проведенные в последние годы комплексные исследования, а также скрупулезное изучение обстоятельств обнаружения каждого конкретного артефакта впервые позволили выделить в коллекции средневековых рельефов из Абхазского государственного музея группу, относящуюся ко времени Абхазского царства. В процессе исследования некоторые рельефы были передатированы. В рамках этого периода выделяется также несколько стилистически однородных групп (среди них, к примеру, рельефы из Анакопии с изображением животных, рельеф с Сухумской горы, рельефы из Мрамбы или рельефы из алтарных преград в Дранде и из Ольгинского).

⁷¹⁵ Там же.

⁷¹⁶ Там же.

⁷¹⁷ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 158, 159. Табл. 58.

***Рельефы из хранилища бывшего Государственного
управления охраны историко-культурного наследия
Республики Абхазия***

В хранилище бывшего Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия хранятся рельефы, которые можно датировать эпохой Абхазского царства. Попасть внутрь и осмотреть их летом 2015 г. стало возможно благодаря любезности последнего начальника этого учреждения, а ныне сотрудника АБИГИ Г. А. Сангулии. Рельефы, относящиеся к этому времени, были измерены, но никаких инвентарных карточек на них обнаружено не было.

25. Фрагмент плиты с выемчатым орнаментом (ил. 118).

Известняк.

Размеры – 50 x 50 x 28 см.

По словам бывшего директора управления Г. А. Сангулии, происходит из Цебельды. Однако характер орнамента позволяет сопоставить фрагмент с надгробием из Анухвы (кат. муз. № 22) и плитой с тремя крестами (кат. муз. № 26).

Характер расположения орнамента дает основание предположить, что он покрывал бордюр плиты. Между двумя выступающими валиками располагается полоса орнамента, составленного из выемчатых треугольников. Фрагмент, демонстрирующий орнамент, сделанный из квадратов, составленных, в свою очередь, из выемчатых треугольников, находится по правую сторону от бордюра.

Как и в случае с надгробием из Анухвы, трудно сказать что-либо конкретное о датировке этого артефакта. Однако похожий узор (основанный на вариациях мотива выемчатого треугольника) встречается на рамке, отделяющей средник от полей

на второй (кат. муз. № 6) и третьей плите (кат. муз. № 7) из села Октомбери (Цебельда).

26. Плита с тремя крестами (ил. 119).

Известняк.

Размеры – 91 x 76 см.

Плита большого размера, возможно, надгробная с изображением трех крестов под арочками с треугольным завершением. Арочки и кресты составлены из геометрического орнамента, основанного на повторении мотива квадрата, сделанного из четырех выемчатых треугольников. Такой же тип орнамента используется с правой стороны бордюра в плите (кат. муз. № 25). Подобный орнамент украшает также надгробие из Анухвы (кат. муз. № 22).

По словам Г. А. Сангулии, происходит из Цебельды. Однако аналогия с надгробием из Анухвы заставляет задуматься о том, что эти два артефакта, возможно, изготовлены в одном месте.

Как и в случае с надгробием из Анухвы, трудно говорить что-либо конкретное о датировке этого артефакта. Однако, как и в № 25, похожий узор есть на рамке, отделяющей средник от полей на второй (кат. муз. № 6) и третьей плите (кат. муз. № 7) из села Октомбери (Цебельда).

27. Плита с изображением креста в круге и вихревой розеткой (ил. 120, 121)⁷¹⁸.

Известняк.

Размеры – 75 x 47 x 17⁷¹⁹.

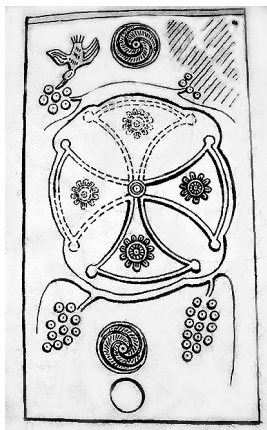
Этот известняковый рельеф происходит из поселка Мрамба (неподалеку от Цебельды). Он вырезан на плите, которая в своем нынешнем

⁷¹⁸ Ендольцева Е. Ю. Группа рельефов... С. 720–721.

⁷¹⁹ Ендольцева Е. Ю. Об одном рельефе... С. 21–25.

состоянии имеет трапецевидную форму. В центре композиции представлен равноконечный крест с расширяющимися к концам перекладинами, углы которых украшены орнаментальными

кружками. Часть поверхности плиты повреждена. В центре рукавов креста частично сохранились, а частично реконструируются многолепестковые розетки. По обе стороны креста – изображение виноградной лозы с гроздьями, одну из которых клюет птица. Ее крылья показаны короткими косыми насечками. Плита была расколота, вторая часть сейчас утеряна. На прорисовках, опубликованных Л. Г. Хрушковой⁷²⁰ и Ю. Н. Вороновым⁷²¹, по обе стороны от креста, со стороны виноградных лоз,

были изображены две вихревые розетки (сейчас видна только одна из них).

Эта плита вместе с несколькими другими (с изображениями креста в круге похожей формы⁷²² (кат. Цебельда № 6), исполненной штрихами четырехлепестковой розетки в прямоугольном обрамлении в той же технике⁷²³ (кат. Цебельда № 7), птиц⁷²⁴ (кат. муз. № 4)) была найдена в ходе археологических разведок 1960–1971 гг. Ю. Н. Вороновым, В. С. Орелкиным, А. А. Салтыковым и др. на месте полуразрушенного и восстановленного храма в поселке Мрамба⁷²⁵ (см. подробнее об этой церкви в соответствующей главе данного издания). В 1981–1982 гг. раскопки Цебельдинской экспедиции выявили на этом месте остатки раннехристианской базилики, которая была восстанов-

⁷²⁰ Хрушкова Л. Г. Скульптура... Табл. XIX, 1.

⁷²¹ Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. III. Сухум, 2010. С. 103. Рис. 40.

⁷²² Хрушкова Л. Г. Скульптура... Табл. XIX, 3.

⁷²³ Там же. Табл. XXII, 1.

⁷²⁴ Хрушкова Л. Г. Рельефная плита... С. 76. Рис. 1.

⁷²⁵ Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. III. С. 431.

лена из руин в промежутке между XI и XIV вв.⁷²⁶ В ходе работ были обнаружены также рельеф с изображением рыб, оконное навершие и антефикс с изображением креста⁷²⁷.

Выявленные рельефы, как оказалось, демонстрируют явную стилистическую близость между собой и с зооморфными образами с горы Анакопия (кат. Анак. № 1, 2, 3) и с Сухумской горы (кат. муз. № 3) (см. подробнее главу о церкви в Мрамбе данного издания). Учитывая предлагаемую датировку для вышеназванных аналогий, эту плиту также можно считать произведением средневековых мастеров XI в. В этом случае ее можно связать с археологически зафиксированным периодом перестройки церкви в XI–XIV вв.

28. Плита с изображением розетки, цепи из окружностей, «Соломоновой печати» (ил. 122).

Известняк.

Размеры – 50 x 28 x 26 см.

Этот артефакт был найден в ходе раскопок Л. А. Шервашидзе на холме Арасараху близ Цебельды в 1964 г.⁷²⁸ Он происходит из того же места, где были найдены три плиты алтарной преграды (кат. муз. № 5, 6, 7), две плиты XI в. (кат. Цебельда № 3, 4) и другие интересные артефакты.

В репертуаре орнамента – образованная двумя переплетающимися треугольниками шестиконечная звезда («Соломонова печать»), розетка из круга с переплетающими его крестообразно полукружиями, цепь переплетающихся кругов, а также мотив в виде листа с загнутым концом (т. н. «ман»). Стилистический и иконографический анализ позволил Л. А. Шервашидзе датиро-

⁷²⁶ Там же.

⁷²⁷ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Исследования средневековых памятников... С. 33. Табл. XXVI.3.

⁷²⁸ Шервашидзе Л. А. Резные камни... С. 94–95. Рис. 6.

вать этот фрагмент X в.⁷²⁹ Л. Г. Хрушкова относит время создания этой плиты к IX в.⁷³⁰

Рельефы из долины Цебельды и ее окрестностей

Церковь на возвышенности Арасараху около села Октомбери (Вороновская)

В церкви на возвышенности Арасараху около села Октомбери (Вороновская) были найдены в разное время замечательные произведения архитектурной пластики, относящиеся к разным периодам Средневековья. Самые ранние из них (по мнению большинства исследователей) – две плиты алтарной преграды, обнаруженные и впервые опубликованные П. С. Уваровой⁷³¹. На ее фототипиях они запечатлены в своем наиболее полном виде (впоследствии некоторые куски от них откололись). Всего П. С. Уварова нашла четыре плиты, но две другие датируют более поздним временем (кат. Цебельда № 3, 4). Остальные находки (среди интересующих нас – три фрагмента, связанных с плитами от алтарной преграды предположительно VII–VIII вв. или VIII–IX вв. (кат. муз. № 5, 6, 7), и плита с изображением «печати Соломона» (кат. муз. № 28)) были сделаны Л. А. Шервашидзе в ходе раскопок 1964 г.⁷³²

1. Т. н. первая плита из Цебельды (ил. 123).

Известняк.

Реконструирована благодаря найденному Л. А. Шервашидзе фрагменту (кат. муз. № 5), размеры – 100 x 87 см. Реальные размеры сохранившегося фрагмента – 64 x 86 x 8 см.

⁷²⁹ Там же. С. 95.

⁷³⁰ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 36. Табл. XXII, 2; Khroushkova L. Les monuments chrétiens... Pl. 120 f.

⁷³¹ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 21–22. Табл. VII–VIII.

⁷³² Шервашидзе Л. А. Резные камни... С. 81–96.

В настоящее время хранится в Национальном музее Грузии⁷³³ им. С. Джанашиа.

В центре основного фрагмента, в середине, изображены сцены Распятия и Воскресения. На полях сохранились сцены, изображающие Раскаяние Петра, Мученичество Петра, часть сцены Жертвоприношения Авраама (раб Авраама, ведущий мула⁷³⁴), Крещение и сцена чуда св. Евстафия⁷³⁵.

Нет единого мнения относительно «возраста» этой плиты. П. С. Уварова датировала ее XII в.⁷³⁶ Д. В. Айналов – сначала VII–VIII вв.⁷³⁷, а потом – VII–VIII или VI–VIII вв.⁷³⁸ Г. Н. Чубинашвили определил ее происхождение VI–VII вв.⁷³⁹, а Ш. Я. Амиранашвили посчитал ее типичным произведением раннехристианской эпохи⁷⁴⁰. Н. А. Аладашвили отнесла этот памятник к VII в.⁷⁴¹ Р. О. Шмерлинг, проанализировав стиль и технику рельефов, датировала плиту концом VII – началом VIII в.⁷⁴² Такого же мнения придерживаются авторы нового исследования по средневековой скульптуре Грузии⁷⁴³. Первооткрыватель рассматриваемого фрагмента Л. А. Шервашидзе датировал его

⁷³³ Medieval Georgian Ecclesiastical Art... Р. 30.

⁷³⁴ На фототипии П. С. Уваровой видна еще выше сцена самого жертвоприношения.

⁷³⁵ Виноградов А. Ю. Заметки о культе святых Евстафиев на Кавказе // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции 23–28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012. С. 287–289.

⁷³⁶ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 21–22. Табл. VII–VIII.

⁷³⁷ Айналов Д. В. Некоторые христианские памятники... С. 233–243.

⁷³⁸ Айналов Д. В. Эллинистические основы... С. 33, 202.

⁷³⁹ Чубинашвили Г. Н. История... С. 208–209.

⁷⁴⁰ Амиранашвили Ш. Я. История... С. 121, 178.

⁷⁴¹ Аладашвили Н. А., Беридзе В. В. Искусство Грузии... С. 210–211.

⁷⁴² Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 69.

⁷⁴³ Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian Sculpture... Р. 241. № 489.

также VII–VIII вв.⁷⁴⁴ Л. Г. Хрушкова, комплексно анализируя иконографию, стиль и технику исполнения двух плит из Цебельды, предложила отнести их к VIII–IX вв.⁷⁴⁵ Н. Яманидзе определила происхождение этой плиты, как и второй (кат. Цебельда № 2), предположительно IX в.⁷⁴⁶ Последний вариант датировки представляется наиболее правдоподобным.

2. Т. н. вторая плита из Цебельды (ил. 124).

Известняк.

Реконструирована благодаря найденному Л. А. Шервашидзе фрагменту (кат. муз. № 6), размеры – 100 x 87 см. Реальные размеры сохранившегося фрагмента – 50 x 49 x 11 см. В настоящее время хранится в Национальном музее Грузии⁷⁴⁷ им. С. Джанашиа.

В центре сохранившегося основного фрагмента, в среднике, – изображение Богоматери на троне на фоне архитектурного пейзажа и раздвинутых занавесей. Среди сцен на полях сохранились изображения Даниила во львином рву и двух всадников (на верхнем поле), один из которых попирает змея, а другой – поверженного императора Диоклетиана.

Относительно датировки и этой плиты единого мнения нет. П. С. Уварова датировала ее XII в.⁷⁴⁸, Д. В. Айналов – сначала VII–VIII вв.⁷⁴⁹, а потом – VII–VIII или VI–VIII вв.⁷⁵⁰ Г. Н. Чуби-

⁷⁴⁴ Шервашидзе Л. А. Резные камни... С. 96.

⁷⁴⁵ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 43–85. Табл. XXVIII, 1.; Khroushkova L. Les monuments... P. 145–152. Pl. 111 c.

⁷⁴⁶ Iamanidzé N. Les installations... P. 115–129. Fig. 73.

⁷⁴⁷ Medieval Georgian Ecclesiastical Art... P. 31.

⁷⁴⁸ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 21–22. Табл. VII–VIII.

⁷⁴⁹ Айналов Д. В. Некоторые христианские памятники... С. 233–243.

⁷⁵⁰ Айналов Д. В. Эллинистические основы... С. 33, 202.

нашвили определил время ее изготовления VI–VII вв.⁷⁵¹, а Ш. Я. Амиранашвили посчитал ее типичным произведением раннехристианской эпохи⁷⁵². Н. А. Аладашвили отнесла этот памятник к VII в.⁷⁵³ Р. О. Шмерлинг, проанализировав стиль и технику рельефов, датировала обе плиты концом VII – началом VIII в.⁷⁵⁴ Авторы нового исследования средневековой скульптуры Грузии придерживаются той же версии датировки, что и в случае с плитой (кат. Цебельда № 1)⁷⁵⁵. Первооткрыватель рассматриваемого фрагмента Л. А. Шервашидзе тоже относит его к VII–VIII вв.⁷⁵⁶ Л. Г. Хрушкова, комплексно анализируя иконографию, стиль и технику исполнения двух плит из Цебельды, предлагает датировать их VIII–IX вв.⁷⁵⁷ Н. Яманидзе, и в этом с ней можно согласиться, датирует эту плиту, как и № 1 (кат. Цебельда № 1), IX в.⁷⁵⁸

3. Плита из церкви на возвышенности Арасараху около села Октомбери (ил. 125).

Известняк светло-серого цвета.

Размеры – 115 x 88,5 см⁷⁵⁹. Точное местонахождение неизвестно, вероятно, находится в запасниках Национального музея Грузии им. С. Джанашиа. Обнаружена и впервые опубликована П. С. Уваровой⁷⁶⁰.

⁷⁵¹ Чубинашвили Г. Н. История... С. 208–209.

⁷⁵² Амиранашвили Ш. Я. История... С. 121, 178.

⁷⁵³ Аладашвили Н. А., Беридзе В. В. Искусство Грузии... С. 210–211.

⁷⁵⁴ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 69.

⁷⁵⁵ Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian Sculpture... P. 241. № 490.

⁷⁵⁶ Шервашидзе Л. А. Резные камни... С. 96.

⁷⁵⁷ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 43–85. Табл. XXVIII, 1.; Khroushkova L. The monuments... P. 145–152. Pl. 111 c.

⁷⁵⁸ Iamanidzé N. Les installations... P. 115–129. Fig. 74.

⁷⁵⁹ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 162. Табл. 58, 2.

⁷⁶⁰ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 22–23. Табл. VI.

Вероятно, составляла основу стенки или основания алтарной преграды⁷⁶¹. Центральная часть плиты отделена от бордюра рельефным резным витым жгутом. Орнаментация поля центральной части складывается из двух плетеных геометрических фигур, механически связанных друг с другом и составленных из ленты плетения в три полосы. По концам квадрата одной из фигур представлены орнаментальные шишечки. Основа схемы резного орнамента бордюра или полей плиты – двойной лист, вплетенный в геометрический узор, составленный из кружков малого диаметра (лента плетения в три полосы). Анализируя особенности орнамента этой плиты, Р. Шмерлинг датирует ее XI в.⁷⁶² С такой датировкой согласна и Л. Г. Хрушкова⁷⁶³.

4. Плита из церкви на возвышенности Арасараху около села Октомбери (ил. 126).

Известняк светло-серого цвета.

Точное местонахождение неизвестно, вероятно, хранится в запасниках Национального музея Грузии им. С. Джанашиа. Обнаружена и впервые опубликована П. С. Уваровой⁷⁶⁴.

Как и в случае с парной ей плитой (кат. Цебельда № 3), центральная часть этой плиты отделена от бордюра (полей) рельефным резным витым жгутом. В основе композиции средника – растительный орнамент, образующий круг и равноконечный крест с закругленными рукавами внутри него. На полях представлен двойной лист, вплетенный в геометрический орнамент (лента плетения в три полосы) из кружков

⁷⁶¹ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 162.

⁷⁶² Там же.

⁷⁶³ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 96. Табл. XLVIII, 1.; Khroushkova L. Les monuments... P. 153. Pl. 118 e.

⁷⁶⁴ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 22–23. Табл. VI.

небольшого диаметра. Характер резьбы помог Р. Шмерлинг отнести эту плиту к XI в.⁷⁶⁵ Того же мнения придерживается и Л. Г. Хрушкова⁷⁶⁶.

*Церковь в Мрамбе*⁷⁶⁷

Упоминание о церкви в селе Мрамба (Марамба) в окрестностях Цебельды впервые появилось в научной литературе в 1923 г. в связи с тем, что «были найдены местным крестьянином несколько могильных плит при “чудесных” обстоятельствах»⁷⁶⁸. В. И. Стражев рассказал о том, как в 1920-х гг. греки-переселенцы⁷⁶⁹ решили восстановить храм в Мрамбе⁷⁷⁰. В процессе строительных работ они обнаружили рельефы, которые использовали в качестве споллий. И теперь установить точную связь рельефов с археологическим слоем определенной эпохи невозможно.

Археологические исследования проводились на этом месте в 1960–1971 гг. под руководством Ю. Н. Воронова, В. С. Орелкина, А. А. Салтыкова⁷⁷¹. В ходе раскопок 1981–1982 гг. Цебельдинской археологической экспедицией здесь были обнаружены следы раннехристианской однефной базилики с выступающей апсидой (пятигранной снаружи и подковообразной внутри)⁷⁷². Тогда же выяснилось, что между XI и XIV вв. раннехристианская церковь была вос-

⁷⁶⁵ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 163. Табл. 59, 1.

⁷⁶⁶ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 96; Khroushkova L. Les monuments... Р. 153. Pl. 119a.

⁷⁶⁷ В основу этой главы легла статья Ендольцевой Е. Ю. Группа рельефов... С. 719–728.

⁷⁶⁸ Стражев В. И. Руинная Абхазия... С. 161.

⁷⁶⁹ Воронов Ю. Н. Научные труды... С. 431.

⁷⁷⁰ Там же.

⁷⁷¹ Там же.

⁷⁷² Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Исследования средневековых памятников... С. 27–35.

становлена из руин⁷⁷³. Л. Г. Хрушкова вначале датировала эту церковь «раннефеодальной эпохой»⁷⁷⁴, затем отнесла ее к VI в.⁷⁷⁵ А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий, анализируя конструктивные особенности сохранившихся частей храма и найденные в ходе археологических работ артефакты разного рода (рельефные плиты, керамические антефиксы, базы колонок и профилированные блоки дверного проема), предположили, что «Мрамбский храм вполне может быть датирован X в.»⁷⁷⁶. Авторы не исключили также возможности того, что этот храм – «постройка не X в., а последующее подражание архитектуре Абхазского царства»⁷⁷⁷.

В ходе археологических исследований разных лет в руинах церкви и около нее были обнаружены резные известняковые блоки с различными изображениями. Среди них уже упоминавшаяся плита с изображением равноконечного креста с виноградной лозой, птицей и вихревыми розетками (кат. муз. № 27) и плита с двумя птицами (кат. муз. № 4). В процессе раскопок 1960–1971 гг. вместе с плитой из бывшего Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия (кат. муз. № 27) и плитой с птицами из Абхазского государственного музея (кат. муз. № 4) были также обнаружены плита с изображением креста в круге⁷⁷⁸ и плита с четырехлепестковой розеткой в прямоугольном обрамлении⁷⁷⁹ (их нынешнее местонахождение неизвестно).

Согласно предположению Л. Г. Хрушковой, резные плиты и фрагменты, происходящие из церкви в Мрамбе, были собраны на этом месте позднее, и соотнести их можно с двумя или тремя

⁷⁷³ Воронов Ю. Н. Научные труды... Т. III. С. 431.

⁷⁷⁴ Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники... С. 324.

⁷⁷⁵ Khroushkova L. Les monuments... Р. 86.

⁷⁷⁶ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 105.

⁷⁷⁷ Там же.

⁷⁷⁸ Хрушкова Л. Г. Скульптура... Табл. XIX, 3.

⁷⁷⁹ Там же. Табл. XXII, 1.

различными храмами⁷⁸⁰. Однако в изображениях на этих артефактах прослеживается значительная стилистическая близость. Например, крест на первой плите (с виноградной лозой, вихревой розеткой и птицей) по форме похож на крест в круге. В обоих случаях присутствуют идентичные орнаментальные мотивы: цветочнообразные розетки (в центре перекладин креста – в первом случае и в средокрестии – во втором), выпуклые круги небольшого диаметра (в обоих случаях – на углах расширяющихся от центра перекладин равноконечных крестов).

Кроме того, жгут в форме круга, обрамляющий крест, выполнен в той же технике, что и четырехлепестковая розетка и ее прямоугольная орнаментальная рамка на третьей плите. В обоих случаях орнамент типа «витой жгут» сделан короткими диагональными насечками в характерном плоском рельефе. Оперение двух птиц, пьющих из чаши, на плите из Абхазского государственного музея (кат. муз. № 4) (вероятно, павлинов, судя по хохолкам из трех перьев на голове каждой) по технике исполнения напоминает оперение птицы, клюющей виноград, на первой плите с крестом и вихревыми розетками (кат. муз. № 27). В двух этих случаях мы видим диагональные параллельные насечки на крыльях.

Идентичны на обеих плитах трактовки удлиненного клюва и глаз (они показаны симметричными полукруглыми штрихами). И в одном, и в другом случае художественный образ создается за счет технических средств (параллельные и симметричные насечки разной длины), характеризующих простой графический стиль. Плюс ко всему, и это также отметила Л. Г. Хрушкова⁷⁸¹, рельефы из Мрамбы по стилю и технике исполнения похожи на некоторые рельефы с зооморфными изображениями с горы Анакопия.

В ходе раскопок 1981–1982 гг. Цебельдинской археологической экспедицией на этом месте были обнаружены следы раннехристианской однефной базилики с выступающей

⁷⁸⁰ Там же. С. 32.

⁷⁸¹ Там же.

апсидой. Там же и тогда же найдены рельеф с изображением рыб⁷⁸², оконное навершие и антефикс с изображением креста. Именно с этим зданием Ю. Н. Воронов соотносит найденные в 1960–1971 гг. памятники: два рельефа с изображениями крестов; плиту с изображением креста и винограда с птицей (кат. муз. № 27); плиту с изображением птиц (кат. муз. № 4), а также вновь найденный рельеф с рыбами.

Плита с рыбами практически идентична изображению рыбы с двумя кипарисами из Анакопии (кат. Анак. № 3). К сожалению, настоящее местонахождение этой плиты (как и в случае с двумя плитами с крестами в круглом и прямоугольном обрамлениях) неизвестно, ее можно анализировать лишь по рисунку, опубликованному Ю. Н. Вороновым и О. Х. Бгажбой в 1985 г.⁷⁸³ В обоих случаях рыбы имеют по два коротких плавника с каждой стороны тела, их чешуя показана точками, образованными небольшими углублениями на поверхности изображения.

Кроме того, крест на плите из хранилища Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия (кат. муз. № 27) напоминает крест на утерянной плите из Анакопии с быком, львом и надписью (кат. Анак. № 1), с той лишь разницей, что на плите из Анакопии крест орнаментирован еще более упрощенно и схематично. Вместо цветочнообразных розеток внутри каждой перекладины есть только небольшие высверленные отверстия-точки, декоративные кружки на углах перекладин креста отсутствуют. Вихревые розетки на плите со львом из Анакопии (кат. Анак. № 2) идентичны тем, что показаны на плите из хранилища Управления охраны историко-культурного наследия (кат. муз. № 27): центр в виде декоративного кружка, три лопасти, украшенные короткими диагональными насечками.

К этим двум группам памятников примыкает и рельеф с Сухумской горы с изображением креста с быком и львом

⁷⁸² Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Исследования средневековых... С. 33. Табл. XXVI, 3.

⁷⁸³ Там же.

(кат. муз. № 3), ныне хранящийся в Абхазском государственном музее. На этом рельефе также показан равноконечный крест с перекладинами, расширяющимися от средокрестия. Здесь есть даже, как и на первой (кат. муз. № 27) и на второй (с крестом в круглом обрамлении типа «витой жгут») плитах из Мрамбы подобие цветочнообразных розеток, размещенных по центру перекладин креста в первом случае и в средокрестии – во втором. Правда, на плите с Сухумской горы «розетки» имеют еще более упрощенную форму и больше походят на четырехлепестковый бутон цветка. Этот мотив помещен на плите с Сухумской горы не на кресте, а на гладком фоне, между крестом и головой льва.

Изображения, сходные с рассмотренными выше по стилю и иконографии, встречаются также на капители, найденной А. А. Миллером в алтаре небольшой, более поздней по времени строительства церкви, обнаруженной на территории крепости Цибил⁷⁸⁴. О современном местонахождении памятника сведений нет – он известен только по публикации А. А. Миллера. На этой капители видны равноконечный крест в круге и букrania. Оба мотива достаточно широко распространены в средневековой храмовой пластике Северного Причерноморья и Закавказья⁷⁸⁵.

Свою версию о времени исполнения этих стилистически близких изображений предложила Л. Г. Хрушкова. В одной из ранних статей, анализируя рельеф с изображением павлинов у чаши⁷⁸⁶, она резонно заметила, что этот мотив распространен

⁷⁸⁴ Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 33. СПб., 1909. С. 81. Рис. 6.; Хрушкова Л. Г. Скульптура... Табл. XXIII, 1.

⁷⁸⁵ Ендольцева Е. Ю. Синкретические образы в архитектурной пластике южного Кавказа в период Средневековья: бычья голова // Актуальные проблемы теории и истории искусства = Actual problems of theory and history of art: VII Международная конференция, Санкт-Петербург, 11–15 октября 2016 г.: тезисы докладов. СПб., 2016. С. 63–64.; Ендольцева Е. Ю. Синкретические образы: изображение бычьей головы в архитектурной пластике христианских храмов на южном Кавказе в период Средневековья // Проблемы истории, филологии, культуры. Т. 2. 2017. С. 323–338.

⁷⁸⁶ Хрушкова Л. Г. Рельефная плита... С. 75–83.

как в раннехристианском, так и в средневековом искусстве. Однако не согласилась с тем, что плиты из Мрамбы происходят из одной церкви, не отметила стилистическую близость изображений на них, не увидела общих черт в технике исполнения. Рассуждая о возможной датировке рельефа с птицами, она предложила говорить о VII–IX вв., ссылаясь на «семантику изображений, особенности исполнения и приведенные аналогии»⁷⁸⁷.

В более позднем обобщающем труде, посвященном скульптуре раннесредневековой Абхазии, Л. Г. Хрушкова склонилась в пользу еще более ранней датировки: VI–VII вв., хотя оговорила, что «грубость исполнения... затрудняет определение даты»⁷⁸⁸. В том же исследовании она заметила, что подобные изображения птиц часто встречаются в средневековом искусстве на протяжении всего периода его существования, а в фольклоре этот мотив присутствует вплоть до наших дней.

Действительно, рассматривая технику исполнения птиц на рельефах из Мрамбы (кат. муз. № 4) и из хранилища Управления охраны историко-культурного наследия (кат. муз. № 27), а также иконографические особенности этих изображений (упрощенный схематичный рисунок и композиция), можно найти ряд аналогий им в каменной пластике периода Высокого Средневековья на территории как Византийской империи, так и регионов, находящихся под ее прямым влиянием. Среди этих аналогий нельзя не упомянуть, например, двух павлинов, высеченных на известняковых плитах (Беотия, 872 г.) из церкви св. Георгия в Фебе⁷⁸⁹.

Похожим образом выполнены и павлины на плите из Беотии⁷⁹⁰. С изображением двух птиц на плите из Мрамбы их сближают хохолки из трех перьев на головах и обозначение оперения схематичными параллельными насечками. Кроме того, птицы показаны в профиль. Есть также сходство с рельефами из Мрамбы в манере

⁷⁸⁷ Там же. С. 82.

⁷⁸⁸ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 35.

⁷⁸⁹ Grabar A. Sculptures byzantines de Constantinople... Pl. XLIII, 3, 4.

⁷⁹⁰ Ibid. Pl. XLIII, 3.

изображения двух птиц на рельефах внешней апсидной стены церкви Скрипу (873–874 гг.) в Беотии⁷⁹¹. Аналогичным образом выполнена и птица на погребальной плите XI в. из Преспы⁷⁹². Она, как и две птицы из Мрамбы, имеет крючковатый удлинённый клюв и лапы с когтями. Крылья, как и в предыдущих случаях, обозначены резкими параллельными линиями.

Интересно, что на саркофаге из Софийского собора в Киеве XI в.⁷⁹³ также имеется птица, выполненная в подобной схематично-графической манере. Идентичным образом представлены птицы на рельефах XI в. с Афинской агоры⁷⁹⁴. На капители из церкви Панагия Эпископи (XI в.) на Санторини⁷⁹⁵ две птицы композиционно близки к пернатым Мрамбских рельефов. Л. Г. Хрушкова датировала плиты с крестами из Мрамбы VI в. Однако она противоречит сама себе: указав на иконографические аналогии только раннехристианского времени⁷⁹⁶, недоумевает по поводу присутствия на «раннехристианских изображениях» вихревых розеток. По ее словам, они встречаются в христианской пластике не раньше VIII в.⁷⁹⁷ В последней по времени работе, как бы забыв об отмеченных выше противоречиях, Л. Г. Хрушкова отнесла все рельефы из Мрамбы к VI в. и посчитала их работой местных мастеров⁷⁹⁸.

Резная капитель, найденная неподалеку от Мрамбы – в средневековой церкви крепости Цибил и известная по публикации А. А. Миллера, также датирована Л. Г. Хрушковой VI в.⁷⁹⁹ Основанием для датировки послужило то, что в ходе раскопок 1977 г. исследовательница обнаружила под фундаментом

⁷⁹¹ Ibid. Pl. XL, 1–3.

⁷⁹² Grabar A. *Sculptures byzantines du Moyen Age...* P. 64. Pl. XXXVI a.

⁷⁹³ Ibid. Pl. LVII b.

⁷⁹⁴ Ibid. P. 104. Pl. LXXX a.

⁷⁹⁵ Dennert M. *Mittelbyzantinische Kapitelle. Studien zu Typologie und Chronologie.* Bonn, 1997. Taf. 54, 305.

⁷⁹⁶ Хрушкова Л. Г. *Скульптура...* С. 33.

⁷⁹⁷ Хрушкова Л. Г. *Рельефная плита...* С. 81.

⁷⁹⁸ Khroushkova L. *Les monuments...* P. 86.

⁷⁹⁹ Хрушкова Л. Г. *Скульптура...* С. 37.

храма более раннюю постройку. Но этот аргумент не представляется достаточно убедительным. Точно так же может быть поставлена под сомнение и гипотеза Ю. Н. Воронова, выработанная в ходе раскопок 1981–1982 гг., когда на месте церкви в Мрамбе была обнаружена более ранняя постройка (предположительно VI в.), с которой ученый связывал рельефы с «раннехристианской символикой». Он сам отмечал, что эта раннехристианская церковь, судя по всему, была восстановлена между XI и XIV вв.⁸⁰⁰ Необходимо обратить внимание на то, что ни один из рассмотренных выше мотивов (равноконечные кресты, птиц, рыбу, букранию, виноградную лозу) нельзя считать исключительно раннехристианским. Каждый из них бытовал в искусстве достаточно долгое время, на протяжении различных периодов – от раннехристианского до средневекового⁸⁰¹.

Другое важное соображение определяется несомненной стилистической близостью между резными плитами из Мрамбы и некоторыми из Анакопийских рельефов. Напомню о рельефах с рыбами, о двух плитах с крестами, о наличниках со львом и быком у креста с надписью (кат. Анак. № 1) и со львом с двумя вихревыми розетками (кат. Анак. № 2), а также о плите с Сухумской горы с быком и львом у подножия креста (кат. муз. № 3). Интересно также определенное сходство в обстоятельствах обнаружения рельефов из Мрамбы и с Анакопийской горы – отсутствие четкого археологического контекста. Обе лапидарные коллекции были собраны в конце XIX – начале XX в. на месте древних церквей, переживших разные периоды возобновлений. Недавние исследования Анакопийских рельефов (иконографический и стилистический анализ, исторический и палеографический контекст) показали, что, поскольку надпись на рельефе с быком и львом у креста выполнена одновременно с изображением, а не в разное время, как это пред-

⁸⁰⁰ Воронов Ю. Н. Научные труды... С. 431.

⁸⁰¹ Искусство Абхазского царства... С. 101–142.

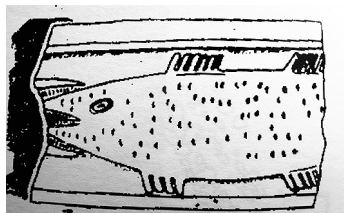
полагалось⁸⁰², они могут считаться произведениями средневековых мастеров XI в.⁸⁰³

Учитывая отмеченное стилистическое и иконографическое сходство памятников, эта датировка представляется наиболее подходящей и для резных плит из Мрамбы. Данной гипотезе не противоречит ни один из ранее упомянутых фактов. Наоборот, изображения, подобные рассмотренным выше, как уже было показано, достаточно распространены в эпоху Средневековья, особенно в X–XI веках. Наличие под фундаментом церкви из Мрамбы остатков более древнего раннехристианского здания не означает, что анализируемые рельефы украшали именно его: они могли быть изготовлены и при археологически зафиксированном возобновлении этой церкви в XI–XIV веках. В случае, если предложенная датировка верна, рельефы из Мрамбы, Анакопии и с Сухумской горы составляют особую группу архитектурных украшений внутри такого художественного явления, как искусство Абхазского царства⁸⁰⁴.

5. Плита с изображением рыб (ил. 127).

Известняк.

Обнаружена в ходе археологических работ 1981–1982 гг. под руководством Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажбы⁸⁰⁵. Настоящее местонахождение неизвестно. (Л. Г. Хрушкова упоминает, что рельефы, не увезенные в Абхазский государственный музей

⁸⁰² Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 26–32.

⁸⁰³ См. соответствующую главу данного исследования.

⁸⁰⁴ Ендольцева Е. Ю. Особенности формирования художественной культуры Абхазского царства и ее взаимодействие с Византией (на примере архитектурной пластики) // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 9: Национальная культура в транснциональном пространстве. М., 2018. С. 37–54.

⁸⁰⁵ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Исследования средневековых памятников... С. 33. Табл. XXVI, 3.

(кат. муз. № 4 и 27), остались в Цебельде)⁸⁰⁶. Анализируется по публикации Ю. Н. Воронова⁸⁰⁷.

На прямоугольном фрагменте плиты представлено изображение рыбы. Показана она достаточно схематично, симметрично по два плавника с каждой стороны тела. Чешуя обозначена точками. Морда рыбы находится между челюстями другой рыбы (не сохранилась). Ю. Н. Воронов увязывал эту и другие рельефные плиты с раннехристианским зданием⁸⁰⁸. Вслед за ним и Л. Г. Хрушкова датировала рельеф VI в.⁸⁰⁹

Стилистически рыба очень похожа на ту, что изображена на рельефе из церкви св. Феодора на горе Анакопия⁸¹⁰ (кат. Анак. № 3). Рельеф с рыбой из Анакопии вместе с другими плитами с изображениями животных был убедительно датирован XI в.⁸¹¹ В связи с этим и данный рельеф кажется возможным датировать так же. Предположение не противоречит археологическому контексту. Факт наличия на месте церкви в Мрамбе раннехристианской постройки не является доказательством того, что рассматриваемые рельефы происходят именно из нее. Ведь изготовление этих рельефов можно равным образом связать и с археологически зафиксированным периодом перестройки церкви в XI–XIV вв.

6. Плита с изображением равноконечного креста в круге (ил. 128).

Известняк.

Размеры – 43 x 30 x 10 см⁸¹². Настоящее местонахождение неизвестно. На экспозиции и в фондах Абхазского государствен-

⁸⁰⁶ Khroushkova L. Les monuments chrétiens... Р. 86.

⁸⁰⁷ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Исследования средневековых памятников... С. 27–34.

⁸⁰⁸ Воронов Ю. Н. Научные труды... С. 431.

⁸⁰⁹ Khroushkova L. Les monuments chrétiens... Р. 86.

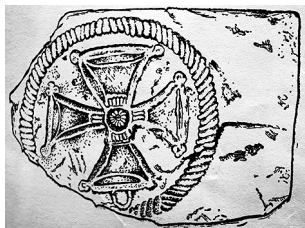
⁸¹⁰ Искусство Абхазского царства... С. 119. Илл. 3.

⁸¹¹ Там же. С. 101–121; Ендольцева Е. Ю. Изображение рыбы... С. 170–178.

⁸¹² Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 33. Табл. XIX, 3.

ного музея обнаружена не была. По сообщению Л. Г. Хрушковой, возможно, находится в Цебельде⁸¹³.

Равноконечный крест с украшениями в виде капелек на углах перекадаин. Представлен в круге, образованном витым жгутом. По типу напоминает изображенный на плите из этой же церкви с птицей и вихревыми розетками (кат. муз. № 27). Витой жгут похож на тот, что представлен на плите с четырехлопастной розеткой и обрамляющей ее прямоугольной рамой (кат. Цебельда № 7).

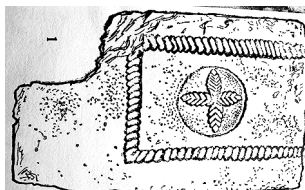
Ю. Н. Воронов⁸¹⁴ и Л. Г. Хрушкова относят плиту к раннехристианскому времени (VI в.)⁸¹⁵. Однако эта плита демонстрирует явную стилистическую близость с другими (кат. муз. № 27, кат. Цебельда № 7), найденными близ церкви в Мрамбе, поэтому ее можно датировать XI в. Данное предположение не противоречит археологическому контексту. Факт наличия на месте церкви в Мрамбе раннехристианской постройки не является доказательством того, что рассматриваемые рельефы происходят именно из нее. Ведь изготовление этих рельефов можно равным образом связать и с археологически зафиксированным периодом перестройки церкви в XI–XIV вв.

7. Плита с изображением четырехлепестковой розетки в прямоугольном обрамлении (ил. 129).

Известняк.

Размеры – 46 x 28 x 15 см⁸¹⁶.

Обнаружена в ходе археологических работ 1981–1982 гг. под руководством Ю. Н. Воронова

⁸¹³ Khroushkova L. Les monuments... P. 86.

⁸¹⁴ Воронов Ю. Н. Научные труды... С. 431.

⁸¹⁵ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 33. Табл. XIX, 3; Khroushkova L. Les monuments... P. 86. Pl. 58 g.

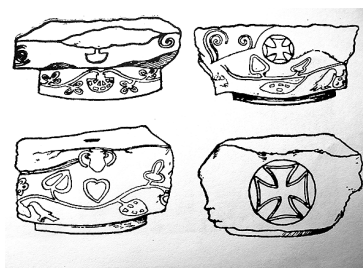
⁸¹⁶ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 35. Табл. XXII, 1.

и О. Х. Бгажбы⁸¹⁷. На прямоугольной плите представлена четырехлопастная розетка в небольшом круглом углублении, обрамленном, в свою очередь, прямоугольной рамой, выполненной витым жгутом. Такого же рода витой жгут образует круглое обрамление креста, представленного на плите из той же церкви (кат. Цебельда № 6).

Ю. Н. Воронов увязывал эту и другие рельефные плиты с раннехристианским зданием⁸¹⁸. Вслед за ним и Л. Г. Хрушкова датировала рельеф VI в.⁸¹⁹ Однако эта плита демонстрирует явную стилистическую близость с другими рельефами, найденными в церкви в Мрамбе. Поэтому ее можно датировать, на мой взгляд, XI в. Данное предположение не противоречит археологическому контексту. Факт наличия на месте церкви в Мрамбе раннехристианской постройки не является доказательством того, что рассматриваемые рельефы происходят именно из нее, поскольку изготовление этих рельефов можно равным образом связать и с археологически зафиксированным периодом перестройки церкви в XI–XIV вв.

Цибил

8. Капитель с изображением быка, виноградной лозы, креста (ил. 130).

Известняк.

Настоящее местонахождение неизвестно. Найдена в развалинах позднесредневековой церкви на территории крепости Цибилуим А. А. Миллером в 1907 г.⁸²⁰ Тогда же опубликована А. А. Миллером и инфор-

⁸¹⁷ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Исследования средневековых памятников... С. 33. Табл. XXVI, 14.

⁸¹⁸ Воронов Ю. Н. Научные труды... С. 431.

⁸¹⁹ Khroushkova L. Les monuments... Р. 86.

⁸²⁰ Миллер А. А. Разведки... С. 77–79. Ф. 4–7.

мация о ней. На одной грани капители изображен равносторонний крест в круге, на трех других – виноградная лоза с птицей, бычьей головой и равноконечным крестом в круге. Стилистически изображения на капители близки рельефам, найденным в церкви в Мрамбе (кат. Цебельда № 5–7, кат. муз. № 27), а также рельефу с Сухумской горы с изображением быка и льва у креста (кат. муз. № 3).

Ю. Н. Воронов считал изображения на капители раннехристианскими и потому принадлежащими к найденному им на территории крепости Цибилеум раннехристианскому храму⁸²¹ (церковь № 2). Это мнение поддержала Л. Г. Хрушкова⁸²² и датировала капитель VI–VII вв.⁸²³ Однако стилистическая близость с другими рельефами группы (упомянуты выше) предполагает датировку от середины X до первой половины XI в.⁸²⁴ Такой версии не противоречит и изображение головы быка, поскольку данный мотив был достаточно распространен в христианском искусстве Закавказья в X–XI вв.⁸²⁵

Церковь у села Ольгинское

По сообщению П. С. Уваровой, церковь была обнаружена крестьянами в 1886 г. в лесах Цебельдинских гор неподалеку от греческого поселения Ольгинского (приблизительно 25 км на юго-восток от г. Сухума⁸²⁶). При ее осмотре и расчистке найдены следы алтарной преграды, четыре резных столбика и три известняковые плиты⁸²⁷. Изображения алтарных столбиков, к сожалению, не были опубликованы. П. С. Уварова опубли-

⁸²¹ Воронов Ю. Н. Научные труды... С. 433.

⁸²² Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 36. Табл. XXIII 1.

⁸²³ Там же. С. 37. Khroushkova L. Les monuments chrétiens... P. 81. Pl. 55 c.

⁸²⁴ Ендольцева Е. Ю. Об одном рельефе... С. 22, 23; Ендольцева Е. Ю. Группа рельефов... С. 719–728.

⁸²⁵ Ендольцева Е. Ю. Синкретические образы... С. 323–339

⁸²⁶ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 19.

⁸²⁷ Там же. С. 20.

ковала лишь фототипии трех резных плит, которые отнесла к XII–XIII вв.⁸²⁸

9. Фрагмент резной плиты с изображением всадника (ил. 131).

Известняк.

Размеры П. С. Уварова не указала.

Настоящее местонахождение неизвестно. Возможно, вместе с плитой с изображением литургии (кат. Цебельда № 10) хранится в фондах Грузинского национального музея им. С. Джанашиа. На фрагменте просматривается изображение всадника в богатой сбруе, голова его утеряна (видна лишь часть нимба).

Л. Г. Хрушкова, в отличие от П. С. Уваровой, датировала данную плиту X в.⁸²⁹ Этот фрагмент с еще большими потерями (по сравнению с фототипией, сделанной П. С. Уваровой) опубликован в новом исследовании по средневековой скульптуре Грузии⁸³⁰. На нем видны лишь круп, задние, а также одна передняя ноги коня. Голова лошади, одна из ее передних ног, всадник полностью утрачены. Авторы этого исследования ошибочно определили место находки памятника окрестностями Сухума и датировали его X в.⁸³¹

10. Фрагмент плиты с изображением святителя (ил. 132).

Известняк.

Плита утрачена.

⁸²⁸ Там же. С. 20. Рис. 9.

⁸²⁹ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 87. Табл. XLV; Khroushkova L. Les monuments... P. 108. Pl. 118 d.

⁸³⁰ Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. Medieval Georgian Sculpture... P. 250. № 519.

⁸³¹ Ibid.

На фрагменте изображен фронтально стоящий святитель с большим крестом на груди (верхняя часть фигуры утрачена) в архитектурном пейзаже из характерных арочных мотивов⁸³². По форме арочки напоминают те, что представлены на плите с изображением литургии (кат. Цебельда № 11) и на столбике из села Полтавского (кат. Цебельда № 13). По стилю напоминают также плиту из Драндской алтарной преграды с изображением Христа и Богоматери. Л. Г. Хрушкова и эту плиту относит к X в.⁸³³

11. Фрагмент алтарной плиты с изображением литургии (ил. 133).

Известняк.

Размеры – 64 x 40 x 7 см⁸³⁴. В настоящее время хранится в Национальном музее Грузии им. С. Джанашиа.

На фототипии П. С. Уваровой⁸³⁵ видны три фигуры, сохранившиеся в полный рост в архитектурном пейзаже, представляющем из себя аркаду. В нижней части аркады – арочный мотив, сходный с тем, что встречается на фрагментах алтарной преграды из Дранды, на утраченной плите из этой же церкви (кат. Цебельда № 10) и на столбике

⁸³² Уварова П. С. Христианские памятники... С. 21. Рис. 11.

⁸³³ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 86. Табл. XLVI, 1; Khroushkova L. Les monuments... P. 108.

⁸³⁴ Medieval Georgian Ecclesiastical Art... P. 38.

⁸³⁵ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 21. Рис. 10.

из Полтавского (кат. Цебельда № 13). Верхняя часть аркады составлена из узоров растительного происхождения. В крайней слева нише – фигура ангела, благословляющего фронтально представленного святителя в позе оранта в центральной нише. В правой нише – диакон с кадилом. Ныне верхняя часть плиты с растительным орнаментом и головой ангела утеряна.

Грузинские исследователи считают, что она происходит из окрестностей Сухума или из Бедии⁸³⁶, хотя это неверно. Г. В. Алибегашвили датирует эту плиту серединой X в.⁸³⁷ Р. О. Шмерлинг⁸³⁸ и Л. Г. Хрушкова⁸³⁹ согласны с датировкой Г. В. Алибегашвили. Такого же мнения придерживаются и авторы недавнего исследования средневековой скульптуры Грузии⁸⁴⁰.

Церковь близ села Полтавское

Находится приблизительно в двух километрах от соседнего села Ольгинского. В хорошо сохранившейся, по сообщению П. С. Уваровой⁸⁴¹, церкви наряду с бронзовыми предметами церковной утвари и окладом найдено большое количество резных рельефов из известняка. Среди них плита с плетеным орнаментом, изображающим равноконечные кресты, столбик, украшенный арочным мотивом, четыре базы колонны с изображениями фантастических животных и цветущей лозой, восемь резных кубиков, украшенных с фронтальной стороны плетеным геометрическим орнаментом (они могли служить капителями

⁸³⁶ Аладашвили Н. А. Монументальная скульптура... С. 88. Табл. 147; Dadiani T., Khundadze T., Kvachataidze E. Medieval Georgian Sculpture... P. 250. № 518; Iamanidze N. Les installations... P. 245. Fig. 171.

⁸³⁷ Алибегашвили Г. В. Рельефная плита из окрестностей Сухуми // Сообщения Академии наук Грузии. 1951. XII. № 8. С. 511–515.

⁸³⁸ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 76. Табл. 18, 1.

⁸³⁹ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 86–96. Табл. XLIV; Khroushkova L. Les monuments... P. 108.

⁸⁴⁰ Dadiani T., Khundadze T., Kvachataidze E. Medieval Georgian Sculpture... P. 250. № 518.

⁸⁴¹ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 24.

колонок алтарной преграды)⁸⁴². К сожалению, не все эти фрагменты воспроизведены П. С. Уваровой.

12. Резная плита с плетеным орнаментом (ил. 134).

Известняк.

Размеры – около 105 x 20 см (1,5 аршина на 4,5 вершка)⁸⁴³. В настоящий момент местонахождение неизвестно.

Украшена с фронтальной стороны геометрическим орнаментом из ленты плетения в три полосы, в основе которого – мотив равноконечного креста, составленного из кружков малого диаметра с декоративными пуговичками и отверстиями по центру.

Р. О. Шмерлинг считает этот фрагмент, найденный П. С. Уваровой, частью некогда орнаментированного подножия алтарной преграды⁸⁴⁴. Особенности его орнамента (выпуклые пуговки с высверленной в центре дырочкой) позволяют исследовательнице датировать его и другие, происходящие из той же церкви, рубежом X–XI вв.⁸⁴⁵ Л. Г. Хрушкова ограничивает время его возникновения XI в.⁸⁴⁶

13. Фрагмент столбика, украшенный арочными мотивами (ил. 135).

Известняк, размеры – 175 x 11 см (2,5 аршина на 2 вершка)⁸⁴⁷. В настоящий момент местонахождение неизвестно.

Столбик украшен по фронтальной части сдвоенными прямоугольными арочками (в три ряда) и в верхней части –

⁸⁴² Там же. С. 26–28. Рис. 15–24.

⁸⁴³ Там же. С. 26. Рис. 15.

⁸⁴⁴ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 106–107.

⁸⁴⁵ Там же. С. 107.

⁸⁴⁶ Khroushkova L. Les monuments chrétiens... P. 108, 153. Pl. 118c.

⁸⁴⁷ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 26. Рис. 16.

сдвоенными полуциркульными арочками (1 ряд). Подобного рода орнамент изображен на двух плитах из с. Ольгинского (кат. Цебельда № 10, 11) и на плите с Христом и Богородицею из Дранды (кат. Дранда № 2).

Р. О. Шмерлинг считает этот и другие фрагменты из церкви села Полтавского частью некогда орнаментированного подножия алтарной преграды⁸⁴⁸ и датирует их рубежом X–XI вв.⁸⁴⁹ Л. Г. Хрушкова придерживается такого же мнения⁸⁵⁰.

14. Фрагмент бочкообразной базы колонки (ил. 136).

Известняк.

Из четырех упомянутых баз колонок П. С. Уварова воспроизводит только две. Настоящее местонахождение неизвестно.

Представляет собой базу колонки бочкообразной формы⁸⁵¹. Состоит из двух частей – небольшого прямоугольного постамента и бочкообразного тела основания колонки. Две объемные составляющие фрагмента разделяются между собой резным жгутом. На прямоугольном постаменте видно изображение двух зверей в геральдической позе (овцы?). Бочкообразное тело сплошь покрыто резным орнаментом, изображающим виноградную лозу с плодами и листьями.

Возможно, этот фрагмент, как и аналогичный ему (кат. Цебельда № 15), служил базой колонки, поддерживающей антаблемент алтарной преграды⁸⁵². Р. О. Шмерлинг считает

⁸⁴⁸ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 106–107.

⁸⁴⁹ Там же. С. 107.

⁸⁵⁰ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 88. Табл. XLVI, 2.

⁸⁵¹ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 27. Рис. 18.

⁸⁵² Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 107.

его, так же как и другие, найденные П. С. Уваровой в церкви села Полтавского, частью алтарной преграды⁸⁵³. Особенности орнамента позволили ей датировать находки из этой церкви рубежом X–XI вв.⁸⁵⁴

15. Фрагмент бочкообразной базы колонны (ил. 137).

Известняк.

Из четырех упомянутых баз колонн П. С. Уварова воспроизводит только две. Настоящее местонахождение неизвестно.

База колонны бочкообразной формы⁸⁵⁵. Состоит из двух частей – небольшого прямоугольного постамента и бочкообразного тела основания колонны. Две объемные составляющие данного фрагмента разделяются между собой резным жгутом. Прямоугольный постамент украшен изображением растительного орнамента. Бочкообразное тело сплошь покрыто резным орнаментом, изображающим виноградную лозу с плодами и листьями. Возможно, этот фрагмент, как и аналогичный ему (кат. Цебельда № 14), служил основанием колонны, поддерживающей антаблемент алтарной преграды⁸⁵⁶.

Р. О. Шмерлинг считает этот и другие фрагменты, найденные П. С. Уваровой в церкви села Полтавского, принадлежавшими алтарной преграде⁸⁵⁷. Основываясь на особенностях орнамента, она датирует их рубежом X–XI вв.⁸⁵⁸

⁸⁵³ Там же. С. 106–107.

⁸⁵⁴ Там же. С. 107.

⁸⁵⁵ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 27. Рис. 17.

⁸⁵⁶ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 107.

⁸⁵⁷ Там же. С. 106–107.

⁸⁵⁸ Там же. С. 107.

16. Кубик с фронтальной частью, украшенной плетеным геометрическим орнаментом (ил. 138).

Известняк.

Настоящее местонахождение неизвестно.

Из восьми резных кубиков, найденных П. С. Уваровой в церкви села Полтавского, опубликованы и будут описаны ниже шесть. Первый фрагмент кубической формы⁸⁵⁹ покрыт с фронтальной стороны плетеным геометрическим орнаментом (лента плетения в три полосы), основанным на сочетании двух плетеных кругов большого диаметра и плетеного равноконечного креста со скругленными сторонами перекладин. В композиции орнамента присутствуют также плетеные петельки небольшого диаметра с высверленным центром.

Возможно, он и аналогичные ему пять остальных кубиков (кат. Цебельда № 17, 18, 19, 20, 21) служили импостами под капителями колонок, несших антаблемент алтарной преграды⁸⁶⁰. Р. О. Шмерлинг считает этот и другие фрагменты, найденные П. С. Уваровой в церкви села Полтавского, принадлежавшими алтарной преграде⁸⁶¹. Особенности орнамента позволили исследовательнице датировать их рубежом X–XI вв.⁸⁶²

17. Кубик с фронтальной частью, украшенной плетеным геометрическим орнаментом (ил. 139).

Известняк.

Настоящее местонахождение неизвестно.

Фрагмент кубической формы⁸⁶³ покрыт с фронтальной стороны геометрическим орнаментом (лента плетения в три

⁸⁵⁹ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 27. Рис. 19.

⁸⁶⁰ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 107.

⁸⁶¹ Там же. С. 106–107.

⁸⁶² Там же. С. 107.

⁸⁶³ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 27. Рис. 20.

полосы), основанным на сочетании плетеных квадрата и равноконечного креста со скругленными сторонами перекладин.

Возможно, этот фрагмент, как и аналогичные ему (кат. Цебельда № 16, 18, 19, 20, 21), служили импостами под капителями колонок, несших антаблемент алтарной преграды⁸⁶⁴. Так считает Р. О. Шмерлинг⁸⁶⁵. Исходя из особенностей орнамента, она датирует их рубежом X–XI вв.⁸⁶⁶

18. Кубик с фронтальной частью, украшенной плетеным геометрическим орнаментом (ил. 140).

Известняк.

Настоящее местонахождение неизвестно.

Фрагмент кубической формы⁸⁶⁷ покрыт с фронтальной стороны плетеным геометрическим орнаментом (лента плетения в три полосы). Центральная часть орнамента составлена из переплетающихся квадрата и четырехлопастной розетки. Центральный мотив обрамлен кругом с четырьмя орнаментальными петельками небольшого диаметра с высверленным центром.

Возможно, как и аналогичные ему (кат. Цебельда № 16, 17, 19, 20, 21), фрагмент служил импостом под капителью одной из колонок, несших антаблемент алтарной преграды⁸⁶⁸. Р. О. Шмерлинг считает этот и другие фрагменты, найденные

⁸⁶⁴ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 107.

⁸⁶⁵ Там же. С. 106–107.

⁸⁶⁶ Там же. С. 107.

⁸⁶⁷ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 27. Рис. 21.

⁸⁶⁸ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 107.

П. С. Уваровой в церкви села Полтавского, принадлежавшими алтарной преграде⁸⁶⁹. Особенности орнамента предыдущего фрагмента (кат. Цебельда № 12) позволили исследовательнице датировать находки из этой церкви рубежом X–XI вв.⁸⁷⁰

19. Кубик с фронтальной частью, украшенной плетеным геометрическим орнаментом (ил. 141).

Известняк.

Настоящее местонахождение неизвестно.

Фрагмент кубической формы⁸⁷¹ покрыт с фронтальной стороны плетеным геометрическим орнаментом (лента плетения в три полосы), сочетающимся с растительным мотивом парного листа. Обрамлен квадратной рамкой с петельками небольшого диаметра и высверленным центром. Возможно, он, как и аналогичные ему (кат. Цебельда № 16, 17, 18, 20, 21), служили импостами под капителями колонок, несших антаблемент алтарной преграды⁸⁷².

Р. О. Шмерлинг считает этот и другие фрагменты, найденные П. С. Уваровой в церкви села Полтавского, принадлежавшими алтарной преграде⁸⁷³. Особенности орнамента дали ей основание датировать этот фрагмент и другие, происходящие из той же церкви, рубежом X–XI вв.⁸⁷⁴

20. Кубик с фронтальной частью, украшенной плетеным геометрическим орнаментом (ил. 142).

Известняк.

⁸⁶⁹ Там же. С. 106–107.

⁸⁷⁰ Там же. С. 107.

⁸⁷¹ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 27. Рис. 22.

⁸⁷² Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 107.

⁸⁷³ Там же. С. 106–107.

⁸⁷⁴ Там же. С. 107.

Настоящее местонахождение неизвестно.

Фрагмент кубической формы⁸⁷⁵ покрыт с фронтальной стороны плетеным геометрическим орнаментом (лента плетения в три полосы). В основе узора – квадрат, вписанный в круг. По углам квадрата – большие петли, соединяющие его с кругом. Возможно, этот и аналогичные ему фрагменты (кат. Цебельда № 16, 17, 18, 19, 21) служили импостами под капителями колонок, несших антаблемент алтарной преграды⁸⁷⁶.

Р. О. Шмерлинг считает его и другие фрагменты, найденные П. С. Уваровой в церкви села Полтавского, принадлежавшими алтарной преграде⁸⁷⁷. Особенности орнамента (кат. Цебельда № 12) позволяют исследовательнице датировать этот и другие фрагменты, происходящие из той же церкви, рубежом X–XI вв.⁸⁷⁸

21. Кубик с фронтальной частью, украшенной плетеным геометрическим орнаментом (ил. 143).

Известняк.

Настоящее местонахождение неизвестно.

Фрагмент кубической формы⁸⁷⁹ покрыт с фронтальной стороны плетеным геометрическим орнаментом (лента плетения в три полосы). В основе композиции – два переплетающихся квадрата, по углам одного из них – четырехлепест-

⁸⁷⁵ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 27. Рис. 23.

⁸⁷⁶ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 107.

⁸⁷⁷ Там же. С. 106–107.

⁸⁷⁸ Там же. С. 107.

⁸⁷⁹ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 27. Рис. 24.

ковая розетка, образующая по центру композиции сердцевину из переплетающихся кружков небольшого диаметра. Возможно, этот фрагмент, как и аналогичные ему (кат. Цебельда № 16, 17, 18, 19, 20), служили импостами под капителями колонок, несших антаблемент алтарной преграды⁸⁸⁰.

Р. О. Шмерлинг считает этот и другие фрагменты, найденные П. С. Уваровой в церкви села Полтавское, принадлежавшими алтарной преграде⁸⁸¹. Опираясь на особенности орнамента предыдущего фрагмента (кат. Цебельда № 12), исследовательница датировала его и другие, происходящие из той же церкви, рубежом X–XI вв.⁸⁸²

Лапидарная коллекция из церкви в селе Дранда

Сохранившиеся в нескольких коллекциях многочисленные фрагменты позволяют утверждать, что в церкви села Дранда существовала алтарная преграда, относящаяся, скорее всего, к эпохе Абхазского царства. В ходе разысканий последних десяти лет удалось установить, что отдельные части этой алтарной преграды и, вероятно, облицовки церкви хранятся сейчас в трех собраниях на территории Республики Абхазия. Семь фрагментов были обнаружены в 2008 г. в фондах Абхазского государственного музея (кат. муз. № 15–21). Пять (среди них есть аналогичные тем, что хранятся в Абхазском государственном музее) в настоящее время находятся в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии в Новоафонском монастыре (г. Новый Афон)⁸⁸³. Еще несколько хранятся в нартексе самой церкви в Дранде. Собрание Абхазского государственного музея рассмотрено в соответствующей главе данного издания.

⁸⁸⁰ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 107.

⁸⁸¹ Там же. С. 106–107.

⁸⁸² Там же. С. 107.

⁸⁸³ URL: <https://anyha.org/drandatwy-anyha-dekor-afragmentkua> / (дата обращения – 20.05.2020).

Артефакты из двух оставшихся собраний будут проанализированы в этой главе⁸⁸⁴.

О существовании алтарной преграды в церкви села Дранда известно давно. Первым о ней сообщил Ф. Дюбуа де Монпере⁸⁸⁵, который отмечал, что она была составлена из колонок белого мрамора и антаблемента, а ее части были соединены металлическими стяжками⁸⁸⁶. Известный археолог и путешественник видел темплон уже разбитым, *in situ* оставалась в хорошей сохранности только верхняя часть конструкции, где изначально не было металлических элементов⁸⁸⁷. С. Саблин в своем описании церкви в Дранде, опубликованном в 1846 г., отмечал, что алтарная преграда была отделана шестью большими из белого мрамора колоннами, обломки которых он видел лежавшими внутри церкви и около нее⁸⁸⁸. Этот же автор утверждал, что оконные проемы Драндской церкви снаружи были «обделаны мрамором с рельефами и украшениями изящной работы»⁸⁸⁹. Графиня П. С. Уварова видела фрагменты этой преграды (резные колонки) уже среди строительного мусора во дворе храма⁸⁹⁰. А две известняковые плиты хранились в ее время у г-на Введенского, начальника Сухумского отдела⁸⁹¹. Эти плиты, ныне утерянные, были ею сфотографированы и опубликованы. Еще один фрагмент опубликован Л. Г. Хруш-

⁸⁸⁴ Частично использованы статьи: Ендольцева Е. Ю., архимандрит Дорофей Дбар. Архитектурная декорация... С. 196–210; Ендольцева Е. Ю., архимандрит Дорофей Дбар. Алтарная преграда... С. 456–459; Ekaterina Yu. Endoltseva, Dorotheos Dbar...Altar Barrier... P. 7–19.

⁸⁸⁵ Dubois de Montpéreux F. Voyage... P. 318.

⁸⁸⁶ Ibid.

⁸⁸⁷ Ibid.

⁸⁸⁸ Саблин С. Древний генуэзский храм... С. 32. URL: http://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/65498/1/Kavkaz_1846_N8.pdf (дата обращения – 20.05.2020).

⁸⁸⁹ Там же.

⁸⁹⁰ Уварова П. С. Христианские памятники... Табл. XII.

⁸⁹¹ Там же.

ковой⁸⁹². Это известняковый блок (у Л. Г. Хрушковой он ошибочно назван мраморным), украшенный мотивом арочек. По свидетельству исследовательницы, «он лежал на линии алтарного ограждения, вероятно, это и есть его первоначальное положение»⁸⁹³.

1. Фрагмент плиты с изображением благословляющего Христа и ангелов (ил. 144).

Известняк.

Настоящее местонахождение неизвестно.

Вероятно, это все, что осталось от одной из плит с изображением двух ангелов по левую сторону от престола⁸⁹⁴,

которую П. С. Уварова видела у начальника Сухумского отдела г-на Введенского. Небольшой фрагмент – часть крыла ангела был обнаружен летом 2018 г. среди рельефов, собранных в нартексе церкви в Дранде (кат. Дранда № 8).

Единого мнения по поводу датировки этой плиты нет. П. С. Уварова предполагала, что это работа «древнехристианских мастеров»⁸⁹⁵. Л. Г. Хрушкова датировала плиту V⁸⁹⁶ или VI в.⁸⁹⁷ А. Ю. Виноградов не согласился с такой версией датировки плит, резонно возразив, что «стиль рельефов одинаков...: сходны проработка складок, тип головы и нимба Христа, орнаментация с характерным килевидным завершением»⁸⁹⁸. Он датировал обе

⁸⁹² Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники... С. 270–273. Табл. LXIII, 1. Табл. LXII, 1.

⁸⁹³ Там же. С. 272.

⁸⁹⁴ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 30. Табл. XII.

⁸⁹⁵ Там же.

⁸⁹⁶ Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники... С. 271.

⁸⁹⁷ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 38; Khroushkova L. Les monuments... Р. 77–78. Pl. 51 a.

⁸⁹⁸ Виноградов А. Ю. Дранда // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 129–131.

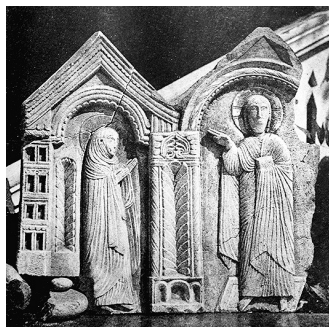
плиты IX–XI вв.⁸⁹⁹ С моей точки зрения, анализ вновь выявленного рельефа с изображением Ионы позволяет датировать преграду и ее фрагменты X в. (кат. Дранда № 7).

2. Фрагмент плиты с изображением Христа и Богоматери на фоне архитектурного пейзажа (ил. 145).

Известняк.

Настоящее местонахождение неизвестно.

Небольшие фрагменты второй плиты (часть орнаментированного столбика, разделяющего фигуры Богоматери и Христа) обнаружены летом 2018 г. среди рельефов, хранящихся в нартексе церкви в Дранде (кат. Дранда № 9, 10).

Христос и Богоматерь изображены на фрагменте под арочками с треугольным завершением. Один из декоративных столбиков украшен мотивом парных прямоугольных арочек, похожих на те, что были на столбике из села Полтавского (кат. Цебельда № 13), и на фрагмент архитектурного пейзажа на утерянной плите с изображением святителя из села Ольгинского (кат. Цебельда № 10). Арочки в нижней части второго столбика похожи на те, что украшают плиту с изображением литургии из села Ольгинского (кат. Цебельда № 11).

П. С. Уварова высказала предположение о том, что две плиты были вырезаны в разные эпохи⁹⁰⁰. Первую она считала работой «древнехристианских мастеров»⁹⁰¹ (кат. Дранда № 1), вторую относил к более позднему времени⁹⁰². Л. Г. Хрушкова датировала эту плиту, как и фрагмент с мотивом аро-

⁸⁹⁹ Там же. С. 130.

⁹⁰⁰ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 30.

⁹⁰¹ Там же.

⁹⁰² Там же.

чек (кат. Дранда № 4), X в.⁹⁰³ А. Ю. Виноградов обе плиты отнес к IX–XI вв.⁹⁰⁴ Приведенные аналогии, а также соображения по поводу датировки рельефа с изображением Ионы (кат. Дранда № 7) убеждают в возможности датировать эту плиту X в.

***Рельефы из собрания Церковно-археологического музея
Священной Митрополии Абхазии***⁹⁰⁵

В фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии, в Новоафонском монастыре, хранятся пять фрагментов алтарной преграды из церкви в Дранде⁹⁰⁶.

3. Фрагмент архитектурной декорации (ил. 146).

Известняк.

Хранится в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии. Размеры фронтальной части – 22 x 18 см, боковые стороны – 23 x 18 и 16 x 15,5 см и 16 x 16 см.

На фронтальной части вырезан стилизованный растительный орнамент. Он несколько напоминает тот, что украшает капитель пилястры, разделяющей фигуры Христа и Богородицы, на второй плите, опубликованной П. С. Уваровой.

Вероятно, принадлежал к той же алтарной преграде, что и плита с Христом и Богородицей (кат. Дранда № 2) и рельеф

⁹⁰³ Khroushkova L. Les monuments... P. 78. Pl. 51 b–c.

⁹⁰⁴ Виноградов А. Ю. Дранда... С. 130.

⁹⁰⁵ Автор благодарит о. Дорофея Дбара за возможность изучить рельефы из коллекции музея и за некоторую информацию по истории алтарной преграды из Дранды.

⁹⁰⁶ См. <https://anyha.org/drandatwy-anyha-dekor-afragmentkua/> (дата обращения – 20.05.2020).

с изображением Ионы (кат. Дранда № 7) и может датироваться поэтому X в.

4. Фрагмент алтарной преграды с арочным мотивом (ил. 147). Известняк.

Размеры фронтальной части – 47 х 19 см, остальные грани – 21,5 х 15,5 см, 21,5 х 18 см, 15,5 х 21,5 см, 21,5 х 16 см, 21,5 х

14 см. Хранится в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии в Новоафонском монастыре.

Зафиксирован Л. Г. Хрушковой *in situ* в церкви в Дранде⁹⁰⁷ в 2002 г. Похожие фрагменты – тоже из Дранды – хранятся в фондах Абхазского государственного музея, согласно инвентарным карточкам (кат. муз. № 15, 17, 18, 19). Л. Г. Хрушкова датировала этот мотив X в.⁹⁰⁸ Вероятно, принадлежал к той же алтарной преграде, что и плита с Христом и Богородицей и рельеф с изображением Ионы (кат. Дранда № 7), поэтому может датироваться X в.

5. Фрагмент со сноповидной капителью (ил. 148).

Известняк.

Размеры фронтальной части – 26 х 24 см, верхняя грань – 25 х 16 см, боковые грани – 25 х 18 см и 26 х 18 см. Хранится в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии в Новоафонском монастыре.

На фрагменте вырезаны двойные полуколонки и сноповидные капители. Аналогичные части архитектурной декорации

⁹⁰⁷ Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники... Табл. LXIII, 1.

⁹⁰⁸ Там же. С. 273.

из Дранды хранятся в фондах Абхазского государственного музея (кат. муз. № 20), а также выставлены в витрине в притворе внутри церкви в Дранде (кат. Дранда № 11). Там, как это обозначено в надписи, собраны «фрагменты наружной облицовки храма». Возможно, являлся частью алтарной преграды и в этом случае может датироваться X в.

6. Фрагмент мраморного блока со стилизованным растительным орнаментом (ил. 149).

Мрамор.

Размеры фронтальной части – 27 x 16 см, боковых частей – 16 x 27 см и 17 x 16 см. Хранится в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии

Абхазии в Новоафонском монастыре.

Мраморный блок (единственный из пяти) со стилизованным растительным орнаментом, напоминающим орнамент на капители полуколонки на утерянной плите с Деисусом, опубликованной П. С. Уваровой (кат. Дранда № 2). Возможно поэтому, что он также являлся частью алтарной преграды в церкви в Дранде и может быть отнесен, как и плита с Деисусом, к X в.

7. Фрагмент основания колонки с изображением пророка Ионы (ил. 150, 151, 152, 153).

Известняк, размеры: внутренний диаметр – 27 см, внешний диаметр – 32 см, высота – 23 см. Хранится в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии в Новоафонском монастыре.

Этот фрагмент представляет наибольший интерес. Первые информации о нем опубликовали в 2017 г. грузинские

исследователи.⁹⁰⁹ Однако описали его небрежно, ошибочно назвав капителью, неправильно указали место хранения, совсем не указали размеры, фотографий дали мало и плохого качества. А главное – не проанализировали иконографические истоки этой уникальной композиции.

На круглом в сечении известняковом блоке (возможно, он был базой колонки) представлена сцена «Поглощение Ионы китом», достаточно редкая по иконографии. В данном случае кит показан дважды, как бы опоясывая блок. Хвост одного животного заканчивается у морды его двойника. В одном случае в пасти кита виден торс пророка Ионы с воздетыми руками, во втором – в ней исчезают его ноги. Голова пророка изображена фронтально, у него сужающееся книзу лицо, высокий лоб с залысинами, остроконечная борода, большого размера миндалевидные глаза с высверленным зрачком, полукруглые массивные брови. Одевание, покрывающее воздетые руки, обозначено параллельными бороздками. Подобным же образом, судя по всему, было показано облачение Христа и ангелов на первой плите, опубликованной П. С. Уваровой, а также обозначены хитон и гиматий Богоматери и Христа на второй плите.

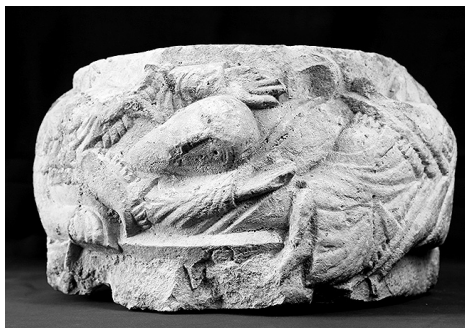
Кит представлен как гибридное существо. Он напоминает рыбу с чешуйчатым телом и хвостом (чешуя изображена крупными диагональными ступенчатыми линиями, которые образуют острый угол на условной линии, обозначающей середину тела рыбы вдоль всей длины). У него зубастая пасть с клыками, острые хищные уши, круглые глаза навыкате, стилизованные крылья (показаны параллельными вертикальными насечками в верхней части тела у головы), когтистые львиные лапы. Такие

Кит представлен как гибридное существо. Он напоминает рыбу с чешуйчатым телом и хвостом (чешуя изображена крупными диагональными ступенчатыми линиями, которые образуют острый угол на условной линии, обозначающей середину тела рыбы вдоль всей длины). У него зубастая пасть с клыками, острые хищные уши, круглые глаза навыкате, стилизованные крылья (показаны параллельными вертикальными насечками в верхней части тела у головы), когтистые львиные лапы. Такие

⁹⁰⁹ T. Dadiani, T. Khundadze, E. Kvachataдзе Medieval Georgian sculpture... P. 111.

гибридные существа нередко встречаются в орнаментации христианских храмов Средневековья в Закавказье.

К примеру, похожее существо, в котором улавливается сходство с Сасанидским «сенмурвом»⁹¹⁰, изображено в сцене

поглощения пророка Ионы китом на южном фасаде храма св. Креста на о. Ахтамар. Судя по всему, такого рода гибридные мифологические существа, «изображения которых были особенно распространены в декоратив-

ном и прикладном искусстве исламского периода, проникли к соседним христианским народам благодаря быстрому развитию городов и торговли»⁹¹¹.

Как справедливо отмечают З. Акопян и Л. Микаелян, подобного рода гибридные мифологические существа стали особенно часто встречаться на памятниках Закавказья в период Высокого Средневековья. «Они были вырезаны на церкви св. Креста на о. Ахтамар в начале X в. Они стали распространяться между концом X и началом XI вв., становясь особенно многочисленными к XIII в.»⁹¹². Интересно, что, начиная с периода иконоборчества, гибридные мифологические существа, в частности сенмурв, часто изображаются не только в Закавказье, но и на территории всего христианского мира – от Византии до Западной Европы. «В период Высокого Средневековья иранские иконо-

⁹¹⁰ Hakobyan, Z., Mikayelyan L. The Senmurv and Other Mythical Creatures with Sasanian Iconography in the Medieval Art of Armenia and Transcaucasia // *Fabulous Creations and Spirits in Ancient Iran. Proceedings of a Workshop held on May 3rd 2016 at the Near Eastern Department, University of California Berkeley* / cura di M. Compareti. Bologna, 2018. P. 39–77.

⁹¹¹ Ibid. P. 41.

⁹¹² Ibid. P. 44.

графические темы проникают в Византию и частично в Западную Европу через посредство исламского искусства, которое, в свою очередь, сформировалось под влиянием Сасанидского искусства»⁹¹³.

Среди ближайших иконографических и стилистических аналогий рассматриваемой композиции следует указать прежде всего рельеф из церкви в Кванса-Джвари (X в.)⁹¹⁴. На прямоугольной известняковой плите представлен свернувшийся клубком двуглавый зубастый змей. Из пасти одной из его голов виден

торс пророка Ионы с воздетыми руками, из пасти другой торчат ноги пророка. В отличие от изображения из Дранды, в данном случае змей показан более однозначно. У него

отсутствуют уши хищника, клыки, крылья и когтистые лапы. Часть рассматриваемой композиции (из пасти кита торчит торс Ионы с воздетыми руками) есть также на южном фасаде храма в Хахули (X в.)⁹¹⁵.

Схожее с Драндским китом гибридное существо изображено и на рельефе из Тхаба-Ерды (X в.)⁹¹⁶. У него тоже видны зубастая пасть, когтистая лапа, острые уши и стилизованное крыло. Правда, в данном случае это не кит, а скорее всего существо, по смыслу более близкое к грифону⁹¹⁷.

⁹¹³ Ibid. P. 47.

⁹¹⁴ Аладашвили Н. А. Монументальная скульптура... С. 81–86. Ил. 69.

⁹¹⁵ Там же. Ил. 118.

⁹¹⁶ Казарян А. Ю. Тхаба-Ерды: к вопросу о датировке церкви и ее месте в средневековом зодчестве Кавказа / А. Ю. Казарян, Д. В. Белецкий // Вестник археологического центра. 2009. Вып. III. С. 59.

⁹¹⁷ Ендольцева Е. Ю. Синкретизм... С. 271–280.

На фасаде храма св. Креста на о. Ахтамар (X в.) в традиционной по иконографии сцене «Поглощение Ионы китом» кит показан так же, как на рельефе из Дранды. У него рыбий хвост и чешуя, зубастая пасть, острые уши, крылья и когтистые лапы.

Таким образом, рассматриваемый рельеф с Ионой из фондов Церковно-археологического музея Священной метрополии Абхазии (Новый Афон), видимо, можно отнести к X в. Если

согласиться с точкой зрения А. Ю. Виноградова об одновременности исполнения двух известняковых плит, опублико-

ванных П. С. Уваровой, то можно, вероятно, считать все известные нам фрагменты алтарной преграды из Дранды одновременными. Учитывая анализ сцены на блоке с Ионой, этот темплон можно датировать X в. Данной датировке не противоречит наличие одной мраморной детали, так как исследователи, которые видели преграду в лучшей степени сохранности, отмечали в ней наличие как известняковых, так и мраморных деталей.

Значение рельефов, собранных около храма в Дранде и хранящихся ныне в Новоафонском монастыре, трудно переоценить. Это уникальные сохранившиеся фрагменты утраченной ныне алтарной преграды, богато украшенной некогда резьбой с редкими (с иконографической точки зрения) сценами. Сцена с изображением эпизода из истории пророка Ионы относится к редчайшему иконографическому изводу. Фрагмент с этим изображением можно считать наиболее ценным.

Интересно, что на самых ранних христианских памятниках (рубеж III–IV вв.) уже появляется сцена с изображением пророка Ионы, поглощаемого китом. Мало того: с самого начала ее истории в искусстве можно зафиксировать два различных иконографических извода. В одном случае, как, например, на римском саркофаге конца III в.⁹¹⁸, история пророка Ионы показана в двух сценах (его

⁹¹⁸ Bovini, G. Repertorium der christlich-antiken Sarkophage. I. Rom und Ostia. Textband und Tafelband / G. Bovini, H. Brandenburg. Wiesbaden, 1967. № 35.

сбрасывают с корабля и он возлежит во чреве кита). Этот тип изображения данного сюжета широко распространен. Он встречается на многих памятниках христианского искусства не только в Раннее, но и в Высокое Средневековье (к примеру, многочисленные римские саркофаги IV в.⁹¹⁹, Равенский диптих VI в., южной фасад церкви св. Креста на о. Ахтамар и многие другие).

Во втором случае (то есть в том, что мы видим, к примеру, на фрагменте алтарной преграды из Дранды) одновременно показан момент поглощения пророка морским чудищем и его исторжение из чрева. Дважды представлена зубастая пасть кита. Из одной – торчит торс Ионы с воздетыми руками, из другой – только его ноги. Самое раннее изображение этого извода встречается, к примеру, в Малой Азии III в. (280–290 гг., парная скульптура из Художественного музея в Кливленде)⁹²⁰. Таким образом, иконографические истоки изображения пророка Ионы на фрагменте алтарной преграды из Дранды берут свое начало в раннехристианском искусстве эллинистического толка.

Фрагменты, собранные в нартексе Успенского собора в селе Дранда

Летом 2018 г. благодаря любезности настоятеля Успенского собора в селе Дранда мне удалось осмотреть и измерить некоторые рельефы, собранные в его нартексе. По словам настоятеля собора, часть этих рельефов была обнаружена в ходе работ по восстановлению изначального уровня пола внутри храма. Работы сопровождалась демонтажем алтаря, составленного из фрагментов облицовки собора и, возможно, его древней алтарной преграды. Теперь часть этих фрагментов очищена

⁹¹⁹ Ibid. № 11, 44, 77, 770.

⁹²⁰ Дудочкин Б. Н. Об изображении «кита» пророка Ионы в росписи Андрея Рублева и Даниила 1408 г. в Успенском соборе Владимира и в миниатюрах Евангелия группы Хитрово / Б. Н. Дудочкин // Неизвестные произведения. Новые открытия. Сборник научных статей к юбилею Музея имени Андрея Рублева. М., 2017. С. 123.

от цемента и выставлена в нартексе церкви. Некоторые из них представляют большой интерес, поскольку оказались частями считавшихся утраченными двух плит, опубликованных графией П. С. Уваровой (кат. Дранда № 1, 2). Другие по характеру орнамента аналогичны тем, что хранятся в фондах Абхазского государственного музея и Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии в Новоафонском монастыре. В ходе осмотра фрагментов летом 2018 г. удалось обмерить только некоторые из них. Детальное изучение этой части архитектурной декорации планируется продолжить.

8. Фрагмент с крылом ангела (ил. 154).

Известняк.

Размеры: высота – 8,5 см.

Хранится в нартексе церкви Успения в селе Дранда.

Фрагмент треугольной формы. Глубокими резкими параллельными выбоинами треугольной же формы показано оперение на крыле ангела. Является частью (крыло ангела у основания) считавшейся утерянной плиты с изображением Христа и ангелов (кат. Дранда № 1). В этом случае его можно датировать, как и саму плиту, X в.

9. Фрагмент плиты с орнаментом (ил. 155).

Известняк.

Размеры: высота фронтальной части – 17,5 см, ширина – 16,5 см.

Глубина блока – 24 см. Ширина орнамента на боковой грани – 10 см.

Хранится в нартексе церкви Успения в селе Дранда.

На фронтальной части – растительный орнамент, представляющий собой показанные в профиль и развернутые друг к другу

листья массивного растения. Каждая из половинок этого симметричного узора составлена из трех углублений с полукруглым завершением. На боковой грани – геометрический орнамент в виде прямоугольной перспективной рамки.

Орнамент, аналогичный тому, что представлен на фронтальной части данного фрагмента, показан на капители колонки, что разделяет фигуры Христа и Богородицы на плите, сфотографированной П. С. Уваровой (ныне утрачена) (кат. Дранда № 2), и на одном из фрагментов из фондов Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии в Новоафонском монастыре (кат. Дранда № 3).

Эти аналогии позволяют датировать фрагмент X в.

10. Фрагмент с арочным мотивом (ил. 156).

Известняк.

Хранится в нартексе церкви Успения в селе Дранда.

Небольшой фрагмент с двумя пролетами арочного мотива с полукруглыми завершениями. Аналогичный мотив украшает базу колонки, отделяющей Христа от Богородицы, на плите, опубликованной П. С. Уваровой (ныне утрачена) (кат. Дранда № 2).

В этом случае может быть датирован X в.

11. Фрагмент со сдвоенными полуколонками (ил. 157).

Известняк.

Хранится в нартексе церкви Успения в селе Дранда.

На фрагменте показаны сдвоенные полуколонки со стяжками в верхней и нижней части ствола. Центр столба каждой колонки отмечен выступающим рельефно ребром.

Аналогичный по форме блок хранится в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии в Новоафонском монастыре (кат. Дранда № 5). Эта аналогия позволяет предположить, что данный блок, вероятно, возможно датировать X в.

**Лапидарная коллекция
из храмового комплекса
в окрестностях села Агу-Бедия⁹²¹**

Недавно возобновившиеся исследовательские работы (археологические раскопки⁹²², натурные исследования⁹²³) в бывшем монастырском комплексе в селе Агу-Бедия (Ткуарчалский р-н Республики Абхазия) породили ряд вопросов и заставили систематизировать имеющиеся сведения по его истории. Потому что, например, классифицировать рельефы, украшавшие собор монастыря снаружи и изнутри, без этого попросту невозможно.

Храм в окружении других построек (здание дворцового типа, колоколья с воротами в нижнем этаже, два небольших сооружения гражданского назначения) возвышается в центре живописного плато, защищенного с трех сторон почти отвесными скалами. Первые сведения о нем появились благодаря летописи «Матиане картлиса», где его основание приписывается абхазо-картлийскому царю Баграту III (908–1008)⁹²⁴. Это событие подтверждается также двумя надписями, выгравированными на золотой чаше, хранящейся ныне в Тбилисском музее искусств

⁹²¹ Основано на статье: Ендольцева Е. Ю., Сангулия Г. А. Каменная пластика... С. 139–156.

⁹²² Бгажба О. Х., Сакания С. М., Агумаа А. С. Археологические раскопки в Бедийском храме... С. 268–270.

⁹²³ Проводились в 2011–2012 гг. под эгидой Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия.

⁹²⁴ Цулая Г. В. (ред.). Летопись Картли. Перевод, введение и примечания. Тбилиси, 1982. С. 282.

Ш. Амиранашвили⁹²⁵. Надписи были впервые прочитаны историком Д. Бакрадзе, который обнаружил чашу в 1865 г. в ризнице Илорской церкви⁹²⁶. Их содержание дополняет деталями первоначальную историю собора.

Так, одна надпись (на верхнем ободке чаши) упоминает о посвящении собора («Святая мать Божия, будь ходатаицей перед сыном твоим за абхазского царя Баграта и мать его царицу Гурандухт, пожертвовавшим сию чашу, украсивших сей алтарь и построивших сию церковь»⁹²⁷), а вторая, на ее ножке, уточняет первую («Пресвятая Влахернская Богоматерь, будь помощью мне бедиеле-митрополиту Герману Чхетидзе, удостоившемуся украсить ножку святой сей чаши, да будешь ходатаицею пред Сыном твоим в день судный. Аминь»⁹²⁸).

При осмотре руин жилых построек рядом с собором Д. Бакрадзе видел на их стенах надписи асомтавури, «в которых поименованы епископы-бедиели, дадиани Георгий и царь Константин, оба жившие в XIV в.»⁹²⁹. За несколько десятилетий до него М. Броссе обнаружил на южной стене собора фреску с надписью, упоминавшей Георгия III, сына Левана, правившего с 1572 по 1582 гг.⁹³⁰ Из последующей истории комплекса известно, что имевший здесь резиденцию епископ Бедийский «занимал 26-е место в списке из 40 грузинских епископов»⁹³¹.

Епископ бедиели присутствовал также на соборе в Кутаиси, созванном при царе Георгии III в первой половине XVII в.⁹³²

⁹²⁵ Evans H. C., Wixom, W. D. (ed.). *The Glory of Byzantium, Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A. D. (843–1261)*. The Metropolitan Museum of Art. New York, 1997. № 231.

⁹²⁶ Бакрадзе Д. Кавказ... С. 39.

⁹²⁷ Там же.

⁹²⁸ Там же.

⁹²⁹ Там же.

⁹³⁰ Brosset M. *Rapports...* P. 90–95.

⁹³¹ Бакрадзе Д. Кавказ... С. 39.

⁹³² Там же.

В 1640 г. Бедию посетил русский посланник Ельчин, его принимал епископ бедиели и показывал святыни, хранившиеся в то время в обители⁹³³. Когда именно место это было заброшено, неизвестно, но с 1810 г. в соборе были на некоторое время возобновлены богослужения⁹³⁴. Однако уже Д. Бакрадзе свидетельствует, что видел обваливающийся купол собора и «густую растительность вместе с большими деревьями, пробивающимися из его щелей»⁹³⁵.

Архитектурное исследование комплекса началось с визита академика А. И. Павлинова, опубликовавшего результаты натурных исследований собора в 1893 г.⁹³⁶ Впервые были выполнены обмеры храма, составлен его план. Анализ внутреннего пространства и особенностей внешнего облика позволил ученому датировать собор X в. и считать образцом «чисто грузинской архитектуры»⁹³⁷. В пользу такого предположения, как считает А. И. Павлинов, свидетельствуют и каменные рельефы, украшающие здание⁹³⁸. Это мнение поддерживают также И. И. Толстой и Н. П. Кондаков⁹³⁹. Н. П. Северов, посетивший бедийское плато приблизительно на полвека позже, отметил, что за это время древняя часть купола и остатки кровли собора были снесены вместе с частью облицовки стен и «возобновлены» монастырским начальством⁹⁴⁰.

Помимо этого архитектор сделал ряд ценных наблюдений, касающихся архитектуры храма и его скульптурного убранства. Так, соглашаясь с мнением по поводу датировки памятника, высказанным предшественниками, Н. П. Северов отметил, что «в отличие от Кутаисского «храма Баграта», по своему плану

⁹³³ Там же.

⁹³⁴ Там же; Dubois de Monpéroux, F. Voyage... P. 342.

⁹³⁵ Бакрадзе Д. Кавказ... С. 39.

⁹³⁶ Павлинов А. И. Церковь в Бедии... С. 26–29.

⁹³⁷ Там же. С. 28.

⁹³⁸ Там же.

⁹³⁹ Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности... С. 54–55.

⁹⁴⁰ Северов Н. П. Памятники... С. 193.

и формам принадлежащего к группе памятников, завершивших эпоху исканий VIII–X веков, храм в Бедии должен быть причислен к ранним представителям того типа древнегрузинского культового сооружения, который в XI–XII веках стал господствующим и в откристализовавшихся формах перешел в следующие эпохи»⁹⁴¹.

Кроме того, исследователь упомянул о найденных в ходе «новейших изысканий»⁹⁴² фундаментах небольшой церкви, стоявшей на плато к югу от собора. Не высказывая предположений по поводу ее датировки, Н. П. Северов тем не менее предположил, что каменные рельефы, использованные в облицовке собора, можно разделить на две хронологически разнородные группы. «Есть все основания полагать, что часть резных украшений этой церкви пошла в кладку собора – фрагменты во внутренней облицовке, люнетные перемычки над входами в жертвенник и дяконник. Фасадные же порталы и уцелевшие наличники окон являются произведениями древнегрузинской декоративной скульптуры эпохи строительства храма»⁹⁴³. Однозначно временем царя Баграта III датировали собор и некоторые другие известные исследователи средневекового грузинского искусства. Среди них Ш. Я. Амиранашвили⁹⁴⁴, Р. С. Меписашвили и В. Г. Цинцадзе⁹⁴⁵, Э. Нойбауэр⁹⁴⁶.

Новой вехой в осмыслении строительной истории Бедийского собора стала статья Р. О. Шмерлинг⁹⁴⁷. По средствам эпиграфического анализа надписей на фрагментах фресок, сохранившихся в интерьере храма, исследовательнице удалось выделить

⁹⁴¹ Там же.

⁹⁴² Там же.

⁹⁴³ Там же.

⁹⁴⁴ Амиранашвили, Ш. Я. История... С. 203.

⁹⁴⁵ Mepisaschwili, R., Zinzadse, W. Die Kunst des alten Georgien. Leipzig, 1977. P. 227, 262.

⁹⁴⁶ Neubauer, E. Altgeorgische Baukunst. Leipzig, Wien, München, 1976. P. 96.

⁹⁴⁷ Шмерлинг Р. О. К вопросу о датировке росписи Бедийского храма // Сообщения Академии наук ГССР. 1957, 18, 4. С. 503–511.

три хронологических этапа в их истории. Дополняя сделанные наблюдения данными, полученными в результате анализа архитектурных форм собора, а также стилистического и иконографического анализа его росписей, Р. О. Шмерлинг соотнесла эти этапы с конкретными историческими периодами⁹⁴⁸. По ее версии, первый из них связан с деятельностью царя Баграта III, когда храм был расписан сразу же после окончания строительных работ, то есть в самом начале XI в.⁹⁴⁹ Наличие второго этапа исследовательница объясняет проведением капитального ремонта собора, сделанного, по ее мнению, в последней четверти XIII – первой половине XIV в.⁹⁵⁰ Эпиграфический анализ особенностей надписей на фресках третьего этапа, а также сопоставление изображенных на них лиц с реальными историческими персонажами и упомянутым в надписи (прочитана М. Ф. Броссе) над входом в здание гражданского назначения к западу от храма бедийским епископом дают возможность отнести его (третий период) к XVI–XVII вв.⁹⁵¹

Произведенный анализ фресковых изображений и выявленные благодаря ему хронологические этапы дают возможность построения гипотез по поводу датировки и архитектурной ornamentики собора. Что касается Р. О. Шмерлинг, то она высказывается по этому поводу достаточно кратко: «Художественные приемы, выявляемые поновленными частями памятника, то есть его фасадами и барабаном, структура декоративных обрамлений проемов, их профилировка, состав ornamentики и пр. определяют время капитального ремонта храма»⁹⁵².

⁹⁴⁸ Там же, С. 508.

⁹⁴⁹ Там же, С. 509: «... роспись представлена в настоящее время только ктиторскими портретами на северной стене и изображениями царя {Баграта III} на южной, да святителями в алтаре».

⁹⁵⁰ Там же, С. 510: «Сцена Троицы над святителями, роспись южной и северной стен в подкупольном пространстве, над ктиторскими изображениями, фрески на западной стене».

⁹⁵¹ Там же, С. 510: «...портреты ктиторов из рода Дадияни, обрывки живописи в южном входе».

⁹⁵² Там же, С. 509.

С предложенной хронологией в целом, за исключением небольших уточнений, соглашается и автор ставшего уже классическим труда по истории монументальной живописи Абхазии Л. А. Шервашидзе⁹⁵³. Косвенное подтверждение выделенным хронологическим периодам дает и факт обнаружения под постофориями сохранившегося собора очертаний «древних выступающих полукругом апсид»⁹⁵⁴. Однако Л. Д. Рчеулишвили, интерпретируя эти сведения, а также анализируя архитектурные формы собора (общие пропорции интерьера, ложные хоры, изменение профиля углов апсиды на половине ее высоты)⁹⁵⁵, приходит к радикальным выводам. По его мнению, нынешний собор в XIII–XIV веках был заново построен «на развалинах сооруженного Баграта III»⁹⁵⁶, а не основательно реставрирован, как считает Р. О. Шмерлинг⁹⁵⁷. Сформулированную Л. Д. Рчеулишвили догадку повторяет Л. Г. Хрушкова, отмечая, что первоначальный храм Баграта III типа «вписанный крест» мог походить на собор в Пицунде⁹⁵⁸.

Фрески собора в Бедиа привлекли внимание некоторых европейских исследователей, которые посчитали их примером византийского влияния на грузинскую живопись XIV в.⁹⁵⁹

Интересные сведения, касающиеся строительной истории храма, появились в результате последних археологических

⁹⁵³ Шервашидзе Л. А. Средневековая монументальная живопись... С. 54, 58. В отличие от Р. Шмерлинг, Л. Шервашидзе относит к первоначальному этапу только изображение Баграта III на южной стене собора (хоть и со значительными поздними поновлениями) и ктиторские портреты на противоположной, северной стене. Фигуры же святителей в нижнем регистре апсиды, по его мнению, были написаны не раньше XIV в.

⁹⁵⁴ Химшиашвили Л. Некоторые вопросы реставрации (Цроми и Бедиа) // Дзеглис Мегобари 14, 1968. С. 78–79, 81.

⁹⁵⁵ Рчеулишвили Л. Купольная архитектура... С. 71.

⁹⁵⁶ Там же. С. 72.

⁹⁵⁷ Шмерлинг Р. О. К вопросу о датировке... С. 510.

⁹⁵⁸ Khroushkova L. Les monuments... P. 107.

⁹⁵⁹ Velmans T., Alpago Novello A. Miroir de l'invisible, peintures murales et architecture de la Géorgie (VI–XV siècles). Paris, 1996. P. 146.

исследований комплекса, проводившихся в 2011 г. для составления проекта его реставрации⁹⁶⁰. В частности, при исследовании фундамента храма⁹⁶¹ был расчищен нартекс с западной стороны⁹⁶² и остатки церкви к югу⁹⁶³. Северная часть фундамента последней стала частью южного фундамента собора. С северной стороны собора выявлена еще одна небольшая постройка, также примыкавшая вплотную к его фундаменту⁹⁶⁴. Таким образом, сделаны существенные шаги к уточнению первоначального плана Бедийского храма.

Однако вызывает некоторые вопросы версия о датировке выявленных строений, предложенная археологами, проводившими эти исследования. Они готовы отнести их ко времени императора Юстиниана⁹⁶⁵. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий считают, что «представление о какой-то еще более ранней постройке VI–VII вв., распространившееся после раскопок 2012 г., безосновательно, так как в этом году были лишь раскрыты ранние конструкции, уже раскопанные Химшиашвили и относящиеся к X в.»⁹⁶⁶. Исследователи считают, что «от раскопанного Л. Химшиашвили первого Бедийского храма, очевидно, тождественного собору Баграта I, сохранились лишь отдельные фрагменты фундаментов»⁹⁶⁷.

Переходя к подробному анализу рельефной резьбы собора, необходимо кратко описать его настоящее состояние. Резные блоки, использовавшиеся в облицовке оконных проемов север-

⁹⁶⁰ Бгажба О. Х., Сакания С. М., Агумаа А. С. Археологические раскопки... С. 268–269.

⁹⁶¹ Там же, С. 268: «Было заложено 10 шурфов разных размеров, различной глубины».

⁹⁶² См.: Павлинов А. И. Церковь в Бедии... С. 27.

⁹⁶³ См.: Северов Н. П. Памятники... С. 193.

⁹⁶⁴ Бгажба О. Х., Сакания С. М., Агумаа А. С. Археологические раскопки... С. 268.

⁹⁶⁵ Там же.

⁹⁶⁶ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 256. Прим. 671.

⁹⁶⁷ Там же. С. 256.

ного, южного и западного фасадов, в значительной степени осыпались⁹⁶⁸, *in situ* сохранилась большая часть резного убранства порталов и частично декоративное оформление центрального окна восточного фасада. Упавшие орнаментированные плиты в основном собраны под навесом, устроенным на открытом воздухе с восточной стороны собора. Остальные блоки сложены внутри собора или, в единичных случаях, рассеяны по плато.

В августе 2012 г. по поручению Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия я проводила обмеры и фиксацию осыпавшихся рельефных плит из облицовки храма. В результате возникли некоторые соображения по поводу систематизации рельефов, исходя из их технических, стилистических и иконографических характеристик. По этим признакам имеющиеся резные блоки представляется возможным разделить на четыре группы.

К первой относятся два блока, вторично использованные во внутренней облицовке собора (северная стена). Судя по форме, оба предназначались для украшения верхней полукруглой части окна. На одном из блоков (88 x 47 см) на гладком фоне окаймленной с двух сторон невысокими бортиками ленты вырезана виноградная лоза. От стебля волнообразной формы отходят отростки, поочередно завершающиеся тонко профилированными листьями и объемно моделированными гроздьями. Линия стебля динамична, но не настолько подчинена симметрии, чтобы выглядеть слишком геометрично. Листья и гроздья показаны рельефно и живо.

Такая трактовка растительного орнамента, когда создается впечатление «живой подвижности... и движения, сообщаемого орнаменту не только путем соответственной организации его схемы, имеющей для орнамента значение основы или костяка, но и путем изобретательного использования светотени, как известно, обладающей способностью повышать впечатление пластичности орнамента и подчеркивать динамичность его

⁹⁶⁸ URL: <http://abkhazeti.info/news/1328158636.php> (дата обращения – 20.05.2020).

структуры»⁹⁶⁹, по наблюдению Р. Шмерлинг, особенно часто встречается на памятниках второй половины X в. С точки зрения иконографии, мотив виноградной лозы имеет древнюю традицию изображения и появляется, будучи исполненным в разнообразных техниках, уже на памятниках античного и раннехристианского искусства.

В аналогичной ситуации в каменной фасадной пластике рассматриваемого региона подобное изображение известно, к примеру, на выступе, членящем восточный фасад храма в Джвари (VII в.)⁹⁷⁰. В последующий период виноградная лоза встречается и в резьбе алтарных преград IX–X вв.⁹⁷¹ Однако наиболее близкой по функции и стилю аналогией следует признать сполию, использованную в обрамлении окна на восточной стороне южного рукава собора в Тбети. История строительства этого здания достаточно ясно читается благодаря исследованиям последних лет⁹⁷² и хорошо сохранившимся строительным слоям. Поэтому датировать разновременные резные блоки, использованные в его облицовке, можно достаточно уверенно. Рассматриваемый рельеф в настоящее время находится в слое XIII в.⁹⁷³ Нижняя часть плиты растесана, чтобы украсить щелевидное окно. Очевидно, что первоначально рельеф был круглой формы. Он обрамлял небольшую по диаметру люнету, а виноградная лоза образовывала равноконечный крест⁹⁷⁴. Сравнительное изучение строительных слоев собора позволяет предположить, что этот блок связан с ранним периодом истории здания и может быть датирован X в.⁹⁷⁵

⁹⁶⁹ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 97.

⁹⁷⁰ Чубинашвили Г. Н., Северов Н. П. Памятники... Табл. 18.

⁹⁷¹ Шмерлинг Р. О. Малые формы... Табл. 5, 14.

⁹⁷² Djobadze W. Early medieval Georgian monasteries in historic Tao, Klarjeti, and Savseti. Stuttgart, 1992. P. 218–233; Khoshtaria. D. Churches and monasteries in Klarjeti. Tbilisi, 2005. Tab. 41 (на груз. яз.).

⁹⁷³ Djobadze W. Early medieval Georgian monasteries... P. 280.

⁹⁷⁴ Ibid. P. 228.

⁹⁷⁵ Khoshtaria D. Churches and monasteries... Автор благодарит Ирену Гиви-

Второй блок из внутренней облицовки северной стены собора в Бедии в настоящий момент использован в качестве верхнего наличника, полукруглого в верхней части окна. Его проем шире, чем тот, для которого предназначался рельеф. Поэтому верхняя полукруглая часть наличника растесана, и первоначальный рисунок ее резьбы поврежден. Сохранившиеся детали подсказывают, что наличник мог состоять из полукруглой арочки, опиравшейся на импосты в виде двух прямоугольных блоков. До наших дней дошел только один из них.

Хотя прямоугольный импост и арочка вырезаны из разных блоков, они объединены композиционно благодаря обрамляющему орнаментальную ленту выступающему бортику. Оба блока украшены ленточным орнаментом. Характер плетения, украшающего арочку, трудно определить из-за нанесенных при вторичном использовании повреждений. На импосте вырезан узор из переплетающихся кругов и ромбов, выполненный лентой плетения в две полосы. Эта орнаментальная схема широко применялась в каменной пластике X–XIII вв., однако некоторые детали, на мой взгляд, позволяют уточнить датировку рассматриваемого блока.

Как и в случае с изображением виноградной лозы, линия этого орнамента пластична и рельефна. Ширина ленты плетения живописно колеблется, ей не свойственна геометрическая строгость орнаментов XI–XIII вв. Углы ромбов сглажены, что повышает эффект «живой подвижности» рисунка⁹⁷⁶. Вышеперечисленные особенности, а также факт вторичного использования данного блока позволяют объединить его в одну хронологическую группу с первым и отнести оба рельефа к X в. К этой же группе, вероятно, можно отнести и некоторые другие фрагменты, часть «резного пояса (бровки?) в северо-западной малой подпружной арке, фрагмент резной

ашвили за перевод отрывков текста из книги Д. Хоштария и за комментарии по поводу вероятных датировок некоторых рельефов.

⁹⁷⁶ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 97.

плиты в юго-восточном компартименте, блок с крестом над северным порталом»⁹⁷⁷.

Во вторую группу можно включить рельефы с изображением плетеного креста над входом в дьяконник и процветшего креста над входом в жертвенник⁹⁷⁸. Что касается последнего, то датирующими признаками изображения являются форма креста (перекладины в виде «ласточкина хвоста» с капельками на углах) и так называемый S-образный изгиб растительных побегов, вырастающих из его основания.

По мнению А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, «в этих фрагментах мотивы, традиционные для «абхазской» школы (плетенка из кругов и ромбов с петлями внутри), причем уже в гипертрофированном виде... сочетаются с мотивами, характерными для картвельских земель: Эгриси (виноградная лоза), Тао-Кларджети и Восточной Грузии (процветший крест с обширными побегами, плетеный крест), создавая новый стиль архитектурной декорации»⁹⁷⁹.

Если датировка рельефов первых двух групп вызывает у большинства исследователей единодушное одобрение, то орнаменты выделенной автором этой книги третьей группы сложнее однозначно отнести к определенному хронологическому периоду. Сказанное касается прежде всего идентификации резных блоков южного, северного и западного фасадов храма. К ним относятся как те, что сохранились *in situ*, так и те, что уже осыпались и хранятся сейчас под навесом с западной стороны собора или внутри него.

Стилистические различия между рельефами, отнесенными к первой и второй группам, и теми, что облицовывали храм снаружи, были отмечены уже Н. В. Северовым. Он же высказал предположение, что эти рельефы выполнены в разное время⁹⁸⁰.

⁹⁷⁷ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 260. Ил. 187, 188.

⁹⁷⁸ Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент... С. 18, 47.

⁹⁷⁹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 260.

⁹⁸⁰ Северов Н. П. Памятники грузинского зодчества... С. 193.

Рельефы экстерьера, по мнению исследователя, относятся ко времени строительства храма, то есть к периоду правления Баграта III⁹⁸¹. Р. О. Шмерлинг считает их появление следствием капитального ремонта храма, производившегося, как она предполагает, в последней трети XIII – первой половине XIV в.⁹⁸² Также и по мнению Л. Д. Рчеулишвили рельефы экстерьера, как и весь нынешний храм, возведенный «на развалинах сооруженного Багратом III»⁹⁸³, следует считать произведением XIII–XIV вв. Этой же версии придерживается Л. Г. Хрушкова⁹⁸⁴.

Но прежде чем делать какие-либо выводы о времени возникновения рельефов рассматриваемой группы, отмечу, что ни один из вышеперечисленных исследователей не анализирует их технические и художественные характеристики. Аргументация же базируется исключительно на результатах исследования архитектурных форм и плана собора в связи с открытием следов апсиды в его восточной части⁹⁸⁵, стилистических особенностей фресок и эпиграфических данных⁹⁸⁶.

Учитывая все обстоятельства, представляется необходимым рассмотреть эти резные блоки более пристально. Однако в ходе обмера фрагментов коллекции выяснилось, что их больше ста штук и описать каждый из них в рамках настоящей главы попросту невозможно. Поэтому сначала, предварительно выделив основные орнаментальные схемы с опавших фрагментов, я обозначу хронологические границы их бытования. А затем сосредоточусь на анализе декоративных элементов фасадов собора, учитывая их композиционные особенности.

После анализа орнаментов на имеющихся плитах стало возможным выделить следующие мотивы:

⁹⁸¹ Там же.

⁹⁸² Шмерлинг, Р. О. К вопросу о датировке... С. 509.

⁹⁸³ Рчеулишвили Л. Купольная архитектура... С. 72.

⁹⁸⁴ Khroushkova L. Les monuments... Р. 107.

⁹⁸⁵ Рчеулишвили Л. Купольная архитектура... С. 72; Khroushkova L. Les monuments... Р. 107.

⁹⁸⁶ Шмерлинг Р. О. К вопросу о датировке... С. 509.

- Четырехконечная звезда, сплетенная с одним или двумя кругами. Узор составлен из ленты в три (четыре) полосы. Присутствует как отдельный декоративный элемент, так и в составе фриза, состоящего из тесно переплетающихся фигур. Этот мотив в архитектурной пластике Закавказья встречается в основном в XI⁹⁸⁷ – XIII вв.⁹⁸⁸

- Переплетающиеся ромбы, составленные из ленты плетения в три полосы. Мотив известен в архитектурной пластике рассматриваемого региона с XI в.⁹⁸⁹

- Переплетающиеся круги и ромбы (лента плетения в три полосы). Модификации этого мотива с элементами растительного орнамента (простые однолопастные листочки) встречаются в составе орнаментальных фризов в XI–XIV вв.⁹⁹⁰

- Переплетающиеся круги разных диаметров, составленные из ленты плетения в три полосы. Широко распространен в фасадной пластике по преимуществу в период между X и XIV вв.⁹⁹¹

- Прямоугольник с переплетающимися кольцами небольшого диаметра и диагональными линиями внутри. Узор составлен из ленты плетения в три полосы. Встречается по преимуществу в фасадной пластике XIII в.⁹⁹²

⁹⁸⁷ Северный фасад храма в Эхвеви (нач. XI в.). См.: Габашвили Ц. Порталы... С. 59. Табл. 19; Самтавро (XI в.), Лурджи-Монастери (XII в.). См.: Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент... С. 62, 70.

⁹⁸⁸ Наличник окна на южном фасаде в слое XIII в. в Тбети.

⁹⁸⁹ Фасад храма в Манглиси (1014–1027 гг.): Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент... С. 58.

⁹⁹⁰ Самтавро (XI в.), Икорта (1172 г.), Кватахеви (XII–XIII вв.), Сапара (XIII в.), Даба (XIV в.): Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент... С. 62, 68, 71, 83, 84.

⁹⁹¹ Кумурдо (ок. 964 г.), храм Баграта в Кутаиси (1003 г.), Самтавро (XI в.), Мериа (XII–XIII вв.), Кабени (XIII в.), Даба (1333 г.) и др.: Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент... С. 35, 49, 63, 69, 75, 84. Тбети в обрамлении сдвоенных окон на южном фасаде в слоях XIII в. и в обрамлении щелевидного окна на восточном фасаде в слое XI в.

⁹⁹² Импост арочки, обрамляющей закомару, на южном фасаде собора в Тбети в слое, датируемом, вероятно, XIII в.

• Переплетающиеся круги большого и малого диаметров, пересеченные проходящими через центр прямыми параллельными линиями. Узор составлен из ленты плетения в три полосы. Этот мотив встречается в фасадной пластике, начиная с XI в.⁹⁹³

• Центрическое плетение, состоящее из петелек небольшого диаметра и ленты в три полосы⁹⁹⁴ (т. н. лабиринт). Встречается в фасадной пластике XI в. и эпизодически вплоть до XIV в.⁹⁹⁵

• Крест с трехлопастным завершением перекладин, сужающихся к средокрестию. Прямых аналогий в архитектурной пластике региона обнаружить не удалось. Отдаленной аналогией может служить крест, украшающий алтарную преграду в Ахалцихе (XIII в.)⁹⁹⁶.

• Ленточный орнамент, составленный из ленты плетения в три полосы (петельки) с элементами растительных мотивов (схематично изображенный распластанный лист с волнообразно оформленными краями). Получает распространение в архитектурной пластике Закавказья в XI–XIII вв.⁹⁹⁷

• Сдвоенные полуколонки. Мотив, который появляется в архитектурной пластике позже XI в.⁹⁹⁸

⁹⁹³ Самтавро (XI в.): Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент... С. 62.

⁹⁹⁴ Узор на плите квадратной формы у основания наличника двери. Настоящее местонахождение неизвестно, зафиксирован А. И. Павлиновым: Павлинов А. И. Церковь в Бедии... Табл. XVI.

⁹⁹⁵ Обрамляет люкету на восточном фасаде храма в Тбети, слой XI в., обрамление окна на фасаде храма в Бетания (XII–XIII вв.), Даба (1333 г.): Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент... С. 84, 92.

⁹⁹⁶ Шмерлинг Р. О. Малые формы... Табл. 76.

⁹⁹⁷ Икорга (1172 г.), Мериа XII–XIII в., Цунда (XIII в.), Кабени (XIII в.), Ахтала (XIII в.): Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент... С. 67, 69, 74, 75, 95. В похожей ситуации (импровизированный импост арочки) – на южном фасаде храма в Тбети в слое XIII в.

⁹⁹⁸ Орнаментальное обрамление окна на фасаде храма в Бетания (XII–XIII вв.), Цунда (XIII в.), Ахтала (XIII в.): Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент... С. 92, 93, 95. Оформление окна на южном фасаде в Тбети в слое XIII в.

- Выступающая, рельефно выполненная шишка, украшенная ленточным орнаментом (три полосы плетения), образующим петельки, с вкраплениями растительных мотивов (распластаный лист с волнообразно оформленными краями). Мотив распространяется в архитектурной пластике, начиная с XI в.⁹⁹⁹

Подводя итог беглому анализу архитектурных форм осыпавшихся рельефов церкви в Бедии, следует отметить, что, несмотря на обилие мотивов, распространенных в архитектурной пластике XI в., присутствие некоторых деталей, характерных для более позднего времени (сдвоенные полуколонки, крест с трехлопастным завершением концов перекладин, импровизированные импосты арочек и особенности их декора), а также некоторая сухость и геометричность исполнения резьбы (в особенности трактовка растительных элементов)¹⁰⁰⁰ заставляет отнести их к периоду, начало которого выходит за границы XI в. При этом его конец, скорее всего, следует отнести к XIII в.

Похожие выводы можно сделать, рассмотрев структуру южного, северного и западного фасадов. Из не отмеченных выше элементов на южном фасаде появляется крест, сплетенный из петелек (лента в три полосы). Этот мотив известен в архитектурной пластике, начиная с X в.¹⁰⁰¹ Однако характер украшения фасадов выдает влияние более позднего времени. Вместо обязательной для памятников X и XI вв. «декоративной аркатуры, являющейся основой членения фасада»¹⁰⁰², в данном случае «декоративное оформление строится на сопоставлении и контрасте широкой глади стены с живописными декоративными пятнами»¹⁰⁰³ резных обрамлений порталов и (изначально)

⁹⁹⁹ Никорцминда (1010–1014 гг.). Алтарная преграда в Спети (XI в.): Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 61.

¹⁰⁰⁰ Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент... С. 186.

¹⁰⁰¹ Мгел – Цихе (X в.), Пока (XI в.), Икви (XI в.), Лурджи – Монастери (XII в.) и др.: Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент... С. 45, 53, 65, 70.

¹⁰⁰² Там же. С. 19.

¹⁰⁰³ Там же.

наличников окон. Эти особенности характеризуют фасадную пластику XII–XIII вв. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий считают, что этот блок переиспользован и может происходить из первого собора. В таком случае его можно датировать концом X в.¹⁰⁰⁴

К четвертой группе, вероятно, можно отнести блоки, расположенные *in situ* и осыпавшиеся с восточного фасада (в основном собраны под навесом с восточной стороны собора). Сравнение скульптурного убранства с этой стороны собора поражает лаконизмом и скупостью в сравнении с тремя вышеописанными фасадами. Сделанный А. И. Павлиновым чертеж показывает только простой равноконечный крест, профилированный бортиком, без малейших элементов дополнительного декора¹⁰⁰⁵. Кроме того, этот же исследователь заметил «несогласие архитектурных обломов» «между основанием креста и наличником окна», что, по его мнению, «указывает на произведенную здесь некогда переделку»¹⁰⁰⁶. Таким образом, можно предположить, что восточный фасад подвергся переделке в период после завершения предполагаемых Р. О. Шмерлинг ремонтных работ, то есть, вероятно, уже после XIV в.

Сгруппировав имеющиеся рельефы и исходя из их технических и художественных свойств, а также обозначив приблизительно хронологические рамки для каждой группы, попытаюсь теперь сопоставить их с возможными этапами строительной истории собора.

Как уже отмечалось, произведенные в 2011 г. раскопки раскрыли фундаменты примыкавших к собору построек. Возможно, они относились не к более раннему зданию, а непосредственно к храму Баграта III (так как их южная и северная стороны соответственно совпадают с фундаментом основного

¹⁰⁰⁴ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 260. Ил. 188. 3.

¹⁰⁰⁵ Павлинов А. И. Церковь в Бедии... Табл. XVII.

¹⁰⁰⁶ Там же. С. 28.

объема собора)¹⁰⁰⁷. В этом случае можно предположить, что резные блоки первой группы происходят из этих пристроек. Тогда резные блоки второй группы находятся *in situ* в основном объеме храма, построенном при Баграте III.

Далее: хронология, введенная Р. О. Шмерлинг на основе анализа палеографических данных надписей на фресках внутри храма, представляется достаточно обоснованной, и в соответствии с ней рельефы третьей группы могли появиться на южном, северном и западном фасадах собора в результате широкомасштабных ремонтных работ, о которых упоминает исследовательница. Найденные следы скруглений апсид собора позволяют предположить, что его восточный фасад был переложен. Принимая во внимание художественные особенности пластического убранства этого фасада, можно сделать вывод, что строительные работы здесь проводились в период, последовавший за реконструкцией остальных фасадов собора. Если доверять хронологии, введенной Р. О. Шмерлинг, то, возможно, последнее произошло приблизительно в XVI в.

Таким образом, к интересующему нас времени могут быть отнесены только восемь блоков, которые переиспользованы во внутренней кладке более позднего собора (предположительно XIV в.). Л. Г. Хрушкова в своей недавней монографии без объяснения собственной позиции относит к первоначальному собору еще один фрагмент с плетеным геометрическим орнаментом и звездой¹⁰⁰⁸.

1. Переиспользованный во внутренней облицовке собора блок с виноградной лозой (ил. 158).

Известняк.

Размеры – 88 x 47 см¹⁰⁰⁹.

¹⁰⁰⁷ Данное соображение носит сугубо предварительный характер, так как, как уже отмечалось, полный текст отчета по произведенным работам пока не опубликован.

¹⁰⁰⁸ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 152. Рис. 266.

¹⁰⁰⁹ Ендольцева Е. Ю., Сангулия Г. А. Каменная пластика... С. 145.

Блок полукруглой формы, предназначавшийся, видимо, для облицовки верхней части окна. На гладком фоне, окаймленная с двух сторон невысоким бортиком ленты, вырезана виноградная лоза. От стебля волнообразной формы отходят отростки, поочередно завершающиеся тонко профилированными листьями. Техно-технологические особенности позволяют отнести этот рельеф ко второй половине X в.¹⁰¹⁰ Об этом же говорят и ближайшие аналогии – рельефное обрамление окна на восточной стороне южного рукава собора в Тбети из слоя X в.¹⁰¹¹ Похожая виноградная лоза встречается на переиспользованной плите алтарной преграды из Кемерети (рубеж X–XI вв.)¹⁰¹².

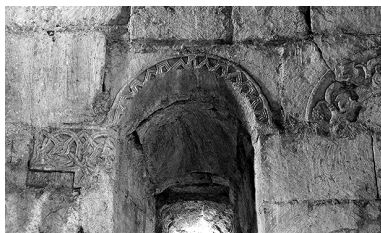

2. Блок из внутренней облицовки северной стены собора (ил. 159).

Известняк.

Использован в качестве верхнего наличника, полукруглого в верхней части окна.

Его проем шире, чем тот, для которого предназначался рельеф. Поэтому верхняя полукруглая часть наличника растесана, и первоначальный рисунок ее резьбы поврежден. Сохранившиеся детали подсказывают, что этот наличник мог состоять из полукруглой арочки, опиравшейся на импосты в виде двух прямоугольных блоков. До наших дней дошел только один из них. Хотя прямоугольный импост и арочка вырезаны из разных блоков, они объединены

¹⁰¹⁰ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 97.

¹⁰¹¹ Djobadze W. Early medieval... P. 228.

¹⁰¹² Мепишавили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 46. Ил. 36.

композиционно благодаря обрамляющему орнаментальную ленту выступающему бортику.

Оба блока украшены ленточным орнаментом. Характер плетения, украшающего арочку, трудно определить из-за нанесенных при вторичном использовании повреждений. На импосте вырезан узор из переплетающихся кругов и ромбов, выполненный лентой плетения в две полосы. Эта орнаментальная схема широко применялась в каменной пластике X–XIII вв., однако некоторые детали позволяют уточнить датировку рассматриваемого блока. Как и в случае с изображением виноградной лозы, линия этого орнамента пластична и рельефна. Ширина ленты плетения живописно колеблется, ей не свойственна геометрическая строгость орнаментов XI–XIII веков. Углы ромбов сглажены, что повышает эффект «живой подвижности» рисунка¹⁰¹³. Вышеперечисленные особенности, а также факт вторичного использования данного блока позволяют объединить его в одну хронологическую группу с первым и отнести оба рельефа к X в.

3. Рельеф с изображением плетеного креста над входом в дьяконник (ил. 160).

Известняк.

Орнаментом того же типа, каким выполнен этот крест (переплетающиеся по диагонали кружки небольшого диаметра, лента плетения в две и три полосы), украшен крест под арочкой из Кумурдо (X в.)¹⁰¹⁴. По стилистическим

и иконографическим признакам датируется X в.¹⁰¹⁵

¹⁰¹³ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 97.

¹⁰¹⁴ Северов Н. П., Чубинашвили Г. Н. Кумурдо и Никорцминда... Лист V.

¹⁰¹⁵ Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент... С. 18.

4. Рельеф с изображением процветшего креста над входом в жертвенник (ил. 161).

Известняк.

Датирующими признаками изображения являются форма креста (перекладины в виде «ласточкина хвоста» с капельками на углах) и так называемый S-образный изгиб растительных побегов, вырастающих из его основания¹⁰¹⁶. Среди аналогий, к примеру, – блок из Малого Ахуна, плита со сценой Распятия из Анухвы (кат. муз. № 12) и фрагменты алтарной преграды из Лыхны (кат. Лыхны № 2).

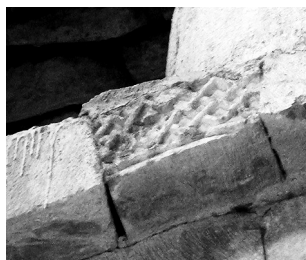

Фрагмент с изображением св. Георгия отнесен к собору в селе Агу-Бедиа по ошибке¹⁰¹⁷, на самом деле он происходит из села Анухва и рассмотрен в главе, посвященной коллекции Абхазского государственного музея и его фондам (кат. муз. № 8).

5. Фрагмент рельефа с изображением переплетающихся ромбов (ил. 162).

Известняк.

Переиспользован в кладке северо-западной малой подпругной арки¹⁰¹⁸. Среди аналогий – фрагмент капители колонки алтарной преграды из церкви Сиони в ущелье Терека¹⁰¹⁹.

¹⁰¹⁶ Там же. С. 47.

¹⁰¹⁷ Эта ошибка, вслед за Р. О. Шмерлинг, упорно воспроизводится современными исследователями грузинского происхождения: Iamanidze N. *Les installations...* P. 154; Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. *Medieval Georgian sculpture...* P. 235.

¹⁰¹⁸ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. *Церковная архитектура...* С. 258. Ил. 187. 1.

¹⁰¹⁹ Шмерлинг Р. О. *Малые формы...* Табл. 11, 2.

6. Фрагмент рельефа с изображением переплетающихся петелек небольшого диаметра (типа сельджукская цепь) (ил. 163).

Известняк.

Узор составлен из ленты плетения в две полосы. Переиспользован в забутовке южного фасада¹⁰²⁰. Орнамент этого типа достаточно распространен. В частности, его образцы встречаются на территории исторической провинции

Грузии Шида-Картли. К примеру, один из вариантов этого орнамента украшает навершие окна из Берис-сакдари в Эредви (X в.)¹⁰²¹. Среди некоторых аналогий – обрамление щелевидного окна восточного фасада собора в Мравалдзали (XI в.)¹⁰²².

7. Фрагмент рельефа с плетеным геометрическим орнаментом (ил. 164)¹⁰²³.

Известняк.

Переиспользован в кладке интерьера.

Поверхность прямоугольной плиты заполнена несколько стертым сплошным геометрическим орнаментом, составленным из кружков небольшого диаметра с высверленным центром. Лента плетения в три полосы.

¹⁰²⁰ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 258. Ил. 187. 2.

¹⁰²¹ Мепишавили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 66. Ил. 57.

¹⁰²² Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian sculpture... P. 218. № 459.

¹⁰²³ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 258. № 187. 3.

Орнамент подобного рода встречается (из наиболее близких географических аналогий), к примеру, на некоторых блоках с горы Анакопия (кат. Анак. № 36), а также на северном портале церкви Никорцминда (XI в.)¹⁰²⁴. Прямая аналогия этому орнаменту происходит также с территории исторической провинции Грузии Шида-Картли. Им украшены, к примеру, фрагменты арок южного обхода церкви св. Эстате в Ачабети (рубеж X–XI вв.)¹⁰²⁵.

8. Фрагмент рельефа с плетеным геометрическим орнаментом (ил. 165).

Известняк.

Обнаружен внутри собора¹⁰²⁶.

Резной блок украшен с лицевой стороны плетеным геометрическим орнаментом, составленным из кружков небольшого диаметра с высверленным центром. Лента плетения в две полосы. Внешний край орнаментальной части плиты украшен орнаментом типа «сельджукская цепь». Среди наиболее близких географически аналогий – рельеф с горы Анакопия (кат. Анак. № 36). Аналогичный орнамент встречается также в оформлении верхнего наличника щелевидного окна церкви Надарбазеви (X в.)¹⁰²⁷, а также на фрагменте рельефа, обрамляющего окно из Кваисис-Джвари (X в.)¹⁰²⁸.

¹⁰²⁴ Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. Medieval Georgian sculpture... Р. 207. № 424.

¹⁰²⁵ Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 76. Ил. 66.

¹⁰²⁶ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 259. № 188. 1.

¹⁰²⁷ Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. Medieval Georgian sculpture... Р. 131. № 216.

¹⁰²⁸ Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 85. Ил. 75.

Глава 3

Одиночные рельефы, происходящие из различных церквей на территории Абхазии

Западная Абхазия

Пшоухва

Руины храма находятся неподалеку от села Пшоухва (Сулево) Гагрского района на левом берегу реки Псоу¹. «Свод обрушился (судя по слою горения в наосе – от пожара), и храм заплыл землей... Стены сохранились на значительную высоту, но облицовка в большой степени разобрана на строительный материал»². В 40–50-е гг. XX в. храм сильно пострадал от лесозаготовителей, которые взорвали его апсиду³. Был частично раскопан экспедицией Управления охраны историко-культурного наследия РА в 2007 г. под руководством В. В. Бжанини, С. М. Сакания, Н. Е. Гайдукова⁴.

С. М. Сакания считает, что храм не выходит за рамки VI–VII вв., хотя и сетует на то, что исследования не были доведены до конца из-за «объективных финансовых проблем»⁵. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий датируют храм X в., ссы-

¹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 110.

² Там же.

³ Сакания С. М. Храм в с. Пшоухва... С. 44–45.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 44.; Сакания С. М., Требелева Г. В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы... С. 14–16.

лаясь на «типичный для «абхазской школы» полуоткрытый притвор» и на «редкий тип кладки, находящий себе аналогию в расположенном неподалеку храме на горе Сахарная головка, который по археологическим находкам датируется X веком»⁶.

В ходе раскопок была обнаружена плита с врезанным изображением креста.

1. Плита с врезанным изображением креста (ил. 166)⁷.

Известняк.

Судя по любезно предоставленной Н. Е. Гайдуковым фотографии находки, высота плиты – 53 см.

На гладкой плите с завершением треугольной формы врезан крест с расширяющимися к концам перекладинами в прямоугольной рамке. По форме он напоминает тот, что был обнаружен в церкви № 3 в Алахадзы⁸. Их роднят не только очертания, но и обрамления геометрического характера (только в Алахадзы оно круглое). Достаточно трудно датировать такого рода кресты, ориентируясь лишь на их предельно лаконичную форму. Однако, если версия А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого по поводу датировки храма верна, то среди крестов средневизантийского периода легко отыскать аналогии для креста с плиты из церкви в Пшоухва. Таким образом, с большой долей вероятности этот крест тоже можно датировать X в.

⁶ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 110.

⁷ Автор благодарит Н. Е. Гайдукова за предоставленные фотографии этой находки.

⁸ См. аналогии среди средневековых византийских крестов в главе, посвященной церкви № 3 в Алахадзы.

Центральная Абхазия

Церковь в селе Хуап

Храм в урочище Амбара около села Хуап состоит из двух частей: раннего храма зального типа и пристроенного к нему трехтравейного храма. Л. А. Шервашидзе датировал пристройку X–XI вв. благодаря найденному при раскопках сопутствующему материалу. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий, ссылаясь на форму апсиды этой постройки, датируют ее поздним Средневековьем⁹. Из этой постройки (фасадный камень) происходит рельеф с крестом мальтийского типа, хранящийся ныне в собрании АГМ (кат. муз. № 1).

В надписи, сделанной по поверхности рельефа, упоминается царь Георгий, а также говорится о посвящении церкви св. Николаю. По свидетельству Л. А. Шервашидзе, при обнаружении надписи на ней еще можно было прочесть имя женщины – Гурандухт. Первоиздатель надписи А. Авидзба считает, что в ней упоминается дочь Эгрисско-Абхазского царя Георгия II (922–957 гг.)¹⁰. На этом основании рельеф и надпись на нем относят ко времени именно этого царя¹¹. Однако по другой версии, сформулированной В. Силогава¹² на основе палеографического анализа, надпись относится ко времени царя Георгия III (1156–1184 гг.). Исходя из этого, он датирует надпись периодом между 1156 и 1178 годами. Этой же версии придерживаются Д. В. Белецкий и А. Ю. Виноградов¹³.

⁹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 96.

¹⁰ Авидзба А. Любопытная страница истории // Советская Абхазия, 1967. 7 октября.

¹¹ Абхазия с древнейших времен... С. 148.

¹² Силогава В. Эпиграфика... С. 51 (на груз. яз.).

¹³ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 95–96.

Церковь в селе Лыхны

Среди памятников «абхазской» школы¹⁴ храм в Лыхны уникален по степени своей сохранности. Это крестово-купольное строение на четырех столпах с нартексом дошло до нас в практически неизменном виде. Самое первое его описание принадлежит П. Гибалю, который побывал здесь в 1818 г.¹⁵ Затем это место упомянул Дюбуа де Монпере¹⁶. А первое подробное описание памятника сделала П. С. Уварова¹⁷. Храм этот благодаря уникальной по сохранности архитектуре и росписям (два слоя, X–XI и XIV вв.)¹⁸ фигурирует практически во всех работах по искусству Абхазии средневизантийского периода¹⁹. У северо-западного угла его в 1964 г. проводились раскопки²⁰. Ориентируясь на существовавшие внутри церкви во времена М. Броссе грузинские надписи²¹ и особенности архитектуры, большинство исследователей относят храм к X–XI вв.²². Вероятнее всего, эту датировку можно сузить до X в.²³

¹⁴ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 191–203.

¹⁵ Хрушкова Л. Г. Сведения о памятниках села Лыхны у некоторых зарубежных авторов // Известия АИЯЛИ. Т. 15. 1989. С. 56–72.

¹⁶ Dubois de Monpéroux F. Voyage... Т. I. P. 264.

¹⁷ Уварова П. С. Христианские древности... С. 14–17.

¹⁸ Шервашидзе Л. А. Средневековая монументальная живопись... С. 67–148.

¹⁹ См.: Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 160–161; Милованова Н. А. Абхазия христианская. Сухум, 2014. С. 84–88.

²⁰ Хрушкова Л. Г. Лыхны... С. 57–59.

²¹ Brosset M. Rapports... P. 116.

²² См.: Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 161.

²³ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 191–203; Khroushkova L. Les monuments... P. 115–118; Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 155–164; Хрушкова Л. Г. Абхазия в эпоху средних веков... С. 131–136; Сакания С. М., Требелева Г. В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы... С. 77–80.

Внутри сохранились не только фрагменты росписей нескольких периодов, но и остатки архитектурной декорации. Точнее, фрагменты алтарной преграды, изготовленные, скорее всего, одновременно со зданием церкви. Правда, они находятся не *in situ*, но переиспользованы²⁴. Р. О. Шмерлинг отмечает изысканное мастерство, с каким выполнены сохранившиеся фрагменты этой гипсовой алтарной преграды²⁵. К сожалению, от нее уцелели только «четыре столбика, поддерживавших в свое время арочки антаблемента, и неловко сложенные вместе куски наружного обрамления плит»²⁶.

1. Капитель столбика алтарной преграды (ил. 167)²⁷.

Л. Г. Хрушкова пишет, что этот, как и остальные, фрагменты алтарной преграды сделаны из известняка²⁸, однако на самом деле они сделаны из гипса²⁹.

Находится внутри собора Успения Богоматери в Лыхны, входит в состав импровизированного кивория, приставленного к западной стороне подкупольного устоя³⁰. На каждой из сторон капители показан идентичный, симметричный относительно центральной оси орнамент: четыре круга, составленных из стилизованного стебля растения с многодольным листом в каждом из них. В центре композиции каждой грани капители – стилизованная шишечка.

²⁴ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 162.

²⁵ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 166–167. Таб. 66.

²⁶ Там же. С. 166.

²⁷ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 161–162. Рис. 287, 288.

²⁸ Там же. С. 161.

²⁹ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 166–167. Таб. 66.

³⁰ Там же. С. 166.

Л. Г. Хрушкова отмечает, что «трактовка цветочного орнамента с его ясностью построения близка к византийским изделиям прикладного искусства (серебро)»³¹. Среди ближайших территориальных аналогий – фрагменты алтарной преграды из Ачануа (кат. Ачануа № 1) и из Мсыгхуа (кат. Мсыгхуа № 1). В своей более ранней работе исследовательница вслед за Р. О. Шмерлинг³² относит этот фрагмент к рубежу X–XI вв.³³, а в одной из недавних – и в этом с ней можно согласиться – к X в³⁴.

2. Фрагмент наружного обрамления плиты алтарной преграды с рельефным S-образным орнаментом (ил. 168)³⁵.
Гипс.

Находится внутри церкви Успения Богородицы в Лыхны, входит в состав импровизированного кивория, приставленного к западной стороне подкупольного устоя³⁶. Украшен так называемым S-образным орнаментом. Подобного рода орнамент был широко распространен в грузинской архитектурной пластике X–XI вв³⁷.

Среди многочисленных аналогий можно указать на сохранившуюся внутри собора в Бедии плиту (над входом в жертвенник) с изображением процветшего креста (кат. Бедиа № 4), на плиту с изображением Распятия из Абхазского государственного музея (кат. муз. № 12), а также фрагмент из Малого Ахуна. Аналогич-

³¹ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 96. Табл. XLVIII, 2.

³² Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 167.

³³ Там же.

³⁴ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 162.

³⁵ Там же. С. 162. Рис. 289, 290.

³⁶ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 166.

³⁷ Там же.

ный орнамент встречается и на архитраве двери церкви Тбети близ Цхинвала (рубеж X–XI вв.)³⁸.

Р. О. Шмерлинг датирует фрагмент, как и остальные (№ 1, 3) этой гипсовой алтарной преграды, рубежом X и XI вв.³⁹. Учитывая наиболее вероятный вариант датировки собора, его можно отнести вместе с № 1 к X в.

3. Фрагмент базы столбика (ил. 169)⁴⁰.

Гипс.

Находится внутри собора Успения Богоматери в Лыхны, входит в состав импровизированного кивория, приставленного к западной стороне подкупольного устоя⁴¹.

База столбика алтарной преграды с четырех сторон украшена однотипным орнаментом – мотивом перевязанного плата, «край которого вырезан фестончиками соответственно членению поверхности узкими лопастями»⁴². Р. О. Шмерлинг считает этот мотив оригинальным и не приводит аналогий⁴³, что не мешает ей датировать его, как и № 1 и 2, рубежом X и XI вв.⁴⁴, исходя из стилистического анализа их узоров. Вероятно, в данном случае с этой датировкой, скорректировав ее в сторону X в., можно согласиться.

³⁸ Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 68. Ил. 58.

³⁹ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 167.

⁴⁰ Там же. С. 162. Рис. 291, 292.

⁴¹ Там же. С. 166.

⁴² Там же. С. 167.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

Храмовый комплекс на Бамборском мысу

Храм на Бамборском мысу близ устья реки Пшандра (Гудаутский район Абхазии), именуемый также Айлага-Абыку и Сера-Баба⁴⁵, впервые был упомянут Ф. Дюбуа де Монпере⁴⁶. Затем его описали П. С. Уварова⁴⁷ и И. Е. Адзинба⁴⁸. Л. А. Шервашидзе в 1972–1974 гг. произвел расчистку этого храма. Результаты его работ были опубликованы, но, к сожалению, без фотографий⁴⁹. Л. Г. Хрушкова и Л. Н. Большаков обмерили храм в 1988 г.⁵⁰ А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий подробно проанализировали строительные особенности храма и выдвинули интересную версию по поводу уточнения его датировки⁵¹.

Храмовый комплекс состоит из трех параллельно примыкающих друг к другу зальных церквей. В северном храме найдены фрагменты архитектурной декорации разного рода. По сообщению Л. А. Шервашидзе, орнаментированы были обрамления его проемов и карнизов. Также исследователь отметил присутствие орнаментальных мотивов на гладких поверхностях фасадов⁵². Набор их достаточно разнообразен: полочки и валики, жгут, розетки из переплетенных валиков, розетки с лепестками в круге, «сельджукская сеть», бегунец, пересекающиеся полукружия, трехрядная плетенка из кругов и трех валиков. Это сообщение подтверждено photographиями из отчетов Л. А. Шервашидзе об археологических работах за 1973–1974 гг., сохранившихся

⁴⁵ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 157.

⁴⁶ Dubois de Montpereux F. Voyage... Т. I. Р. 271.

⁴⁷ Уварова П. С. Кавказ... С. 145–148; Уварова П. С. Христианские древности... С. 31–33.

⁴⁸ Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии...

⁴⁹ Шервашидзе Л. А. Айлага-Абыку... С. 160–161.

⁵⁰ Хрушкова Л. Г. Лыхны... С. 87–89. Рис. 61–64; Khroushkova. Les monuments... Р. 131–132, 284–285. Pl. 98a–99b; Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 169–175.

⁵¹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 157–165.

⁵² Шервашидзе Л. А. Айлага-Абыку... С. 159.

в архиве Научного археологического центра им. О. Лордкипанидзе в Тбилиси. Они были найдены и обнародованы А. Ю. Виноградовым и Д. В. Белецким⁵³.

Фрагменты архитектурной декорации храма (три единицы) были обнаружены в хранилище бывшего Государственного Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия. Однако, по предположению Л. А. Шервашидзе, они относятся к более позднему времени – к XIII–XIV вв.⁵⁴. Это фрагменты фриза с орнаментом, составленным из полукруглых остроконечных валиков и желобков с фрагментами бегунца.

Кроме того, в том же северном храме Л. А. Шервашидзе обнаружил фрагменты архитрава алтарной преграды с греческой надписью и плетеным геометрическим орнаментом. Один фрагмент этой надписи хранится в фондах Абхазского государственного музея (кат. муз. № 23), а другой известен по прорисовке. Его изображение также было обнаружено А. Ю. Виноградовым и Д. В. Белецким в отчетах Л. А. Шервашидзе об археологических работах за 1973–1974 гг. из архива Научного археологического центра им. О. Лордкипанидзе в Тбилиси и впервые опубликовано⁵⁵.

Кроме того, на южном фасаде главного храма была найдена плита с процветшим крестом⁵⁶. Л. А. Шервашидзе и Л. Г. Хрушкова предложили датировать храм X–XI вв., основываясь в своих предположениях на характерной форме креста на выявленном рельефе⁵⁷. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий в целом поддерживали эту версию, подкрепив ее анализом характерных конструк-

⁵³ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 162–163. Рис. 75, 76.

⁵⁴ Chervachidzé L. Le complexe... P. 96.

⁵⁵ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 163. Рис. 76.

⁵⁶ Там же. С. 161. Рис. 74.

⁵⁷ Шервашидзе Л. А. Айлага-Абыку...; Khroushkova L. Les monuments... P. 131–132; Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 169–175; Сакания С. М., Требелева Г. В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы... С. 73–77.

тивных элементов комплекса⁵⁸, однако все же предложили уточнить датировку и сузить ее до времени царствования абхазского царя Георгия II (922–957 гг.). Гипотеза строится на прочтении надписи на фрагменте архитрава алтарной преграды из северного храма. Некоторые критические замечания по ее поводу изложены в статье, посвященной фрагменту этой алтарной преграды, хранящемуся в фондах Абхазского государственного музея (кат. муз. № 23).

1. Плита с изображением процветшего креста (ил. 170)⁵⁹.

Известняк.

Находится там, где найдена, — у южного входа в северный храм.

На прямоугольной плите вырезан процветший крест. Его перекладыны расширяются к концам, их углы украшены декоративными кружочками. У основания креста — ножка на стилизованной сфере. От подножия креста поднимаются два симметрично расположенных побега растения. Как

отмечает Л. Г. Хрушкова, этот мотив процветшего креста часто встречается в IX–X вв. Исследовательница считает северный храм самым ранним в комплексе и датирует его, вслед за крестом, именно этим временем. Остальные постройки комплекса, по ее мнению, возведены несколько позже — в X–XI вв.

Не возражая против этих предположений, отмечу лишь, что кресты такой формы были распространены и в X–XI вв. Пример — процессионный крест с перекладами аналогичной формы (правда, не процветший) из Византии, датируемый XI в⁶⁰.

⁵⁸ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 164.

⁵⁹ Khroushkova L. Les monuments... Р. 132. Pl. 98 d; Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 171–172. Рис. 315.

⁶⁰ Пескова А. А., Строкова Л. В. Христианские древности... С. 174–180. Кат. № 70.

Храм в Мюссере

Как отмечают А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий, храм в Мюссере (Мысре) около устья реки Амбара – «один из самых загадочных в зодчестве Абхазии»⁶¹. Если говорить об истории его изучения, то следует указать, что в научный оборот его ввел архимандрит Леонид (Кавелин)⁶². С этим храмом не ассоциируются никакие надписи, в нем практически нет резного декора (за исключением двух переиспользованных блоков, видимо, алтарной преграды, о которых будет сказано ниже). Последнее обстоятельство затрудняет датировку здания. Л. Рчеулишвили⁶³ и И. Бердзенишвили⁶⁴ склоняются к версии ранней датировки, в рамках VI–VIII веков. Э. Нойбауер, как и некоторые другие исследователи, относит его к «переходному периоду» (VIII–IX вв.)⁶⁵. За версию более поздней датировки памятника выступают В. П. Пачулиа (IX–XII вв.)⁶⁶ и Ю. Н. Воронов (X–XI вв.)⁶⁷.

Л. Г. Хрушкова не рискует высказываться о датировке храма⁶⁸. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий на основе визуального анализа сохранившихся руин пришли к выводу о том, что время его строительства можно сопоставить с возведением собора

⁶¹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 146; Сакания С. М., Требелева Г. В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы... С. 62–66.

⁶² Архимандрит Леонид. Абхазия и в ней... С. 42.

⁶³ Конец VI–VII век: Рчеулишвили Л. Купольная архитектура... С. 74–75.

⁶⁴ VII–VIII века: Бердзенишвили И. Вопрос о распространении христианства в Абхазии по данным археологии (IV–VIII вв.). Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. Тбилиси, 2006. С. 12.

⁶⁵ Neubauer E. Abchasische Architektur im Spannungsfeld zwischen Georgien und Byzanz (6 bis 11 Jahrhundert) // Byzantinischer Kunstexport / Hrsg. von H. Nickel. Halle, 1978. S. 72–74; Alpago Novello A., Beridze V., Lafontaine – Dosogne J. Art and architecture in medieval Georgia Louvain, 1980. P. 402; Mepisashvili V., Tsintsadze R. Arts of ancient Georgia. London, 1979. P. 106.

⁶⁶ Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии. Их значение и охрана. М., 1968. С. 60.

⁶⁷ Воронов Ю. Н. В мире... С. 73.

⁶⁸ Khroushkova L. Les monuments... P. 111–112.

в Мокве (957–967 гг.) и Пицундского собора (около 970 г.)⁶⁹. Кроме того, опять же по результатам визуального анализа сохранившихся частей храма исследователям удалось выделить два этапа в строительных работах⁷⁰.

Таким образом, по их мнению, Мюссерский храм «мог появиться в Абхазском царстве только благодаря зодчим из Самцхе, Картли или Тао-Кларджети, которые, впрочем, для устройства западной стены наоса использовали схему из крестово-купольных храмов «абхазской школы», а в западной стене хор устроили вход по подобию Моквского собора... А вот для возведения самого технически сложного элемента – сводов центрального нефа и хор, были приглашены строители Пицундского собора, которые соорудили также перегородку в северном нефе»⁷¹.

К числу несомненных удач этих авторов следует также отнести обнаружение двух резных блоков, вторично использованных в кладке северной стены клеристория и южной стены хор⁷². Из этих двух блоков только один украшен выразительным орнаментом.

1. Блок с геометрическим плетеным орнаментом (ил. 171)⁷³.

Известняк.

Переиспользован в кладке свода (северная пята свода наоса).

По фотографии, опубликованной А. Ю. Виноградовым и Д. В. Белецким⁷⁴, можно судить о характере декора этого блока. Скорей всего, это фрагмент некоего фриза, украшенного плетеным геометрическим орнаментом, составленным из ленты плетения

⁶⁹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 155.

⁷⁰ Там же. С. 153.

⁷¹ Там же. С. 155.

⁷² Там же. С. 153. Ил. 64.

⁷³ Там же. Ил. 64.

⁷⁴ Там же.

в три полосы. В основе декоративной схемы – переплетающиеся круги большого и малого диаметра. Подобного рода орнамент был широко распространен по всей территории Византийской империи и Кавказа в X–XI вв. (см. подробнее об аналогиях в аннотации к рельефу из Анакопии (кат. Анак. № 14). Датировка этого блока не противоречит гипотезе о времени строительства собора, предложенной А. Ю. Виноградовым и Д. В. Белецким.

Храм в Бзыбской крепости

Бзыбский храм расположен на территории одноименной крепости, которая перекрывала проход от моря в ущелье реки Бзыби и, соответственно, дорогу к перевалам в Аланию⁷⁵. С. В. Чернявский первым упомянул этот храм в научной литературе⁷⁶. П. С. Уварова сделала описание храма и опубликовала его план⁷⁷. В 1948–1955 гг. Р. Гвердцители руководил здесь раскопками. Целью их был поиск уровня первоначального пола⁷⁸. Тогда же храм расчистили, произвели его обмеры и консервацию.

Л. Д. Рчеулишвили уделил много внимания анализу конструктивных особенностей храма. Благодаря опубликованным этим исследователем фотографиям появилась возможность изучить и его архитектурную декорацию⁷⁹. Исходя из художественных особенностей сохранившихся фрагментов резьбы храма, Л. Д. Рчеулишвили отнес его постройку к VIII–IX вв.⁸⁰.

⁷⁵ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 167.

⁷⁶ Чернявский С. В. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. М., 1879. С. 19–20.

⁷⁷ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 12–13.

⁷⁸ См.: Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура... С. 8. Прим. 4.

⁷⁹ Там же. С. 19.

⁸⁰ Рчеулишвили Л. Д. Композиция трех крестов... С. 11; Сакания С. М., Требелева Г. В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы... С. 54–56.

Л. Г. Хрушкова без объяснений датировала храм началом X в.⁸¹, а в своей недавней работе – концом IX–X вв.⁸². А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий, подробно проанализировав фрагменты архитектурной декорации храма и учтя при этом уточненные варианты датировок ближайших аналогий, пришли к выводу, что его можно с осторожностью отнести ко времени правления царя Георгия II (922–957 гг.)⁸³.

В ходе расчистки памятника были обнаружены и реконструированы значительные и очень интересные для исследователей фрагменты архитектурной декорации храма. Так, в 1955 г. археолог Р. Гвердцители обнаружил фрагменты украшения западной двери. «Декор представлял собой обведенную вокруг люнеты двери орнаментальную полосу, концы которой горизонтально загнуты. Как видно по найденным фрагментам, орнаментальный мотив полосы завершая двери составлял ряд кругов, возникающих сплетением узкой рельефной ленты. Поверхность ленты разделена на равные части неглубокой выемкой»⁸⁴.

Тогда же было найдено достаточное количество фрагментов, чтобы реконструировать и оформление южной двери⁸⁵. Она была оформлена бровкой с орнаментальным фризом, составленным из ряда кругов, как бы продетых друг в друга. Восточный фасад был, судя по сохранившимся *in situ* некоторым деталям, оформлен общей для трех окон центральной апсиды бровкой. «Она представляет собой тягу шириной 23 см, которая разделена на три части – по краям даны крученые жгуты, посередине же полоса треугольного профиля»⁸⁶.

Среди наиболее значительных фрагментов внешней облицовки храма можно указать следующие.

⁸¹ Khroushkova L. Les monuments... P. 102–103.

⁸² Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 129–130.

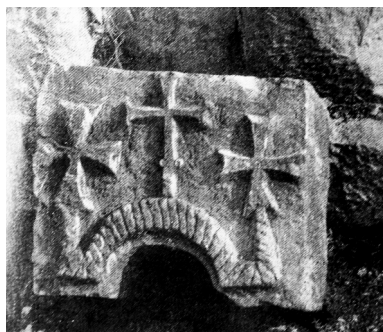
⁸³ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 178.

⁸⁴ Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура... С. 13.

⁸⁵ Там же. С. 14, 15.

⁸⁶ Там же. С. 12, 14.

1. Верхний наличник окна с изображением трех крестов (ил. 172)⁸⁷.

Известняк.

Настоящее местонахождение неизвестно. Обнаружен внутри храма. По предположению Р. Гвердцители, должен был находиться над средним верхним окном южного фасада⁸⁸.

На плите в форме верхнего наличника щелевидного окна

сохранилась композиция из трех крестов, стоящих на витом жгуте. Центральный крест возвышается над двумя другими. Перекладины всех трех крестов расширяются от центра и имеют форму так называемого ласточкина хвоста. Наиболее близкая аналогия – плита с тремя крестами с Анакопийской горы (кат. Анак. № 11), которую, по последним данным, можно датировать X–XI вв.

Витой жгут у основания крестов украшает также верхний наличник щелевидного окна в этом же храме. Некоторую историю бытования подобного мотива составили А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий⁸⁹. В частности, они отметили, ссылаясь на аналогии, что этот декоративный элемент был особенно популярен в Анийском царстве около 930 г.⁹⁰ (в частности, на церкви свв. Апостолов в Карсе и Сурб Минас в Хоромосванке). Он также встречается во второй половине IX в. на грузинских памятниках (Ксанский Армази)⁹¹. Среди ближайших территориальных аналогий хочется указать (помимо креста в круге из Анакопии) (кат. Анак. № 12) на группу рельефов из Мрамбы (плиту с изо-

⁸⁷ Там же. Табл. 7.

⁸⁸ Там же. С. 14, 15.

⁸⁹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 177.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

бражением креста в круге (кат. Цебельда № 6) и плиту с изображением четырехлепестковой розетки в прямоугольной рамке (кат. Цебельда № 7)), которые можно отнести, видимо, к слою XI в.

Л. Д. Рчеулишвили датировал эту композицию VIII–IX вв.⁹² Орнаменты с использованием витого жгута встречаются на навершии окна из Берис-сакдари в Эредви (середина X в.)⁹³ и на капители обхода церкви в Сохта (рубеж X–XI вв.)⁹⁴, на навершии окна из Касагина⁹⁵, а также в обрамлении креста над восточным окном церкви в Ачабети⁹⁶.

2. Верхний наличник окна с витым жгутом (ил. 173)⁹⁷.

Известняк.

Размеры – 110 х 30 х 22 см. Ширина рельефной полосы – 3,5 х 4 см.⁹⁸ Настоящее местонахождение неизвестно.

Найден при расчистке у западного портика в 1959 г.⁹⁹ Представляет собой навершие одного из окон западного рукава, скорее всего, центрального окна¹⁰⁰.

Прямоугольный блок, который, видимо, выполнял функцию верхнего наличника щелевидного окна, украшен прямоугольной же рамкой, составленной из витого жгута, подобного тому, что служит основанием для композиции из трех крестов (№ 1). Особенности бытования этого мотива и некоторые аналогии ему указаны в аннотации к № 1. Приведенные аналогии говорят

⁹² Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура... С. 23.

⁹³ Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 66. Ил. 57.

⁹⁴ Там же. С. 90. Ил. 80.

⁹⁵ Там же. С. 83. Ил. 73.

⁹⁶ Там же. С. 105. Ил. 95.

⁹⁷ Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура... Табл. 5.

⁹⁸ Там же. С. 13.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

в пользу того, что этот блок можно, вероятнее всего, датировать X в. (учитывая варианты датировки данного храма).

3. Фрагмент верхнего наличника окна с полудугой, составленной из витого жгута (ил. 174)¹⁰¹.

Известняк.

На фотографии, впервые опубликованной Л. Д. Рчеулишвили, показан прямоугольный блок с одним срезанным углом, что заставляет видеть в этом фрагменте элемент облицовки портала или окна. Из резного декора – две параллельные дугообразные полосы из витого жгута. Подробнее об этом декоративном элементе (витой жгут) см. в аннотации к № 1. Учитывая возможные варианты датировки храма и приведенные аналогии, этот фрагмент, вероятно, можно датировать, как и № 1, 2, X в.

4. Фрагмент резного блока с плетеным геометрическим орнаментом (ил. 175)¹⁰².

Известняк.

На фотографии, впервые опубликованной Л. Д. Рчеулишвили, виден фрагмент плиты, украшенной фризом (ограничен рельефно выступающим валиком сверху и снизу), составленным из плетеного геометрического орнамента – ленты плетения в три полосы и ленты плетения с шариками. Подобного рода орнаменты получили особое распространение на территории Византийской империи и на Кавказе в X–XI вв.¹⁰³

¹⁰¹ Там же. Табл. 7.

¹⁰² Там же. Табл. 9.

¹⁰³ См. подробнее аннотацию к каталогу рельефов с плетеными геометрическими орнаментами с горы Анакопия.

Этот редкий извод (когда к ленте плетения в три полосы добавляется лента с шариками) широко распространенной схемы встречается также на двух фрагментах из Лоо (кат. Лоо № 2, 3). Учитывая возможные варианты датировки храма и приведенные аналогии, фрагмент, вероятно, можно датировать, как и № 1, 2, 3, X в.

5. Верхний наличник окна с лентой с закручивающимися концами (ил. 176)¹⁰⁴.

Известняк.

Сохранился *in situ* на южном фасаде (нижнее правое окно). Украшает верхнюю часть щелевидного окна. На блоке видна лента с закручивающимися концами. По замечанию А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, которые основываются на наблюдениях Л. Д. Рчеулишвили, находит ближайшие аналогии в картлийских храмах Джварпатиосани в Теловани и Берис Сакдари в Эредви. Второй достаточно четко датируется первой четвертью X в., а первый можно отнести и к VII в., так как его фасады переделывались¹⁰⁵.

Учитывая возможные варианты датировки храма и приведенные аналогии, этот фрагмент, вероятно, можно датировать, как и № 1, 2, 3, 4, X в.

Восточная Абхазия

Церковь в селе Илори

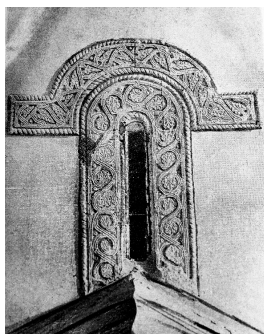
Церковь в Илори находится недалеко от г. Очамчира. Она была очень популярна в Абхазии в период турецкого владыче-

¹⁰⁴ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... Рис. 187; Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура... Табл. 6.

¹⁰⁵ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 177.

ства¹⁰⁶ благодаря необычному обряду, связанному с жертвоприношением быка. Здание исследовано А. К. Кацией и датировано XI в.¹⁰⁷ С этим мнением согласна Л. Г. Хрушкова¹⁰⁸. Из резного убранства интерьера сохранилось обрамление окна.

1. Резное обрамление окна (ил. 177)¹⁰⁹.

Известняк.

Сохранилось *in situ* на западном фасаде.

Щелевидное окно на западном фасаде обрамлено широкой резной орнаментальной лентой. Верхняя часть окна дополнительно декорирована резным архивольтом. Характер орнамента типичен для пластики Закавказья X–XI вв. Это так называемый S-образный орнамент. Из территориально близких аналогий подобного рода такой, к примеру, украшает фрагменты алтарной из Лыхны (кат. Лыхны № 2) и переиспользованный в интерьере собора в Бедиа блок (кат. Бедиа № 4), а также резной блок из Малого Ахуна и поля плиты со сценой Распятия из Анухвы (кат. муз. № 12). Некоторые образцы этого орнамента встречаются также на архитраве двери из Тбети близ Цхинвала (рубеж X–XI вв.)¹¹⁰.

Собор в Мокве

Знаменитый своей элегантностью, размерами и тем, что «единственный в «абхазской» школе имеет надежную точную

¹⁰⁶ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 179.

¹⁰⁷ Кация А. К. Илори...

¹⁰⁸ Khroushkova L. Les monuments... Р. 109; Хрушкова Л. Г. Абхазия в эпоху средних веков... С. 126–127.

¹⁰⁹ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 182. Рис. 343.

¹¹⁰ Мепишавили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 68. Ил. 58.

датировку», собор¹¹¹, к несчастью, практически лишен архитектурной декорации¹¹². Возможно, такое положение вещей явилось следствием «реставрации», произведенной владельческим князем Михаилом Шервашидзе между 1859 и 1865 гг.¹¹³ В это время была полностью заменена наружная облицовка здания и разобраны остатки его притворов¹¹⁴.

Собор выстроен из местного известняка, однако в его интерьере использовался также мрамор. Об этом упоминает М. Броссе, который в 1848 году видел в церкви вымостку из белого мрамора и остатки изящно вытесанных карнизов¹¹⁵. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий разумно предполагают, что эти фрагменты мраморной декорации составляли некогда часть темплона (алтарной преграды)¹¹⁶.

В ходе подготовительных к реставрационным работ 1986–1987 гг. (архитекторы В. М. Цинцадзе и М. А. Уридия при участии Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажбы), результаты которых не опубликованы¹¹⁷, были обнаружены элементы мраморной декорации храма (фрагмент колонки и три капители).

Л. Г. Хрушкова последовательно в своих работах считает их типичными для юстиниановского времени¹¹⁸. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий говорят о них как о вторично исполь-

¹¹¹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 211.

¹¹² См.: Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 211–233; Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 139–146.

¹¹³ См.: Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 214.

¹¹⁴ Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура... С. 59–61.

¹¹⁵ См. Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 140; Khroushkova L. Les monuments chrétiens... P. 104–106. Pl. 107 a–c.

¹¹⁶ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 226.

¹¹⁷ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 144.

¹¹⁸ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 145, 146; Khroushkova L. Les monuments chrétiens... P. 106; Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 21–22.

зованных деталях ранневизантийского периода¹¹⁹. Однако, как будет показано ниже, некоторые аналогии и техника резьбы этих капителей позволяют считать их средневизантийскими и, следовательно, принадлежащими к оригинальному интерьеру собора в Мокве.

1. Капитель – импост с изображением креста и растительного орнамента в трапециевидных рамках (ил. 178)¹²⁰.

Мрамор.

Точные размеры неизвестны. Находится внутри собора в Мокве.

На опубликованных Л. Г. Хрушковой фотографиях видно, что это небольшого размера капитель, на одной стороне которой вырезан выступающий крест с расширенными концами перекладин в трапециевидной рамке. Другая сторона изображает в рамке такой же формы некое растение с симметрично представленными пышными листьями с кругом по центральной оси. Плоскостный характер резьбы, а также специфическая форма креста заставляют искать аналогии для этих изображений среди архитектурной пластики средневизантийского периода¹²¹.

И действительно, аналогии есть. Среди средневизантийских капителей Малой Азии в изобилии представлены экземпляры, украшенные таким же набором элементов: трапециевидная

¹¹⁹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 226.

¹²⁰ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 146. Рис. 242; Khroushkova L. Les monuments chrétiens... P. 106. Pl. 107 c.

¹²¹ См.: Ендольцева Е. Ю., Чхаидзе В. Н. Лапидарная коллекция Таманского городища: варианты идентификации византийских рельефов // Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 21. 2016. № 5. С. 55–66.

рамка с изображением на гладком фоне внутри¹²². Изображение, как и в случае с капителью из Моквы, плоское. Выполнены изображения несколько схематично, им не хватает пластичности ранневизантийского времени. Среди наиболее близких аналогий (совпадают форма креста и трактовка растительного мотива, а также сочетание этих элементов на одном артефакте), к примеру, – капитель из музея на Родосе¹²³, из Гебзе (внутренний двор Орхан Джами)¹²⁴ и капитель из музея в Эрдемли¹²⁵.

Вышеприведенные аналогии, как представляется, убеждают в том, что эту капитель можно датировать средневизантийским периодом, а в нашем случае отнести ко времени строительства собора в Мокве, то есть к X в.

2. Коринфская капитель (ил. 179)¹²⁶.

Мрамор.

Размеры неизвестны. По сообщению Л. Г. Хрушковой, капитель находится (как и № 3) в Национальном музее Грузии им. С. Джанашиа¹²⁷.

На капители листья аканфа расположены в два ряда. Характер резьбы, как и рисунок, достаточно схематичен и плоскостен. В верхнем ряду листьев, по центральной оси, виден небольшого размера орнаментальный мотив в виде сердечка, который расположен на пересечении двух стилизованных диагоналей.

¹²² Dennert M. *Mittelbyzantinische Kapitelle...* Taf. 13. 71–74. Taf. 14. 75 a–80. Taf. 15. 81–87. Taf. 16, 17, 18. 103 a–104.

¹²³ Ibid. Pl. 13. 73.

¹²⁴ Ibid. Pl. 15. 85.

¹²⁵ Ibid. Pl. 17. 93.

¹²⁶ Хрушкова Л. Г. *Восточное Причерноморье...* С. 146. Рис. 244–245.

¹²⁷ Khroushkova L. *Les monuments chrétiens...* P. 106.

Среди близких по трактовке аканфа средневизантийских капителей – капитель из Хосиос Лукас¹²⁸ и из Мегале Панагии в Афинах¹²⁹. Как и в случае с № 1, эти аналогии позволяют предположить, что капитель относилась к оригинальному убранству интерьера собора в Мокве и может, следовательно, быть датирована X в.

3. Капитель с растительным орнаментом (ил. 180)¹³⁰.

Мрамор.

Размеры неизвестны.

По сообщению Л. Г. Хрушковой, находится (как и № 2) в Национальном музее Грузии им. С. Джанашиа¹³¹.

На капители представлен растительный орнамент в виде побегов растений. Характер резьбы плоскостной. Растительные элементы показаны схематично и несколько условно. Среди близких по трактовке растительного мотива аналогий – целая группа средневизантийских капителей. Среди них, к примеру, капители из Стамбула (Кахрие Джами)¹³², из Палаццо делла Раджоне в Помпозе¹³³, из Хосиос Лукас¹³⁴, из музея в Сельджуке¹³⁵, из Сан-Марко в Венеции¹³⁶, из Национального музея в Равенне¹³⁷ и из Румелихисара¹³⁸.

¹²⁸ Dennert M. Mittelbyzantinische Kapitelle... Taf. 1. 1a.

¹²⁹ Ibid. Taf. 7. 29.

¹³⁰ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 146. Рис. 243.

¹³¹ Khroushkova L. Les monuments chrétiens... P. 106.

¹³² Dennert M. Mittelbyzantinische Kapitelle... Taf. 31. 173–174.

¹³³ Ibid. Taf. 32. 179.

¹³⁴ Ibid. Taf. 37. 202.

¹³⁵ Ibid. Taf. 40. 218.

¹³⁶ Ibid. Taf. 41. 227.

¹³⁷ Ibid. Taf. 43. 235.

¹³⁸ Ibid. Taf. 44. 243.

Как в случае с № 1, 2, эти аналогии позволяют предположить, что капитель относилась к оригинальному убранству интерьера собора в Мокве и может, следовательно, быть датирована X в.

*Храм Киач Аныхабаа*¹³⁹

Древний храм Киач Аныхабаа (Киачский, Кечский, Кячский) находится неподалеку от с. Джгерда Очамчирского района, в местности Чегем, на левом берегу реки Кодор (в 8 км), на перевальной дороге через Панаюнский хребет на высоте 1030 м над уровнем моря (точные координаты по GPS-навигатору – 42°58'52'' с.ш. 41°21'40'' в.д.), на одной из старинных дорог из села Джгерда в Цебельду и Дал через Амзару и Богадский мост¹⁴⁰. Судя по всему, храм не был подвергнут реставрации. Его давно не расчищали, поэтому он сильно зарос в чаще букового леса. Практически до уровня сводов сохранились восточная, западная и северная стены. Южная стена серьезно пострадала – она почти полностью разрушена.

Конструктивно храм представляет собой «трехцерковную базилику» с тремя изолированными нефами и тремя не выраженными снаружи апсидами. Согласно плану, опубликованному Л. Д. Рчеулишвили¹⁴¹, северный неф был разделен перегородками на три части. «Средняя церковь» сильно вытянута по оси восток-запад, ее стены украшены тремя парами двухступенчатых пилястр с перекинутыми на них пристенными арками (с похожей аркой на западной стене). По мнению А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, «все три нефа были перекрыты сводами. В центральном нефу свод покоился на пяти подпружных арках (две из них были в торцах нефа), опиравшихся на пилястры»¹⁴².

¹³⁹ Ендольцева Е. Ю. Храм Киач-Абааныха (Аныхабаа)... С. 45–49.

¹⁴⁰ Адзинба И. Е. Архитектурные памятники... С. 90.

¹⁴¹ Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура... С. 75.

¹⁴² Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 155.

Основной объем здания сложен из тесаного туфовидного камня ширинами, добываемого неподалеку от храма¹⁴³. Арочные перемычки дверных проемов сложены из кирпича-плинфы (толщина 4–5 см). Судя по незначительным остаткам сводов, храм был покрыт черепицей¹⁴⁴. Неподалеку от основного здания с северной и восточной стороны обнаружены следы кладки, возможно, разоренного погребального склепа¹⁴⁵.

Местность, где находится храм, и история его возникновения овеяны легендами, отражающими древнейшие обрядовые практики. «По преданию, местность Кеч была заселена фамилией Кечевых (Кечаа, Киачаа). Однако легенда говорит о том, что Кечский храм строили Когония и Взаркая, которым несколько раз приходилось возводить стены, так как они разрушались. Тогда по совету старейшин Когония и Взаркая убили двух своих молодых незамужних сестер и, богато разодев их, похоронили под двумя углами храма, под фундаментом стен. После этого стены перестали разрушаться, и строительство храма благополучно было закончено. Кечская икона в старину пользовалась большой популярностью среди населения Абжуйской Абхазии («Серединной Абхазии»), именем Кечской иконы производили заклинания преступников (Кечныха). Фамилия Парлия (с. Чилоу) делала ей жертвоприношения. Остается неизвестным, в честь какой именно иконы был сооружен храм, ибо, по утверждению долгожителей этой местности (Логуа Н., Сангулия Г., Шармат Я.), с середины XVIII в. (с 50-х годов) до настоящего времени храм находился в запустении. Неизвестно также, сколько времени до середины XVIII в. он был в запустении. Очевидно, с появлением турок на побережье Черного моря (XVI–XVII вв.) этот древний храм был заброшен, и после присоединения Абхазии к России (1810 г.) служба в нем не воз-

¹⁴³ Адзинба И. Е. Архитектурные памятники... С. 90.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же. С. 92.

обновлялась»¹⁴⁶. По предположению С. М. Саканиа, который ссылается на «Описание Колхиды, называемой ныне Мингрелией» Ламберти Арканджело (XVII в.), Киацкий монастырь был посвящен св. Михаилу (Архангелу?)¹⁴⁷.

Известны также некоторые предметы церковной утвари, находившиеся изначально в этом храме. Их датировка до некоторой степени позволяет делать предположения о времени строительства самого здания. Серебряная рипида, фрагменты позолоченного разрезанного потира, использованные для украшения теки рипиды, и серебряное позолоченное кадило по стилистическим признакам можно датировать серединой X в.¹⁴⁸. К тому же на рипиде имеется надпись, в которой в качестве жертвователя упомянут царь Георгий¹⁴⁹ (Г. Н. Чубинашвили считает его царем Георгием, правившим до 957 г.).¹⁵⁰ Интересно, что, судя по всему, особо почитался не только сам храм, но даже и происходящие из него предметы. Так, по сообщению Е. С. Такайшвили, рипида эта пользовалась «большой славой и почетом в Мингрелии. Ее считали за святыню («хати») большой силы и при разборе выдающихся дел заставляли свидетелей приносить на ней присягу»¹⁵¹.

Храм издавна привлекал к себе внимание исследователей и путешественников. Киацкое аббатство упоминает Ламберти Арканджело в своей книге «Описание Колхиды, называемой ныне Мингрелией», о надписи на рипиде без точного обозначения упоминает М. Броссе¹⁵², а об ее особом почитании в Мингрелии свидетельствует Е. С. Такайшвили¹⁵³. В 1939 г.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Саканиа С. М. Кяцкий храм... С. 16–17 (на абх. яз.).

¹⁴⁸ Чубинашвили Г. Н. Грузинское чеканное искусство... С. 137–141, 146, 148–149. Ил. 21–25, 29–31.

¹⁴⁹ Там же. С. 138.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Цит. по: Чубинашвили Г. Н. Грузинское чеканное искусство... С. 138.

¹⁵² Brosset M. Rapports... 9.

¹⁵³ Такайшвили Е. С. Археологические экскурсии и заметки. Тбилиси, 1913. Т. 2. С. 238–240.

натурные исследования и обмеры храма были произведены И. Е. Адзинба¹⁵⁴. Этот исследователь отмечает его типологическую близость с церковью Амбара (Мюссера). Эпохой Средневековья датировал рассматриваемый памятник В. П. Пачулия¹⁵⁵. Л. Д. Рчеулишвили тоже увидел конструктивное сходство между двумя храмами, отнеся их к периоду VIII–IX вв.¹⁵⁶ И. Бердзенишвили, вслед за Л. Д. Рчеулишвили, также датировала памятник VIII–IX вв.¹⁵⁷ С. М. Сакания по итогам анализа декоративного оформления Киачского храма и общей эволюции формы «трехцерковной базилики» пришел к выводу, что построен храм в VI–VII вв.¹⁵⁸

Л. Г. Хрушкова, отметив необходимость дополнительных археологических исследований, предположила, что, исходя из плана храма (не выраженные снаружи апсиды и близкая грузинским «трехцерковным» базиликам форма без нартекса), а также благодаря особой форме пилястр (с двухступенчатыми выступами) его можно было бы, вероятно, отнести к XI в.¹⁵⁹ А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий также считают, что Киачский храм стал «упрощенной (без нартекса и хор) копией перестроенной Мюссерской базилики»¹⁶⁰. Обратив внимание на сходство размеров плинфы в обоих памятниках, они отнесли постройку Киачского храма ко времени перестройки Мюссеры, то есть около 970 г.¹⁶¹ В этом случае предметы церковной утвари (рипида, тека и кадило) можно

¹⁵⁴ Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии... С. 91.

¹⁵⁵ Пачулия В. П. Исторические памятники... С. 94.

¹⁵⁶ Рчеулишвили Л. Купольная архитектура... С. 75.

¹⁵⁷ Бердзенишвили И. Раннее христианство в Абхазии // *Stratum plus*. № 5. 2010. С. 319, 323; Бердзенишвили И. Вопрос о распространении христианства... С. 12.

¹⁵⁸ Сакания С. М. Кячский храм... С. 16–17.

¹⁵⁹ Khroushkova L. Les monuments... Р. 112; Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 191; Хрушкова Л. Г. Абхазия в эпоху средних веков... С. 130.

¹⁶⁰ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 155, 156.

¹⁶¹ Там же. С. 156.

датировать, по их мнению, временем правления царя Георгия II (1072–1089 гг.)¹⁶².

Со своей стороны, не будучи уверена в том, что форматы кирпичей в церквях средневековой Абхазии настолько хорошо изучены, чтобы быть безусловными датирующими признаками, предположу (и в этом помогает датировка трех предметов церковной утвари временем царя Георгия), что храм мог быть построен около середины X в. Как было показано выше, его конструктивные особенности не противоречат этой датировке.

1. Белокаменная деталь (ил. 181).

Известняк белый меловой.

Размеры: плиты – 7 х 28 см, бордюра – 8 х 2,5 см, шара – 30 см (поперечник), 12 см (высота от бордюра).

Предположительно – это основание арки (или фрагмент алтарной преграды). Деталь состоит из трех геометрических частей: квадратной в сечении

плиты (срезанный угол), бордюра и шара. Форма выявленного фрагмента белокаменной резьбы (не известной ранее в этом памятнике) позволяет сделать вывод, что он мог быть частью алтарной преграды. К такому умозаключению подталкивают аналогии. Так, фрагмент алтарной преграды (плита с опорным столбиком, украшенным колонкой) из Анухвы (XI в.) оформлен в нижней части декоративной колонки похожим образом¹⁶³. Среди территориально более отдаленных аналогий – несколько темплов, происходящих из церквей с территории Грузии.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Khroushkova L. Les monuments... Pl. 119d.

В зависимости от ситуации рассматриваемый декоративный элемент располагается в верхней части декоративной колонки, поддерживающей пятую арочку алтарной преграды¹⁶⁴, в ее центре¹⁶⁵ или у основания (а иногда одновременно в верхней и нижней части колонки)¹⁶⁶. Следует отметить, что подобная декоративная деталь встречается в грузинских храмах, начиная с раннего Средневековья¹⁶⁷. Однако наиболее близкие по форме к рассматриваемому фрагменту детали появляются в грузинских и абхазских темплонах, начиная с X в.¹⁶⁸ Наличие вышеописанного фрагмента внутри Киачского храма может косвенно свидетельствовать в пользу его датировки X–XI вв.

Ацкар (Цкелкар)

Храм был раскопан и открыт Л. А. Шервашидзе в 1962 г. в поселке Цкелкари Гальского района Абхазии. Наиболее раннюю центральную зальную церковь комплекса Л. А. Шервашидзе датирует X в.¹⁶⁹ С этим мнением соглашается Л. Г. Хрушкова¹⁷⁰. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий предлагают датировать ее XI в. и на этом основании исключают из рассмотрения в рамках архитектуры Абхазского царства¹⁷¹.

В самой ранней центральной церкви комплекса сохранились следы фресковой росписи двух слоев. Из этой же церкви происходят интересные образцы архитектурной декорации экс-

¹⁶⁴ Шмерлинг Р. О. Малые формы... Табл. 11, 13, 39.

¹⁶⁵ Там же. Табл. 39.

¹⁶⁶ Там же. Табл. 13, 39, 62, 64, 68, 70.

¹⁶⁷ Там же. Табл. 13.

¹⁶⁸ Там же. Табл. 39, 70; Khroushkova L. Les monuments... Pl. 119d; Iamanidze N. Les installations... Fig. 166.

¹⁶⁹ Шервашидзе Л. А. Цкелкари (Ацкар)... С. 39–63.

¹⁷⁰ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 183–184; Khroushkova L. Les monuments... Р. 110; Хрушкова Л. Г. Абхазия в эпоху средних веков... С. 128.

¹⁷¹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 92–93.

терьера¹⁷². Другие фрагменты архитектурной декорации украшают пристройки к центральной церкви, которые, как и сами рельефы, Л. А. Шервашидзе датирует XIII–XIV вв.¹⁷³. Поэтому в рамках данного исследования они рассмотрены не будут.

1. Фрагмент архитектурной декорации над окном на восточном фасаде и над окнами западного фасада (ил. 182)¹⁷⁴.

Известняк.

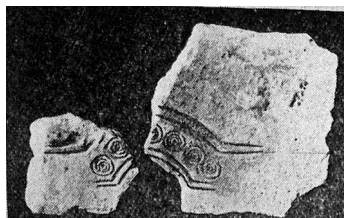
Сохранялся *in situ*¹⁷⁵.

Орнаментированная бровка.

«Состоит из двух валиков и ряда кружков между валиками»¹⁷⁶.

Каждый кружок имеет конусовидное углубление посередине.

И валики, и кружки все заподлицо с поверхностью стены. Заглублено до 0,5 см.¹⁷⁷

Л. А. Шервашидзе отмечает, что подобного рода декорация очень редка. Среди отдаленных аналогий он приводит декор церкви в селе Агара в Джавахети (X в.), а также мотив навешивания в церкви в Сагамо (X в.)¹⁷⁸. Видимо, отдаленной аналогией такого орнаментального мотива можно также считать орнаментальную ленту, украшающую нижнюю часть верхнего наличника окна из Касагина¹⁷⁹ (X в.). А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий считают, что этот мотив распространился на территории Абхазского царства с XI в.¹⁸⁰

¹⁷² Шервашидзе Л. А. Цкелкари (Ацкар)... С. 48–51.

¹⁷³ Там же. С. 50–51.

¹⁷⁴ Там же. С. 41. Табл. 1. 1.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же. С. 42.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Dadiani T., Khundadze T., Kvachadze E. Medieval Georgian Sculpture... Р. 132. № 219, 220.

¹⁸⁰ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 92.

Церковь в крепости Герзеул

Крепость Герзеул находится в Гульрипшском районе неподалеку от села Мерхеул. О. Х. Бгажба и Ю. Н. Воронов исследовали ее и датировали VIII–IX вв.¹⁸¹ Церковь была построена в более позднее относительно крепости время. Ю. Н. Воронов отнес ее к XI–XII вв.¹⁸² С этой датировкой согласны также Л. Г. Хрушкова¹⁸³ и А. Ю. Виноградов с Д. В. Белецким¹⁸⁴.

Возведена была церковь на более ранних руинах¹⁸⁵. Внутри нее найдены фрагменты архитектурной декорации. Одно из самых красноречивых свидетельств характера резного убранства – фрагмент плиты алтарной преграды.

1. Фрагмент плиты алтарной преграды (ил. 183).

Известняк.

Размеры – 0,96 x 0,6 м.¹⁸⁶

Находится в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии в Новоафонском монастыре (г. Новый Афон). По информации, любезно предоставленной о. Дорофеем Дбаром, плита попала туда через художника Батала Джапуа, который нашел ее в сожженном в 1992 г. старом здании АБИГИ.

Судя по опубликованному О. Х. Бгажба и Ю. Н. Вороновым рисунку, на плите был изображен крест так называемого

¹⁸¹ Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Памятники села Герзеул. Сухуми, 1980. С. 33–35.

¹⁸² Воронов Ю. Н. Научные труды... С. 457.

¹⁸³ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 177; Khroushkova L. Les monuments... Р. 108; Хрушкова Л. Г. Абхазия в эпоху средних веков... С. 125.

¹⁸⁴ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 94.

¹⁸⁵ Воронов Ю. Н. Научные труды... С. 453–461.

¹⁸⁶ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 177. Рис. 327.

«мальтийского» процессионного типа. Видна часть поста-мента, на котором он был воздвигнут. Сам крест показан в круге. А на постаменте он расположен под импровизированной арочкой.

Л. Г. Хрушкова, ссылаясь на то, что «форма креста известна в Абхазии в 6–7 вв.»¹⁸⁷, склонна считать его происходящим из более ранней постройки. Однако для этого нет никаких оснований. Подобная форма креста была широко распространена также и в период зрелого Средневековья не только на территории Закавказья, но и по всей Византийской империи. К примеру, похожий крест в медальоне встречается на наличнике окна X в. из Касагина¹⁸⁸. Он (только не в круге, а под арочкой) также украшает навершие алтарного окна и тимпан западной двери церкви св. Георгия в Эредви¹⁸⁹. Похожий крест с процессионной функцией есть на верхнем наличнике окна из Иджарети¹⁹⁰ (X в.). Таким образом, эта плита, скорее всего, происходит из церкви XI–XII вв., а не является более ранней спolieй.

Церковь близ поселка Куламба

Церковь в поселке Куламба села Арасадзых Очамчирского района была выявлена абхазским краеведом и историком И. Е. Адзинба¹⁹¹. По свидетельству местных стариков, церковь была разрушена в 1916 г.¹⁹² От нее сохранилась алтарная часть стены до свода с оконным просветом, но без облицовки, от остальных трех стен остались основания до 0,60 м.¹⁹³ По сло-

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. *Medieval Georgian Sculpture...* P. 132. № 221.

¹⁸⁹ Меписашвили Р., Цинцадзе В. *Архитектура нагорной части...* С. 57. Ил. 47.

¹⁹⁰ Ibid. P. 141. № 254.

¹⁹¹ Адзинба И. Е. *Архитектурные памятники...* С. 98–99.

¹⁹² Там же. С. 98.

¹⁹³ Там же.

вам И. Е. Адзинба, на момент обследования им церкви там были обнаружены облицовочные камни¹⁹⁴, в том числе фрагменты внешней облицовки, которые, по словам исследователя, напоминали орнаментами облицовку Бедийского храма. Однако, судя по опубликованным Л. Г. Хрушковой фотографиям этой резьбы¹⁹⁵, она, скорее всего, сопоставима с собором XIV в., а не, как полагает исследовательница, с X–XI вв.¹⁹⁶ Действительно, похожий орнамент со сходной трактовкой резьбы (плоскостная непластичная линия, орнамент расположен плотно) встречается в облицовке северного портала этого храма (см. главу о Бедиа настоящего исследования). Однако этого нельзя сказать о фрагменте плиты алтарной преграды.

1. Фрагмент плиты алтарной преграды (ил. 184, 185)¹⁹⁷.

Известняк.

Размеры – 0,7 x 0,8 м.¹⁹⁸

Находится во дворе Абхазского государственного музея. Обнаружен около церкви И. Е. Ардзинба.

На гладком фоне плиты, как видно по фотографии, – заглубленный рельеф. Крест процессионного типа заглублен в поверхность плиты и окаймлен прямоугольной рамой. Плохой ракурс фотографии не позволяет рассмотреть все детали изображения, но кажется, что у креста перекладины расширены к концам, он покоится на сфере. С поперечных перекладин креста свисают массивные гроздья винограда. Сверху симметрично на поперечной перекладине показаны две птицы. Нельзя согласиться с Л. Г. Хрушковой в том, что представленные сим-

¹⁹⁴ Там же.

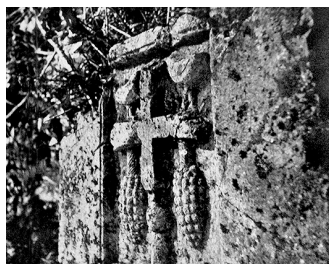
¹⁹⁵ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 328. Рис. 522, 523.

¹⁹⁶ Там же. С. 327.

¹⁹⁷ Там же. С. 328. Рис. 522, 523.

¹⁹⁸ Адзинба И. Е. Архитектурные памятники... С. 99.

волы являются специфически раннехристианскими¹⁹⁹. Такая форма креста была широко распространена в средневизантийское время. Один из примеров – медный процессионный крест X–XI вв²⁰⁰. Симметрично показанные птицы на перекладине креста встречаются, к примеру, на фрагменте плиты из Тамани IX–X вв²⁰¹.

А такой элемент, как массивные гроздья винограда, свисающие с поперечной перекладины креста, фигурируют на рельефе верхнего наличника окна из церкви св. Георгия в Бза X в²⁰².

Этот рельеф, таким образом, с большой долей вероятности может быть датирован эпохой Абхазского царства. Скорее всего, его можно отнести к началу XI в. Для уточнения же хронологии строительства самой церкви необходимы, и в этом я полностью согласна с Л. Г. Хрушковой²⁰³, дополнительные исследования.

Церкви со спорной датировкой

Храм на горе Лашкендар²⁰⁴

Развалины церкви находятся на левом берегу реки Аалдзга (Галидзга), на самой вершине лесистой горы Лашкендар (назва-

¹⁹⁹ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 327; Хрушкова Л. Г. Скульптура... Табл. XIX. 2.

²⁰⁰ Пескова А. А., Строкова Л. В. Христианские древности Византии... С. 172. № 69.

²⁰¹ Ендольцева Е. Ю., Чхаидзе В. Н. Лапидарная коллекция... С. 63. Рис. 3. 3.

²⁰² Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. Medieval Georgian Sculpture... P. 152. № 283.

²⁰³ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 327.

²⁰⁴ Глава написана на основе статьи: Ендольцева Е. Ю. Храм Лашкендар и абхазо-аланские культурные контакты: перспективы исследования // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 3. С. 298–308.

ние имеет отношение к древнейшему абхазскому языческому культу собаки – алышкендар²⁰⁵. А гора Лашкендар располагается в Восточной Абхазии, то есть совсем близко от предполагаемой трассы Великого шелкового пути, проходившего когда-то по нынешней территории республики. По размеру церковь небольшая. Она имеет алтарную апсиду, полукруглую снаружи и изнутри²⁰⁶. Две алтарные ниши располагаются с обеих сторон от апсиды. Наружная облицовка храма сохранилась очень плохо.

Датировка храма на горе Лашкендар вызывает определенные споры. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий относят его к разряду точно не датированных²⁰⁷. Исследователи считают этот храм скорее средневековым или даже построенным в более позднее время²⁰⁸. Ю. Н. Воронов, имея неточный план (по его версии, апсида была утоплена в толще восточной стены)²⁰⁹, датировал храм XI в. Л. Г. Хрушкова в своей монографии на французском языке, посвященной христианским памятникам Абхазии IV–XIV вв., относит его к эпохе Средневековья²¹⁰. А. Ю. Скаков и А. И. Джопуа²¹¹ в результате разведок на горе Лашкендар установили, что храм имел, как это было показано на плане М. М. Трапша, полукруглую снаружи и изнутри апсиду. Ссылаясь на уточненный план строения, они относят этот храм к VII в²¹². Тем не менее все эти признаки нельзя считать датирующими. Ведь на территории Абхазии и соседних регионов

²⁰⁵ Трапш М. М. Труды... С. 185.

²⁰⁶ Там же. С. 186. Рис. 76.

²⁰⁷ Виноградов А. Ю. Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 110.

²⁰⁸ Там же. С. 125.

²⁰⁹ Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2002. Вып. 12. С. 334–362. Рис. 18.

²¹⁰ Khroushlova L. Les monuments... P. 154–155.

²¹¹ Джопуа А. И., Скаков А. Ю. К вопросу о датировке Лашкендарского храма и рельефа с барсами // Первые международные Инал-Иповские чтения (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). Сухум. 2011. С. 362–363.

²¹² Там же. С. 363.

Грузии встречаются храмы с выступающей на востоке полукруглой апсидой вплоть до XVI в. К тому же самой близкой территориальной и типологической аналогией плану храма на горе Лашкендар можно считать храмы Ачануа и Мугудзырхуа²¹³, которые датируются X в. Правда, продолжая эту дискуссию в своей недавней статье, А. Ю. Скаков отметил, что «датировки двух этих храмов достаточно слабо обоснованы, то есть опираться на эти постройки для каких-либо далеко идущих выводов вряд ли продуктивно»²¹⁴. Далее исследователь резонно заметил, что «в любом случае, как мы видим, на сегодняшний день датировка храма на горе Лашкендар, исходя из его архитектурных или конструктивных особенностей, более чем затруднена»²¹⁵. Тем не менее версия о датировке Лашкендарского храма XI в. имеет право на существование.

Из архитектурной декорации храма сохранился большой архитравный камень с резным изображением двух животных (ил. 186), одно из которых держит перед собой непонятный предмет. Эти животные показаны достаточно схематично. Каждое из них имеет длинный прямой хвост. Они повернуты мордами друг к другу, в геральдической позе в профиль. Левый (для зрителя) зверь загнул хвост в кольцо на середине его длины. Некоторые ученые посчитали этих зверей собаками²¹⁶ (М. М. Трапш, Ш. Д. Инал-ипа, Л. Г. Хрушкова), другие – кошачьими хищниками²¹⁷ (Ю. Н. Воронов). А. Ю. Скакову и А. И. Джопуа удалось уточнить некоторые детали изображения. Они сделали протирку рельефа, в резуль-

²¹³ Армарчук Е. А. Христианский храм... С. 185–189. Ил. 4.

²¹⁴ Скаков А. Ю. Еще раз о датировке...

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Трапш М. М. Труды... С. 186. Рис. 77 б.

²¹⁷ Воронов Ю. Н. Археологические древности... С. 334–362.

тате чего стало ясно, что хвост одного из зверей завивается в кольцо. Имея в виду эту деталь, исследователи предполагают, что на рельефе изображены барсы, а не собаки.

Однако эта особенность, как оказалось, характерна для разных животных. К примеру, кинологи свидетельствуют, что у беспородных собак хвост может загигаться даже в несколько колец. То есть эта деталь относится к собакам не менее, чем к барсам. А. Ю. Скаков настаивает на том, что изображенные звери – именно барсы. Правда, в своей недавней статье на эту тему исследователь отметил, что пытаться точно установить биологический вид изображенных животных – дело бесперспективное, так как они, скорее всего, являются примером синкретического образа животных, характерным также и для более ранних археологических культур Кавказа²¹⁸. По мнению А. Ю. Скакова, «скорее всего, здесь можно видеть единое семантическое поле, общее для образов собаки и кошачьего хищника»²¹⁹. Эта мысль кажется интересной для понимания смысла образов не только этих зверей, но и других, которых можно видеть в Анакопийской коллекции, например, кат. Анак. № 1, 2, 3. Другой памятник, где звери, биологическая идентификация которых неясна, представлены в похожей (геральдической) позе и, как и в случае со зверями с горы Лашкендар, показаны в плоскостно-графической манере, – это жертвенный камень из коллекции Пятигорского краеведческого музея²²⁰. Дата создания артефакта вызывает споры²²¹, однако если

²¹⁸ Скаков А. Ю. Еще раз о датировке...

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Савенко С. Н. Уникальный памятник духовной культуры и изобразительного искусства населения Предкавказья в фондах Пятигорского краеведческого музея // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю. Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум, 2011. С. 178–184.

²²¹ Там же. С. 181.

считать, что он происходит с городища Рим-Гора, то его можно датировать в пределах X–XII вв.²²²

Таким образом, точно идентифицировать зверей на рельефе не представляется возможным, однако версия, по которой здесь изображены, скорее всего, собаки, имеет право на существование. В этом случае у исследователей появляется возможность интерпретировать представленных зверей.

Известно, что изображения собак встречаются как в христианском средневековом искусстве, так и на аланских памятниках синкретического характера этого времени²²³. Более того, они появляются на ритуальных памятниках Кавказа и гораздо раньше²²⁴. Что касается христианского искусства развитого Средневековья, то собака изображается иногда как сторож стада вместе с Добрым Пастырем²²⁵, но чаще всего – в сценах охоты вместе с лошадьми. В романскую эпоху она воспринимается как образец верности, преданности и бдительности²²⁶.

На культовых камнях с Кяфарского городища также встречаются изображения собак (наряду с оленями и другими животными). В одной из сцен, к примеру, представлен всадник с собакой в окружении оленей. По мнению И. А. Аржанцевой и З. Х. Албеговой, это синкретический образ, изображающий св. Евстафия, которого аланы воспринимали как бога-покровителя охоты Авсати²²⁷. Кроме того, в традиционных верованиях алан собака, как это видно из некоторых эпизодов Нартского эпоса, воспринималась как священное животное, сопровожда-

²²² Там же.

²²³ Если мы все-таки относим храм к X–XI вв.

²²⁴ Скаков А. Ю. Об одной из групп кобано-колхидских орнаментированных топоров // Историко-археологический альманах (Армавирский краеведческий музей). Вып. 4. 1998. С. 12–24.

²²⁵ Волков А. В. Код Средневековья... С. 163.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Аржанцева И. А., Албегова З. Х. Культовые камни Кяфарского городища (еще раз о религиозном дуализме алан) // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 188.

ющее своего хозяина-всадника в путешествии из одного мира в другой.

При условии, что мы датируем храм на горе Лашкендар и украшающий его рельеф X–XI вв., а зверей, представленных на нем, считаем собаками, у нас появляется право сопоставить этот рельеф с определенными эпизодами, изображенными на гробнице аланского вождя с Кяфарского городища²²⁸.

Что касается гробницы, то собаки в геральдической позе показаны на ней дважды – на западной и северной стенах. На северной хвост одной из собак так же, как и на рельефе с Лашкендара, удлинен и образует кольцо²²⁹. Кольцо на конце хвоста собаки показано и в нижней части фронтальной стороны Эльхотовского креста (XVI в.), изображения на котором, по мнению Н. А. Охонько, семантически близки тем, что представлены на Кяфарской гробнице. В обоих случаях парные собаки участвуют, как показывает исследователь, в изображении языческой части погребального обряда вождя²³⁰. «Ее присутствие здесь вполне объяснимо в контексте связи этого животного с загробным миром. Связь собак с загробным миром имела в кавказских представлениях широкое распространение... Далеко не случайным является присутствие собак..., где они как бы маркируют сцены, семантика которых связана с загробным миром»²³¹. Символическое значение собак как стражей, охраняющих границу между двумя мирами, прекрасно объясняет их появление (если это действительно собаки) над главным входом в Лашкендарский храм.

Стилистические особенности изображения со зверями (плоскостно-графическая манера) сближают его с многочис-

²²⁸ Охонько Н. А. Семантика изображений аланской гробницы XI в. Кяфарского городища // Аланская гробница XI в. Ставрополь, 1994. С. 3–35.

²²⁹ Там же. Рис. 5, 6.

²³⁰ Там же. С. 16.

²³¹ Там же.

ленными памятниками XI в. на территории не только Абхазии, но и Закавказья и Малой Азии²³².

Сравнение изображений животных в храме на горе Лашкендар и изображения собаки на аланской гробнице дает возможность до определенной степени идентифицировать зверей из абхазского храма. Изучение образной системы украшения аланской гробницы позволяет понять смысл появления собаки над входом в христианский храм. В данном случае можно констатировать влияние дохристианских религиозных представлений алан на систему декорации некоторых христианских храмов Абхазии. Катализатором этих культурно-религиозных контактов, вероятно, выступал интенсивно использовавшийся в изучаемых местах в X–XI вв. Великий шелковый торговый путь.

Над южным входом в храм на горе Лашкендар сохранился еще один рельеф – изображение креста в круге²³³. Крест имеет равные по длине перекладины, которые на концах образуют подобие «ласточкина хвоста». Такого рода кресты были широко распространены по территории всего христианского мира, а особенно на Кавказе и в Закавказье на протяжении довольно длительного периода, от IV–V вв. вплоть до зрелого Средневековья. Крест похожей формы (правда, не просто в круге, а в медальоне, выполненном в виде жгута) встречается, к примеру, в Анакопийской коллекции (кат. Анак. № 12). Так что этот фрагмент можно было бы датировать X–XI вв. Однако служить четким датирующим признаком для всего храма он, по вышеперечисленным причинам, не может.

Храм № 5 в Пицунде

Духапсидный храм № 5 в сосновой роще к юго-западу от Пицундского храма был исследован Т. М. Микеладзе

²³² Искусство Абхазского царства... С. 101–121.

²³³ Трапш М. М. Труды... С. 185. Рис. 77а.

в 1956 г.²³⁴ В 2008–2009 гг. Л. Г. Хрушкова занималась раскопками этого храма. В свете недавних исследований А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого датировка этого сооружения вызывает споры²³⁵. Прежде эта церковь считалась раннехристианской. Т. М. Микеладзе датировал ее первой половиной VI в., В. А. Леквинадзе²³⁶ и Л. Г. Хрушкова²³⁷ относили ее строительство ко второй половине VI в. В своем недавнем труде Л. Г. Хрушкова оговорила, что церковь существовала по крайней мере до XI в.²³⁸ Также она зафиксировала два строительных периода в истории этой церкви²³⁹. Проанализировав конструктивные особенности храма (исследователи считают его комплексом из двух аналогичных церквей), а также особенности его кладки и размеры использовавшегося кирпича, А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий с осторожностью связали его со строителями Пицундского собора и отнесли, таким образом, ко времени Абхазского царства²⁴⁰.

Внутри храма были обнаружены четыре мраморные колонки с капителями²⁴¹, которые, возможно, служили ножками престола²⁴². Л. Г. Хрушкова связала эти фрагменты архитектурной декорации с исследованным ею храмом, то есть отнесла

²³⁴ Микеладзе Т. К. Пицундская двухапсидная церковь // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Т. 2. Тбилиси, 1963. С. 125–131 (на груз. яз.).

²³⁵ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 127–130.

²³⁶ Леквинадзе В. А. О некоторых сооружениях древнего Питиунта // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 113. 1968. С. 57–58.

²³⁷ Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники... С. 96; Khroushkova L. Les monuments... Р. 34; Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 115. Рис. 154.

²³⁸ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 117.

²³⁹ Там же. С. 116.

²⁴⁰ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 130.

²⁴¹ Там же. Ил. 34 (по Т. М. Микеладзе); Khroushkova L. Les monuments... Р. 33–34. PL. 5 h-j.

²⁴² Ibid. Р. 34; Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 128.

их к VI в.²⁴³ А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий не рискнули высказывать определенное мнение по поводу датировки этих капителей: «...однако неизвестно, являются ли они спoliaми или нет»²⁴⁴.

1. Капитель колонки (ил. 187).

Мрамор.

Размеры: диаметр не превышает 11 см.²⁴⁵ Настоящее местонахождение неизвестно. Возможно, хранится в Национальном музее Грузии им. С. Джанашиа.

Капитель кубической формы украшена с каждой стороны грубо процарапанным рисунком, изображающим круг и треугольник (в верхней части)²⁴⁶. Найдена в ходе раскопок Т. К. Микеладзе внутри церкви № 5 в Пицунде²⁴⁷. Л. Г. Хрушкова относит ее, как и остальные капители, ко времени создания церкви, то есть к VI в.²⁴⁸ Однако некоторые аналогии убеждают в том, что эта версия не бесспорна. Так, среди средневизантийских капителей из Малой Азии встречаются экземпляры с такой же лаконичной композицией. К примеру, на капители из Стамбула на одной из сторон на гладком фоне показан только круг²⁴⁹. Характер резьбы на другой капители (простые насечки в изображении растительных орнаментов, геометризм) также несколько

²⁴³ Khroushkova L. Les monuments chrétiens... P. 34.

²⁴⁴ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 128.

²⁴⁵ Микеладзе Т. К. Пицундская двухапсидная церковь... Таб. IV. 2.

²⁴⁶ Khroushkova L. Les monuments... Pl. 5 i.

²⁴⁷ Микеладзе Т. К. Пицундская двухапсидная церковь...

²⁴⁸ Khroushkova L. Les monuments... P. 34.

²⁴⁹ Dennert M. Mittelbyzantinische Kapitelle... Taf. 16. 89.

напоминает то, что можно видеть на капители из храма № 5²⁵⁰. Здесь на одной из граней капители также представлен круг на гладком фоне.

Вышеприведенные аналогии, а также гипотетическая возможность, обозначенная А. Ю. Виноградовым и Д. В. Белецким, датировать храм временем Абхазского царства, позволяют предположить, что данная капитель также могла бы быть отнесена с большой долей осторожности к этому периоду.

2. Капитель колонны (ил. 188).

Мрамор.

Размеры: диаметр не превышает 11 см.²⁵¹ Данные относительно размеров этого фрагмента, а также о месте его находки и настоящем местонахождении идентичны тем, что изложены для капители № 1.

На гладком фоне капители кубической формы показан грубо процарапанный орнамент в виде перевернутой петли²⁵². Отдаленной аналогией такого изображения, вероятно, может считаться растительный орнамент (довольно примитивный по технике), вырезанный на гладком фоне одной из сторон средневизантийской капители (крипта собора в Отранто)²⁵³. Форма этого побега также несколько напоминает схематический рисунок на данной капители из храма № 5.

Учитывая вышеприведенную аналогию и мнение А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого относительно датировки церкви № 5, эту капитель, как и № 1 и 3, с осторожностью можно отнести к эпохе Абхазского царства.

²⁵⁰ Ibid. Taf. 16. 92.

²⁵¹ Микеладзе Т. К. Пицундская двухапсидная церковь... Табл. IV. 2.

²⁵² Khroushkova L. Les monuments chrétiens... Pl. 5 j.

²⁵³ Dennert M. Mittelbyzantinische Kapitelle... Taf. 16. 92.

3. Капитель (ил. 189).

Мрамор.

Размеры: диаметр около 11 см.²⁵⁴

Данные относительно размеров этого фрагмента, а также о месте его находки и настоящем местонахождении идентичны тем, что изложены для капители № 1.

Капитель украшена стилизованным изображением растительного орнамента²⁵⁵, который обозначен горизонтальными насечками. Некоторое напоминание такого рода композиции встречается, к примеру, на капителях средневизантийского времени из Комотины²⁵⁶ и Маниссы²⁵⁷.

Если предположение А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого относительно времени строительства храма № 5 в Пицунде верно, то эту капитель, как и капители № 1 и 2, можно с осторожностью отнести ко времени Абхазского царства.

Церковь № 3 в селе Алахадзы

Памятник открыла П. С. Уварова²⁵⁸. Раскопки и расчистка двух зданий этого комплекса были произведены в 1970–1971 гг. А. М. Апакидзе и З. В. Агрба, а в начале 1980-х годов архитектор-реставратор М. А. Уридия провел работы по консервации объектов и их остатков, обнаруженных археоло-

²⁵⁴ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 115. Рис. 154.

²⁵⁵ Khroushkova L. Les monuments chrétiens... Pl. 5 h.

²⁵⁶ Dennert M. Mittelbyzantinische Kapitelle... Taf. 47. 259.

²⁵⁷ Ibid. Taf. 47. 260.

²⁵⁸ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 11. Рис. 2.

гами²⁵⁹. В 1985–1986 гг. церковь была полностью раскопана Л. Г. Хрушковой²⁶⁰, которая восстановила историю развития комплекса (всего в нем оказалось три здания) и присвоила базилике № 3.

Выяснилось, что самое древнее из этих трех зданий – раннехристианская трехнефная базилика²⁶¹, которую перестроили в VIII в. Третья церковь является купольной церковью эпохи Абхазского царства²⁶². А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий в своей книге о церковной архитектуре Абхазии в эпоху Абхазского царства предложили сузить эту датировку. Анализируя особенности кладки средневековых церквей данной группы (массовое использование вторичного строительного материала, в частности, характерные керамические ящики), которые находят параллели в кладке зданий Бамборского комплекса, и их архитектурные особенности, исследователи выстроили своеобразную хронологию, в результате чего датировали храм № 3 временем правления царя Георгия II²⁶³. Принимая во внимание систему датировки, предложенную этими исследователями (подробнее см. главу 1: «Раннехристианские или средневековые?» и главу 2 – вступительную часть к анализу церкви св. Феодора), отмечу, что она хотя и вероятна, но все-таки остается весьма гипотетичной. Поэтому ограничусь в этом случае более широкой датировкой, то есть временем строительства церквей в Лыхны и в Анакопии²⁶⁴ (X–XI вв.).

Из декорации церкви сохранились только две плиты с изображением крестов, найденные в слое разрушения раннехристианской церкви.

²⁵⁹ Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники... С. 120.

²⁶⁰ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 118–125.

²⁶¹ Там же. С. 118.

²⁶² Там же. С. 123.

²⁶³ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 206.

²⁶⁴ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 124.

1. Плита с изображением креста в круге (ил. 190)²⁶⁵.

Известняк.

Найдена в слое разрушения перед центральной апсидой храма № 3.

На плите прямоугольной формы сохранилось изображение креста с перекладинами, расширяющимися к концам. Крест вписан в круг.

Л. Г. Хрушкова считает, что этот крест был переиспользован, а значит, относится к раннехристианской базилике²⁶⁶. Обосновывая этот вариант датировки, исследовательница сослалась на «древнюю форму четырехконечного креста»²⁶⁷. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий более осторожны в выводах, отмечая, что данная плита «совсем не обязательно относится к более древнему базиликальному храму № 1»²⁶⁸.

Вряд ли на настоящем уровне исследования памятника можно точно ответить на вопрос о датировке этого креста. Во всяком случае, подобная форма встречается в иконографии и в Средневековье. Достаточно для примера упомянуть о группе византийских крестов-реликвариев X–XII вв. из «Сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко²⁶⁹. Кроме того, крест похожей формы, но в прямоугольной раме был найден при раскопках храма в с. Пшоухва. А он, вероятно, относится к эпохе Абхазского царства.

²⁶⁵ Там же. С. 122. Рис. 175.

²⁶⁶ Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники... С. 134.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 205.

²⁶⁹ Пескова А. А., Строкова Л. В. Христианские древности... С. 60, 62, 64, 71, 73, 74, 76, 78, 82, 84, 85 – Кат. № 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14 и др.

2. Отесанный известняковый блок с изображением креста в круге²⁷⁰.

Известняк.

Был использован в кладке полуразрушенного северо-восточного столба церкви.

Камень отесан по форме крестовидного столба. Судя по фотографии, опубликованной Л. Г. Хрушковой, крест на блоке выглядит так же, как и № 1. То есть, по логике, и датироваться должен тоже так. Говоря об этом камне, Л. Г. Хрушкова отмечает: «Очевидно, что в это время изображение креста, вписанного в овал, не интересовало строителей. Самое вероятное, что оба камня с рельефами относятся к первой базилике»²⁷¹. Если исходить исключительно из формы креста, то он может быть с одинаковым успехом отнесен как к раннехристианскому времени, так и к периоду Абхазского царства.

²⁷⁰ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 123. Рис. 176.

²⁷¹ Там же. С. 123.

Глава 4

Памятники периода Абхазского царства на территории современного Сочинского района Краснодарского края

Церковь в селе Веселое

Руины храма в селе Веселое около Адлера (рядом со стадионом «Фишт») в восточной части Имеретинской низменности (междуречье Мзымты и Псоу, Адлерский район Большого Сочи) были замечены исследователями с начала XX в.¹ А раскопан он был в 2008–2011 гг.²

С архитектурной точки зрения храм представляет собой тип вписанного креста на четырех свободно стоящих опорах, с вимой, тремя выраженными снаружи апсидами, нартексом и тремя полуоткрытыми притворами с запада, севера и юга³. «Под нартексом во всю его длину находится сводчатый склеп, в который из юго-западного угла нартекса ведет прямоугольный лаз, а к югу от нартекса – обмазанная раствором четырехугольная площадка со ступенями с запада и востока и с колодцем посередине, которая, судя по мощности фундаментов, была основанием башни»⁴. Как отмечают А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий, по ряду признаков храм был типичен для абхазской архитек-

¹ См.: Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В. Христианский храм у пос. Веселое... С. 78–90.

² Там же.

³ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 181–184.

⁴ Там же. С. 181.

турной школы⁵. Эти авторы соотносят данный храм с храмами в Лыхны и в Новом Афоне⁶. Л. Г. Хрушкова сопоставляет его с церквями в Лоо, Алахадзы и селе Лыхны⁷.

Те, кто впервые опубликовал информацию о храме, отмечали, что его архитектура вписывается в круг памятников Абхазии и Алании IX–XI вв.⁸ С их точки зрения, по своему плану он наиболее близок церкви в Лыхны (X в.)⁹. Типологически исследователи вписывают его в цепочку Веселое – Лыхны – Новый Афон и считают «типичным памятником абхазской архитектуры и передаточным звеном при ее распространении из Абхазии в Аланию по долине Мзымты»¹⁰. Исходя из общей картины развития архитектуры Абхазского царства, Е. А. Армарчук, Р. А. Мимоход и Вл. В. Седов датируют храм в селе Веселое IX–X вв. (предпочтительной считая первую половину X в.)¹¹. А. Ю. Виноградов, Д. В. Белецкий и Л. Г. Хрушкова в целом соглашались с возможностью отнести этот памятник к X в.

При археологических изысканиях Е. А. Армарчук и Р. А. Мимохода в храме были обнаружены примечательные фрагменты архитектурной декорации¹². «В завале наоса встречены остатки внутренней отделки храма из резного известняка. Это, во-первых, фрагменты плит с рельефами – «плетенкой» и прямолинейным и криволинейным обрамлением орнаментальной или сюжетной композиции. Во-вторых, две небольшие трехчетвертные капители – «дыньки» колонок разного размера. В-третьих, обломки восьмигранных колонок толщиной 13,5 и 16,5 см (отвечающих размерам капителей), которые имели перехваты – «витые жгуты». Планиграфия фрагментов коло-

⁵ Там же. С. 183.

⁶ Там же. С. 184.

⁷ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 374–381.

⁸ Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В. Христианский храм... С. 87.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 89.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 82, 87, 88. Рис. 6.

нок и камней из развалин южной апсиды показывает, что они относились к алтарной преграде»¹³.

Как справедливо отмечают первоиздатели, определенные элементы декорации этих фрагментов аналогичны тем, что можно видеть в некоторых других церквях Абхазии. Так, орнамент типа «витой жгут» повторяется во внешней облицовке храма в Бзыбской крепости (кат. Бзыбь № 1, 2, 3), а также на рельефах с изображением креста в круглом обрамлении и четырехлепестковой розетки из Мрамбы (кат. Цебельда № 6, 7). Среди наиболее репрезентативных рельефов стоит указать на два фрагмента алтарной преграды.

1. Резной фрагмент верхней балки темплона (ил. 191)¹⁴.

Известняк.

Находится в Музее истории города-курорта Сочи.

Обнаружен в процессе раскопок 2011 г. в юго-западном углу нартекса при расчистке хода в подземный склеп¹⁵. Резная декорация сохранилась на двух гранях блока. На широкой части – изображение Даниила во львином рву и розетка, составленная из четырехконечной звезды, сплетенной с кругом (лента плетения в три полосы). На узкой – плетеный геометрический орнамент из кругов и ромбов (лента плетения в две полосы). Эти две орнаментированные грани отделены друг от друга резным орнаментом в виде жгута.

На сцене, изображающей Даниила во львином рву, Даниил показан достаточно схематично с воздетыми вверх руками. Его нос, усы и борода сделаны неглубокими параллельными насечками, глаза обозначены небольшими по диаметру кружками

¹³ Там же. С. 87. Рис. 6.

¹⁴ Там же. С. 87. Рис. 6. 9, 10.

¹⁵ Там же. С. 82.

с высверленной точкой в центре. Одевание пророка с трудом идентифицируется, на его голове – небольшая конусовидная облегающая шапочка. Львы показаны в полной рост лижущими ноги пророка. Таким образом, на изображении эти звери как бы перевернуты вверх ногами. Шкура одного из них показана короткими параллельными насечками, глаз, как и у пророка Даниила, обозначен кружком маленького диаметра с высверленной точкой по центру. Хвост другого льва загнут на спину и изображен параллельно ей.

Если говорить об иконографических аналогиях, то, как справедливо отмечают А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий, следует прежде всего сослаться на рельеф из внешней декорации западной апсиды Мартвили (X в.)¹⁶. Кроме того, аналогичным образом (пророк Даниил с воздетыми руками и лижущие его ноги два льва, как бы перевернутые вниз головой) эта сцена показана на резном блоке из Зарзмы (X в.)¹⁷. Если говорить о территориально близких стилистических аналогиях, то в первую очередь можно упомянуть изображение льва на рельефе из Анакопии (кат. Анак. № 2) (похожим образом трактованы грива и глаз).

Розетка из четырехконечной звезды и круга также встречается среди резных блоков с горы Анакопия (кат. Анак. № 53). Однако тут есть некоторые отличия: в Анакопии лента плетения сделана в две полосы и со звездой сплетаются два круга. Полной аналогией розетке из Веселого является орнамент с розеткой из Лоо (кат. Лоо № 5).

Витой жгут, разделяющий две резные грани блока, есть в декорации церкви в Бзыбской крепости (кат. Бзыбь № 1, 2, 3)¹⁸ и на фрагментах из Мрамбы (кат. Цебельда № 6, 7).

¹⁶ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 183. Ссылка 534.

¹⁷ Dadiani T., Khundadze T., Kvachadze E. Medieval Georgian Sculpture... P. 135. № 230.

¹⁸ Подробнее о распространении мотива витого жгута на территории Абхазского царства см. аннотации к рельефу из каталога Бзыбь № 1.

Плетеный геометрический орнамент на узкой грани блока (переплетающиеся ромбы и круги из ленты плетения в две полосы) также встречается в архитектурной пластике на территории Абхазии. Полной аналогией может служить переиспользованный во внутренней облицовке более позднего собора блок из Бедиа (кат. Бедиа № 2). Несколько похожий узор (переплетающиеся ромбы и круги) обнаружен на нескольких резных блоках из Анакопии (кат. Анак. № 41–48). Однако в Анакопии все эти орнаменты выполнены из ленты плетения в три полосы, а не в две, как в Веселом.

Таким образом, все вышеперечисленные аналогии не выходят за рамки X–XI вв., а большинство наиболее близких из них датируются X в.

2. Фрагмент плиты с орнаментом типа «плетенка».

Известняк.

Находится в Музее истории города-курорта Сочи. Обнаружен в ходе раскопок 2011 г. в завале наоса¹⁹.

На поверхности известнякового блока вырезан в виде фриза, обрамленного с обеих сторон трехгранными желобками, ленточный геометрический орнамент (лента плетения в две полосы). С одной из сторон от этого фриза проходит дополнительная орнаментальная полоса – обрамление, простейший профиль с порезкой типа «зубчики». Ленточный геометрический орнамент составлен из переплетающихся окружностей небольшого диаметра (петелек) с высверленным центром. Представляет собой вариант орнамента типа «в сеточку». Похожий узор встречается, к примеру, на блоках, происходящих с горы Анакопия (кат. Анак. № 33–35). Однако Анакопийский орнамент выполнен из ленты плетения в три полосы. Вариант с лентой плетения в две полосы (как на переиспользованном в более позднем храме в Бедиа фрагменте (кат. Бедиа № 2)) заставляет, как кажется,

¹⁹ Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В. Христианский храм... С. 87.

задуматься о более ранней датировке. Вероятно, в этом случае предпочтительнее был бы X в.

Церковь в окрестностях Лоо

Руины церкви находятся на плато приблизительно в двух километрах от берега Черного моря, в поселке Лоо (Лазаревский район г. Сочи)²⁰. Планомерное изучение и описание памятника началось со второй половины XIX в. В этом процессе в разное время участвовали В. Сизов, Н. В. Анфимов, В. Б. Ковалевская и другие²¹. Ю. Н. Воронов упомянул этот храм в своем исследовании, посвященном древностям Сочи и его окрестностей²². Однако, как резонно отметила Б. Б. Овчинникова, «вышеупомянутые исследователи давали описание храма на основании визуального осмотра»²³. Системные археологические исследования памятника проводились в 1987–1996 гг. именно под ее руководством силами Лооской археологической экспедиции УрГУ²⁴. Позже Б. А. Раевым и Н. Е. Беспалой были раскопаны остатки северного притвора церкви²⁵.

²⁰ Овчинникова Б. Б. Лооский храм Большого Сочи // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб, 2010. С. 396–411.

²¹ См.: Овчинникова Б. Б. Лооский храм Большого Сочи... С. 396.

²² Воронов Ю. Н. Древности Сочи... С. 91–92.

²³ Овчинникова Б. Б. Лооский храм Большого Сочи... С. 396.

²⁴ Овчинникова Б. Б. Итоги полевых исследований Лооской археологической экспедиции Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1987–1996 гг.) // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Материалы конференции, посвященной итогам исследования Лооской археологической экспедиции Уральского государственного университета в Лазаревском районе г. Сочи (1987–1997 гг.). 14–16 февр. Екатеринбург, 1997. С. 7–33; Овчинникова Б. Б. Средневековый храм в поселке Лоо, город Сочи // Проблемы прабългарската история и култура. Вып. 4–1. Сборник в памет на ст. н. с. I ст. д. и. н. Димитър Ил. Димитров. Варна, 22–24. 04. 2004. София, 2007. С. 471–476.

²⁵ Раев Б. А., Беспалая Н. Е. Новые исследования раннехристианских хра-

Строение сильно разрушено. *In situ* остается только северная и часть восточной стены. Южная упала и лежит на земле внутренней стороной вверх²⁶. Памятник представлял собой купольный храм типа вписанного креста с шестью столпами²⁷. Резной декор на его стенах не сохранился. Однако в процессе раскопок было найдено «несколько фрагментов небольших колотых плит с резным орнаментом, часть которых обнаружена в кладке сохранившихся *in situ* стен храма»²⁸. Б. Б. Овчинникова сделала на этом основании (учитывая возможности датировки выявленных фрагментов) вывод о двух основных периодах в строительной истории Лооского храма. Появление основного его объема она отнесла к XI–XII вв., далее – период разрушения в XIII в. и восстановление в XIV в.²⁹ Однако А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий посчитали необходимым скорректировать предположение Б. Б. Овчинниковой. С их точки зрения, появление деталей архитектурной декорации в кладке стен храма – не что иное, как следы его ремонта и неполного восстановления здания на старом фундаменте³⁰. Основываясь на анализе конструктивных особенностей храма и на возможных архитектурных аналогиях с территории Абхазии и Алании, исследователи отнесли его строительство ко времени около 957–967 гг.³¹ Л. Г. Хрушкова датировала церковь в Лоо второй половиной X–XI вв.³²

мов в Восточном Причерноморье // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2005. Вып. 5. С. 159–168.

²⁶ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 205–211.

²⁷ Там же. С. 208; Хрушкова Л. Г. Абхазия в эпоху средних веков... С. 116–117; Khroushkova L. Les monuments... Р. 101–102.

²⁸ Овчинникова Б. Б. Лооский храм Большого Сочи... С. 403.

²⁹ Там же. С. 408.

³⁰ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 210.

³¹ Там же. С. 211.

³² Хрушкова Л. Г. Церковь в с. Лоо Краснодарского края: типология, декор,

Большинство найденных при раскопках Б. Б. Овчинниковой фрагментов резьбы принадлежит, вероятно, не фасадной декорации, а литургическим устройствам храма³³. Часть деталей архитектурной декорации обнаружили при раскопках Б. А. Раев и Н. Е. Беспалая³⁴. Среди наиболее интересных фрагментов встречаются разнообразные виды декоративной резьбы.

1. Фрагмент предполагаемого столбика с орнаментом в форме «гераклова узла» (ил. 192)³⁵.

Известняк.

Размеры: в сечении – 16 x 16 см, высота – 12 см.³⁶ Обнаружен в кладке упавшей части западной стены³⁷.

В настоящее время находится в экспозиции Музея истории города-курорта Сочи.

Резной орнамент в виде «гераклова узла» или «перевязанных» колонок располагается по трем сторонам предполагаемой колонки или столбика. Среди ближайших территориальных и иконографических аналогий этому мотиву – предалтарный крест из Анухвы (кат. муз. № 11). Л. Г. Хрушкова в своей статье, посвященной экспонатам из Музея истории города-курорта Сочи³⁸, приводит некоторую библиографию по поводу бытования мотива «гераклова узла» на территории Византийской

дата, архитектурный контекст // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 403.

³³ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура... С. 210.

³⁴ Раев Б. А., Беспалая Н. Е. Новые исследования... С. 159–160.

³⁵ Овчинникова Б. Б. Об архитектурно-строительных особенностях храма в поселке Лоо (г. Сочи) // Античная древность и средние века. 2011. Вып. 40. С. 381.

³⁶ Хрушкова Л. Г. Церковь в с. Лоо Краснодарского края... С. 401.

³⁷ Овчинникова Б. Б. Об архитектурно-строительных особенностях... С. 381.

³⁸ Хрушкова Л. Г. Предметы византийской эпохи из Исторического музея

империи³⁹. Исследовательница разумно отмечает, что он часто встречался в алтарной части церкви: «в алтарной преграде, кивории, окнах апсиды, в обрамлении окон в интерьере»⁴⁰. И, ссылаясь на мнение Й. Калаврезу – Максайнер⁴¹, видит в нем мотив, идущий от античности и имеющий апотропейное значение. Данное предположение кажется наиболее вероятным. Другая исследовательница, Ива Досева, усматривает истоки этого мотива в завесах, которые прикреплялись к колонкам алтарных преград⁴². Однако вряд ли этот мотив имел отношение, как считает Л. Г. Хрушкова, к изображению почитаемых «колонн, обвязанных посредине платом или лентами»⁴³ – слишком натянутыми выглядят в этом случае визуальные и смысловые аналогии. Параллель с фрагментом предалтарного столба из села Анухва дает возможность датировать столб из Лоо X–XI вв.⁴⁴

2. Фрагмент с изображением плетеного геометрического орнамента (ил. 193)⁴⁵.

Известняк.

Обнаружен при раскопках в приалтарной части храма.

Узор составлен из лент плетения в три полосы

г. Сочи Краснодарского края // Причерноморье в средние века. VIII в. СПб., 2011. С. 169–198.

³⁹ Там же. С. 179–180; Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 367–368.

⁴⁰ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 367–368.

⁴¹ Kalavrezou-Maxeiner I. The Knotted Column // Byzantine Studies in Honor of Milton V. Anastos / (Byzantina kai Metabyzantina; T. IV). Malibu, 1985. P. 99.

⁴² Досева И. Колоните «с възли». Опит за интерпретация // Проблеми на изкуство. 2003. № 2. С. 15–19, 64.

⁴³ Хрушкова Л. Г. Предметы византийской эпохи... С. 181–184.

⁴⁴ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 210.

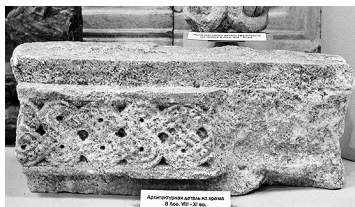
⁴⁵ Овчинникова Б. Б. Об архитектурно-строительных особенностях... С. 381. Рис. 5. 1.

и лент, украшенных шариками. В основе композиции – переплетающиеся круги большого диаметра и ромбы. Этот мотив был достаточно широко распространен по территории всего Византийского мира в средневизантийский период. Среди ближайших территориальных аналогий – группа рельефов с горы Анакопия (кат. Анак. № 40–46, 48). Однако у данного фрагмента есть необычная деталь – ромбы составлены не из ленты плетения в три полосы, а из декоративной ленты с шариками. Это редчайший пример подобной интерпретации широко известной схемы. В средневековом искусстве Закавказья отмечены случаи, когда орнамент составлен исключительно из ленты с шариками. К примеру, на плите алтарной преграды из Гвелдеси (IX в.)⁴⁶. Единственный пример, где плетеный геометрический орнамент выполнен аналогичным образом (лента плетения в три полосы и лента плетения с шариками), помимо фрагмента из Лоо с другой композиционной схемой, – фрагмент фасадной резьбы из Бзыби (кат. Бзыбь № 4). Благодаря аналогии с рельефом из храма в Бзыбской крепости он может быть датирован X в.

3. Фрагмент резного блока с плетеным геометрическим орнаментом (ил. 194)⁴⁷.

Известняк.

Размеры: длина – 56 см, сечение 23 x 14 см.⁴⁸ Обнаружен в ходе археологических исследований в приалтарной части храма⁴⁹. В настоящее

⁴⁶ Dadiani T., Khundadze T., Kvachadze E. *Medieval Georgian Sculpture...* P. 242. № 492–494.

⁴⁷ Овчинникова Б. Б. Об архитектурно-строительных особенностях... С. 381. Рис. 5. 5.

⁴⁸ Хрушкова Л. Г. Предметы византийской эпохи... С. 184; Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 372. Рис. 589.

⁴⁹ Овчинникова Б. Б. Об архитектурно-строительных особенностях... С. 381.

время находится в экспозиции Музея истории города-курорта Сочи.

На фронтальной части блока, который имеет по продольным сторонам характерные строительные пазы, вырезан орнаментальный фриз, обрамленный с двух сторон рельефными бортиками. Плетеный геометрический орнамент составлен из ленты плетения в три полосы и из декоративной ленты с шариками. В основе композиции – узор из петелек небольшого диаметра и лент плетения, пересекающихся по диагонали.

Прямых аналогий этому орнаменту не обнаружено, однако есть фрагменты, которые повторяют его в деталях. Так, подобный плетеный геометрический орнамент, составленный из ленты плетения в три полосы и из ленты с шариками, описан здесь под № 2. Кроме того, отдаленной аналогией по композиционной схеме может служить фрагмент алтарной преграды из Салхино (X в.)⁵⁰, а также узор обрамления плиты алтарной преграды с поверженным Диоклетианом из Анухвы (кат. муз. № 8). Кроме того, плетеный геометрический орнамент несколько похожей композиции и тоже составленный из двух лент плетения – в три полосы и с шариками зафиксирован на блоке из храма в Бзыбской крепости (кат. Бзыбь № 4).

Благодаря приведенным аналогиям (прежде всего из Бзыби и Салхино), этот фрагмент, вероятно, можно датировать X в.

4. Блок с антропоморфным изображением (ил. 195)⁵¹.

Известняк.

Обнаружен в ходе археологических раскопок у внешней стороны апсиды или в приалтарной части храма⁵². В настоящее время, вероятно, хранится в фондах Музея истории города-курорта Сочи.

⁵⁰ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 100. Табл. 16.

⁵¹ Овчинникова Б. Б. Об архитектурно-строительных особенностях... С. 381. Рис. 6.1.

⁵² Там же. С. 381.

Похожие прототипы встречаются, к примеру, в архитектурной декорации западного угла южного притвора храма в Вале (X в.)⁵³. Они украшают также ниши восточного фасада храма в Кумурдо (X в.)⁵⁴.

5. Фрагмент с плетеным геометрическим орнаментом в виде четырехконечной розетки и круга (ил. 196).

Известняк.

По свидетельству Л. Г. Хрушковой, хранится на месте, около церкви в Лоо⁵⁵.

На фрагменте плиты виден узор, составленный из чередующихся и переплетающихся друг с другом четырехконечных звезд и кругов. Лента плетения в три полосы. Ближайшей территориальной аналогией этому орнаменту является розетка на фрагменте балки темплона с Даниилом из села Веселое (кат. Веселое № 1). Полная аналогия фрагменту этого орнаментального фриза встречается на переиспользованных блоках из церкви Тбети около Цхинвала⁵⁶ (рубеж X–XI вв.).

Среди других аналогий можно указать на розетку из храма в Тбети⁵⁷. Более сложный вариант этой композиции встреча-

⁵³ Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian Sculpture... P. 161. № 317.

⁵⁴ Ibid. P. 163. № 324, 325.

⁵⁵ Хрушкова Л. Г. Предметы византийской эпохи... С. 186. Рис. 11; Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 372. Рис. 590; Хрушкова Л. Г. Церковь в с. Лоо... С. 402. Рис. 1. 4.

⁵⁶ Мепишавили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 69. Ил. 59.

⁵⁷ Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian Sculpture... P. 177. № 369.

ется также на рельефе из Анакопии (кат. Анак. № 53) и на предалтарном столбе из Анухвы (кат. муз. № 11). Этот мотив был достаточно распространен на территории Византийской империи в средневизантийский период⁵⁸. Однако полная аналогия с рельефом из села Веселое позволяет отнести данный блок к X – началу XI в.

Храм на горе Малый Ахун

Храм расположен на вершине горы Малый Ахун неподалеку от Сочи (Хоста). В научный оборот был введен Ю. Н. Вороновым⁵⁹. Археологические раскопки и обмеры храма никогда не производились⁶⁰. В январе 2014 г. остатки храма были повреждены бульдозером⁶¹. Исходя из общих наблюдений, здание представляет собой трехнефную базилику с изолированными нефами, тремя апсидами и нартексом⁶².

Найденный Ю. Н. Вороновым фрагмент фасадной облицовки храма позволяет датировать его XI в.⁶³ С этим мнением соглашались А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий⁶⁴.

1. Блок с S-образным орнаментом (ил. 197)⁶⁵.

Известняк.

Обнаружен Ю. Н. Вороновым⁶⁶. В настоящее время выставлен в экспозиции Музея истории города-курорта Сочи.

⁵⁸ Хрушкова Л. Г. Предметы византийской эпохи... С. 186–189.

⁵⁹ Воронов Ю. Н. Древности Сочи... С. 104.

⁶⁰ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 94–95.

⁶¹ Там же. С. 95.

⁶² Там же.

⁶³ Воронов Ю. Н. Древности Сочи... С. 104.

⁶⁴ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 95.

⁶⁵ Хрушкова Л. Г. Предметы византийской эпохи... С. 174. Рис. 3; Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье... С. 395. Рис. 639.

⁶⁶ Воронов Ю. Н. Древности Сочи... С. 104.

Прямоугольный по форме блок украшен по фасаду с одной стороны бордюром, состоящим из двух валиков, каждый из которых покрыт шевронами и листьями. Основная часть плиты покрыта крупным S-образным орнаментом. Характер расположения резьбы на блоке позволяет видеть в нем фрагмент наличника окна или двери⁶⁷.

Орнамент такого рода широко распространен в архитектурном декоре Закавказья (Грузии), начиная с X в. Ближайшие анало-

гии по территориальному принципу происходят с территории Абхазии. Это прежде всего фрагменты гипсовой алтарной преграды из церкви в Лыхны (кат. Лыхны № 2), фрагмент первоначального храма в церкви в Бедиа (кат. Бедиа № 4), а также узор, украшающий поля плиты со сценой

Распятия из Анухвы (кат. муз. № 12). Подобного рода орнамент встречается и на фрагментах архитрава двери из церкви Тбети около Цхинвала⁶⁸. Первые две аналогии датируются X в., последняя – возможно, началом XI в. Подобный орнамент есть также в обрамлении окна на западном фасаде церкви в селе Илори. Большое количество аналогий такого типа орнамента (X–XI вв.) происходит с территории Грузии и ее исторических провинций⁶⁹.

Л. Г. Хрушкова называет Малый Ахун «крайним северо-западным пунктом распространения S-образного орнамента»⁷⁰. Благодаря многочисленным аналогиям, часть из которых имеет точную дату, этот блок можно отнести к концу X – началу XI в.

⁶⁷ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 95.

⁶⁸ Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 68. Ил. 58.

⁶⁹ Хрушкова Л. Г. Предметы византийской эпохи... С. 176–178; Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент... С. 47; Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 166.

⁷⁰ Хрушкова Л. Г. Предметы византийской эпохи... С. 178.

Глава 5

Архитектурная пластика Абхазии в других районах Абхазского царства

Итак, мы рассмотрели основные тенденции в развитии архитектурной пластики на территории, которая составляла ядро такого политического образования, как Абхазское царство. Исторически – это абхазское княжество Абазгии, которое присоединило земли соседних Санигии, Апсилии и Мисиминии. В современной географической номенклатуре основная часть Абхазского царства включала в себя земли Сочинского района Краснодарского края и Республики Абхазия.

В период наивысшего расцвета Абхазское царство расширилось за счет включения в свой состав территории Эгриси¹ (современные Мегрелия, Имеретия и часть Южной Абхазии), Сванетии и Рачи, а также части Западной Картли. В этих районах храмосоздательская деятельность абхазских царей засвидетельствована указаниями летописей, строительными надписями либо надписями летописного характера с упоминанием имен этих царей, а также постройками, которые демонстрируют определенную художественную близость (по различным критериям) с церковным зодчеством того периода на основной территории Абхазского царства.

Однако влияние художественных традиций крупных политических центров, постоянно взаимодействовавших с Абхазским царством (например, Тао, Кларджети, Анийское царство), порой было настолько существенно, что рассматривать их в рамках

¹ Историческая Лаика.

искусства Абхазского царства можно лишь весьма условно и с определенными оговорками.

Среди памятников, которые можно связать с деятельностью абхазских царей в первую очередь благодаря письменным источникам разного рода, а не из-за общности художественным приемов, использовавшихся в их строительстве и украшении², следует прежде всего упомянуть собор в Мартвили³ (Мегрелия, край Самегрело – Верхняя Сванетия). Летопись Картли (144. 21–22)⁴ сообщает об основании абхазским царем Георгием II (928–957 гг.) храма и епископии в Мартвили (Чкондиди). Однако этот собор намеренно строился как «полноразмерная копия Мцхетского Джвари или Атенского Сиона, с усложненной системой тромпов и богатым рельефным декором»⁵. И даже факт «использования в его сводах типичного для Абхазии и Северной Эгриси кирпича»⁶ вряд ли дает возможность рассматривать этот памятник в качестве характерной для художественной культуры Абхазского царства постройки.

Другой пример, когда надписи на памятниках упоминают абхазских царей и их родственников, а архитектурные особенности здания демонстрируют влияние совершенно других художественных центров, - это храм в Кумурдо⁷. Так, в строительной надписи над южным входом упомянут абхазский царь Леон III⁸, а в восточном тромпе имеется плоский рельеф с изображением

² В данной главе анализируется исключительно архитектурная пластика. Анализ архитектурных форм см. в книге: Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 287–297.

³ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 289–290. Глава I. 5. А. д.

⁴ «Летопись Картли» (Картлис цховреба). История Грузии. Тбилиси, 2008.

⁵ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 289–290, 70–72.

⁶ Там же. С. 290.

⁷ Северов Н. П., Чубинашвили Г. Н. Кумурдо... Лист VII.

⁸ Там же.

женской фигуры и надписью (Гурандухт)⁹. Некоторые детали резьбы храма также имеют параллели в архитектурной пластике Абхазии. Например, в декорации абхазских памятников широко распространен такой элемент, как ленточный орнамент, составленный из ленты плетения в три полосы и из переплетающихся кругов большого и малого диаметра¹⁰. В Кумурдо он украшает, в частности, декоративный карниз северного рукава¹¹. Скульптурные изображения каменных голов в нишах фасадов собора в Кумурдо¹² напоминают антропоморфный рельеф, найденный при раскопках храма в Лоо (кат. Лоо № 4), однако архитектурные особенности этого храма и система украшения его фасадов демонстрируют несомненное влияние зодчества Тао и Кларджети.

Интересный пример, когда свидетельства письменных источников (упоминание абхазских царей) совпадают с художественно-конструктивными особенностями памятника (общность с группой построек на территории Абхазии), – церковь в Дирби¹³ (Шида-Картли). На фронтоне восточного фасада собора монастыря в Дирби изображен абхазский царь Леон III¹⁴, а его брат Димитрий III упомянут в ктиторской надписи¹⁵. Скульптурное убранство этого храма, выполненное в плоско-графическом стиле, который сохраняет художественные традиции предыдущего периода¹⁶, находит стилистические и иконографические аналогии в некоторых памятниках Абхазии. Так, например, на навершии щелевидного окна показан маль-

⁹ Вероятно, царица Гурандухт, мать царя Баграта III. См.: Северов Н. П., Чубинашвили Г. Н. Кумурдо... С. 6. Лист XII.

¹⁰ Многочисленные аналогии перечислены в статьях про рельефы с Анакопийской горы (кат. Анак. № 14–22).

¹¹ Северов Н. П., Чубинашвили Г. Н. Кумурдо... С. 12. Рис. 7. Лист IV.

¹² Там же. Лист V.

¹³ Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian Sculpture... P. 112.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. P. 110.

тийский крест в круге с декоративными кружочками на углах перекадин. На абхазских памятниках такой же по форме крест встречается среди декорированных плит с Анакопийской горы (кат. Анак. № 6), а также на плите с надписью из Хуапа (кат. муз. № 1). Сходная композиция (крест мальтийского типа под арочкой на подставке с декоративной сферой небольшого диаметра) есть и на плите из церкви в крепости Герзеул.

Другой памятник, который красноречиво свидетельствует о присутствии абхазских царей на этот раз на территории Западной Картли, – это церковь св. Георгия в Эредви¹⁷. На колонне южного входа здесь была высечена надпись на асомтаврули¹⁸, в которой упомянуты военные успехи проходившего по этой территории абхазского царя Константина III, а также дата основания церкви – 906 г. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий отмечают, что в самой архитектуре храма «никаких «абхазских» черт нет»¹⁹. Этого нельзя сказать об архитектурной декорации здания: в декоре его экстерьеров встречаются некоторые детали, которые роднят его с памятниками, расположенными на территории Абхазии. Так, архивольт над южной дверью этого храма со стороны обхода украшен мотивом переплетающихся кругов большого диаметра, составленных из ленты плетения в три полосы²⁰. Аналогичным образом архитектор-реставратор Р. Гвердцители реконструировал декор западной двери храма в Бзыбской крепости²¹ (см. соответствующую главу данного издания). Другая деталь – равноконечный крест мальтийского типа, который встречается дважды во внешней декорации церкви

¹⁷ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 295; Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 51–57.

¹⁸ Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 52–53.

¹⁹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 295.

²⁰ Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 56. Ил. 46.

²¹ Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура... С. 16–17.

св. Георгия в Эредви – в восточной части обхода²² и в тимпане западной двери со стороны обхода²³.

Наибольшее количество общих черт между Абхазскими памятниками и памятниками, происходящими из других регионов Абхазского царства, демонстрирует, пожалуй, Западная часть Шида Картли (к западу от реки Ксани). «Церковное строительство возобновляется здесь в зоне, наиболее удаленной от арабских набегов, – в верховьях рек Ксани и Лиавхи»²⁴. Абхазские цари вели тяжелую борьбу за эту территорию с анийскими царями и арабскими полководцами на рубеже IX и X вв. «Однако после 914 г. они прочно удерживают западную Картли за собой. В 870-х и в 920–960-х гг. абхазскими владениями за Лихским хребтом управлял старший сын царя, а в промежутке между этим – местные азнауры из родов Канчаели и Тбели»²⁵.

Ряд специфических черт в архитектуре памятников этого района позволяют даже говорить о «некой архитектурной «школе» второй половины IX – начала X вв.»²⁶. В архитектурной декорации этих построек есть общие черты с абхазскими. Наличие некоторой общности в данном случае можно зафиксировать как на уровне стилистических особенностей (рельефы в плоскостно-графическом стиле), так и на уровне отдельных иконографических деталей. Последнее касается как орнаментальных схем, так и зооморфных изображений.

Относительно декоративных элементов и орнаментов следует упомянуть прежде всего о нескольких достаточно специфических мотивах. Один из них – витой жгут. На абхазских памятниках он встречается в фасадной декорации церкви в кре-

²² Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 57. Ил. 47.

²³ Там же. Об Абхазских аналогиях этому мотиву смотри чуть выше, где говорится о монастыре в Дирби.

²⁴ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 292.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 294.

пости Бзыбь (кат. Бзыбь № 1, 2, 3), на рельефах из Мрамбы (кат. Цебельда № 6, 7), украшает стык граней плиты с изображением Даниила во львином рву из села Веселое (кат. Веселое № 1). На территории верхней Картли этот же сюжет декорирует архивольт над щелевидными окнами церкви Саба-цминда в Хеити²⁷, пяту арки южного обхода в церкви Цхракара в Додоти²⁸, архивольт южной двери церкви Берис-сакдари в Эредви²⁹, капитель колонны³⁰ и навершие окна³¹ из Касагина (Кударо), он есть на модели храма на рельефе со сценой «Иона и кит» из церкви Кваисис-Джвари³², составляет круглое обрамление креста мальтийского типа на плите, переиспользованной в церкви в Кобети³³, украшает капитель обхода церкви в Сохта³⁴.

Этот же стиль и, соответственно, отдельные его декоративные элементы распространяются и на некоторые памятники X в. из других районов Грузии. Так, витой жгут и изображения в плоскостно-графическом стиле появляются на навершии окна из Азаврети³⁵, на навершии окна из Сагамо³⁶, на архивольте навершия окна из Бурнашети³⁷, на архивольте навершия окна из Хожорни³⁸, в обрамлении щелевидного окна западного фасада церкви в Бза³⁹.

Другой специфический элемент, характерный для фасадной декорации данного стиля, — лента с загнутыми вверх концами.

²⁷ Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 49. Ил. 39.

²⁸ Там же. С. 63. Ил. 53.

²⁹ Там же. С. 65. Ил. 55.

³⁰ Там же. С. 81. Ил. 71.

³¹ Там же. С. 83. Ил. 73.

³² Там же. С. 84. Ил. 74.

³³ Там же. С. 86. Ил. 76.

³⁴ Там же. С. 90. Ил. 80.

³⁵ Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. Medieval Georgian Sculpture... № 203.

³⁶ Ibid. № 208.

³⁷ Ibid. № 211.

³⁸ Ibid. № 251.

³⁹ Ibid. № 283.

На территории Абхазии он встречается в реконструированном украшении фасадов церкви в Бзыбской крепости (кат. Бзыбь № 5), а в Верхней Картли – на восточном фасаде церкви Берисакдари в Эредви⁴⁰.

Третий специфический элемент памятников этого региона – декоративная лента с шариками, которая может использоваться в различных вариантах орнамента. В абхазском варианте она использована как компонент плетеного геометрического орнамента на одном из блоков церкви в Бзыбской крепости (кат. Бзыбь № 4) и в той же ситуации – на блоке из Лоо (кат. Лоо № 2). Как несколько укрупненный и самостоятельный элемент фасадного орнамента этот мотив встречается на памятниках Верхней Картли – в декорации архивольта южной двери церкви в Берисакдари в Эредви⁴¹, в украшении наверший окон из Касагина⁴². Как и в некоторых других случаях, отсюда этот элемент в X в. распространяется в соседние области. Так, он есть в украшении навершия окна из Ошора⁴³, на архивольте над щелевидным окном восточного фасада церкви в Архоти⁴⁴, на фрагментах алтарной преграды из Гвелдеси⁴⁵.

Некоторые виды плетеных геометрических орнаментов встречаются как на территории Абхазии, так и, к примеру, в Кударо. В частности, узор из ленты плетения, составленной из кружочков небольшого диаметра, обнаружен на некоторых фрагментах с горы Анакопия (кат. Анак. № 23–27) и на архивольте над щелевидным окном из Надарбазеви⁴⁶. Правда, в первом случае узор выполнен из ленты плетения в три полосы, а во втором – в две.

⁴⁰ Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 65. Ил. 54, 55.

⁴¹ Там же. С. 65. Ил. 55.

⁴² Там же. С. 82. Ил. 72.

⁴³ Dadiani T., Khundadze T., Kvachadze E. Medieval Georgian Sculpture... № 252.

⁴⁴ Ibid. № 255.

⁴⁵ Ibid. № 491–500.

⁴⁶ Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 80. Ил. 70.

Еще один редкий вариант плетеного геометрического орнамента – фриз из переплетающихся четырехконечных розеток и кругов. Фрагмент такого фриза есть в храме в Лоо (кат. Лоо № 5) (три полосы) и в Тбети близ Цхинвала (две полосы)⁴⁷. Он также встречается в соседнем регионе Грузии (историческая провинция Рача) на алтарной преграде из церкви в Схиери⁴⁸.

Некоторые элементы декоративного убранства раннего собора в Бедиа (виноградная лоза⁴⁹, крест, составленный из петелек небольшого диаметра) также находят аналогии в Верхней Картли. Так, виноградная лоза украшает плиту алтарной преграды из Кемерети⁵⁰, а крест встречается на капители из Хеити⁵¹. То же касается широко распространившегося впоследствии по всей территории Грузии S-образного орнамента. На абхазских памятниках он появляется в Лыхны (кат. Лыхны № 2), Илори, Малом Ахуне, а в Кударо, к примеру, – на фрагментах плит из церкви в Тбети (близ Цхинвала)⁵².

Совпадают и некоторые специфические формы процветших крестов. Так, процветший крест с расширяющимися к концам перекадинами с декоративными кружочками на углах и с симметрично завивающимися побегами у основания встречается на плите с горы Анакопия (кат. Анак. № 5) и на южном фасаде церкви в Кемерети⁵³, на фасаде церкви Берис-сакдари в Эредви⁵⁴, а также в наверхии окна церкви Берис-сакдари в Эредви⁵⁵,

⁴⁷ Там же. С. 69. Ил. 59.

⁴⁸ Dadiani T., Khundadze T., Kvachadze E. Medieval Georgian Sculpture... № 509.

⁴⁹ Кат. Бедиа № 1.

⁵⁰ Мелисашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 46. Ил. 36.

⁵¹ Там же. С. 76. Ил. 66.

⁵² Там же. С. 68. Ил. 58.

⁵³ Там же. С. 45. Ил. 35.

⁵⁴ Там же. С. 65.

⁵⁵ Там же. С. 65.

а также в навершии окна церкви в Кобети⁵⁶ и на фрагменте архитектурной декорации церкви в селе Сохта⁵⁷.

Отдельного внимания заслуживают изображения животных. Среди абхазских памятников можно выделить стилистически однородную группу изображений, где звери представлены в плоскостно-графическом стиле, их биологическую идентификацию порой трудно определить. К этой группе относятся три изображения с горы Анакопия (кат. Анак. № 1–3), рельеф с изображением быка и льва с Сухумской горы (кат. муз. № 3), рельеф с изображением двух птиц из Мрамбы (кат. муз. № 4), птица на плите с крестом (кат. муз. № 27) и плита с рыбами из Мрамбы (кат. Цебельда № 5), львы в сцене «Даниил во львином рву» из села Веселое (кат. Веселое № 1). В этом же стиле исполнены некоторые зооморфные изображения из Кударо (звери из Касагина)⁵⁸ и из Надарбазеви⁵⁹, морское чудовище, поглощающее Иону, на навершии окна из Берис-сакдари в Эредви⁶⁰, то же морское чудовище из Кваисис-Джвари⁶¹.

Аналогичные образы животных встречаются в X в. и на некоторых других грузинских памятниках этого стиля. К примеру, львы из сцены «Даниил во львином рву» на навершии окна из Азаврети⁶², они же в той же ситуации на навершии окна из Гумбати⁶³ или на навершии из Кехви⁶⁴, птицы в оформлении щелевидных окон церкви в Бза⁶⁵, львы и бык

⁵⁶ Там же. С. 87. Ил. 77.

⁵⁷ Там же. С. 88. Ил. 78, 80.

⁵⁸ Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian Sculpture... № 219–221.

⁵⁹ Ibid. № 217–218.

⁶⁰ Мепишавили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 67. Ил. 56.

⁶¹ Там же. С. 84. Ил. 74.

⁶² Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian Sculpture... № 203.

⁶³ Ibid. № 204.

⁶⁴ Ibid. № 205.

⁶⁵ Ibid. № 282, 284.

из той же церкви⁶⁶, львы и птицы из Дигоми⁶⁷, протомы львов и барана из Земо-Крихи⁶⁸, а также птицы на алтарной преграде из Гвельдеси⁶⁹.

Интересно, что похожие по стилю изображения присутствуют также (правда, в другой технике – фреске) в оформлении некоторых памятников Каппадокии. В первую очередь речь идет о кошачьих хищниках, быках и рыбах⁷⁰. Возможно, что появление таких изображений в архитектурной пластике этих районов Абхазского царства в X в. могло быть связано с художественным влиянием Анийского царства. Ведь своеобразие его культуры (верховья рек Ксани и Лиахви и западная часть Шида Картли) на рубеже IX и X вв. как раз и было обусловлено «частыми сменами власти на этой территории (таоские Багратиды – абхазские цари – анийские цари – абхазские цари), приносившими с собой новые архитектурные веяния»⁷¹. Или эти изображения могли отражать некоторые местные художественные традиции, содействовавшие духовному и культурному подъему северной части Западной Картли как области, наименее затронутой арабскими набегами на рубеже IX и X веков»⁷².

⁶⁶ Ibid. № 282, 283, 286.

⁶⁷ Ibid. № 298–300.

⁶⁸ Ibid. № 305–308.

⁶⁹ Ibid. № 492, 494.

⁷⁰ См. подробнее вводную часть каталога рельефов с горы Анакопия: рельефы с изображениями зверей.

⁷¹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 295.

⁷² Там же. С. 296.

Глава 6

Основные тенденции в развитии каменной пластики на территории Абхазского царства

Исследования последних десяти лет позволяют по-новому взглянуть на искусство периода Абхазского царства, в частности, на архитектурную пластику того времени. Была проделана определенная работа, в результате которой удалось выявить и атрибутировать ряд новых, ранее не известных артефактов, а также достаточно убедительно передатировать некоторые прежде хорошо известные памятники и лапидарные коллекции. По итогам проведенных изысканий представляется возможным выделить определенные стилистические группы среди каменных рельефов рассматриваемого периода, а также определить их вероятные истоки. Некоторые образцы каменной резьбы обрели новый смысл, будучи рассмотрены в этом контексте.

Среди недавно открытых, ранее не рассматриваемых в обобщающих трудах памятников – фрагмент основания колонки алтарной преграды, происходящий из церкви в Дранде (кат. Дранда № 7) (ныне хранится в фондах Церковно-археологического музея священной митрополии Абхазии в Новоафонском монастыре). По окружности круглого в сечении каменного известнякового блока представлен редкий иконографический извод сцены, изображающей пророка Иону, поглощаемого китом. Иконографический и стилистический анализ этого артефакта позволил отнести его к X в.

Еще одним открытием стала публикация и атрибуция фрагмента каменной резьбы, хранившегося в фондах Абхазского государственного музея (г. Сухум) (кат. муз. № 24). На лицевой стороне известнякового блока кубической формы изображена сцена с тремя действующими персонажами. Два из них стоят, один тянет за бороду другого. Третий персонаж, который также имеет бороду, лежит у ног двух первых. Благодаря выявленной иконографической параллели с капителью из церкви Нотр-Дам дю Пор в Клермон-Ферране (около 1100 г.) эту сцену удалось идентифицировать как редчайший иконографический извод сюжета «Сон Иосифа».

Кроме того, в ходе полевых исследований высокогорных сел Абхазии, проводившихся летом 2016 года, был обнаружен фрагмент белокаменной резьбы, возможно, алтарной преграды, в руинах храма Киач-Абааныха¹. Интересно, что до этой находки никаких сведений о возможном наличии в данном храме белокаменной резной алтарной преграды не было. Найденная деталь состоит из трех геометрических частей: квадратной в сечении плиты, бордюра и шара. Она, вероятно, служила базой колонки алтарной преграды.

В результате комплексного изучения лапидарной коллекции, которая была собрана в алтаре церкви св. Феодора на горе Анакопия (теперь перемещена к подножию горы, в Музей Абхазского царства), удалось установить, что рельефы с изображениями льва и вихреобразных розеток, рыбы и кипарисов, а также пропавший рельеф с изображением быка и льва у креста и надписью с упоминанием византийского императора Константина IX Мономаха (1042–1055 гг.) нужно датировать не раннехристианским временем, как это делалось ранее, а в пределах середины X – первой половины XI в. (см. кат. Анак. № 1–3). Близкий к ним по стилю и иконографии рельеф с изображением быка и льва у креста с Сухумской горы можно, следовательно, также отнести к этому времени (кат. муз. № 3).

¹ Ендольцева Е. Ю. Храм Киач-Абааныха... С. 45–49.

Похожи по стилю и, отчасти, иконографии рельефы с изображениями крестов, птицы и рыб из Мрамбы (кат. Цебельда № 5, 6, 7, кат. муз. № 4). Очевидно, что их можно считать единой группой и датировать поэтому приблизительно тем же временем, что и рельефы с Анакопийской горы.

Напротив, рельефы, обнаруженные вокруг собора в селе Агу-Бедиа, вряд ли можно отнести к XI в. Они, вероятнее всего, были выполнены позже – не ранее XIV в. К периоду Абхазского царства, благодаря некоторым стилистическим и иконографическим параллелям, а также учитывая данные археологии и архитектурный анализ структуры собора, можно отнести только некоторые переиспользованные резные блоки внутри собора (кат. Бедиа № 1–8).

Таким образом, проведенные исследования позволяют выделить некоторое количество резных известняковых блоков (в основном это архитектурная декорация храмов и малые формы (алтарные преграды)), которые, как кажется, можно датировать временем между VIII и XI вв., то есть временем существования Абхазского царства. Представленные на этих рельефах сцены достаточно разнообразны. Среди них есть зооморфные образы, традиционные для византийского искусства сложные композиции с участием антропоморфных фигур, растительные, геометрические и ленточные плетеные орнаменты разных типов, так называемые S-образные орнаменты и орнаменты типа витой жгут. Стилистический и иконографический анализ изображений позволяет выделить среди них несколько однородных групп. Среди наиболее красноречивых образов – те, где представлены многофигурные антропоморфные сцены и зооморфные сюжеты.

К первой группе можно отнести памятники с наиболее утонченной техникой исполнения и сложными композициями. Среди них, к примеру, три плиты алтарной преграды, найденные вблизи церкви у с. Ольгинского. П. С. Уварова отмечает, что эта церковь была обнаружена крестьянами в 1886 году

в лесах Цебельдинских гор в окрестностях греческого села Ольгинское (кат. Цебельда № 9–11). Именно П. С. Уварова впервые опубликовала фототипии трех резных плит, объединенных между собой общим стилем исполнения фигур. На первой из них (кат. Цебельда № 9) (нынешнее местонахождение неизвестно) показан всадник (голова его утрачена, видна лишь часть нимба). Тело лошади изображено анатомично, выдержаны естественные пропорции. Среди ближайших аналогий такого качества изображения лошади – фрагмент всадника из старой церкви Богородицы Константина Липса².

На второй плите (сейчас утрачена) (кат. Цебельда № 10) изображен фронтально стоящий святитель (верхняя часть фигуры не сохранилась) на фоне архитектурных декораций в виде аркатуры.

Третья плита (кат. Цебельда № 11) демонстрирует уникальную для каменной резьбы литургическую композицию (в настоящее время плита находится в Национальном музее Грузии им. С. Джанашиа)³. Изображения, как и на первых двух плитах, выполнены натуралистично, с соблюдением естественных пропорций. Видно, что мастера ориентировались на лучшие образцы христианского искусства эллинистического толка. Благодаря иконографическому и стилистическому анализу эти три плиты можно датировать приблизительно серединой X в. Качество изображений таково, что их можно сопоставить с византийской столичной изобразительной традицией.

Другие памятники этой группы происходят из села Дранда (также фрагменты алтарной преграды). По стилю изображения на них похожи те, что представлены на плитах из церкви близ Ольгинского. Сохранилось достаточно много сведений об алтарной преграде в церкви села Дранда. Две плиты из этой церкви

² Grabar A. Sculpture byzantine de Constantinople... Pl. LVI.

³ В трех нишах изображены последовательно ангел, святитель в позе оранта и диакон с кадилом.

(нынешнее местонахождение неизвестно) были опубликованы так же, как и в случае с Ольгинским, П. С. Уваровой. На первой изображен был Христос на троне между ангелами (по два с каждой стороны)⁴ (кат. Дранда № 1). На второй был представлен Деисус (сохранились только изображения Христа и Богоматери) (кат. Дранда № 2). Идут споры по поводу датировки этих двух плит. П. С. Уварова считала их разновременными. Первая, по мнению исследовательницы, была работой «древнехристианских мастеров»⁵. Л. Г. Хрушкова датировала первую плиту V⁶ или VI в.⁷, а вторую, как и фрагмент с мотивом арочек, отнесла к X в.⁸ Однако А. Ю. Виноградов достаточно убедительно показал, что стиль обоих памятников одинаков. Вероятно, с ним можно согласиться в том, чтобы датировать обе плиты IX–XI вв.⁹ Интересно, что вновь открытый фрагмент основания столбика алтарной преграды с изображением пророка Ионы (кат. Дранда № 7), поглощаемого китом, близок по стилю этим двум плитам. Его, по разным параметрам, тоже можно датировать X в. Более того, композиция сцены напоминает об ее возможных эллинистических истоках.

Две алтарные плиты из села Анухва также украшены сложными по технике исполнения сценами с развернутыми композициями. На одной из них – конное изображение св. Георгия с императором Диоклетианом (кат. муз. № 8). Исследователи датируют памятник рубежом X–XI вв. На второй плите, происходящей, вероятно, из той же церкви, что и первая, – сцена Распятия (кат. муз. № 12). Р. О. Шмерлинг¹⁰ и Л. Г. Хрушкова¹¹ датировали ее XI в.

⁴ На фототипии П. С. Уваровой видны только два ангела с правой от зрителя стороны.

⁵ Уварова П. С. Христианские памятники... С. 30.

⁶ Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники... С. 271.

⁷ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 38; Khroushkova L. Les monuments... Р. 77–78.

⁸ Khroushkova L. Les monuments... Р. 78.

⁹ Виноградов А. Ю. Дранда... С. 129–131.

¹⁰ Шмерлинг Р. О. Малые формы... С. 158–162.

¹¹ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 96; Khroushkova L. Les monuments... Р. 154.

К этой же группе можно, вероятно, отнести фрагмент плиты с изображением Сна Иосифа (кат. муз. № 24). Несмотря на то, что иконографическая параллель (капитель из Клермон-Феррана) указывает на 1100 г., стиль изображения (черты лица Иосифа (высокий лоб с залысинами, миндалевидные глаза, остроконечная борода), а также проработка складок его одеяния) сходен с тем, как представлен святитель на плите из Ольгинского. Поэтому исключать для этого памятника более раннюю дату (X–XI вв.) скорей всего нельзя.

Вторая группа памятников сильно отличается по стилю от первой. Изображения сделаны в так называемой плоскостно-графической манере. Они схематичны и условны, техника примитивна. Среди сюжетов – исключительно зооморфные сцены. К этой группе относятся рельефы с изображениями зверей с горы Анакопия (кат. Анак. № 1–3), рельеф с изображением быка и льва у креста из Абхазского государственного музея (кат. муз. № 3), группа рельефов из Мрамбы (кат. Цебельда № 5, кат. муз. № 4), а также лев из сцены «Даниил во львином рву» из церкви в селе Веселое (кат. Веселое № 1), возможно, звери с горы Лашкендар. Как показали исследования последних лет, их можно датировать серединой X – первой половиной XI в.

Изображения этой группы находят близкие аналогии среди памятников Кударо (и некоторых других областей в горных районах на периферии Абхазского царства)¹². Возможно, подобный стиль зооморфных изображений распространился по территории Абхазского царства именно из этого глухого горного района, который не подвергся набегам арабов из-за своей удаленности и стал одним из центров художественного возрождения в начальный период развития искусства Абхазского царства. Возможно также, что эти образы отражают более древнюю местную традицию изображения животных, которую можно

¹² См. подробнее главу о памятниках Абхазского царства, происходящих с территории современной Грузии.

проследить, начиная с позднего бронзового века. Не менее интересно, что изображения этой группы находят аналогии среди некоторых росписей пещерных храмов в Каппадокии¹³, а плиты с изображениями птиц можно сопоставить с некоторыми образцами пластики средневизантийского периода (Балканы, Греция, Киевская Русь).

Третья группа памятников украшена плетеным геометрическим орнаментом разного рода. В большинстве случаев узоры составлены из ленты плетения в три полосы. Наибольшее количество таких рельефов происходит с горы Анакопия (кат. Анак. № 14–49), отчасти из Анухвы (кат. муз. № 8–11). Есть примеры с плетенками из Лоо (кат. Лоо № 2, 3, 5), села Веселого (кат. Веселое № 1), Бамборы (кат. муз. № 23), Бедиа (архаического типа, с лентой плетения в две полосы) (кат. Бедиа № 2, 3, 5–8). Аналогичные плетеные орнаменты были широко распространены по территории всей Византийской империи, включая Грецию, Малую Азию (вплоть до Балкан и Киевской Руси) в период правления Македонской династии. Они также встречаются на периферийных землях Абхазского царства (Кударо, Верхняя Картли). Видимо, отсюда они распространились и в другие районы Закавказья.

Особый интерес вызывает группа, составленная из фрагментов алтарных преград, украшенных специфическим видом плетеного геометрического орнамента. Это круги большого диаметра, симметрично расположенные в два ряда на плоскости плиты. Сердцевина больших кругов украшена цветочными розетками. Такие орнаменты есть в Лыхны (кат. Лыхны № 1), Ачануа, Мсыгхуа (кат. Мсыгхуа № 1, 2). Они также находят аналогии в Кударо (Кусирети), но в целом такой тип орнамента более характерен для средневизантийского периода на территории Малой Азии. Л. Г. Хрушкова отмечала связь таких орнаментов с византийским ювелирным искусством. Исследования А. А. Иерусалимской помогают понять, что подобные

¹³ Ендольцева Е. Ю. Западное Закавказье и Каппадокия... С. 109–115.

узоры могли появиться на Кавказе и благодаря византийским тканям¹⁴.

Другой тип орнамента демонстрирует явное закавказское влияние. Это типичный для многочисленных памятников с территории Грузии так называемый S-образный орнамент. В Абхазии он встречается в Лыхны (кат. Лыхны № 2), в Бедиа (кат. Бедиа № 4), в Анухве (кат. муз. № 12), в Малом Ахуне. Есть его аналогии и в церкви в Тбети около Цхинвала.

Специфический тип орнамента, представляющий из себя витой жгут, встречается на некоторых памятниках с территории Абхазии (Бзыбь¹⁵, Мрамба¹⁶, Анакопия¹⁷), на территории Верхней Картли и в некоторых других частях современной Грузии.

Памятники шестой группы стоят особняком. Их датировка вызывает серьезные споры, хотя некоторые черты изображений демонстрируют персидское влияние, которое заметно и в других регионах Закавказья (Армения, Грузия). Речь идет о фрагментах двух алтарных плит, происходящих из долины Цебельды (церковь на возвышенности Арасараху около села Октомбери (Вороновская)) (кат. Цебельда № 1, 2, кат. муз. № 5, 6, 7). В центре основного фрагмента изображены сцены Распятия и Воскресения. На полях сохранились сцены, изображающие Раскаяние Петра, Мученичество Петра, часть сцены «Жертвоприношение Авраама» (раб Авраама, ведущий мула¹⁸), Крещение и сцена чуда св. Евстафия. Об определенном влиянии Персии или Закавказья позволяют говорить некоторые особенности одежды персонажей.

В итоге становится очевидным, что искусство Абхазского царства (по материалам архитектурной пластики) представляет

¹⁴ Иерусалимская А. А. Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 1992. С. 11–12.

¹⁵ Кат. Бзыбь № 1, 2, 3.

¹⁶ Кат. Цебельда № 6, 7.

¹⁷ Кат. Анак. № 12.

¹⁸ На фотографии П. С. Уваровой видна еще выше сцена самого жертвоприношения.

собой многообразное и самобытное художественное явление, которое на разных этапах своего развития активно взаимодействовало с соседними регионами.

Судя по всему, в его формировании участвовали различные художественные центры. Решающее значение имели контакты с Византийской империей. Влияние Византии не было однородным. Важную роль играли контакты с такими регионами, как Каппадокия, Греция и другие территории, находящиеся под непосредственным влиянием Византийской империи. В некоторых случаях заметно даже влияние столичного искусства, зачастую восходящее к раннехристианским и эллинистическим корням.

Отдельные примеры позволяют констатировать, что пластика Абхазского царства может быть сопоставлена с современными ей образцами Романского искусства. Причем в случае со сценой Сна Иосифа абхазский извод демонстрирует большее внимание к деталям повествования, чем Овернский.

Немалое значение в формировании художественных особенностей архитектурной пластики Абхазского царства имели и местные художественные традиции, различного рода контакты со странами Закавказья, а через них, возможно, и с Персией.

Приложение

Очерк по истории Абхазского царства

Пространный очерк политической и церковной истории Абхазского царства, в котором учитываются новые переводы источников, труды по этой теме, вышедшие за истекшие 60 лет¹, а также критически осмысливается весь накопленный за прошедшие десятилетия материал, опубликован А. Ю. Виноградовым и Д. В. Белецким в их книге, посвященной церковной архитектуре этого периода². Позволю себе бегло остановиться лишь на тех вопросах, в интерпретации которых я придерживаюсь несколько иной точки зрения, чем авторы указанной монографии. Не буду повторно описывать все перипетии политической и церковной истории Абхазского царства, так как не имею возможности в рамках поставленной задачи представить оригинальный взгляд на эти события. Ограничусь лишь упоминанием тех фактов и исторических периодов, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемому в данном исследовании материалу.

Если начинать с наблюдений общего порядка, то необходимо, прежде всего, отметить, что появление на политической сцене такого государственного образования, как Абхазское царство в VIII – начале XI в., может быть сопоставлено с глобальным процессом формирования государств (на базе племенных союзов) в различных регионах бывшей Римской империи. Это наблюдение объясняет некоторые особенности

¹ Анчабадзе З. В. Из истории...

² Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии... С. 17–88.

художественной культуры Абхазского царства, обусловленные тесными контактами с определенными регионами Византийской империи: Анийским царством, княжествами Тао и Кларджети, а также обращением к местным изобразительным традициям, возрождение которых, вероятно, началось в верховьях реки Ксани, наиболее глухом и наименее доступном для арабских завоевателей регионе. В связи с этим уточню также, что, в отличие от А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, придерживаюсь в данном исследовании концепции, согласно которой считаю правомерным распространить время существования Абхазского царства и на начало XI в., т. е., по крайней мере, и на период правления царя Баграта II (до 1014 г.)³, который, как известно, по материнской линии был потомком абхазских царей (сын Гурандухт, сестры последнего абхазского царя Феодосия III) и в титулатуре именовался «царем абхазов и картлийцев».

Несмотря на то, что, как отмечают А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий, «историю Абхазского царства трудно представить как некую непрерывную последовательность событий: этому препятствует и недостаток источников..., и их разнородность, неясность и несогласованность...»⁴, возьму на себя смелость вслед за ними реконструировать – хотя бы в общих чертах – ее основные события и этапы.

Так, образование и становление Абхазского царства связывают с деятельностью абхазского эристава Леона, который позже стал именовать себя царем абхазов⁵, чему способствовала военная поддержка со стороны хазар, его родственников по матери⁶. Отделение Абхазии от Византийской империи произошло на фоне первого иконоборческого кризиса, потрясшего Византию, – в 786–787 гг. Оно совпадает по дате с иконопочитательским VII Вселенским Собором 787 г.⁷

³ Там же. С. 88.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Там же. С. 33–36.

⁶ Там же. С. 83.

⁷ Там же. С. 34.

Историческим ядром нового государства стали земли Абхазии и Эгриси, оказавшиеся под властью абхазских мтаваров уже к началу 780-х годов⁸. Исходя из анализа источников различного рода, можно определить, что на юге эта территория не простиралась дальше реки Чорох, на севере – города Никописи в Зихии (современный посёлок Новомихайловский Туапсинского района Краснодарского края). В целом оно складывается приблизительно в границах древнего Лазского царства (территории Абасгии, Аписили, Мисимиании, Эгриси)⁹.

Примерно в это же время на территории Абхазского царства образуется и независимая церковь. До начала XI в. ее можно условно именовать «Абхазским католикосатом»¹⁰ (центр ее предположительно находился в Кутаиси). Но на севере страны (вероятно, с перерывом между 787 и 886 гг.) существовала и грекоязычная епархия, подчинявшаяся Константинополю (центр ее, скорее всего, был в Анакопии, ранней резиденции Абхазских мтаваров)¹¹. Последующие события (приблизительно до 820-х годов¹²) восстановить не представляется возможным – нет достоверных источников. Известно лишь, что в 822–823 гг. абхазские цари вместе с некоторыми другими народами Закавказья и Ближнего Востока поддерживали восстание Фомы Славянина, потрясшего устои Византийской империи. Приблизительно тогда же абхазский царь Феодосий II вступает в династический союз с дочерью Ашота Багратида, куропалата Тао и Кларджети¹³, в результате чего участвует в битве на реке Ксани против кахетинского мтавара Григола. Преемник Феодосия II Дмитрий II, с одной стороны, участвует в политическом противостоянии разного рода с правителями Тао и Кларджети, с другой – развивает религиозные контакты

⁸ Там же. С. 31.

⁹ Там же. С. 83.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

с этими территориями, приглашая оттуда монахов для устройства монастырей в Эгриси¹⁴.

При следующем абхазском царе Георгии I царство расширяется за счет присоединения Западной Картли. После его смерти страна погружается в династический кризис, в результате которого к власти приходит представитель абхазской знати мтавар Иоанн Шавлиани. В его правление за Картли начинается борьба с армянами и правителями Тао и Кларджети. Конфликт разрешается в пользу абхазских царей¹⁵. Новая абхазо-анийская война за Картли происходит в последние годы правления царя Баграта I и в царствование его сына Константина III¹⁶. Именно Константин III утверждает за собой Западную Картли в результате череды столкновений с анийским царем Смбатом I в середине 900-х гг.¹⁷ Последний передает ему Картли, надеясь получить надежного союзника против местных нахараров и куропалатов Тао и Кларджети. Тот же Константин III по просьбе константинопольского патриарха Николая Мистика содействует продвижению христианской миссии на территорию алан и даже, видимо, участвует в крещении их правителя¹⁸.

Несмотря на две междоусобные войны, настоящего расцвета Абхазское царство достигает при наследниках Константина III – Георгии II и Леоне III (умер около 967 г.)¹⁹.

Одно из главных внешнеполитических достижений Георгия II – расширение границ Абхазского царства²⁰. В 40-х гг. X в. этот царь смог занять Джавахетию, а также, по некоторым данным, Триалети и Восточную Самцхе²¹. В середине 50-х гг. X в.

¹⁴ Там же. С. 84.

¹⁵ Там же. С. 50–56.

¹⁶ Там же. С. 60–63.

¹⁷ Там же. С. 85.

¹⁸ Там же. С. 65, 66, 85.

¹⁹ Там же. С. 88.

²⁰ Там же. С. 85.

²¹ Там же. С. 66–69, 84.

Георгий II занимает часть восточнокартлийских и кахетинских крепостей. Эта экспансия прерывается только его смертью. Георгий II ведет также активную религиозную политику. Он создает епископию и храм в Чкондиди (Мартвили), старается содействовать распространению халкидонского вероисповедания на территории Армении, что приводит к религиозной войне с анийскими царями²². Он даже строит собор в Мартвили по образцу раннего храма типа Джвари в противовес анийскому царю Абасу, построившему в своей новой столице в Карсе «копию тетраконха в Мастаре VII в.»²³.

Наследник Георгия II Леон III продолжает активную религиозную политику своего отца. Он основывает кафедру и возводит храм в Мокви, «выделив эту епархию из состава Севастопольско-Анакопийской или Гудавской епископий»²⁴.

После смерти Леона III его трон переходит к Димитрию III, следующему по старшинству брату²⁵. Тому удается контролировать как Абхазию, так и Западную Картли. В ходе своего правления он успешно прекращает междоусобную войну, затеянную его младшим братом, будущим царем Феодосием III. В ходе этого конфликта Феодосий был ослеплен²⁶ и стал недееспособен. Тем не менее после смерти Димитрия III его были вынуждены провозгласить абхазским царем. Правление Феодосия III отмечено волнениями местной знати в различных регионах Абхазского царства и на его границах. В результате Западную Картли передали Баграту Багратиду, племяннику Феодосия по матери, который благодаря этому родству мог претендовать и на абхазский престол²⁷. Правда, через некоторое время Баграта вместе с его родителями Гурандухт и Гургеном²⁸ увели в плен кахетинцы.

²² Там же. С. 70–71, 86.

²³ Там же. С. 71.

²⁴ Там же. С. 86.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 78–79.

²⁸ Там же. С. 86.

Выручил и помог им вернуться из плена родственник, куропалат Давид Багратид. Уплисхихе и часть Западной Картли отдали в управление Гурандухт – она была дочерью абхазского царя Георгия II. Через три года после этого абхазская и картлийская знать, недовольная правлением Феодосия III, настояла на том, чтобы царем Абхазского царства стал Баграт, коронованный вскоре под именем Баграта II. Сделать легитимной власть Баграта над Абхазским царством²⁹ помогла мать. Феодосий был отправлен в ссылку в Тао, а Баграт II, овладев Эгриси, разгромил войско картлийских азнауров у Могриси и восстановил контроль над Западной Картли³⁰.

В 1000 г. умер куропалат Давид, а в 1008 г. – отец Баграта II Гурген. В результате Баграт получил владения в Тао и Кларджети. Кроме того, он захватил новые земли в Восточной Картли, Кахетии, Эрети и Ране³¹. «В результате этих завоеваний Абхазское царство с его ядром в виде Абхазии и Эгриси превратилось в «царство абхазов и картлийцев»..., населенное преимущественно картвелоязычными народами»³², политический центр которого стал понемногу перемещаться к востоку от Лихского хребта.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 79–81.

³² Там же. С. 87.

Список использованной литературы

Абемян М. История древнеармянской литературы. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1975. 608 с.

Абхазия с древнейших времен до наших дней: очерки по истории Грузии. Тбилиси: Интелекти, 2009. 594 с.

Авидзба А. Любопытная страница истории // Советская Абхазия, 1967, 7 октября.

Агрба З. В., Лордкипанидзе Г. А. Раскопки на территории комплекса Пицундского храма // Археологические открытия 1980 года в Абхазии. Тбилиси, 1982. С. 26–31.

Агумаа А. С., Бжания В. В., Бжания Д. С., Хондзия З. Г., Сакания С. М., Канделаки Д. А. Остатки храма в селе Микельрипш // 50-я итоговая научная сессия (25–27 апреля). Тезисы докладов. Сухум, 2006. С. 23–24.

Агумаа А. С., Бгажба О. Х., Сакания С. М., Сангулия Г. А. Храм Симона Кананита в Новом Афоне: новые археологические данные по материалам экспедиции 2011–2012 гг. // II Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 30–31 мая 2012 г.). Краснодар, 2013. С. 10–14.

Агумаа А. С., Бгажба О. Х., Сакания С. М. Раскопки в Бедийском храме в 2011 г. // Археологические открытия 2010–2013 года. М., 2015. С. 808–809.

Агумаа А. С., Бгажба О. Х., Сакания С. М., Сангулия Г. А. Охранные работы в Новом Афоне в 2011 г. // Археологические открытия 2010–2013 года. М., 2015.

Агумаа А. С., Бгажба О. Х., Сангулия Г. А., Сакания С. М. Результаты охранных археологических исследований вокруг

Лыхненского храма // III Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 27–29 мая 2013 г.). Краснодар, 2013. С. 4–5.

Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми: Абгиз, 1958. 155 с.

Айналов Д. В. Некоторые христианские памятники Кавказа // Археологические известия и заметки. Т. III. Вып. 7–8. М., 1895. С. 233–243.

Айналов Д. В. Эллинистические основы Византийского искусства. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1900. 244 с.

Аладашвили Н. А. Монументальная скульптура Грузии: фигурные рельефы V–XI вв. М.: Искусство, 1977. 275 с.

Аладашвили Н. А., Алибегашвили Г. В., Вольская А. М. Живописная школа Сванетии. Тбилиси: Мецниереба, 1983. 152 с.

Аладашвили Н. А., Беридзе В. В. Искусство Грузии // История искусства народов СССР. Т. 2. М., 1973.

Алибегашвили Г. В. Рельефная плита из окрестностей Сухуми // Сообщения Академии наук Грузии. 1951. XII. № 8. С. 511–515.

Амиранашвили Ш. История грузинского искусства. М.: Искусство, 1963. 736 с.

Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми: Абгиз, 1959. 303 с.

Анчабадзе З. В. История и культура Древней Абхазии. М.: Наука, 1964. 240 с.

Аргун А. В. Архитектурный анализ воротного узла Анакопийской крепости (в свете новых данных) // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Посвящается 70-летию В. Г. Ардзинбы. Материалы Международной научной конференции. Сухум, 14–17 мая 2015 г. АБИГИ–ИВ РАН. Сухум–Москва, 2016. С. 235–258.

Аргун А. В., Кварандзия В. Л. Вопросы реставрации донжона Анакопийской крепости // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2007. С. 209–211.

Аргун А. В. Первые работы по реставрации Анакопийской крепости // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Посвящена памяти Ю. Н. Воронова. Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Материалы конференции. Сухум, 2006. С. 385–387.

Аржанцева И. А., Албегова З. Х. Культовые камни Кяфарского городища (еще раз о религиозном дуализме алан) // Древности Северного Кавказа. М.: Изд-во ИА РАН, 1999. С. 183–200.

Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М., 2003. С. 209–212.

Армарчук Е. А. Раскопки христианского храма на г. Сахарная Головка под Адлером // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 11–12.

Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // Российская археология. 2012. № 3. С. 78–90.

Армарчук Е. А. Христианский храм на горе Сахарная Головка под Адлером: планировка и строительные особенности // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. (Тр. ГЭ LIII). СПб., 2010. С. 185–189.

Армарчук Е. А. Черепица из раскопок средневекового храма на г. Сахарная Головка в окрестностях Адлера // Материалы

и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 10. Армавир, 2010. С. 81–98.

Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В. Раскопки христианского храма у с. Веселое под Адлером в 2010–2011 гг. // Археологические открытия 2010–2013 годов. Серия: Археологические открытия. М., 2015. С. 318–320.

Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов В. В. Христианский храм в с. Веселое под Сочи // Институт археологии. Новые экспедиционные проекты. М., 2015. С. 76–77.

Ахаладзе Л. Эпиграфика Абхазии как исторический источник. I. Лапидарные и фресковые надписи. Тбилиси, 2005. С. 96–108. (на груз. яз.).

Бакрадзе Д. Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис, 1875. 159 с.

Барцыц Р. М., Агумаа А. С. Археологические исследования в селе Лдзаа // Археологические открытия 2007 года. М., 2010. С. 560.

Барцыц Р. М. Охранные археологические исследования в с. Лдзаа Гагрского района // Вторая Абхазская международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М. М. Трапша. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы конференции. Сухум, 2011. С. 215–217.

Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. // Известия Абхазского научного общества. Вып. IV. Сухуми, 1926. 60 с.

Бгажба Х. С. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1967. 72 с.

Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми: Алашара, 1977. 80 с.

Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Исследования средневековых памятников в Цебельде // Археологические открытия в Абхазии, 1981–1982 гг. Тбилиси, 1985. С. 27–34.

Бгажба О. Х., Саканиа С. М. Результаты археологических раскопок в Моквском храме 2006 г. // Юбилейные XXV Крупнов-

ские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 35–41.

Бгажба О. Х., Бжания В. В., Джопуа А. И., Сакания А. М., Сакания С. М. Результаты раскопок внутри Моквского храма X века // Археологические открытия 2006 года. М., 2009. С. 714–715.

Бгажба О. Х., Ковалевская В. Б., Ксенофонтова И. В., Воронова С. В., Эрлих В. Р., Джопуа А. И., Брилева О. А. Личный архив Ю. Н. Воронова как источник по истории и культуре Абхазии и сопредельных территорий // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю. Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум: АБИГИ. 2011. С. 8–10.

Бгажба О. Х., Сакания С. М., Агумаа А. С. Археологические раскопки в Бедийском храме в 2011 г. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2012. С. 268–270.

Бгажба О. Х., Сакания С. М., Агумаа А. С. Охранные археологические раскопки в Бедийском храме в 2011 г. // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы Третьей Абхазской международной археологической конференции, посвященной памяти Г. К. Шамба (28 ноября – 1 декабря 2011 года, г. Сухум). Сухум, 2013. С. 336–339.

Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа. М.: Индрик, 2011. 392 с.

Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Бамборский храм – «купольный зал» и царский заказ // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2012. С. 271–273.

Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса.

Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 4. С. 201–268.

Бердзенишвили И. Вопрос о распространении христианства в Абхазии по данным археологии (IV–VIII вв.). Автореферат диссертации на соискание звания кандидата исторических наук. Тбилиси, 2006. 25 с.

Бердзенишвили И. Раннее христианство в Абхазии // *Stratum plus*. № 5. 2010. С. 317–324.

Беридзе В. Архитектура Тао-Кларджети. Тбилиси: Мецниереба, 1981. 340 с.

Беридзе В. Место памятников Тао-Кларджети в истории грузинской архитектуры. Тбилиси: Мецниереба, 1981. 440 с.

Бжания В. В., Агумаа А. С., Барцыц Р. М., Бжания Д. С., Бирюков Ю. Д., Канделаки Д. А., Сакания С. М., Хондзия З. Г. Исследования Управления охраны историко-культурного наследия // *Археологические открытия 2006 года*. М., 2009. С. 717–721.

Бжания В. В., Гайдуков Н. Е., Сакания С. М. Храм в селе Пшоуха // *Археологические открытия 2007 года*. М., 2010. С. 562–563.

Бжания В. В., Сакания С. М., Бжания Д. С. Выявление археологических памятников в селе Арасадзых // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. (Москва). 21–25 апреля 2014 г. М., 2014. С. 126–127.

Бирюков Ю. Б. Исследование Анакопийской крепости в поселке Новый Афон Республики Абхазия // *Археологические открытия 2004 года*. М., 2005. С. 559–560.

Бирюков Ю. Б. Кафедральный собор в Пицунде и его место в архитектуре Абхазского царства // *Архитектурное наследие*. Вып. 49. М., 2008. С. 25–47.

Василиненко Д. Э. Олимпиада 2014 г. и памятники археологии эпохи средневековья междуречья Псахо и Кудепсты (г. Сочи): исследование, консервация, реставрация с целью использования

в культурном туризме // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 75–80.

Василиненко Д. Э., Хрушкова Л. Г. Новый памятник раннесредневековой архитектуры Кавказского Причерноморья: базилика близ Адлера // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 81–84.

Василиненко Д. Э. О времени возведения церкви у родника Крион Нерон (с. Лесное, Адлерский район г. Сочи) (к вопросу о генезисе храмов плана «*croix libre*» на Северном Кавказе) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Магас. 26–30 апреля 2010 года. Тезисы докладов. Магас, 2010. С. 76–78.

Византийский Херсон. Каталог выставки / Ред. Л. Голофаст, А. Романчук, С. Рыжов, И. Антонова. М.: Наука, 1991. 256 с.

Виноградов А. Ю. Дранда // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 129–131.

Виноградов А. Ю. Заметки о культе святых Евстафиев на Кавказе // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012. С. 287–289.

Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X вв. М.: Индрик, 2015. 372 с.

Виноградов А. Ю., Казачков Ю. А., Каштанов Д. В. Крестово-купольный храм в Хосте – забытый памятник «абхазской школы» X века // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древ-

ности и в средневековье. XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018. С. 415–418.

Виноградов А. Ю., Ендольцева Е. Ю., Белецкий Д. В. Рецензия на книгу: Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. Калининград–Москва: ИД «РОС-ДООАФК», 2018. 480 с. (Труды исторического факультета МГУ; 137. Серия II. Исторические исследования; 80) // Богословские труды. № 49. 2019. С. 359–370.

Виноградов А. Ю. *Toronymica Pontica*. Анакопия // *Nomomnium horagum*. Сборник статей в честь 70-летия А. В. Подосинова / Под ред. А. В. Белоусова и Е. В. Илюшечкиной. М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2020. С. 141–156.

Волков А. В. Код Средневековья. Загадки романских мастеров. М.: Вече, 2013. 448 с.

Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.: Искусство, 1978. 174 с.

Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1979. 125 с.

Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Исследования средневековых памятников в Цебельде // *Археологические открытия 1981–1982 гг. в Абхазии*. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 27–35.

Воронов Ю. Н., Лев Николаевич Соловьев (1894–1972). СПб.: Триал, 1994. 76 с.

Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Вып. XII. Москва–Магнитогорск, 2002. С. 334–362.

Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. К интерпретации христианских памятников Аписии // *Абхазоведение. История. Археология. Этнология*. Вып. IV. Сухум, 2007. С. 234–250.

Воронов Ю. Н. *Абхазская Атлантида*. Сухум, 2010. 38 с.

Воронов Ю. Н. Научные труды. В 7 т. Т. III. Тайна Цебельдинской долины. Древняя Аписия. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АНА, 2010. 468 с.

Воронов Ю. Н. Материальная культура апсилийской аристократии (восточное Причерноморье) IV–VI вв. // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. VIII–IX. Сухум, 2013. С. 302–314.

Габашвили Ц. Порталы в грузинской архитектуре. Тбилиси: Техника да Шрома, 1955. 70 с. 63 табл.

Гриневич К. Э. Деятельность К. К. Косцюшко-Валюжинича (1888–1907) // Сто лет херсонесских раскопок. 1827–1927: Исторический очерк с экскурсионным планом. Севастополь, 1927. С. 23–38.

Даркевич В. П. Народная культура Средневековья: пародия в литературе и искусстве IX–XVI веков. М.: URSS, Либроком, 2010. 285 с.

Джопуа А. И., Скаков А. Ю., Федотова А. В. Разведки на горе Лашкендар // Археологические открытия 2006 года. М., 2009. С. 721–722.

Джопуа А. И., Скаков А. Ю. К вопросу о датировке Лашкендарского храма и рельефа с барсами // Первые международные Инал-Иповские чтения (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). Сухум, 2011. С. 362–363.

Домбровский О. И. Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей // Сообщения Херсонесского музея. Вып. III. Симферополь, 1963. С. 76–86.

Домбровский О. И. Византийские мозаики Херсонеса Таврического / Под ред. А. Б. Бернацки, В. А. Кутайсова. Т. III. Познань, 2004. 124 с., 11 табл.

Дудочкин Б. Н. Об изображении «кита» пророка Ионы в росписи Андрея Рублева и Даниила 1408 г. в Успенском соборе Владимира и в миниатюрах Евангелия группы Хитрово // Известные произведения. Новые открытия. Сборник научных статей к юбилею Музея имени Андрея Рублева. М.: Музей им. А. Рублева, 2017. С. 116–135.

Дурново Л. А. Очерки изобразительного искусства средневековой Армении. М.: Искусство, 1979. 332 с.

Ендольцева Е. Ю. Об изображениях пророчества Исаяи (11:6–9). Рельеф из Абхазского государственного музея в г. Сухуме // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Магас. 26–30 апреля 2010 года. Тезисы докладов. Магас, 2010. С. 129–132.

Ендольцева Е. Ю. Изображение рыбы в фасадной пластике Абхазского царства: символика образа // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю. Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум, 2011. С. 170–178.

Ендольцева Е. Ю. Об одном мотиве украшения алтарных преград в западном Закавказье // Вторая Абхазская международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М. М. Трапша. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы конференции. Сухум, 2011. С. 127–130.

Ендольцева Е. Ю. Западное Закавказье и Каппадокия: некоторые иконографические параллели в период Македонской династии // Российская археология. 2012. № 3. С. 109–115.

Ендольцева Е. Ю. К вопросу об изучении христианского искусства Абхазского царства // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН. М., 2013. С. 95–106.

Ендольцева Е. Ю. Синкретизм христианских и дохристианских верований на примере архитектурной пластики Северного Кавказа // Историко-культурное наследие Юга России. (Научно-практическая конференция, г. Ставрополь, 9 февраля 2015 г.). М., 2015. С. 271–280.

Ендольцева Е. Ю. Виноградов А. Ю. Разные интерпретации одного сюжета в средневековом христианском изобразительном искусстве // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 6. С. 90–97.

Ендольцева Е. Ю. Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М.: Индрик, 2015. 372 с. Рец. // Вестник РГНФ № 3–4 (84–85). 2016. С. 262–265.

Ендольцева Е. Ю. Синкретические образы в архитектурной пластике Южного Кавказа в период Средневековья: Бычья голова // Актуальные проблемы теории и истории искусства = Actual problems of theory and history of art: VII Международная конференция, Санкт-Петербург, 11–15 октября 2016 г. Тезисы докладов. СПб, 2016. С. 63–64.

Ендольцева Е. Ю., Сангулия Г. А. Каменная пластика собора в с. Агу-Бедия (Абхазия): проблемы датировки и типологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 4 (54). 2016. С. 139–157.

Ендольцева Е. Ю., Чхаидзе В. Н. Лапидарная коллекция Таманского городища: варианты идентификации византийских рельефов // Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 5. С. 55–66.

Ендольцева Е. Ю. Об одном необычном изображении «Сна Иосифа» // Библейские и литургические темы и образы в искусстве Востока и Запада: диалог культур, традиция и современность. М., 2017. С. 176–181.

Ендольцева Е. Ю. Синкретические образы: изображение бычьей головы в архитектурной пластике христианских храмов на Южном Кавказе в период Средневековья // Проблемы истории, филологии, культуры. Т. 2. Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2017. С. 323–338.

Ендольцева Е. Ю. Храм Киач-Абааныха (Аныхабаа): материалы к изучению // Seminarium Bulkinianum. IV: к 80-летию со дня рождения В. А. Булкина. СПб., 2017. С. 45–49.

Ендольцева Е. Ю. Об одном рельефе из хранилища бывшего Государственного Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия // Международная научная кон-

ференция «Археология средневекового храма» к 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича. 25–29 сентября 2017 г. Материалы научной конференции. Севастополь, 2017. С. 21–25.

Ендольцева Е. Ю. Группа рельефов из поселка Мрамба (Республика Абхазия): уточнение датировки // Обсерватория культуры. 15 (6). М., 2018. С. 719–728.

Ендольцева Е. Ю. Храм Лашкендар и абхазо-аланские культурные контакты: перспективы исследования // Обсерватория культуры. Т. 15. № 3. 2018. С. 298–309.

Ендольцева Е. Ю., архимандрит Дорофей Дбар. Алтарная преграда из церкви в Дранде: новые данные // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и Средневековье. XXX Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018. Карачаевск, 2018. С. 456–459.

Ендольцева Е. Ю., архимандрит Дорофей Дбар. Архитектурная декорация и малые формы в церкви в Дранде: новые данные // Вестник Волгоградского государственного университета. Т. 23. № 5. 2018. С. 196–210.

Ендольцева Е. Ю. Особенности формирования художественной культуры Абхазского царства и ее взаимодействие с Византией (на примере архитектурной пластики) // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 9: Национальная культура в транс-национальном пространстве. М., 2018. С. 37–54.

Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея (г. Сухум, РА) // Вестник православного Свято-Тихоновского государственного университета. V. 33. 2019. С. 9–31.

Ендольцева Е. Ю., Скаков А. Ю. Зооморфные образы в архитектурной пластике Кавказа 9–11 вв. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. V: 37. М., 2020. С. 9–28.

Ермолаева О. О Бедийском храме. Сухум: Тип. Я. А. Шейнберга, 1913. 21 с.

Закарая П. Зодчество Тао-Кларджети. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1992. 192 с.

И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М.: Типо-литография И. Ефимова, 1898. 340 с.

Иерусалимская А. А. Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки в Государственном Эрмитаже. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1992. 70 с.

Иоселиани П. Жизнеописание святых, прославляемых православной грузинской церковью, составленное на основании древних и современных сведений с историческими, географическими, хронологическими и филологическими замечаниями. Тифлис: Тип. канцелярии наместника Кавказа, 1850. 86 с.

Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости / Отв. ред. и сост. Е. Ю. Ендольцева. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. 272 с.

Казарян А. Ю., Белецкий Д. В. Тхаба-Ерды: к вопросу о датировке церкви и ее месте в средневековом зодчестве Кавказа // Вестник археологического центра. 2009. Вып. III. С. 50–94.

Кацья А. К. Илори (памятник XI века). Сухуми: Изд-во Академии наук Грузинской ССР, 1963. 88 с.

Кацья А. К. Памятники архитектуры в долине Цкуара // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 72–76.

Кондаков Н. П. Древняя архитектура Грузии: Исследование. М.: Синод. тип., 1876. 60 с.

Латышев В. В. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря // Сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911. С. 169–198.

Леквинадзе В. А. О некоторых сооружениях древнего Питиунта // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 113. 1968. С. 57–58.

Леонид [Кавелин Л. А.]. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С планом Абхазского приморского берега, с 21-м рисунком памятников христианства в Абхазии и с планом Ново-Афонского монастыря в пользу строящейся обители. М.: Типография В. Ф. Рихтер, 1885. 141 с.

Леонид [Кавелин Л. А.]. Абхазия и ее христианские древности. М.: Типография И. Ефимова, 1887. 104 с.

Материалы защиты Ю. Н. Вороновым диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Подготовлены к печати А. Ю. Скаковым и В. Н. Чхаидзе // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю. Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум: АБИГИ, 2011. С. 202–298.

Меписашвили Р. Храм в с. Вале и два основных периода его строительства // *Ars Georgica*. Т. 3. Тбилиси, 1950. С. 51–52.

Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии – Шида-Картли. Тбилиси, 1975. 198 с.

Меписашвили Р. С., Цинцадзе В. Г., Кутаиси. Гелати. Гегути. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1977. 66 с.

Мерперт Н. Очерки археологии библейских стран. М.: Издательство ББИ, 2000. 352 с.

Микеладзе Т. К. Пицундская двухапсидная церковь // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Т. 2. Тбилиси, 1963. С. 125–131 (на груз. яз.).

Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 33. М., 1909. С. 71–102.

Милованова Н. А. Абхазия христианская. Сухум, 2014. 332 с.

Мимоход Р. А., Клещенко А. А., Армарчук Е. А., Скаков А. Ю. Работы Сочинской экспедиции ИА РАН в зоне строительства олимпийских объектов // Археологические

открытия 2010–2013 годов. Археологические открытия, 2015. С. 397–399.

Муравьев А. Грузия и Армения. Т. I–III. СПб.: Тип. III Отд. Собств Е. И. В. канцелярии 1848 г. 317 с.

Мшвениерадзе Д. М. Строительное искусство в древней Грузии. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1959. 129 с.

Овчинникова Б. Б. Итоги полевых исследований Лооской археологической экспедиции Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1987–1996 гг.) // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Материалы конференции, посвященной итогам исследования Лооской археологической экспедиции Уральского государственного университета в Лазаревском районе г. Сочи (1987–1997 гг.). 14–16 февр. 1997, Екатеринбург. Екатеринбург, 1997. С. 7–33.

Овчинникова Б. Б. Средневековый храм в поселке Лоо, город Сочи // Проблемы прабългарската история и култура. Вып. 4–1. Сборник в памет на ст. н. С. I ст. д. и. н. Димитър Ил. Димитров. Варна, 22–24. 04. 2004. София, 2007. С. 471–476.

Овчинникова Б. Б. Лооский храм Большого Сочи // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб., 2010. С. 396–411.

Овчинникова Б. Б. Об архитектурно-строительных особенностях храма в поселке Лоо (г. Сочи) // Античная древность и Средние века. Вып. 40. К 50-летию Уральской школы византиноведения. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2011. С. 375–389.

Орбели И. А. Избранные труды в двух томах. Т. 1. Из истории культуры и искусства Армении X–XIII вв. Ленинград: Наука, 1968. 320 с.

Охонько Н. А. Семантика изображений аланской гробницы XI в. Кяфарского городища // Аланская гробница XI в. Ставрополь: Студия «Арс-дизайн», 1994. С. 3–35.

Павлинов А. М. Экспедиция на Кавказ в 1868 г. // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского

археологического общества. Вып. 3: Христианские памятники. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1893. С. 1–30.

Павловский А. А., Клуге Н. К. Мадаба // Известия Русского археологического института в Константинополе. София, 1902. Т. VIII, вып. 1–2. Отд. оттиск. С. 79–115.

Пачулиа В. П. В стране Золотого Руна. М.: Наука, 1964. 136 с.

Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии. Их значение и охрана. М.: Наука, 1968. 176 с.

Пачулиа В. П., Кация А. К. Моквский собор (968–1968). М., 1968.

Перфильева Л. А. К вопросу о генезисе купольных храмов западной Алании X века // Традиции и современность: актуальные проблемы изобразительного искусства и архитектуры. М., 1989. С. 3–16.

Перфильева Л. А. К вопросу о византийском влиянии на культовую архитектуру Северо-Западного Кавказа (X–XI век) // Аланика и аланы. Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992. С. 180–201.

Пескова А. А., Строкова Л. В. Христианские древности Византии и «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. 224 с.

Петросян Г. Л. Хачкар: генезис, функция, иконография, семантика. Ереван: Принтинфо, 2008 (на арм. яз.). 406 с.

Пищулина В. В. Христианское храмовое зодчество Северного Кавказа VI–XVI веков. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2012. 374 с.

Послания святого Игнатия Богоносца / Введ. и примеч. к ним прот. П. Преображенского. СПб.: Изд-во И. Л. Тузов, 1902. С. 3–112.

Раев Б. А., Беспалая Н. Е. Новые исследования раннехристианских храмов в Восточном Причерноморье // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 159–168.

Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Под ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клениной, С. Г. Рыжова. Познань, 2004. Т. 1. 249 с.

Рчеулишвили Л. Д. Один из памятников X в. в Триалетском эриставстве: церковь Шепяк // *Arg Georgica*. Разыскания Института истории грузинского средневекового искусства. Т. 6. Тбилиси, 1963. (на груз. яз., резюме на рус. яз.). С. 167–181.

Рчеулишвили Л. Д. Постройка эристава эриставов Рати в Триалетском Ахалкалаки // *Arg Georgica*. Разыскания Института истории грузинского средневекового искусства. Т. 7. Тбилиси, 1971. (резюме на русском яз.). С. 111–130.

Рчеулишвили Л. Д. Композиция трех крестов в архитектурном декоре грузинских храмов средневековья // IV международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси: Мецниереба, 1983. 14 с.

Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура VIII–X вв. в Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 92 с.

Саблин С. Древний генуэзский храм в укреплении Дранды // *Кавказ*, 8 (1846). С. 32.

Савенко С. Н. Уникальный памятник духовной культуры и изобразительного искусства населения Предкавказья в фондах Пятигорского краеведческого музея // *Проблемы археологии Кавказа* (к 70-летию Ю. Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум, 2011. С. 178–184.

Саканиа С. М. Кячский храм // Тезисы докладов научной сессии АГМ. Сухум, 1988. С. 16–17.

Саканиа С. М. Бзыбский храм и происхождение крестово-купольной формы // XLV итоговая научная сессия (24–26 апреля) Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии. Тезисы докладов. Сухум, 2001. С. 46–47.

Саканиа С. М. Хронологические параллели Лыхненского и Зеленчукских храмов // XXIII Крупновские чтения. М., 2004. С. 177–178.

Сакания С. М. Политическая и культурная связь Абхазии с Византией, Русью и Аланией // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 250–252.

Сакания С. М. Строительная керамика Абхазии в IV–IX вв. // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006. С. 171–172.

Сакания С. М. Храм в с. Пшоухва // 50-я итоговая научная сессия Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии. Тезисы докладов. Сухум, 2006. С. 44–45.

Сакания С. М. Ранние зальные храмы Абхазии // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2007. С. 187–188.

Сакания С. М. Византийские традиции в церковной архитектуре Абхазии // 1-й Евразийский археологический конгресс. Тезисы докладов, Турция. Измир, 2007. С. 170–172.

Сакания С. М. Притвор зальной церкви в с. Джал // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Магас, 26–30 апреля 2010 года. Тезисы докладов. Магас, 2010. С. 317–319.

Сакания С. М. Христианские культовые сооружения в Анакопийской крепости // 4-я Абхазская Международная археологическая конференция. Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур. Тезисы докладов. Сухум, 2013. С. 76–79.

Сакания С. М. Культовые сооружения Понтийского лимеса в Абхазии // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. VIII–IX. Сухум, 2013. С. 43–53.

Сакания С. М. Типология апсид в раннесредневековых храмах Абхазии // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кав-

каза. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М., 2014. С. 274–276.

Саканиа С. М., Сангулия Г. А. Раннеабхазский храм в селе Тамыш // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и в средневековье. XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018. С. 369–372.

Саканиа С. М., Требелева Г. В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Каталог. Т. 1. Западная Абхазия (Гагрский, Гудаутский, Сухумский районы). Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2019. 201 с.

Салов А. И. Раннесредневековые находки в Анапском районе // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследования по археологии и истории: сборник научных трудов к 100-летию со дня рождения А. И. Салова. Краснодар–Анапа, 2014. С. 25–26.

Северов Н. П. Памятники грузинского зодчества. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1947. 220 с.

Северов Н. П., Чубинашвили Г. Н. Памятники грузинской архитектуры. Кумурдо и Никорцминда. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1947. 24 с.

Сизов В. Восточное побережье Черного моря // МАК. Вып. 2. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1889. 183 с.

Силогава В. Эпиграфика Мегрелии и Абхазии. Тбилиси, 2004. (на груз. яз.).

Скаков А. Ю. Об одной из групп кобано-колхидских орнаментированных топоров // Историко-археологический альманах (Армавирский краеведческий музей). Вып. 4. 1998. С. 12–24.

Скаков А. Ю. Археология в Абхазии в начале XXI века: сотрудничество российских и абхазских ученых // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Посвящается

70-летию В. Г. Ардзинба. Материалы Международной научной конференции. Сухум, 14–17 мая 2015 г. Сухум–Москва, 2016. С. 74–136.

Скаков А. Ю. Еще раз о датировке и некоторых особенностях храма на горе Лашкендар // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий. Материалы пятой Международной абхазской археологической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа М. М. Трапша, 7–11 ноября 2017 г., г. Сухум. Сухум, 2018. – в печати.

Стражев В. И. Руинная Абхазия. Сухум: Б. И., 1925. 39 с.

Такайшвили Е. С. Археологические экскурсии, разыскания и заметки. Тифлис: Тип. К. П. Козловского, 1913. 176 с.

Токарский Н. М. Архитектура Армении IV–XIV вв. Ереван: Армгосиздат, 1961. 388 с.

Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. Вып. 4. СПб., 1891. 176 с.

Трапш М. М. Труды. Т. 4: Материалы по археологии средневековой Абхазии. Сухуми: Алашара, 1975. 227 с.

Требелева Г. В., Юрков Г. Ю., Цвинария И. И., Агумаа А. С., Кайтан Ш. Г. Средневековые памятники Абхазии: попытка применения естественнонаучных методов (химанализа) для решения проблемы датировки // Материалы III (XIX) Всероссийского археологического съезда 24–29 октября 2011. Т. 2. Великий Новгород–Старая Русса, 2011. С. 409–410.

Уварова П. С. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки. Ч. II. М.: Тов-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1891. 329 с.

Уварова П. С. Христианские памятники Кавказа. МАК. IV. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1894. 197 с.

Химшиашвили Л. Некоторые вопросы реставрации (Цроми и Бедия) // Дзеглис Мегобари 14, 1968. С. 78–81.

Хрушкова Л. Г. Рельефная плита с изображением птиц из Цебельды // Советская археология. 1977. № 1. С. 75–82.

Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. V–X века. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 127 с.

Хрушкова Л. Г. Сведения о памятниках села Лыхны у некоторых зарубежных авторов // Известия АБИЯЛИ. Т. 15. 1989. С. 56–72.

Хрушкова Л. Г. Лыхны. Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М.: Наука, 1998. 112 с.

Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука, 2002. 500 с.

Хрушкова Л. Г. Церковь в с. Лоо Краснодарского края: типология, декор, дата, архитектурный контекст // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 400–404.

Хрушкова Л. Г., Бжания В. В., Барцыц Р. М., Агумаа А. С. Раскопки гражданского сооружения в городе Пицунда // Археологические открытия 2007 года. М., 2010. С. 567–568.

Хрушкова Л. Г. Предметы византийской эпохи из Исторического музея г. Сочи Краснодарского края // Причерноморье в средние века. VIII. СПб., 2011. С. 169–198.

Хрушкова Л. Г. Раскопки в Питиусе (совр. Пицунда): 2007–2009 // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2012. С. 394–397.

Хрушкова Л. Г. Абхазия в эпоху средних веков: церковная организация и архитектура // Вестник Археологического центра. Вып. V. Назрань, 2015. С. 131–136.

Хрушкова Л. Г. Неопубликованные малоизвестные предметы Византийской эпохи из Восточного Причерноморья // Искусство христианского мира. Вып. XIV. М., 2017. С. 68–85.

Хрушкова Л. Г. Два памятника архитектуры в Питиусе (Пицунда) в Абхазии (по материалам раскопок 2007–2009 гг.) // Монумен-

тальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы в период средневековья. Труды ГЭ. Том LXXXVI. СПб., 2017. С. 255–243.

Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. Калининград–Москва: ИД «РОС–ДООАФК», 2018. 480 с.

Цинцадзе В. Г. Краткий очерк по руководству работами консервации храма Баграта в Кутаиси и некоторые вопросы научного его исследования // *Arg Georgica*. Разыскания Института истории грузинского средневекового искусства. Т. 5. Тбилиси, 1959. С. 111–123.

Цинцадзе В. Г. Архитектурный памятник в с. Земо-Крихи // *Arg Georgica*. Разыскания Института истории грузинского средневекового искусства. Т. 6. Тбилиси, 1963. (резюме на русском яз.). С. 102.

Цокур И. В. О реставрации фундаментов христианских храмов у х. Ильич в Отрадненском районе // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 257–294.

Цулая Г. В. (ред.). Летопись Картли. Перевод, введение и примечания. Тбилиси: Мецниереба, 1982. 112 с.

Чачхалиа Д. Трехпритворная композиция храмов средневековой Абхазии и ее влияние на архитектонику памятников Алании, Руси и Трапезунда. М., 2016. 199 с.

Чернявский В. И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно // Протоколы Подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1879. С. 14.

Чубинашвили Г. Н. История грузинского искусства. Тбилиси: Госиздат Грузии, 1936. 128 с.

Чубинашвили Г. Н., Северов Н. П. Памятники типа Джвари [Текст]: Исследование по истории груз. искусства. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1948. 218 с.

Чубинашвили Г. Н. Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства. Т. 1. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1959. 691 с.

Чхаидзе В. Н. Грузинская печать византийского типа XI века // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2017 года. Москва. 23–24 ноября 2017 г. Материалы докладов и сообщений. Памяти Т. Ю. Стукаловой. М., 2017. С. 61–66.

Шевченко Д. В. Проблема идентификации зооморфного образа в рельефе церкви Святого Феодора Анакопийской крепости (Абхазия) // Народы и религии Евразии. Этнология. Религиоведение. Археология. Вып. 3–4 (12–13). 2017. С. 42–51.

Шевякова Т. С. Монументальная живопись раннего средневековья Грузии. Альбом. Тбилиси: Хеловнеба, 1983. 32 с.

Шервашидзе Л. А. Церковь в с. Акапа (Одиши) около Сухуми // Труды АБИЯЛИ. Т. XXX. Сухуми: Изд-во АН ГССР, 1959. С. 115–120.

Шервашидзе Л. А. Исследование средневекового храма Ауа-хуамахуы в с. Октомбери Абхазской АССР // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Тезисы докладов. Баку, 1965. С. 145–146.

Шервашидзе Л. А. Мапаш Охуаме в с. Царче // Тезисы докладов на XVII научной сессии АБИЯЛИ. Сухуми, 1966. С. 11–12.

Шервашидзе Л. А. Цкелкари (Ацкар) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 39–63.

Шервашидзе Л. А. Церковь святого Николая в селе Хуап Гудаутского района // Доклады на всесоюзной сессии археологов и этнографов. М., 1968. С. 23–24.

Шервашидзе Л. А. Неизвестный храм на горе Амбара Гудаутского района около села Хуап // XVII научная сессия Абхазского института. Тезисы докладов. Сухуми, 1969. С. 19–20.

Шервашидзе Л. А. Отапский храм // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археол. исслед. в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971. С. 219–220.

Шервашидзе Л. А. Столб из села Анухва // Труды Абгосмузея. Вып. IV. Сухуми: Алашара, 1974. С. 176–185.

Шервашидзе Л. А. Резные камни церкви на холме Арасараху близ Цебельды // Известия АБИЯЛИ. Т. IV. Тбилиси: Мецниереба, 1975. С. 81–99.

Шервашидзе Л. А. Археологические раскопки в крепости Абаанта // Полевые археологические исследования Грузии в 1976 г. Тбилиси, 1979. С. 43–45.

Шервашидзе Л. А. Средневековая монументальная живопись в Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 298 с.

Шервашидзе Л. А. Айлага-Абыку – средневековый монастырский комплекс в с. Бамборы // IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Сборник докладов. Т. II. Тбилиси, 1983. С. 160–161.

Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент. Тбилиси: Гос. изд-во, 1954. 97 с.

Шмерлинг Р. О. К вопросу о датировке росписи Бедийского храма. Сообщения Академии наук ГССР. 1957. 18, 4. С. 503–511.

Шмерлинг Р. О. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1962. 293 с. 113 табл.

Эрлих В. Р. К истории одной книги Ю. Н. Воронова // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю. Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова. 10–11 мая 2011 г., г. Сухум. Сухум: АБИГИ, 2011. С. 10–16.

Яйленко В. П. О «Корпусе византийских надписей в СССР» // Византийский временник. Вып. 48. М., 1987. С. 160–171.

Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес: очерки истории материальной культуры. Москва – Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 364 с.

Якобсон А. Л. О дате большого храма в Пицунде (Абхазия) // КСИА. 1972. Вып. 132: Археология Кавказа и Средней Азии. С. 38–45.

Abu'Assaf A. Der Tempel von 'Ain Dara. Mainz am Rhein: Verlag Philip von Zabern, 1990. 66 p.

Alpago-Novello A. Art and Architecture in Medieval Georgia. Louvain la Neuve: Institut superieur d'archeologie et d'histoire de l'art. College Erasme, 1980. 521 p.

Armenia sacra. Mémoire chrétien des Arméniens (IV–XVIII siècles) / Sous dir. J. Durand, I. Rapti, D. Giovannoni. P.: Musée du Louvre Ed., 2007. 471 p.

Bartal R. La coexistencia de los signos apotropaicos cristianos y paganos en las entradas de las iglesias románicas // Archivo Español de Arte. 262. 1993. P. 111–132.

Berndt Ersöz S. Phrygian Rock-Cut Shrines: Structure, Function, and Cult Practice. Leiden: Brill, 2006. 412 p.

Bernheimer R. Romanische Tierplastik und die Ursprünge ihrer Motive. München: F. Bruckmann, 1931. 184 s.

Bovini G., Brandenburg H. Repertorium der christlich-antiken Sarkophage. Bd. 1. Rom und Ostia / Hrsg. von Friedrich Wilhelm Deichmann. Wiesbaden: von Zabern, 1967. 441 s.

Brentjes B., Mnazakanjan M., Stepanjan N. Kunst des Mittelalters in Armenien. Kulturgeschichte, Architektur, Plastik, Wandmalerei, Buchmalerei, Angewandte Kunst. Berlin: Union Verlag, 1981. 349 s.

Brosset M. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847–1848. Rapports 4–12. Saint-Pétersburg, 1851. 387 p.

Byzance. L'art byzantin dans les collections publiques françaises. Musées du Louvre 3 novembre 1992–1 février 1993. P.: Ed. de la Réunion des musées nationaux, 1992. 528 p.

Canuti G. L'antitesi leone-toro nei pavimenti musivi absidali del Vicino Oriente tardoantico // IKON. Journal of Iconographic Studies. Vol. 2. Rijeka, 2009. P. 71–85.

Capriotti Vittozzi G. Note sull'interpretatio dell'Egitto nel Medioevo. Leoni e sfingi nella Roma Medievale // Imagines et iura personarum. L'uomo nell'Egitto antico, per i novanta anni Sergio Donadoni. Atti del IX Convegno Internazionale di Egittologia e Papirologia (Palermo, 10–13 novembre 2004) / A c. di P. Minà. Palermo, 2006. P. 43–59.

Chervachidzé L. Le complexe monastique «Aylaga Abykou» // *L'arte georgiana dal IX al XIV secolo* / a cura di M. S. Calo Mariani. Galatina, 1986. P. 91–96.

Chiarlo G. R. Sul significato del sarcofagi a ληνος decorati con leoni // *Annali della Scuola Superiore di Pisa*. 4. 1974. P. 1307–1345.

Galust Z. Cosmology and cosmogony in Armenian petroglyphs. Erevan, 2010. (на арм. яз.). 718 p.

Dadiani T., Khundadze T., Kvachadze E. Medieval Georgian Sculpture. Tbilisi: Cezanne, 2017. 375 p.

De Francovich G. Santuari e tombe rupestri dell'antica Frigia e un'indagine sulle tombe della Licia. Vol. I. Roma, 1990. 208 p.

Dennert M. Mittelbyzantinische Kapitelle. Studien zu Typologie und Chronologie. (Asia Minor Studien 25). Bonn: Habelt, 1997. 307 p.

Der Nersessian S. Acht'amar church of the holy cross. (Harvard Armenian Texts and Studies, I). Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1965. 60 p.

Dinkler E., Dinkler-von Schubert E. Kreuz // *Lexikon der christlichen Ikonographie*. Bd. II. Rom-Freiburg, 1970. S. 562–590.

Djobadze W. Early medieval Georgian monasteries in historic Tao, Klarjeti, and Savseti. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1992. 255 p.

Donabédian P. Le khatchkar // *Armenia sacra. Mémoire chrétienne des Arméniens (IV–XVIII s.)*. Paris. Musée du Louvre, 21 février–21 mai 2007. P., 2007. P. 153–176.

Donceel-Voûte P. Les pavements des églises Byzantines de Syrie et du Liban. Décor, archéologie et liturgie. Louvain-la-Neuve. Département d'Archeologie et d'Histoire de l'Art. Vols. I–II. Collège Erasme, 1988. 585 p., 18 pl.

Drijvers H. J. W. A New Sanctuary at Palmyra // *Archaeology*. 1978. 31/3. P. 60–61.

Dubois de Monpéroux F. Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. P.: Librairie de Gide, 1839. 486 p.

Endoltseva E. Image of Afterlife in Medieval Plastic Art of Abkhazia// Iconography of death. IKON. Journal of iconographic studies/ ed. M. Vicelja – Matijašić. Vol. 4. Rijeka, 2011. P. 19–27.

Endoltseva E. La transcaucasie de l'Ouest et la Cappadoce: quelques parallèles iconographique sous la dynastie Macédonienne. Les animaux et les croix // *Ars auro gemmisque prior*. Mélanges en hommage à Jean-Pierre Caillet. Textes réunis par Chrystèle Blondeau, Brigitte Boissavit-Camus, Véronique Boucherat, Panayota Volti. Zagreb–Motovun, 2013. P. 455–463.

Endoltseva E., Vinogradov A. The Beard Pulling in Medieval Christian Art: Various Interpretations of a Scene // *Anastasis. Research in Medieval Culture and Art. The sign and the sacred*. 2016. Vol. III. № 1. May. P. 19–27.

Endoltseva Ekaterina Yu. Dorotheos Dbar (archimandrite) Altar Barrier from Dranda Church: New Facts// *Anastasis. Research in Medieval culture and art*. 2018. Vol. V. № 2. P. 7–19.

Epstein A. W. The iconoclast churches of Cappadocia // *Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies*. University of Birmingham, March 1975. Birmingham, 1975. P. 7–19.

Evans, H. C., Wixom, W. D. (ed.). *The Glory of Byzantium, Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A. D. (843–1261)*. Catalogue of exhibit held at the Metropolitan Museum of Art, New York from Mar. 11-July 6, 1997. New York, 1997. 559 p.

Frazer M. Church Doors and the Gates of Paradise. Byzantine Bronze Doors in Italy // *DOP*. Vol. 27. 1973. P. 145–162.

Friedman M. An Eschatological Motif in Byzantine and Jewish Art // *Cahiers Archéologiques*. Vol. 52. 2005–2008. P. 9–22.

Gabelmann H. *Studien zum frühgriechischen Löwenbild*. Berlin: Mann, 1965. 128 p.

Gianandrea M. L'Egitto del Faraoni n ella Roma dei papi. Riflessioni sull'Egitto nella cultura medievale tra storia, religione e mito // *La Lupa e la Sfinge*. Roma e l'Egitto dalla storia al mito. Catalogo della mostra (Roma, Museo Nazionale di Castel

Sant'Angelo, 11 luglio – 9 novembre, 2008). Milano, 2008. P. 137–141.

Grabar A. Le succès des art orientaux à la cour Byzantine sous les Macédoniens // *Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst*. 3 F. Bd II. 1951. P. 32–60.

Grabar A. *Sculpture byzantines de Constantinople (IV–X siècles)*. P.: Libr. Adrien Maisonneuve, 1963. 139 p.

Grabar A. Recherches sur les sources juives de l'art paléochrétien // A. Grabar. *L'art de la fin de l'antiquité et du Moyen âge*. Vol. II. P., 1968. P. 743–765.

Grabar A. *Sculptures Byzantines du Moyen Age (XI–XIV siècle)*. II. Bibliothèque des cahiers archéologiques. P.: A. et J. Picard, 1976. 166 p.

Grabar A. *Les voies de la création en iconographie chrétienne: Antiquité et Moyen Age*. P.: Flammarion, 1994. 442 p.

Guzzo M. G. A., Schneider E. E. *Petra*. Chicago: University of Chicago Press, 2002. 204 p.

Hakobyan, Z., Mikayelyan L. The Senmurv and Other Mythical Creatures with Sasanian Iconography in the Medieval Art of Armenia and Transcaucasia // *Fabulous Creations and Spirits in Ancient Iran. Proceedings of a Workshop held on May 3rd 2016 at the Near Eastern Department, University of California Berkeley*. Bologna, 2018. P. 39–77.

Herzfeld F., Guyer S. *Monumenta Asiae Minoris Antiqua*. Vol. II. Meriamlik Und Korykos. (Publications of the American Society for Arch. Research in Asia Minor). Manchester, 1930. 207 p.

Iamanidzé N. *Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VI–XIII siècles)*. Turnhout: Brepols, 2010. 304 p.

Kalavrezou-Maxeiner I. *The Knotted Column//Byzantine Studies in Honor of Milton V. Anastos / (Byzantina kai Metabyzantina; T. IV)*. Malibu, 1985. P. 95–103.

Khoshtaria. D. *Churches and monasteries in Klarjeti*. Tbilisi: Artanuji, 2005. 292 p.

Khroushkova L. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkhalie IV–XIV siècles. Turnhout: Brepols, 2006. 340 p.

Khvistan R. Materials for Christian archaeology of Georgia. Tbilisi, 2009. 168 p.

Klingender F. Animals in art and thought to the end of the Middle Ages. London, 2019. 608 p.

Kurz O. Lion-masks with rings in the west and in the east // Scripta Hierosolymitana. Publications of the Hebrew University, Jerusalem. Studies in art. Vol. XXIV. Jerusalem, 1973. S. 22–41.

L'Orange H. P. The Apotropaic Lion Head and the Arena Lion on the Third Century Sarcophagi // Studia Romana in Honorem Petri Krarup Septuagenarii. Odense, 1976. P. 132–137.

Levi D. Antioch Mosaic Pavement. Vol. I. Princeton, 1947. 650 p.

Maguire H. The Mosaics of Nea Moni: An Imperial Reading // DOP. Vol. 46. 1992. P. 205–214.

Maguire H. Magic and geometry in early Christian floor mosaics and textiles // Jahrbuch der österreichischen byzantinistik. ANΔPIAΣ. Herbert Hunger zum 80 Geburtstag. Bd 44. Wien, 1994. S. 265–274.

Matantseva T. Les amulettes byzantines contre le mauvais oeil du Cabinet des Medailles // Jahrbuch für Antike und Christentum. Vol. 37. 1994. P. 110–121.

Mazar A. Archaeology of the land of the Bible 10000–586 B. C. New York; London; Toronto; Sydney; Auckland, 1992. 608 p.

Mazzoni S. The Gate and the City: Change and Continuity in Syro-Hittite Urban Ideology // Die orientalische Stadt: Kontinuität. Saarbrücken, 1997. P. 307–388.

Mazzoni S. Réflexion sur l'espace architectural de la période syro-hittite // Les espaces syro-mésopotamiens. Dimensions de l'expérience humaine au Proche-Orient ancien. Hommage à J.-C. Margueron. Turnhout, 2006. P. 231–251.

Medieval Georgian Ecclesiastical Art in the Georgian National Museum / ed. by N. Burchuladze. Tbilisi: Cezanne, 2012. 293 p.

Mepisaschwili, R., Zinzadse, W. Die Kunst des alten Georgien. Leipzig: Edition Leipzig, 1977. 310 p.

Mepisashvili R., Tsintsadze V. Arts of ancient Georgia. London: Thames & Hudson; First Edition edition, 1979. 310 p.

Mepisashvili R., Zinzadse W., Schrade W. Georgien. Wehrbauten und Kirchen. Leipzig: Wiley-VCH, 1986. 390 s.

I Fenici. Catalogo della mostra. Venezia, Palazzo Grassi, 1988 / A c. di S. Moscati. Milano: Bompiani, 1988. 763 p.

Mundell M. Monophysite Church decoration // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. University of Birmingham, March 1975. Birmingham, 1975. P. 59–75.

Mylonas P. M. Nouvelles remarques sur le complexe de Saint-Luc en Phocide // Cahiers Archéologiques. Vol. 40. 1992. P. 115–122.

Neubauer E. Altgeorgische Baukunst. Felsenstädte - Kirchen - Höhlenklöster. Leipzig: Koehler und Amelang, Wien, München: Verlag Schroll, 1976. 246 s.

Neubauer E. Abchasische Architektur im Spannungsfeld zwischen Georgien und Byzanz (6 bis 11 Jahrhundert) // Byzantinischer Kunstexport/ Hrsg. Von H. Nickel. Halle, 1978. S. 72–74.

Nezih Firatli. La sculpture Byzantine figuré au Musée archéologique d'Istanbul. Paris: Librairie d'Amerique et d'Orient Adrien Maisonneuve, Jean Maisonneuve Successeur, 1990. 128 p.

Oikonomides N. The First Century of the Monastery at Hosios Loukas // DOP. Vol. 46. 1992. P. 245–255.

Olszewski M.-T. L'Image et sa fonction dans la mosaïque byzantine des premières basiliques en Orient // Cahiers Archeologiques. Vol. 43. 1995. P. 9–35.

Piccirillo M. Chiese e Mosaici della Giordania Settentrionale. Jérusalem : Franciscan Print. Press, 1981. 124 p.

Piccirillo M. La montagna del Nebo. Assisi : Porziuncola, 1986, 112 p.

Piccirillo M. Madaba, le chiese e mosaici. Jérusalem: Franciscan Print. Press, 1989. 374 p

Piccirillo M. The Mosaics of Jordan. Amman: American Center of Oriental Research, 2008. 383 p.

Prayon F. Phrygische Plastik. Tübingen: E. Wasmuth, 1987. 232 p.

Reallexikon für Antike und Christentum. Bd VII: Exkommunikation-Fluch. Stuttgart: Anton Hiersemann Verlag, 1969. 1288 p.

Réau L. Iconographie de l'art Chrétien. Paris: Presses universitaires de France, 1955. 3 v. in 6.

Ricard Marie-Claire: Notre Dame du Port. 2. Auflage. Clermont-Ferrand, 1992.

Richter G. M. A. Animals in Greek Sculpture. A Survey. Oxford, London: H. Milford, 1930. 90 p.

Schultz R. W., Barnsley S. H. The monastery of saint Luke of Stiris, in Phocis, and the dependent monastery of saint Nicolas in the fields, near Scripou, in Boeotia. London: Macmillan and Co., Limited, 1901. 247 p.

Seibt W., Jordanov I. Στρατηγὸς Σωτηριουπόλεως καὶ Ανακούπης. Ein mittelbyzantinisches Kommando in Abchasien (11. Jahrhundert)// Studies in Byzantine sigillography. 2006. Vol. 9. P. 231–239.

Stroszeck J. Löwen-Sarkophage. Sarkophage mit Löwenköpfen, schreitenden Löwen und Löwen-Kampfgruppen. Berlin: Gebr. Mann, 1998. 187 p.

Talbot Rice T. Animal combat scenes in Byzantine art // Studies in memory of David Talbot Rice/ed. G. Robertson and G. Henderson. Edinburg: Edinburgh university press, 1975. P. 17 – 23.

Testini P. Il simbolismo degli animali nell'arte figurativa paleocristiana // L'uomo di fronte al mondo animale nell'alto medioevo. XXXI Settimana di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1985. P. 1107–1168.

Teteriatnikov N. The Frescoes of the Chapel of St. Basil in Cappadocia: Their date and context reconsidered // Cahiers archéologiques. № 40. Paris, 1992. P. 99–113.

Thierry N. Les églises rupestres // Arts de Cappadoce. Genève; Paris; Munich, 1971. P. 100–104.

Thierry N. Le culte de la croix dans l'empire byzantin du VII au X siècles dans ses rapports avec la guerre contre l'infidèle. Nouveaux témoignages archéologiques // Rivista di studi Byzantini e Slavi. Vol. 1. 1981. P. 205–228.

Thierry N. L'iconoclasme en Cappadoce d'après les sources archéologiques. Origines et modalités // Rayonnement Grec. Hommages à Charles Delvoye. Université Libre de Bruxelles, 1982. P. 391–393.

Thierry N. La croix en Cappadoce. Typologie et valeur representative // Le site monastique copte des Kellia. Sources historiques et explorations archéologiques. Actes du Colloque du Genève 13 au 15 août 1984. 1986. P. 201–203.

Thierry J.-M., Donabédian P. Les Arts arméniens. P.: Citadelles et Mazenod, 1987. 623 p.

Thierry J.-M. L'Arménie au Moyen Age. Les hommes et les monuments. Saint-Léger – Vauban: Zodiaque, 2000. 350 p.

Thierry N. La Cappadoce de l'Antiquité au Moyen Age. (Series: Bibliothèque de l'Antiquité Tardive 4). Turnhout: Brepols Publishers, 2002. 412 p.

Vaux R., de. Une Mosaïque Byzantine à Ma'in (Transjordanie) // Revue Biblique. 1938. P. 227–256.

Velmans, T., Alpagó Novello, A. Miroir de l'invisible, peintures murales et architecture de la Géorgie (VI–XV siècles). P.: Zodiaque, 1996. 295 p.

Velmans T., Korac V., Suput M. Bisanzio. Lo splendore dell'arte monumentale. Milano: Jaca Book, 1999. 528 p.

Vermeule C. Greek Funerary Animals. 450–300 B. C. // American Journal of Archaeology. 76. 1972. P. 49–59.

Wessel K., Restle M. Reallexikon zur Byzantinischen Kunst. Bd V: Kreuz bis Maltechnik. Stuttgart: Anton Hiersemann Verlag, 1995. 648 p.

Woysch-Méautis D. La représentation des animaux et des êtres fabuleux sur les monuments funéraires grecs. De l'époque archaïque à la fin du Ier siècle av. J. C. Lausanne: Bibliothèque historique vaudoise, 1982. 159 p.

Yildiz Otügen S. Konstantin IX. – “Soliman”, “Einzelkämpfer”, “Siegesbringer” und die “Unbesiegbare” Theotokos // *Medieval Mediterranean. Peoples, economies and cultures, 400–1453*. Vol. 33: Byzantine Constantinople. Monuments, Topography and Everyday Life / Ed. by N. Necipoğlu. Leiden; Boston; Köln, 2001. P. 175–179.

Досева И. Колоните «с възли». Опит за интерпретация // *Проблеми на изкуство*. 2003. № 2. P. 15–19.

<http://www.art-roman.net/ndport/ndport2.htm> (дата обращения – 28.01.2019).

http://www.vatican.va/archive/bible/nova_vulgata/documents/nova-vulgata_nt_evangel-matthaeum_lt.html#1 (дата обращения – 28.01.2019).

<http://utpictural8.univ-montp3.fr/GenerateurNotice.php?numnotice=A2450&tab=A2456-A2457-A2445-A2446-A2443-A2447-A2448-A2449-A2442-A2450-A2451-A2452-A2441-A2453-A2444-A2454-A0567-A2455> (дата обращения – 28.01.2019).

<https://anyha.org/drandatwy-anyha-dekor-afragmentkua/> (дата обращения – 28.01.2019).

URL: http://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/65498/1/Kavkaz_1846_N8.pdf (дата обращения – 20.05.2020).

URL: http://afon-abkhazia.ru/excursions/museum_abkhazian_kingdom/ (дата обращения 27.07. 2020).

Список иллюстраций

1. Прорисовка утерянного рельефа из цитадели на горе Анакопия (Латышев В. В. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря // Сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911. С. 189).

2. Рельеф с изображением льва. Музей Абхазского царства. Фото автора.

3. Рельеф с изображением рыбы. Музей Абхазского царства. Фото автора.

4. Рельеф с плетеным орнаментом и фрагментом процветшего креста. Музей Абхазского царства. Фото автора.

5. Рельеф с изображением процветшего креста. Музей Абхазского царства. Фото автора.

6. Рельеф с мальтийским крестом и кружочками на углах перекладин. Музей Абхазского царства. Фото автора.

7. Рельеф с изображением простого мальтийского креста. Фото автора на горе Анакопия.

8. Рельеф с изображением простого мальтийского креста. Фото автора на горе Анакопия.

9. Латинский крест на небольшой круглой подставке. Музей Абхазского царства. Фото автора.

10. Латинский крест под арочкой. Музей Абхазского царства. Фото автора.

11. Рельеф с изображением трех крестов под арочкой. Музей Абхазского царства. Фото автора.

12. Рельеф с изображением креста в венке. Музей Абхазского царства. Фото автора.

13. Плита с процарапанным крестом. Фото автора на горе Анакопия.

14. Рельеф с плетеным геометрическим орнаментом в виде колец большего и меньшего диаметра. Музей Абхазского царства. Фото автора.

15. Рельеф с гранью и с изображением плетеного геометрического орнамента в виде колец большего и меньшего диаметра. Музей Абхазского царства. Фото автора.

16. Фрагмент рельефа с плетеным орнаментом. Музей Абхазского царства. Фото автора.

17. Рельеф с плетеным геометрическим орнаментом. Музей Абхазского царства. Фото автора.

18. Рельеф с плетеным орнаментом. Музей Абхазского царства. Фото автора.

19. Рельеф скругляющейся формы с изображением плетеного орнамента. Музей Абхазского царства. Фото автора.

20. Плита с закруглением с изображением плетеного геометрического орнамента. Музей Абхазского царства. Фото автора.

21. Фрагмент рельефа с плетеным геометрическим орнаментом. Фото автора на горе Анакопия.

22. Плита с плетеным геометрическим орнаментом и скруглением. Музей Абхазского царства. Фото автора.

23. Рельеф с изображением переплетающихся колец небольшого диаметра. Музей Абхазского царства. Фото автора.

24. Рельеф с изображением кругов небольшого диаметра и петелек. Музей Абхазского царства. Фото автора.

25. Рельеф с плетеным геометрическим орнаментом в виде окружностей малого диаметра и окружностей малого диаметра с высверленным центром. Музей Абхазского царства. Фото автора.

26. Рельеф с изображением плетеного геометрического орнамента, составленного из кругов небольшого диаметра и кругов небольшого диаметра с высверленным центром. Музей Абхазского царства. Фото автора.

27. Рельеф с изображением плетеного геометрического орнамента, составленного из кругов небольшого размера и окружностей небольшого диаметра с высверленным центром. Музей Абхазского царства. Фото автора.

28. Фрагмент плиты с геометрическим орнаментом, составленным из кругов небольшого радиуса и окружностей небольшого диаметра с высверленным центром. Музей Абхазского царства. Фото автора.

29. Рельеф с изображением плетеного геометрического орнамента. Музей Абхазского царства. Фото автора.

30. Фрагмент полустертого рельефа. Фото автора на горе Анакопия.

31. Рельеф с изображением орнамента, состоящего из петелек небольшого диаметра. Фото автора на горе Анакопия.

32. Рельеф с орнаментом, составленным из петелек небольшого диаметра. Музей Абхазского царства. Фото автора.

33. Рельеф с изображением орнамента, составленного из петелек с высверленным центром. Фото автора на горе Анакопия.

34. Рельеф с изображением орнамента из переплетающихся петелек. Фото автора на горе Анакопия.

35. Плита со следами рельефа. Фото автора на горе Анакопия.

36. Рельеф с орнаментом из петелек «в сеточку». Музей Абхазского царства. Фото автора.

37. Плита с фрагментом орнамента. Музей Абхазского царства. Фото автора.

38. Рельеф с орнаментом из петелек. Музей Абхазского царства. Фото автора.

39. Плита с рельефом, составленным из квадратов и петелек. Музей Абхазского царства. Фото автора.

40. Рельеф с изображением кругов большого диаметра и ромбов. Музей Абхазского царства. Фото автора.

41. Рельеф с изображением орнамента из переплетающихся окружностей и ромбов. Музей Абхазского царства. Фото автора.

42. Рельеф с изображением орнамента из сплетающихся ромбов и окружностей большого диаметра. Музей Абхазского царства. Фото автора.

43. Рельеф с изображением орнамента из переплетающихся ромбов и окружностей большого диаметра. Музей Абхазского царства. Фото автора.

44. Рельеф с изображением орнамента, составленного из ромбов и окружностей. Музей Абхазского царства. Фото автора.

45. Фрагмент орнамента. Фото автора на горе Анакопия.

46. Рельеф с орнаментом в виде переплетающихся ромбов и окружностей. Музей Абхазского царства. Фото автора.

47. Фрагмент орнамента. Фото автора на горе Анакопия.

48. Рельеф с изображением переплетающихся окружностей и ромбов. Музей Абхазского царства. Фото автора.

49. Рельеф с орнаментом из ромбов. Музей Абхазского царства. Фото автора.

50. Рельеф с орнаментом из сплетенных кругов одинакового размера. Музей Абхазского царства. Фото автора.

51. Рельеф с изображением растительного орнамента. Музей Абхазского царства. Фото автора.

52. Фрагмент орнамента. Музей Абхазского царства. Фото автора.

53. Плита с изображением розетки. Музей Абхазского царства. Фото автора.

54. Фрагмент рельефа. Фото автора на горе Анакопия.

55. Фрагмент рельефа. Фото автора на горе Анакопия.

56. Фрагмент плиты с графьей. Фото автора на горе Анакопия.

57. Фрагмент рельефа. Музей Абхазского царства. Фото автора.

58. Фрагмент рельефа. Музей Абхазского царства. Фото автора.

59. Фрагмент рельефа. Музей Абхазского царства. Фото автора.

60. Рельеф с изображением арок и пилястры. Фото автора на горе Анакопия.
61. Плита с пазом. Фото автора на горе Анакопия.
62. Плита со строительным пазом. Фото автора на горе Анакопия.
63. Плита с пазом. Музей Абхазского царства. Фото автора.
64. Плита с валикообразным обрамлением. Музей Абхазского царства. Фото автора.
65. Плита с валикообразным обрамлением. Музей Абхазского царства. Фото автора.
66. Плита с валикообразным обрамлением. Музей Абхазского царства. Фото автора.
67. Плита с валикообразным обрамлением. Музей Абхазского царства. Фото автора.
68. Плита с валикообразным обрамлением. Музей Абхазского царства. Фото автора.
69. Фрагмент плиты с пазом. Фото автора на горе Анакопия.
70. Плита из облицовки портала *in situ*. Фото автора.
71. Плита из облицовки портала *in situ*. Фото автора.
72. Плита из облицовки портала *in situ*. Фото автора.
73. Фрагмент столбика. Фото автора на горе Анакопия.
74. Фрагмент плиты. Фото автора на горе Анакопия.
75. Плита. Музей Абхазского царства. Фото автора.
76. Плита. Музей Абхазского царства. Фото автора.
77. Плита. Музей Абхазского царства. Фото автора.
78. Плита. Музей Абхазского царства. Фото автора.
79. Плита. Музей Абхазского царства. Фото автора.
80. Плита. Музей Абхазского царства. Фото автора.
81. Плита. Фото автора на горе Анакопия.
82. Плита. Фото автора на горе Анакопия.
83. Плита. Фото автора на горе Анакопия.
84. Плита. Фото автора на горе Анакопия.
85. Фрагмент плиты со строительным пазом. Фото автора на горе Анакопия.

86. Фрагмент рельефа с крестом *in situ*. Фото автора на горе Анакопия.

87. Пояс с валикообразным обрамлением *in situ* на южном портале. Фото автора на горе Анакопия.

88. Утерянный рельеф из нижней церкви на горе Анакопия (Трапш М. М. Археологические раскопки в Анакопии в 1957–1958 гг. // Труды АБИЯЛИ. Т. 30. Сухуми, 1959. С. 104. Рис. 35).

89. Утерянный рельеф из нижней церкви на горе Анакопия (Трапш М. М. Археологические раскопки в Анакопии в 1957–1958 гг. // Труды АБИЯЛИ. Т. 30. Сухуми, 1959. С. 104. Рис. 35).

90. Крест в круге над южным входом в храм Симона Кананита. Фото автора.

91. Фрагмент алтарной преграды из Ачануа. Кация А. К. Памятники архитектуры в долине Цкуара // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. Табл. VIII.

92. Фрагмент алтарной преграды из Мсыгхуа. Кация А. К. Памятники архитектуры в долине Цкуара // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. Табл. VIII, 2.

93. Столбик алтарной преграды из Мсыгхуа. Кация А. К. Памятники архитектуры в долине Цкуара // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. Табл. VIII, 1.

94. Рельеф с крестом мальтийского типа с утолщениями круглой формы на углах перекладин и надписью. Фото автора.

95. Костяные резные пластины с растительным орнаментом. Фото автора.

96. Рельеф с крестом и зверями. Фото автора.

97. Рельеф с изображением двух птиц. Фото автора.

98. Фрагмент первой плиты из алтарной преграды церкви на холме Арасараху близ с. Октомбери (Цебельда). Фото автора.

99. Фрагмент первой плиты из алтарной преграды церкви на холме Арасараху близ с. Октомбери (Цебельда). Фото автора.

100. Фрагмент первой плиты из алтарной преграды церкви на холме Арасараху близ с. Октомбери (Цебельда). Фото автора.

101. Плита алтарной преграды из села Анухва с изображением св. Георгия. Фото автора.

102. Столбик алтарной преграды с витой полуколонкой. Фото автора.

103. Столбик алтарной преграды с витой полуколонкой. Фото автора.

104. Фрагмент постамента предалтарного креста (верхняя часть). Фото автора.

105. Плита со сценой Распятия. Фото автора.

106. Фрагмент постамента предалтарного креста (нижняя часть). Фото автора.

107. Архитектурная деталь с надписью на асомтаври. Фото автора с инвентарной карточки.

108. Архитектурная деталь из Дранды. Фото автора с инвентарной карточки.

109. Архитектурная деталь из Дранды. Фото автора с инвентарной карточки.

110. Архитектурная деталь из Дранды. Фото автора с инвентарной карточки.

111. Архитектурная деталь из Дранды. Фото автора с инвентарной карточки.

112. Архитектурная деталь из Дранды. Фото автора с инвентарной карточки.

113. Фрагмент архитектурной декорации (возможно, алтарной преграды) из Дранды. Фото автора с инвентарной карточки.

114. Архитектурная деталь из Дранды. Фото автора с инвентарной карточки.

115. Фрагмент надгробия с выемчатым орнаментом. Фото автора с инвентарной карточки.

116. Фрагмент алтарной преграды из Бамборы с надписью. Фото автора с инвентарной карточки.

117. Плита с изображением Сна Иосифа. Фото автора.

118. Фрагмент плиты с выемчатым орнаментом. Фото автора.
119. Плита с тремя крестами. Фото автора.
120. Плита с изображением креста в круге и вихревой розеткой. Фото автора.
121. Плита с изображением креста в круге и вихревой розеткой. Прорисовка. Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. III. Сухум, 2010. Т. III, С. 103 Рис. 40.
122. Плита с изображением розетки, цепи из окружностей, «Соломоновой печати». Фото автора.
123. Т. н. первая плита из Цебельды. *Medieval Georgian Ecclesiastical Art...* Р. 30.
124. Т. н. вторая плита из Цебельды. *Medieval Georgian Ecclesiastical Art...* Р. 31.
125. Плита из церкви на возвышенности Арасараху около села Октomberи. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894. Табл. VI.
126. Плита из церкви на возвышенности Арасараху около села Октomberи. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894. Табл. VI.
127. Плита с изображением рыб. Прорисовка. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Исследования средневековых памятников в Цебельде // Археологические открытия 1981–1982 гг. в Абхазии. АН ГССР, АБИЯЛИ. Тбилиси, 1985. С. 33. Табл. XXVI, 3.
128. Плита с изображением равноконечного креста в круге. Прорисовка. Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X века. Тбилиси, 1980. С. 33. Табл. XIX, 3.
129. Плита с изображением четырехлепестковой розетки в прямоугольном обрамлении. Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X века. Тбилиси, 1980. С. 35. Табл. XXII, 1.
130. Капитель с изображением быка, виноградной лозы, креста. Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X века. Тбилиси, 1980. С. 36. Табл. XXIII 1.

131. Фрагмент резной плиты с изображением всадника. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894. С. 20. Рис. 9.

132. Фрагмент плиты с изображением святителя. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894. С. 21. Рис. 11.

133. Фрагмент алтарной плиты с изображением литургии. *Medieval Georgian Ecclesiastical Art in the Georgian National Museum* / ed. by N. Burchuladze. Tbilisi, 2012. P. 38.

134. Резная плита с плетеным орнаментом. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894. С. 26. Рис. 15.

135. Фрагмент столбика, украшенный арочными мотивами. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894. С. 26. Рис. 16.

136. Фрагмент бочкообразной базы колонки. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894. С. 27. Рис. 18.

137. Фрагмент бочкообразной базы колонки. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894. С. 27. Рис. 17.

138. Кубик с фронтальной частью, украшенной плетеным геометрическим орнаментом. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894. С. 27. Рис. 19.

139. Кубик с фронтальной частью, украшенной плетеным геометрическим орнаментом. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894. С. 27. Рис. 20.

140. Кубик с фронтальной частью, украшенной плетеным геометрическим орнаментом. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894. С. 27. Рис. 21.

141. Кубик с фронтальной частью, украшенной плетеным геометрическим орнаментом. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894. С. 27. Рис. 22.

142. Кубик с фронтальной частью, украшенной плетеным геометрическим орнаментом. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894. С. 27. Рис. 23.

143. Кубик с фронтальной частью, украшенной плетеным геометрическим орнаментом. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894. С. 27. Рис. 24.

144. Фрагмент плиты с изображением благословляющего Христа и ангелов. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894. Табл. XII.

145. Фрагмент плиты с изображением Христа и Богородицы на фоне архитектурного пейзажа. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894. Табл. XII.

146. Фрагмент архитектурной декорации. Фото Г. Захарцева.

147. Фрагмент алтарной преграды с арочным мотивом. Фото Г. Захарцева.

148. Фрагмент со сноповидной капителью. Фото Г. Захарцева.

149. Фрагмент мраморного блока со стилизованным растительным орнаментом. Фото Г. Захарцева.

150. Фрагмент основания колонки с изображением пророка Ионы. Прорисовка Г. Захарцева.

151. Фрагмент основания колонки с изображением пророка Ионы. Фото Г. Захарцева.

152. Фрагмент основания колонки с изображением пророка Ионы. Фото Г. Захарцева.

153. Фрагмент основания колонки с изображением пророка Ионы. Фото Г. Захарцева.

154. Фрагмент с крылом ангела. Фото автора.
155. Фрагмент плиты с орнаментом. Фото автора.
156. Фрагмент с арочным мотивом. Фото автора.
157. Фрагмент со вдвоенными полуколонками. Фото автора.
158. Переиспользованный во внутренней облицовке собора блок с виноградной лозой. Фото автора.
159. Блок из внутренней облицовки северной стены собора. Фото автора.
160. Рельеф с изображением плетеного креста над входом в дьяконник. Фото автора.
161. Рельеф с изображением процветшего креста над входом в жертвенник. Фото автора.
162. Фрагмент рельефа с изображением переплетающихся ромбов. Фото автора.
163. Фрагмент рельефа с изображением переплетающихся петелек небольшого диаметра (типа сельджукская цепь). Фото автора.
164. Фрагмент рельефа с плетеным геометрическим орнаментом. Фото автора.
165. Фрагмент рельефа с плетеным геометрическим орнаментом. Фото автора.
166. Плита с врезанным изображением креста. Фото Н. Е. Гайдукова.
167. Капитель столбика алтарной преграды. Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. Калининград–Москва, 2018. С. 162. Рис. 288.
168. Фрагмент наружного обрамления плиты алтарной преграды с рельефным S-образным орнаментом. Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. Калининград–Москва, 2018. С. 162. Рис. 290.
169. Фрагмент базы столбика. Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архи-

тектура. Археология. Калининград–Москва, 2018. С. 162. Рис. 291, 292.

170. Плита с изображением процветшего креста. Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X вв. М., 2015. С. 161. 74.

171. Блок с геометрическим плетеным орнаментом. Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X вв. М., 2015. С. 153. 64.

172. Верхний наличник окна с изображением трех крестов. Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура VIII–X вв. в Абхазии. Тбилиси, 1988. Таб. 7.

173. Верхний наличник окна с витым жгутом. Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура VIII–X вв. в Абхазии. Тбилиси, 1988. Табл. 5.

174. Фрагмент верхнего наличника окна с полудугой, составленной из витого жгута. Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура VIII–X вв. в Абхазии. Тбилиси, 1988. Табл. 7.

175. Фрагмент резного блока с плетеным геометрическим орнаментом. Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура VIII–X вв. в Абхазии. Тбилиси, 1988. Табл. 9.

176. Верхний наличник окна с лентой с закручивающимися концами. Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура VIII–X вв. в Абхазии. Тбилиси, 1988. Табл. 6.

177. Резное обрамление окна. Кация А. К. Илори. Тбилиси, 1963. Табл. XII.

178. Капитель–импост с изображением креста и растительного орнамента в трапецевидных рамках. Фото автора.

179. Коринфская капитель. Khroushkova L. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkakhie IV–XIV siècles. Turnhout, 2006. Pl. 107 a.

180. Капитель с растительным орнаментом. Khroushkova L. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkakhie IV–XIV siècles. Turnhout, 2006. Pl. 107 b.

181. Белокаменная деталь. Фото автора.
182. Фрагмент архитектурной декорации над окном на восточном фасаде и над окнами западного фасада. Шервашидзе Л. А. Цкелкари (Ацкар) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. 41. Табл. 1. 1.
183. Фрагмент плиты алтарной преграды. Фото Г. Захарцева.
184. Фрагмент плиты алтарной преграды. Фото автора.
185. Фрагмент плиты алтарной преграды. Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. Калининград–Москва, 2018. С. 327. Рис. 521.
186. Архитравный камень с резным изображением двух животных. Фото автора.
187. Капитель колонки. Микеладзе Т. К. Пицундская двухапсидная церковь // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Т. 2. Тбилиси, 1963. Табл. IV. 2.
188. Капитель колонки. Микеладзе Т. К. Пицундская двухапсидная церковь // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Т. 2. Тбилиси, 1963. Табл. IV. 1.
189. Капитель колонки. Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. Калининград–Москва, 2018. С. 115. Рис. 154.
190. Плита с изображением креста в круге. Khroushkova L. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkhazie IV–XIV siècles. Turnhout, 2006. Pl. 67 c.
191. Резной фрагмент верхней балки темплона. Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов В. В. Христианский храм в с. Веселое под Сочи // Институт археологии. Новые экспедиционные проекты. М., 2015. С. 76.
192. Фрагмент предполагаемого столбика с орнаментом в форме «гераклова узла». Фото Гао-бен-чи.
193. Фрагмент с изображением плетеного геометрического орнамента. Овчинникова Б. Б. Об архитектурно-строительных особенностях храма в поселке Лоо (г. Сочи) // Античная древность и средние века. 2011. Вып. 40. С. 381. Рис. 5. 2.

194. Фрагмент резного блока с плетеным геометрическим орнаментом. Фото Гао-бен-чи.

195. Блок с антропоморфным изображением. Овчинникова Б. Б. Об архитектурно-строительных особенностях храма в поселке Лоо (г. Сочи) // *Античная древность и средние века*. 2011. Вып. 40. С. 381. Рис. 5. 1.

196. Фрагмент с плетеным геометрическим орнаментом в виде четырехконечной розетки и круга. Хрушкова Л. Г. *Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология*. Калининград–Москва, 2018. С. 372. Рис. 590.

197. Блок с S-образным орнаментом. Фото Гао-бен-чи.

Список сокращений

АБИГИ – Абхазский институт гуманитарных исследований
АБИЯЛИ – Абхазский институт языка и литературы
АБНО – Абхазское научное общество
АГМ – Абхазский государственный музей
ВВ – Византийский временник
ВГМГ – Вестник Государственного музея Грузии им. С. Н. Джа-
нашиа
ИАК – Известия археологической комиссии
ИАНО – Известия Абхазского научного общества
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МАК – Материалы по археологии Кавказа
МАО – Московское археологическое общество
ПАИГ – Полевые археологические исследования Грузии
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
САНГ – Сообщения Академии наук Грузии
ЦГАА – Центральный государственный архив Абхазии
DOP – Dumbarton Oaks Papers
SEG – Supplementum epigraphicum graecum

Summary

Architectural decoration in Abkhazia in the period of the Abkhazian kingdom (8–11 centuries)

The research focuses on the architectural decoration of the Christian churches that could be dated by the period of the Abkhazian kingdom. Some new artefacts that have not been known before are published. Some scenes that are represented on the above-mentioned artefacts are identified. Their publication and the iconographical analogies enrich the history of the development of some subjects in the artistic culture of the Middle Ages. These scenes are inscribed not only in the artistic context of the Transcaucasia and the Byzantine empire of the 8–11 centuries but also of the Roman art of the Western Europe.

Complex analyze of some reliefs helps to correct their date. They are no more dated by the paleochristian period but by the period of the Abkhazian kingdom (8–11 centuries).

Some tendencies in the development of the architectural decoration of the Abkhazian kingdom are for the first time analyzed. The reliefs are systemized, they are divided into several groups according to their iconographical and stylistic particularities. For each group the possible artistic sources and the regions that could influence their appearance are revealed.

For example, the reliefs from the lapidary collection that were gathered in the church of the Holy Theodore on Anacopia mountain (representations of crosses and three reliefs with the zoomorphic images) can be referred to the period of the Abkhazian kingdom, precisely between the middle of the X and the first half of the XI centuries. The other group of reliefs which from stylistic and iconographic point of view is close to the Ancopia's one is from Mramba church (two birds, cross and bird, fishes) and from Sukhum

mountain (bull and lion at the cross). It can therefore be referred to the middle of the X – first half of the XI centuries.

Contrary, most of the reliefs which are dispersed around the cathedral in Agu-Bedia village couldn't be dated by the period of the Abkhazian kingdom but more probably by the period of its reconstruction in the XIV century. Only the reliefs which are reused in the interior of the cathedral as well as the carved blocs above the entrance to credence and to the diaconicon could be referred to the period of the Abkhazian kingdom (end of the X century).

The capitals of the columns inside the church in Mokva village can be dated by the Xth century not by the paleochristian one as it was thought before.

The limestone fragment of the altar barrier that was discovered during researches in Kiachanichabaa church (summer 2016) can also be dated by the X century as well as the very church.

Relief with the image of the cross and the vine grapes which was found near the church in Kulamba village should also be referred to the period of the Abkhazian kingdom (beginning of the XI century) not to the paleochristian period.

Besides the relief which was discovered in the funds of the Abkhazian State Museum in 2008 with the image of one man who pulls the beard of the other one can be dated by the end of X – beginning XI centuries. The scene can be identified as the illustration of Joseph's dream. This identification is due to the iconographical parallel on the capital of the church Notre-Dame-du-port in Clermont-Ferrand (France).

The base of the column with the representation of the rear scene Jonas devoured by the sea monster can also be referred to the X century.

As a result of the above-mentioned stylistic and iconographic findings, the reliefs of the period of the Abkhazian kingdom can be divided into several groups. To the first group can be referred the artefacts with the most refined technic and multfigured anthropomorphic compositions (plates from Olginskoje village,

from Dranda church, from Ahukhva village, plate with the image of Joseph's dream). Among the analogies to those monuments are the artefacts from some regions of the Byzantine empire (Constantinople, Greece) as well as from the Roman France.

To the second group can be referred the monuments with zoomorphic images which are made in primitive plate graphic manner (plates from Anacopia mountain, from Mramba village, from Veseloje village, possibly from Laskendar mountain). Among the iconographical and stylistic parallels to the group are the images from Cappadocia and reliefs from Kudaro in South Ossetia.

Numerous artefacts of the third group are decorated with the various types of the geometric braid ornaments. Resemble ornaments were widespread on the territory of the Byzantine empire including Greece, Asia Minor (up to Balkans and Kiev Russia) during the ruling of the Macedonian dynasty.

As a result one can confess that the art of the Abkhazian kingdom (judging by the architectural decoration) is an interesting artistic phenomenon that was influenced by different neighboring regions. Among the most important contacts were the interrelations with the Byzantine empire. The influence of the Byzantine empire was not homogenous. The important contacts were with the Greece and Cappadocia. In some cases the influence of Constantinople that can originate to the Hellenistic and paleochristian sources is evident.

Besides, the architectural decoration of the Abkhazian kingdom can be associated to some examples from the Romanesque art. The local artistic traditions as well as the contacts with the Transcaucasia were also very important.

Содержание

Предисловие	3
Глава 1. К истории вопроса.....	5
Исследования и труды археологов	5
Раннехристианские или средневековые?	24
Глава 2. Крупные лапидарные коллекции.....	32
Каменные рельефы с горы Анакопия и окрестностей ..	32
Церковь св. Феодора	32
Нижняя церковь	185
Храм Симона Кананита	187
Анухва	189
Ачануа	190
Мсыгхуа	191
Каменные рельефы из коллекции Абхазского государственного музея и из хранилища бывшего Государственного управления охраны историко- культурного наследия Республики Абхазия	194
Рельефы из современной экспозиции Абхазского государственного музея (по состоянию на 2018 г.)	196
Рельефы из фондов Абхазского государственного музея	209
Рельефы из хранилища бывшего Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия	224
Рельефы из долины Цебельды и ее окрестностей	228
Церковь на возвышенности Арасараху около села Октombeри (Вороновская)	228
Церковь в Мрамбе	233
Цибил	244
Церковь у села Ольгинское	245

Церковь близ села Полтавское	248
Лапидарная коллекция из церкви в селе Дранда	256
Рельефы из собрания Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии	260
Фрагменты, собранные в нартексе Успенского собора в селе Дранда	267
Лапидарная коллекция из храмового комплекса в окрестностях села Агу-Бедиа	270
Глава 3. Одиночные рельефы, происходящие из различных церквей на территории Абхазии	292
Западная Абхазия	292
Пшоухва	292
Центральная Абхазия	294
Церковь в себе Хуап	294
Церковь в селе Лыхны	295
Храмовый комплекс на Бамборском мысу	299
Храм в Мюссере	302
Храм в Бзыбской крепости	304
Восточная Абхазия	309
Церковь в селе Илори	309
Собор в Мокве	310
Храм Киач Аныхабаа	315
Ацкар (Цкелкар)	320
Церковь в крепости Герзеул	322
Церковь близ поселка Куламба	323
Церкви со спорной датировкой	325
Храм на горе Лашкендар	325
Храм № 5 в Пицунде	331
Церковь № 3 в селе Алахадзы	335
Глава 4. Памятники периода Абхазского царства на территории современного Сочинского района Краснодарского края	339
Церковь в селе Веселое	339
Церковь в окрестностях Лоо	344

Храм на горе Малый Ахун	351
Глава 5. Архитектурная пластика Абхазии в других районах Абхазского царства	353
Глава 6. Основные тенденции в развитии каменной пластики на территории Абхазского царства	363
Приложение. Очерк по истории Абхазского царства	372
Список использованной литературы	378
Список иллюстраций	411
Список сокращений	425
Summary	426

Научное издание

ЕНДОЛЬЦЕВА Екатерина Юрьевна

**АРХИТЕКТУРНАЯ ПЛАСТИКА
АБХАЗИИ В ПЕРИОД
АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА
(VIII—XI вв.)**

*Редактор Н. А. Сидоркина
Корректор Н. А. Сидоркина
Дизайн обложки Н. Я. Быкова
Верстка Н. Я. Быкова*

Подписано 11.08.2020
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 27,0. Уч.-изд. л. 17,8
Тираж 500 экз. Зак. № 426.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5
Тел: 8 (495) 322 38 31
www.t8print.ru